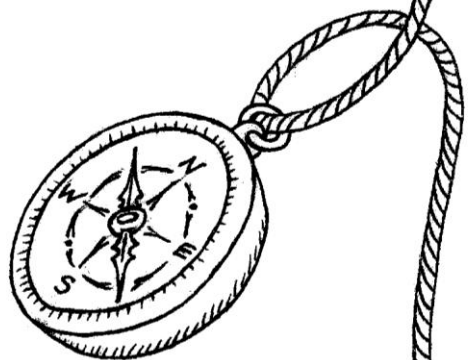

КНИГА О ДОБРОТЕ

Кротова Е.У.

ББК 84(2 Рос-Рус)6

К85

УДК 910.4(5-014)

Иллюстрации и дизайн обложки: Крылова Е.И.

Крылова Е.И.

К85 Книга о Доброте: Трэвелог. / Ил. Крылова Е.И. –
Новосибирск, 2016. – 540 с.

Есть на свете вещи, о которых в книгах не прочтёшь. А если и прочтёшь, то не поймёшь по-настоящему. Собственный опыт – единственный путь к их постижению. Можно ли передать словами суть человеческой доброты? Можно ли поверить на слово в то, что чудеса так же естественны для этого мира, как дождь, ветер, солнце? Я хочу поделиться с вами своим опытом, хотя и понимаю, что это невозможно сделать через книгу. Вы прочтёте в ней лишь то, что знаете сами. В остальное вы, может быть, и не поверите. Но все события и персонажи этой книги реальны, всё, описанное в ней, происходило на самом деле...

УДК 910.4(5-014)

ББК 84(2 Рос-Рус)6

© Крылова Елена Игоревна, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	1
Глава 1. НАЧНЁМ НЕ СНАЧАЛА	3
Глава 2. ВЫСОКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС И МОРАЛЬ	17
Глава 3. КАМБОДЖИЙСКИЕ БУДНИ	26
Глава 4. АНГКОР ВАТ	42
Глава 5. СКВОЗЬ БЮРОКРАТИЧЕСКИЕ ТЕРНИИ	61
Глава 6. КОРОЛЕВСТВО ТАИЛАНД	84
Глава 7. СТОЛИЧНЫЕ ЖИТЕЛИ	94
Глава 8. АВТОАВТОСТОП	107
Глава 9. ВОЙНА И ВОИНЫ	125
Глава 10. ЭТО ВАМ НЕ КОРОЛЕВСТВО	136
Глава 11. ИДЁМ НА ВОСТОК!	159
Глава 12. ЦЕРКОВЬ СВЯТОГО ТОМАСА	182
Глава 13. ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОДНОГО КОНТИНЕНТА	213
Глава 14. О СУМАТРАНЦАХ	235
Глава 15. МОЖНО ЛИ БЫЛО ОСТАТЬСЯ В РАЮ?	253
Глава 16. СТУДЕНТЫ, ВУЛКАНЫ И ДОЛЬМЭНЫ ОСТРОВА ЯВА	281
Глава 17. ПЯТЬ ЛЕТ ТЮРЬМЫ???	305
Глава 18. И СНОВА МАЛАЙЗИЯ	329
Глава 19. ЧЕРРИ, АОМ И ИХ НОВЫЙ ДОМ	350
Глава 20. ЕДИНСТВЕННО ПРАВИЛЬНЫЙ ПУТЬ	369
Глава 21. ЛОХОТРОН ПО-БИРМАНСКИ	374
Глава 22. ТИБЕТ И ЕГО МОНАХИ	391
Глава 23. В ПУСТЫНЕ	412
Глава 24. А МЫ ВСЁ ЕЩЁ В ПУТИ	429
Глава 25. ПОСЛЕДНЯЯ	443
ПРИЛОЖЕНИЕ: МОЙ ПУТЕВОЙ ДНЕВНИК	447

ПРЕДИСЛОВИЕ

О молодость! молодость! тебе нет ни до чего дела, ты как будто бы обладаешь всеми сокровищами вселенной, даже грусть тебя тешит, даже печаль тебе к лицу, ты самоуверенна и дерзка, ты говоришь: я одна живу — смотрите! а у самой дни бегут и исчезают без следа и без счета, и всё в тебе исчезает, как воск на солнце, как снег... И, может быть, вся тайна твоей прелести состоит не в возможности всё сделать, а в возможности думать, что ты всё сделаешь...

И.С. Тургенев, «Первая любовь»

Юность — страшная вещь. Даже когда за правое дело бросается в огонь, она и тут бывает страшна, потому как не понимает же, не понимает ни черта!

Владимир Дудинцев, «Белые одежды»

Книгу, которую вы держите в руках, я начала писать в 2007 году во Вьетнаме. В марте 2011 вышло первое её издание, в июне 2012 – второе, исправленное. Общий тираж двух изданий – пять экземпляров.

Разумеется, эти экземпляры в первую очередь достались родственникам и друзьям, а потому критики в свой адрес я не слышала. Те, кому текст не понравился, вежливо отмалчивались. Но годы шли, и мой взгляд на «Книгу о Добrote» изменился, как меняется взгляд десятилетнего ребёнка на собственные рисунки пятилетней давности: «Каракули!» – именуют они плоды своего творчества. «Каракули! Многословные каракули!» – воскликнула я, перечитав в 2013 году собственную писанину. Взявшись за подготовку третьего издания, я решила удалить из текста излишнюю

болтовню своей юности, увеличив концентрацию смысла. Но что есть смысл? Один рецензент сказал мне: «Эта книга не о доброте, а о том, как выпрашивать деньги». В словах другого слышался упрёк: «Вам постоянно Господь помогал, и где хоть одно «спасибо» Иисусу?». По мнению третьего, приложение интереснее самой книги, которая, к слову, даже в первой редакции очень нравилась моей маме.

Смысл – слишком неоднозначное понятие. Как увеличить концентрацию вкуса в торте, испечённом для многих? Одни любят шоколад, другие предпочитают изюм, третьи, напротив, изюм выковыривают, складывая его на край блюбочка. Женщина-христианка, например, избавилась от всего изюма моей благодарности к Богу, только потому, что не увидела на нём крестиков. В общем, как ни старалась, я не смогла сократить текст. В первую очередь потому, что фундаментом ему служит доброта реальных людей, а я хочу жить в мире, в котором помнят о доброте. И эта книга – мой скромный вклад в его формирование. Не относитесь к тексту слишком серьёзно – я просто хочу рассказать вам одну историю. Историю двух путешественников, решивших отправиться вокруг света без денег.

Рецепт прежний, форма – новая. Третий торт «Книги о Доброте» испечён, и я угощаю им вас. Что от него отрезать, а что добавить – вам решать...

Глава 1. НАЧНЁМ НЕ СНАЧАЛА

*Если тебе знакомо ощущение
неопределённости, значит, ты на
верном пути, – не отступай от него.*

*Дипак Чопра,
«Семь Духовных Законов Успеха»*

*Полной ясности не будет никогда. Не жди
её, привыкай действовать в условиях
частичной неопределённости.*

*Серкин Владимир,
«Хохот шамана»*

Социалистическая Республика Вьетнам
Cộng Hòa Xã Hội Chủ Nghĩa Việt Nam

Сегодня у нас очередной юбилей – ровно четыре месяца в пути. В открытое окно автомобиля врывается свежий морской воздух, смешанный с выхлопными газами обгоняемых нами мотобайков. Мы едем по автостраде сквозь маленькие однообразные вьетнамские города. Я сижу на заднем сидении, обняв свой выцветший рюкзак, и смотрю в окно.

Надо же, всего две недели назад я попрощалась с жизнью... Думала, уже никогда не встану... Я почти не помню, что происходило вокруг меня в то время. Помню Диму. Монахов в оранжевых одеждах. Море. Помню пустоту в душе и осколки моей старой личности, парящие в этой пустоте. Кто я? Всего четыре месяца назад у меня были ответы на этот вопрос: я – инженер-конструктор, я – учительница, я – христианка... Все они, один за другим, растаяли, как миражи; растворились в реальности и исчезли. Я понятия не имею, кто такие инженеры, учителя и христиане. Я вообще ничего не знаю о мире. Моя Вселенная состоит лишь из этой машины, этой дороги,

этого Вьетнама за окном, этого вечно длящегося плавного изгиба дороги...

Из-за поворота выплыл высокий холм. На его зелёной вершине краснело, притягивая взгляд, древнее строение, изяществом своей архитектуры напоминавшее храм.

– Извините, вы случайно не знаете, что это такое? – спросила я по-английски у водителя.

– Это... это... – он отпустил руль, очертил контур храма в воздухе, виновато улыбнулся и пожал плечами.

– А-а-а, понимаю. – Я, по привычке, перевела Диме содержательный диалог: «Что это? – Не знаю».

– Эх, посмотреть бы на это строение поближе... Может, даже палатку там поставить удастся. – Дима высказал вслух мои мысли. Мы решили выйти где-нибудь поблизости, но судьба вновь оказалась сообразительнее нас. В ту же минуту водитель остановился, сообщив, что дальше нам не по пути.

До заката оставалось часа полтора. Этого времени обычно хватало либо на то, чтобы приготовить еду, либо на то, чтобы найти ночлег. Сегодня мы решили сделать ставку на ужин, а с ночлегом как-нибудь само образуется. Пока искали рынок, снова встретили на шиномонтажке нашего водителя. Только сейчас он заметил, что у Димы нет обуви.

– Почему босиком? – спросил он.

– У нас на той неделе кроссовки украли. Мои, дырявые, почти без подошвы, далеко не унесли, а вот Димины – забрали. С тех пор он босиком ходит, – ответила я.

– Я не понял. Мой английский совсем плохой. Нужно обувь! – водитель показал на шлёпанцы стоявшего рядом рабочего, и спросил Диму:

– Хочешь эту обувь?

– Хочешь шлёпанцы? – перевела я вопрос Диме.

– Лен, ты же знаешь, они мне ноги натирают, – отве-

тил он.

– Хочет, – перевела я водителю.

Водитель протянул рабочему какую-то купюру, и тот, широко улыбаясь, снял свои шлёпанцы и передал их Диме.

Мы вернулись к поискам еды, но, обойдя весь ближайший квартал, купить смогли лишь пучок вигны (это такая длинная зелёная фасоль) и пару луковиц. Ещё через квартал мы нашли пустую кафешку, на кухне которой, вскоре, я уже жарила вигну с луком. Хозяйка кафе не знала английского, но, присмотревшись к Диминым впалым щекам, дополнила наш ужин своими продуктами. Когда мы закончили трапезу и упаковали рюкзаки, она, не произнеся ни слова, пожелала нам счастливого пути. Как красноречиво бывает молчание! Тысячи раз мы уходили навсегда, не добрав достойных слов прощания. На пороге этого кафе я впервые почувствовала, что в одном взгляде может быть больше смысла, чем в тысяче слов.

– Ты почувствовал это "счастливого пути?" – задумчиво спросила я, безуспешно пытаюсь поймать ритм широких Диминых шагов.

– Конечно.

– Но как? Один взгляд, улыбка, жест, и я готова написать поэму про это короткое прощание. Хотя мне, пожалуй, и тысячи слов не хватит, чтобы описать его.

– Зачем тогда взялась книгу писать?

– Ну надо же хоть как-то передать то, что происходит. Хотя бы словами. Повсюду каждый день нас окружают чудеса, и я хочу рассказать людям об этом. Таким сокровищем нельзя не поделиться... Но как ЭТО описать, как выразить?

– Вырази взглядом, улыбкой, жестом. Ты не хуже меня знаешь, что ЭТО – не выразить словами. То, о чём ты говоришь – сама жизнь. Как можно набором из 33-х букв описать жизнь? Даже если можно – какой прок голодному от

того, что ты ему красочно опишешь яблоко?

– Прок будет, если я напишу, где растёт яблоня...

– Хэллоу! – прервала нашу беседу девушка, ехавшая на велосипеде так медленно, что мы её обогнали.

– Хэллоу! – ответила я, лучезарно улыбаясь.

Мысль была потеряна, и мы молча продолжили шагать к холму с храмом, возвышавшемуся над городом. Девушка поехала следом за нами. Когда у подножия храма показалась билетная касса, наша спутница жестами велела нам сойти с дороги и дальше подниматься по еле заметной тропе, петлявшей между зарослями кустарника. Оставив велосипед, она пошла с нами.

Храм представлял собой высокое кирпичное здание с основанием примерно 12x12 метров, украшенное серыми барельефами, заросшими лишайником. Обточенные дождями и ветром кирпичи были столь плотно подогнаны, что их границы выдавал лишь цвет обожжённой глины, менявшийся от красно-оранжевого к жёлто-серому. Девушка провела нас внутрь храма и уверенно открыла скрипучую, грубо сваренную решётку – вход в главный зал, уже давно, судя по запаху, заселённый колонией летучих мышей. Окон в храме не было, так что пришлось зажечь свечку. Вся романтика тут же исчезла – изнутри «храм» походил на классический постперестроечный подъезд городской многоэтажки. Стены исписаны чёрным баллончиком и маркерами, повсюду подпалины от спичек и зажигалок, а поверх всего – нацарапанные на древней штукатурке номера мобильных телефонов и имена. Нехудожественно. На полу – толстый слой серого гуано, из которого в одном из углов торчит зелёная пластиковая бутылка. Где-то под потолком, там, куда не дотягивался свет свечи, шуршали крыльями и подозрительно попискивали летучие мыши. Не желая более оставаться в их компании, мы вышли из зала-подъезда, аккуратно за-

крыв за собой решётку...

Порыв тёплого ветра. Интересно, ценила бы я чудеса, если бы они не оттенялись завалами гуано? Если бы внутри этого храма мы обнаружили, например, сияющий Грааль? Или портал в другое измерение? Восхитили бы они меня так же, как этот порыв тёплого морского ветра? Живя в сказке, разве будешь всерьёз удивляться единорогам и драконам? Чтобы по-настоящему ценить чудо, нужно жить в той реальности, в которой чудеса хорошо спрятаны. Я только учусь искать их. Пока я лежала в бреду в монастыре, я выучила первый урок по обнаружению чудес – отказ от ожиданий. Ничто так не портит реальность, как завышенные ожидания. Так что, исследуя древние развалины, я была искренне готова к тому, что найду лишь камни.

Вокруг главного храма, утопая по крыши в пышной зелени, стояли три подобных строения вдвое меньшего размера. Гармоничные, пропорциональные, но совсем не загадочные.

Наша проводница подошла к ближайшему из маленьких храмов и примяла высокую траву под его стеной. Нашему взору открылись вырезанные в кладке горельефы, изображавшие мускулистых людей в юбках из листьев, чьи поднятые руки и высокие шевелюры упирались в небольшой декоративный карниз. Нигде прежде мы не видели ничего подобного, так что решили поставить палатку в маленьком храме, а завтра на рассвете, до прихода охранников, всё осмотреть

более тщательно. Мы скинули рюкзаки и сели любоваться небом. Солнце недавно скрылось за горизонтом, но сумерки в этих краях столь скоротечны, что после заката практически сразу наступает ночь. Половину чёрного неба укрывали облака, изредка вспыхивающие изнутри короткими рядами беззвучных молний, а вторая половина была усыпана яркими звёздами. На их фоне храмы выглядели грандиозно. Такой кадр нельзя упустить. Я установила штатив, и на 30-секундной выдержке сделала несколько фотографий главного храма. Ни одна из них не захватила молнию, поэтому фотографии получились слишком тёмными. Наша проводница с любопытством следила за моими действиями. Но вот молния сверкнула вовремя, и кадр удался. Я захватила фотоаппарат.

– А где вы будете спать? – спросила девушка жестами.

– Здесь, – ответили мы.

– Прямо здесь?

– Да.

– Ну, как знаете, – именно так мы перевели её пожатие плечами. – Тогда я пойду?

– Конечно, спасибо тебе большое.

– Не за что, это вам спасибо. Пока!

– Пока! – мы помахали ей на прощание руками и отправились ставить палатку.

Проснулись мы, по привычке, с рассветом, Дима пошёл делать зарядку, а я – фотографировать достопримечательности в лучах восходящего солнца. Много позднее я прочла в Интернете статью об этих храмах. Говорят, что им больше 1000 лет и эти красные кирпичи были сделаны из необожжённой глины. Ну-ну. Мой первый самодельный цветочный горшочек, неумело обожжённый в костре, стояв под снегом одну зиму, снова превратился в комок глины. Полагаю, что древние строители умели делать бетон

на глиняной основе... или кирпичи всё же обожжённые. Два факта не вызывали сомнений: первый – храмы простояли здесь не одну сотню лет; второй – будь сейчас живы идеалы их создателей, нам бы не наскучили штампованным образом сотни безликих городов планеты. Это мой личный прогресс – я смогла совместить благодарность забытым мастерам с бросанием камней в огороды архитекторов конца XX века. До знакомства с Димой, я никого не критиковала. Дима утверждает, что ещё полгода назад часто хвалил людей, но, увидев, с каким восторгом я встречала каждого, кто заговаривал с нами, как по десять раз повторяла «спасибо», как с улыбкой вела непринуждённые беседы с алкоголиками и мошенниками, он понял, что нужно что-то менять. Поменял он своё поведение – вообще перестал хвалить кого бы то ни было, и превратился в Мистера Скептика. Этот Мистер открывал для меня новую сторону жизни. В ответ на моё экстремально позитивное видение мира, он делал акцент на человеческих слабостях. Мистер Скептик уже четыре месяца ежедневно, если не ежечасно, смывал розовую краску с моих очков – учил собственными глазами видеть несовершенство. Я научилась. Теперь предстояло найти ответ на вопрос: как можно жить в таком безнадежном мире? Умных книжек под рукой не было, так что единственным источником ответа могла стать сама жизнь. И когда я осознанно попала на её урок, мне было 23 года, я находилась вдали от дома и не имела возможности реализовать свои способности, навыки, таланты. Только знание иностранных языков оказалось востребованным. Ни высшее образование, ни спортивные разряды не имели сейчас никакой ценности. Барахло в моём рюкзаке было единственным моим богатством, а Дима – моим единственным другом. Я сама отобрала у себя всё прочее, как забирают игрушки у ученика, если те мешают ему слушать слова учителя.

Итак, Вьетнам. Рассвет. Собрана палатка, упакованы спальники. У нас не так много вещей, чтобы позволить себе забывать их на стоянках, поэтому мы, как обычно, дважды всё осмотрели и лишь после этого вернулись на трассу. Маленькие придорожные кофейни уже открылись, но, так как время было раннее, почти все они были пусты. Не имея ни средств, ни желания для трёхразового питания, мы не смогли удержаться от чашечки горячего вьетнамского кофе. Что удивительно: в России ни я, ни Дима, напиток этот особо не жаловали, так как привыкли о нём думать в контексте «растворимый, гранулированный», и когда впервые нас угостили местным кофе, попробовать его решили просто из уважения к угощавшему (это был полицейский, у которого мы прожили трое суток во время тайфуна). Каково же было наше удивление, когда вместо жидкого, горьковато-кислого того, что мы привыкли называть «кофе», в маленькой чашечке оказался ароматнейший напиток с нежным кофейно-шоколадным вкусом, столь мягким, что, казалось, можно выпить цистерну такого кофе. Но предусмотрительные вьетнамцы разливают его по маленьким чашечкам, опасаясь, видимо, за запасы кофе в стране (на каждого по цистерне – кофе не напасёшься, посевные площади не позволяют)... Но это так, к слову...

Путешественники!
Не забывайте
осматривать место
стоянки, перед тем,
как её покинуть!

Уже дважды мы побывали на вьетнамском побережье, и очень хотели попасть на него ещё хотя бы раз, причём, желательно, в ненаселённом районе, с бананово-кокосовыми плантациями и источником пресной воды поблизости. Но, как говорилось в путеводителе, на днях прочитанном мною в витрине магазина для туристов, ненаселённые районы во Вьетнаме находятся только высоко в горах, что, к сожалению, исключает наличие побережья, бананов и кокосов одновременно. Привыкшие верить судьбе,

уверенные в своей удаче, мы пошли пешком из одного маленького городка в другой. Самым ненаселённым районом, до которого мы добрались к вечеру, оказались действующие каменоломни, на которые мы и пробрались, правда, со второго раза (охрана бдит!), нашли там отличное место для палатки и сели смотреть свежие фотографии на ноутбуке. На одной из фотографий кирпичного горельефа чётко выделялось лицо старой женщины на месте скола кирпича. Это нас озадачило – мы не помнили, чтобы оно было на горельефе. У Димы возникло подозрение, что мне удалось сфотографировать привидение. Приняли решение – на рассвете он отправится с фотоаппаратом обратно, посмотреть, есть ли на горельефе это лицо, или же оно присутствует только на фотографии. Вернулся он довольно скоро – пройдя около пяти километров лишь по одному из пересечённых нами вчера городов, он понял, что осточертевшие мотобайщики сведут его с ума раньше, чем он доберётся до храма. К тому же, день обещал быть жарким, а потому без запаса питьевой воды лучше никуда не ходить. Ладно, оставим эту загадку неразгаданной. Так интереснее.

По дороге в очередной безымянный городок нам попался на редкость настойчивый мотобайщик. На его стандартную фразу: «Motorbike – one dollar», и многократное тыканье пальцем в заднее сидение мотобайка, Дима ответил: «Backpack – one dollar», и аналогично потыкал пальцем в

свой рюкзак. Мотобайщик решил, что его не поняли, и несколько раз повторил название своего транспортного средства, показывая, что хочет подвезти нас «всего» за один доллар, а мы с Димой начали откровенно паясничать, разыграв целую сценку о том, как мы можем за ту же сумму подвезти его в рюкзаке. Парень решил, что мы не понимаем слово «доллар», вытащил из бумажника однодолларовую купюру и потряс ею перед моим носом, а я в ответ сняла шляпу и протянула её ему – для нас один доллар – это два килограмма репчатого лука или полтора килограмма гранатов. Но парень платить за просмотр спектакля отказался и отправился, наконец-то, восояси, оставив нас, хихикающих, с протянутой шляпой у обочины дороги.

От Хошимина нас отделяла ещё треть Вьетнама, идти пешком надоело, а города продолжали плавно перетекать один в другой, не оставляя нам места для автостопа. Решили стопить в черте города. Как всегда, на протянутую руку, в первую очередь, реагировали мотобайщики. Во вторую – таксисты. Именно поэтому мы, как правило, покидаем города пешком. После четырёх часов упорного вяленья на тропическом солнышке, мы, наконец-то, оказались в кондиционированном салоне автомобиля, водитель которого на мою фразу: «Нет денег», благородно ответил: «Не надо денег». С водителем ехали двое его друзей, один из которых неплохо говорил по-английски.

– А почему вы решили искать себя именно в путешествии? – спросил он после того, как я рассказала ему о целях нашего странствия.

– Потому что в городе мы себя не нашли. В пути найти себя гораздо проще, чем сидя на диване перед экраном телевизора. – ответила я.

– Зачем обязательно сидеть на диване? Можно же интересным делом заниматься. Найти себя в творчестве, в

работе... в семье, наконец...

– Можно. Не спорю. Но и работа, и семья, и, к сожалению, творчество в городских условиях привязывают тебя к системе – ты обязан платить за электроэнергию, горячую воду... А чтобы найти себя, необходимо научиться жить «здесь и сейчас». Но это не просто, особенно если завтра тебе нужно заплатить за квартиру, а зарплата только через неделю. Невозможно находиться «здесь и сейчас», постоянно планируя завтрашний день.

– А как иначе? Разве можно не планировать?

– Конечно, можно. В пути у тебя нет будущего. Есть только настоящее. Ты не тратишь время и силы на то, чтобы спланировать завтрашний день – его для тебя не существует. Я уверена, что можно не заботиться о завтрашнем дне и в городских условиях, но лично мне это не под силу. А сейчас – я понятия не имею, где буду завтра. И я не думаю о «завтра», так как знаю, что пережить его мне поможет только чудо.

– Стоит ли рисковать реальным завтрашним днём ради какого-то абстрактного «поиска себя»?

– А стоит ли всю свою реальную жизнь провести в заботе о каком-то абстрактном «завтрашнем дне»?

Философские разговоры идеальны для того, чтобы скоротать время – они могут длиться часами, не причиняя никакого ущерба ничьему мировоззрению. Результатом полторачасового диалога в машине стало то, что наш собеседник дал нам номер телефона своего друга, живущего в бывшем Сайгоне (ныне – Хошимин), и попросил водителя остановиться возле большого автобуса, в который грузили какие-то мешки (грузовые отделения уже были набиты до отказа, и мешки затаскивали в пассажирский салон, складывая в проходе). Узнав, что автобус идёт до Хошимина, англоговорящий парень купил нам два билета, не спрашивая, хо-

тим ли мы уже в Хошимин, или ещё поищем «наше» побережье. Пришлось пробраться в конец салона и, развалившись на мешках с зелёным луком, ожидать окончания погрузки. Поехали. Второй водитель автобуса, только что отработавший свою смену, подвесил в проходе гамак и лёг спать. Молодец.

Смотрим в окно, видим много пустырей и лесов, незастроенные километры побережья. Мелькает мысль – может выйти из автобуса, да отдохнуть где-нибудь здесь? Сразу же боковым зрением замечаю яркую вывеску придорожного кафе: «Сайгон». Всё понятно. Не нужно выходить, нам уже пора в Сайгон.

Приехали мы в город ночью, сначала полчаса на оптовом рынке рабочие гоняли нас с одного мешка на другой, чтобы разгрузиться, а ещё через полчаса водители знаками дали понять, что дальше автобус не поедет. Странно. На автовокзал не похоже, да и на город, честно говоря, тоже – ярко выраженный пригород. Но в нашем случае это не имело значения. Город, пригород, промышленные районы... Для путешественников с пустыми карманами все они одинаково негостеприимны. Наши бывшие попутчики, выйдя из автобуса, либо уходили вглубь тёмных улиц пешком, либо уезжали по единственной освещённой дороге на такси. А мы отправились исследовать окрестности. Хотелось найти ночлег и еду (за весь день мы съели только по два граната), но в придорожных кафешках цены заоблачные, ни кокосовых пальм, ни уютного леса, ни тихого парка не видно, а значит, про ужин можно забыть, как и про безмятежный сон. Походив туда-сюда, мы решили спать под мостом. Только забрались под него, сняли рюкзаки, стали решать, где разместить палатку, как к нам подошла девушка, вида вполне приличного (под мостами такие обычно не встречаются) и стала быстро говорить по-вьетнамски, показывая

куда-то на дорогу. Не понятно. Так и показали жестами: «Не понятно». Девушка ушла, приведя через минуту молодого человека, который по-английски сказал: «Я хочу пригласить вас в ближайшее кафе, вы не против?». Как мы могли отказаться? Девушка оказалась официанткой этого кафе, она заметила белых иностранцев, спускающихся под мост, и, сочтя это подозрительным, нашла среди посетителей кафе англоговорящего парня, с чьей помощью надеялась выяснить, кто мы, а парень оказался так добр, что увидев наши голодные физиономии, сразу решил угостить нас. Он заказал четыре тарелки супа, и пока мы их усердно опустошали, Цветочек (так звали нашего нового друга – Flower), выяснил у меня историю нашего путешествия, и решил помочь с ночлегом, сняв нам номер в гостинице. Правда, гостиницу пришлось искать довольно долго: время – час ночи, многие отели уже закрыли ворота и двери, и Цветочек со своим другом были вынуждены возить нас с Димой на мотобайках по всей округе.

Наутро, сытые, чистые и выспавшиеся, мы покинули гостиницу и пошли куда глаза глядят. Нас обгоняли, спеша по своим делам, люди. Им было куда торопиться, они могли куда-то опоздать, боялись что-то потерять... Мы же никуда не спешили. Всё наше имущество весило около двадцати килограммов, и отягощало лишь наши усталые плечи. Груз проблем, которые тащили на себе горожане, казался гораздо весомее. А ведь все они – восхитительные добрые люди, достойные счастья и свободы, чистого воздуха и здоровой пищи... Но городская жизнь заменяла их свободу на право «трудиться на благо общества» и возможность самостоятельно выбрать в супермаркете марку стирального порошка, цвет обоев в квартире, и одежду, фасон которой уже был определён мировыми брендами. И всем им вечно не хватало времени или денег. Единственное же, чего сейчас не хва-

тало нам – это пары кроссовок для Димы, потому что в шлёпанцах по джунглям не походишь, а города нам уже сильно поднадоели. Хотелось тишины и покоя, до которых можно добраться, лишь уйдя подальше от дороги. В поле моего зрения попала вывеска на английском языке: «Call Office» (переговорный пункт). Мы решили позвонить другу нашего вчерашнего знакомого. Своего телефона у нас не было, поэтому мы попросили один бесплатный звонок по городу в переговорном пункте, а его владелец в ответ протянул мне свой мобильник: «Если по городу, то так дешевле».

Друг пригласил нас приехать в центр Хошимина на автобусе, где, впоследствии, объяснил дорогу на Камбоджу, показал, где можно переночевать (центральный парк), и посоветовал оставить наши рюкзаки в камере хранения супермаркета, где за ними присмотрит охранник. Мы же в это время сможем побродить по округе в поисках дешёвых кроссовок. Кроссовки нашли превосходные; выбор, слава Богу, что надо – целая обувная улица. Палатку поставили посреди газона центрального парка, и, в результате, на рассвете были разбужены охранниками, которые не были согласны с другом нашего знакомого насчёт допустимости такого ночлега. Из города пешком выходить не хотелось. Во-первых, Хошимин – огромный город, и на это ушло бы слишком много времени. Во-вторых, количество мотобайщиков в нём просто невероятное – непрерывным потоком они едут по улицам, поражая разнообразием акцентов, с которыми произносится фраза «motorbike – one dollar». Мы сели на автобус, номер которого нам вчера подсказал друг знакомого, и через два часа вышли на дороге, ведущей в Камбоджу.

Возле автобусной остановки стояли ряды лотков заваленных свежей выпечкой. Мы, русские люди, привыкли к тому, что в булочной можно купить хлеб белый, чёрный,

ржаной, на сыворотке, на хмелевой закваске, баранку, лепёшку, рогалик... А вот у вьетнамцев фантазии хватило только на то, чтобы научиться лепить обычные французские батоны, маленькие французские батончики и большие французские батонища. Нет бы хоть одну булку в узел завязать – для разнообразия... Или какой-нибудь банан в неё закатать. Всё не так скучно будет. Хотя о чём это я... Вот у лаосцев даже на изменение масштаба французского батона воображения не хватило. Проведя в уме нехитрые математические расчёты, мы пришли к выводу, что по соотношению объём/цена, классические батоны – лучше всего. Ими и отоварились. К ним приобрели банку превосходной сгущёнки, какой, по мнению Димы, со времён СССР у нас уже не найти, и отправились в частный сектор искать лес, где можно поставить палатку. Лес не нашли, остановились в кустах напротив одного из участков. Пока не село солнце, прятались от посторонних взглядов в этих кустах, жуя булочки со сгущёнкой. Практика показала – чем лучше спрячешься, тем дольше удастся поспать. После заката как можно аккуратнее, чтобы не звякать металлическими дугами, поставили палатку, расстелили двухместный коврик, накрыли его сверхлёгкими спальниками, и погрузились в мир грёз...

Глава 2. ВЫСОКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС И МОРАЛЬ

Обнаружили нас только утром (хозяйева участка, напротив которого мы спали), сразу же пригласили в гости, и, пока мы угощались их чаем, а они нашим, к нам привезли англоговорящего дедушку, который, по его словам, двадцать лет по-английски не говорил. Стоит заметить, что общил он мне это на таком чистом языке, на каком не все учителя английского в России говорят. Оказалось, что в семидесятых годах дедушка служил в вертолётных войсках

США. Вьетнамец? В войсках США?

– Да, нас там много было. Вот, даже фотографии есть. Я, как в Калифорнию приехал, худенький был, год на их гамбургерах прожил, и 9 кг набрал. Кстати, есть хотите?

– Не откажемся.

– Мы с другом отвезём вас на мотобайках в кафе, а потом заедем ко мне в гости, сыну моему показать и внуку, потом заедем к старосте нашей деревни, он будет рад вас видеть, а потом – к моему другу, с дочкой его познакомить, ей разговорная английская практика очень пригодится.

– Э-э-э...

– Поехали!

Итак, мы объехали всю деревню, заехали к старосте, у которого друзья напились до состояния не вполне вменяемости, в результате чего они начали дикими голосами петь караоке на вьетнамском языке. Я, под всеобщее ликование и Димин тоскливый взгляд, спела “Let it be” Битлов, набрала 86 очков и получила звание SINGER, после чего нас, уже изрядно измотанных, повезли знакомить с дочкой друга. Девушка так смутилась при виде белых людей, что забыла весь английский язык, и так ничего, кроме “What’s your name?” за всё время нашего пребывания у неё в гостях, не сказала. Староста деревни и друг англоговорящего дедушки окончательно опьянели, чем очень нас огорчили. Не любим мы пьяных. Они заставляют усомниться в корректности названия нашего биологического вида – «Homo sapiens». «Sapiens», между прочим, переводится с латыни не только как «разумный», но и как «благоразумный, мудрый». Устав от весёлой компании, мы с Димой стали настаивать на том, чтобы поскорее забрать наши рюкзаки, и отправиться-таки в Камбоджу. В очередной раз выслушали лекцию о том, как опасно в Камбодже, как много там змей, скорпионов и террористов, что там война и визу не получить ни за что. Быв-

ший служащий вертолётных войск США признался, что он не пьян и во всём поддерживает нас, но люди, с которыми мы сидим за столом, имеют столь высокий социальный статус (его друг оказался начальником охраны округа), что просто встать и уйти мы не можем. Не можем, значит? Мы встали и ушли. Ушли в отвратительном настроении, потому что дедушка нам понравился, а вот то, что он боится быть самим собой в присутствии друзей-богачей, очень не понравилось. Делать то, что ожидают от тебя люди, пусть хоть трижды друзья и трижды богачи, вопреки тому, что по твоему мнению, отвечает законам морали – не просто глупо, но и по-настоящему аморально.

Мы шли вдоль шоссе, рассуждая о том, насколько, порой, человек зависим от мнения окружающих. И не какой-нибудь там абстрактный человек, о недостатках которого бывает так приятно побеседовать на кухне за чашечкой горячего чая, а вполне реальные личности – в данном случае – дедушка-вертолётчик и я, Лена Крылова. Почему, например, я рассказываю малознакомым людям о том, как меня как-то раз закрыли в клетке со львом? Очевидно, я хвастаюсь этим фактом, поскольку ценю их мнение о себе. Это мнение, как правило, выражается восклицанием: «Ух ты! Круто». Но иной слушатель скажет: «Это неоправданный риск». Я-то сама, что по этому поводу думаю? Круто это побывать с цирковым львом в одной клетке, или нет? Помоему, это бессмысленно. Так же бессмысленно, как мои прыжки с парашютом. Но тогда почему я об этом рассказываю? Где же в моих действиях настоящая Я? Как отличить своё мнение от общественного? Сосредоточенно копаясь в себе, мы, километр за километром, приближались к новой стране, в надежде уже сегодня пересечь границу. Не дошли. Ночь и дождь, начавшись одновременно, застали нас ещё в пригороде бесконечного Хошимина.

Мы присели под навесом закрытого дома, и стали наблюдать за транспортом, бессовестно нарушающим правила дорожного движения – не только мотобайщики, но и автомобили иногда неслись сквозь ночь по мокрой дороге по встречной полосе. Лихие ребята. Кстати, за пару дней до этого, мы стали свидетелями столкновения двух мотобайков лоб в лоб (никто, как ни странно, не пострадал), а буквально пять минут назад один мотобайщик-нарушитель едва не сбил меня. Мы с Димой шли вдоль многополосного шоссе по аварийной полосе, в надежде, что кто-нибудь из водителей сжалится над нами, бредущими под дождём, и подвезёт – а мотобайщик ехал по той же полосе против движения, поэтому, скрытый ночью и дождём, выскочил нам навстречу совершенно неожиданно. Уверена, что испугались мы с ним одинаково сильно, так как он едва не свалился с мотобайка, а я едва не запрыгнула вместе с десятикилограммовым рюкзаком на Диму. И тогда я сразу поняла, как отличить своё мнение от общественного: в момент опасности общественное одобрение теряет всякую значимость. Хочешь узнать кто ты есть на самом деле? Столкнись со смертью, она подскажет ответ. Ошарашенные, мы с Димой застыли на обочине, а мотобайщик мгновенно скрылся в ночи. Похоже, что все трое отделались испугом. Правда, не лёгким. Для реабилитации от этого испуга мы, собственно, и присели под навес вышеупомянутого закрытого дома. Через полчаса нами заинтересовалась хозяйка дома. Выглядывая из-за двери, она спросила на хорошем французском:

– Могу ли я чем-нибудь помочь вам?

– Нет, мадам, спасибо, мы просто отдыхаем, – ответила я.

– Может, отдохнёте внутри? В доме гораздо удобнее отдыхать, чем на пороге, – с этими словами она распахнула дверь и скрылась в сумраке комнаты.

Мокрые рюкзаки, обувь и шляпы остались в прихожей, а мы, вместе с хозяйкой, проследовали на кухню. Женщина усадила нас за стол и налила горячего чая.

– Ну, рассказывайте, – сказала она, и выжидательно посмотрела на Диму.

– Мы путешественники из России, странствуем... без денег... а Вы по-английски, случайно, не говорите? – спросила я, осознав, что не смогу рассказать всё по-французски.

– Говорю, – ответила женщина по-английски.

– Хорошо, а то мой французский совсем плох. Немецкий, конечно, ещё хуже...

– Вы говорите по-немецки?

– Немножко...

– Как хорошо! Мой младший сын учится в Хошимине, он отправил документы в университет в Германии, и ему вчера ответ пришёл, а мы с мужем совсем не знаем немецкого. Может, посмотрите, что там написано?

– Конечно, но я не уверена, что смогу хоть что-нибудь понять...

Хозяйка принесла стопку документов и положила их передо мной. Полистав первые страницы, я грустно вздохнула:

– Кроме местоимений, я не могу понять ни слова, извините. Но то, что ему прислали так много документов, означает, что это не отказ.

– Надеюсь, Вы правы... А почему Ваш мужчина молчит? – спросила она, глядя на задумчивого Диму, безмолвно сидящего за столом.

– Он не понимает, о чём мы говорим. Кроме русского и японского, который он знает так же, как я – немецкий, он не знает никаких языков.

– Жаль. А почему он такой грустный?

– Он не грустный, а задумчивый.

– Может, он кушать хочет? Подождите здесь, я сбегаю в магазин, принесу чего-нибудь поесть.

Женщина ушла в тёмный коридор, пошуршала плащом, вытаскиваемым из шкафа, и хлопнула входной дверью. Мы остались в доме одни. Барабанит по крыше тропический ливень, а мы сидим в тёплом и сухом доме, пьём горячий чай. Только после того, как переживёшь десяток тропических дождей, от которых некуда скрыться, ты начинаешь ценить крышу над головой. Счастье – такая доступная штука. Я прижала горячую кружку к щеке. Хорошо-то как... Входная дверь снова хлопнула, прошуршал по коридору плащ, и, откидывая с лица капюшон, хозяйка протянула мне два полиэтиленовых пакета с супом:

– Берите тарелки и ложки, кушайте, пока горячий, а я пойду, повешу плащ сушиться.

Мы вылили суп в тарелки. В чудесном овощном супе плавали несколько кусочков мяса. Жаль, я не сказала, что мы – вегетарианцы. Прости меня, неведомый зверёк, но раз ты оказался в моей тарелке, я буду вынуждена тебя съесть. Я с надеждой заглянула под стол. Может здесь есть кошка или собака, которым можно будет незаметно скормить мясо? Нет. Дима молча выловил овощи из супа и отодвинул от себя бульон с мясом.

– Дима, это неприлично. Она же ради нас на улицу в дождь бегала!

– Я не могу это есть. Могла бы сказать, что мы – вегетарианцы.

– Сам бы и сказал. Давай сюда, я доем.

В этот момент хозяйка вернулась, и, увидев, как я подвигаю к себе Димину тарелку, рассмеялась:

– Я тоже всегда доедаю за своим мужем, поэтому он у меня худенький, а я толстая!

– Женщина не может быть толстой, мы можем быть

пухленькими, не больше, – сказала я, и принялась за вторую порцию бульона, впервые за семь лет вегетарианства отправляя в рот кусочки мяса.

Где-то в глубине дома раздался скрип двери. «Это мой старший сын! Я позову его», – сказала хозяйка, и удалилась. Вернулась она с парнем лет двадцати пяти, и начала по-английски рассказывать ему, кто мы такие:

– Это путешественники из России, странствуют без денег, ... а больше я ничего о них не знаю.

– Мы планируем совершить кругосветное путешествие пешком и автостопом. В пути уже четыре месяца, – добавила я.

Парень сказал, что по сравнению с его жизнью, наша – очень интересная. Он держит интернет-кафе в пристройке этого дома. И живёт там же. Скучновато, но его устраивает. Получив приглашение воспользоваться его Интернетом, мы проследовали в пристройку, где между рядами столов с компьютерами лежала циновка с подушкой и тоненьким одеялом. Парень включил нам компьютер и вернулся в дом, а мы сели писать письма друзьям. Минут через десять хозяин интернет-кафе вернулся и с виноватым видом спросил:

– Простите, но не помешаю ли я вам, если лягу спать? Мне вставать завтра рано.

– Что Вы! Не мешаем ли мы Вам спать? Нам не так срочно нужен Интернет, мы можем уйти, – меня искренне удивил этот вопрос. Парень был слишком гостеприимен.

– Нет, нет, сидите, сколько хотите. Спокойной ночи, – он лёг на циновку, и закутался в одеяло.

В пристройку вошла хозяйка и, протягивая мне половинку очищенного ананаса, сказала:

– Ребята, мне очень жаль, но на десерт вам я нашла лишь одну половинку ананаса. Извините.

– Спасибо Вам огромное. Не извиняйтесь перед на-

ми, это мы должны просить прощения за то, что беспокоим вас с сыном в столь поздний час. Простите нас, пожалуйста, но только не извиняйтесь больше.

– Для нас удовольствие помогать вам. Я уже приготовила вам постель. Ваша комната – прямо напротив кухни. Если будет жарко, включите вентилятор. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи. Спасибо Вам...

Мы просидели в Интернете около часа – писали письма, читали новости. Я выключила компьютер и шёпотом, чтобы не разбудить сына хозяйки, сказала Диме:

– Они аномально вежливые. Я как-то неудобно себя чувствую, когда передо мной извиняются за то, за что извиняться должна я.

– Лена, ты делаешь то же самое. Ты не только извиняешься, но и постоянно говоришь «спасибо». Думаю, эти замечательные люди появились на нашем пути только ради того, чтобы ты посмотрела на себя со стороны.

– Не только. Ещё нам надо было поесть и выйти в Интернет. И как не сказать «спасибо» за такую помощь?

– Одно искреннее «спасибо», гораздо ценнее твоей формальной благодарности за каждую мелочь.

– За каждый подарок надо говорить «спасибо», – уверенно сказала я. – И моя благодарность – не формальная.

– Ну вот видишь, за каждое неудобство тебе говорят: «Извините», и ты недовольна. Думаешь, со «спасибо», всё иначе?

– Да. Иначе.

Подобные диалоги случались у нас с Димой достаточно часто. Мы были разными людьми и категорически не понимали друг друга во многих вопросах. Но как-то так получилось, что за всё время знакомства мы ещё ни разу не поругались. И на этот раз, оставшись каждый при своём мнении, мы на цыпочках покинули пристройку, и пошли

спать в отведённую нам комнату.

Утром приехал с дежурства муж хозяйки. Узнав, что мы уже собираемся покинуть его дом, он воскликнул: «Нет! Как вы можете уехать, не отведав кокоса с моей пальмы? Пойдёмте в сад, вы выберете кокос, и мы выпьем его в вашу честь!». Кокосовая пальма была совсем низенькая, её жёлтые плоды свисали гроздьями на уровне живота. Мы выбрали ближайший кокос, и хозяин лёгким движением руки сорвал увесистый гладкий шарик. При помощи мачете, он срубил с шарика крышку, и разлил содержимое по стаканам. В незрелом кокосе, оказывается, может содержаться около литра сока! Мы об этом узнали только в тропиках. Прежде, судя о кокосах по рекламе шоколадных батончиков «Баунти», мы думали, что они так и растут на пальмах лохматыми коричневыми шариками, и основная часть кокоса – это его мякоть. На самом деле, в этих широтах нет понятия «съесть кокос». Кокос можно только выпить.

Распив кокос, мы пошли собираться в путь. Закинув на спины рюкзаки, мы надели наши соломенные шляпы и приготовились прощаться, но хозяин, рассматривая здоровенную дыру в моём головном уборе, задумчиво спросил:

– Вы где эти шляпы взяли?

– Нашли. Мы же вдоль дороги идём. С мотобайщиков постоянно шляпы сдувает, а мы их подбираем, стираем и носим.

– Боже мой! Выкиньте их немедленно! Дорогая, где наши с тобой шляпы? – обратился он к жене по-английски.

Супруги вынесли нам свои шляпы – мне досталась бежевая шляпка с бантиком на лбу, а Диме – белая, со светло-зелёной каймой. Восхитительные шляпы!

Вот такие бывают люди.

В этот день мы, наконец, добрались до Вьетнамо-Камбоджийской границы, за которой, по мнению вьетнам-

цев, начинается гремучая смесь войны, змей и скорпионов. Но на деле, даже привычную полосу бюрократических препятствий преодолевать не пришлось: на оформление двух виз потребовалось пять минут и 40\$. С улицы не раздавалось ни пулемётных очередей, ни взрывов, змеи и скорпионы мирно паслись где-то в своих лесах, и под ноги бросаться не спешили. Из здания таможни, Камбоджа выглядела не такой уж и страшной.

Глава 3. КАМБОДЖИЙСКИЕ БУДНИ

Королевство Камбоджа

ព្រះរាជាណាចក្រកម្ពុជា

Бетонный лев с кудрявой гривой и выпученными глазами, улыбался нам двумя рядами острых зубов во всю свою необъятную пасть. Он стоял на высоком постаменте, молчаливо взирая на таксистов и менял, ведущих непринуждённую беседу у его лап. Менялы и таксисты радовали своей ненавязчивостью. Они были приветливы, и, так же как лев, дружелюбно улыбались. Мы обменяли все наши вьетнамские донги на местные риэли и отправились вглубь незнакомой страны. Справа от дороги выстроились рядами новеньких фасадов шикарные отели и казино. Слева через каждые триста метров возвышались самодельные кривые стеллажи, заставленные старыми бутылками из-под кока-колы. В бутылках сияло в лучах полуденного солнца топливо для мотобайков. Это местные автозаправки.

– Дим, давай в казино зайдём, наверняка, там по-английски кто-нибудь говорит.

– Ты хочешь проиграть наши последние десять долларов?

– Нет... Я хочу, чтобы нам надпись для водителей по-камбоджийски написали.

Дима усмехнулся. По-моему, он решил, что я опять не поняла его шутку. Хотя, если учесть, что в самом начале нашего знакомства, когда Дима с многозначительным видом изрёк: «Лишь одному факту я не нашёл пока разумного объяснения: почему самолёты летают, а крыльями не машут?», я начала излагать теорию крыла... Да, с чувством юмора у меня иногда бывают проблемы.

Мы попросили паренька, встречающего посетителей казино, написать в нашем потрёпанном блокнотике фразу на кхмерском (местном) языке: «Мы путешественники из России, едем вокруг света без денег, не могли бы вы подвезти нас?» Он, ничуть не удивившись, аккуратно вывел какие-то закорючки, и вернул блокнотик нам, пожелав счастливого пути.

Следующие четыре часа мы, изнывая от жары и духоты, шли вдоль дороги. Надежда на неожиданную материализацию комфортного леса с речкой, угасала с каждым шагом. Начало смеркаться. Мы, утомлённые длительным переходом, довольно голодные и разочарованные отсутствием леса, присели на лавочку под раскидистым деревом. Подарок судьбы, о котором так мечталось весь этот жаркий день, застал нас именно здесь. Тропический ливень. Сидим, мокнем. Вдруг, из ближайшей хижины вышел паренёк, и на хорошем английском пригласил нас поужинать с его семьёй. Что ж, лес подождёт. После ужина, нам предложили остаться на ночь, но в самой хижине свободного места не было – под её крышей проживали одиннадцать человек, три собаки, две кошки, три котёнка, неопределённое количество кур, и утка. Нас уложили спать на большом столе на веранде. На рассвете, без десяти шесть, увидев, что мы собираем рюкзаки, парень попросил нас сфотографироваться вместе с его семьёй – на память. Когда все его родственники, аккуратно причёсанные и одетые в парадные рубашки,

выстроились около нас в один ряд, оказалось, что у них нет фотоаппарата.

– Вы же хотели сфотографироваться на память, – недоумённо обратилась я к пареньку.

– На вашу память. Моей семье будет очень приятно знать, что у вас есть наша фотография. Снимите нас на вашу камеру.

Я установила камеру на штатив, Дима сгруппировал семью так, чтобы никто никого не заслонял, и отошёл на задний план, встав между женщинами, чьи макушки еле достигали уровня его плеч. Я вскоре присоединилась к нему. Когда сработал автоспуск, я посмотрела полученный кадр и обнаружила, что выражения лиц у камбоджийцев такие, как будто они на паспорт фотографируются. Пришлось всё повторить. Безуспешно. Никто не хотел улыбаться на камеру. Вот тебе и чудо фотографии. На снимке остаётся один единственный момент, выхваченный из бурного потока жизни. Ни в одной другой стране мы не встречали столько искренних улыбок, как в Камбодже, но хранятся они только в наших воспоминаниях. Видимо, это особенность искренних улыбок – они предназначаются не фотоаппарату, а человеку.

Мы поблагодарили всех за гостеприимство и отправились дальше, шагать по дороге, ведущей в столицу Камбоджи – город Пном-

На кхмерском языке Пномпень пишется так:

пень. Проходя мимо буддийской пагоды, я заметила того же льва, что приветствовал нас своей улыбкой на границе. Он сидел на бетонном постаменте возле ворот и так же очаровательно скалился. Во льва я влюбилась с первого взгляда, ещё на границе. Я сразу прозвала его «улыбчивый котик». Он охранял во-

рота пагод, гордо красовался перед редкими домами жилищных камбоджийцев, а возле мастерских, где делают декоративную плитку и статуи, улыбочивые коттики-близнецы стояли рядами, безмолвно взирая на прохожих своими одинаково выпученными глазами.

Чтобы попасть в столицу, нам предстояло пересечь реку Меконг, в которой, чуть больше месяца назад, мы купались выше по течению, посреди города Луангпхабанг в Лаосе. Моста через эту реку в Камбодже не было. Вместо него имелась паромная переправа. Таких переправ я ни до, ни после этого не видела нигде в мире. Началась она за несколько километров до реки бесконечной автомобильной пробкой. Вдоль дороги снуют продавцы жареного мяса, стоят лотки с водой и напитками, погружёнными в заполненные льдом пенопластовые коробки, всюду валяются полиэтиленовые пакетики, пластиковые трубочки, ложки и вилки и пенопластовые контейнеры из-под еды. Если покупатель приобретает любой напиток в лотке, продавец открывает бутылочку напитка, выливает содержимое в пакетик, насыпает туда колотый лёд и втыкает трубочку, после чего непременно перетягивает пакетик тоненькой резиночкой. Стекланные бутылки продавцы потом сдают, а пакетик, трубочку и резиночку покупатель, ввиду отсутствия чего-либо, похожего на мусорную корзину, после использования выкидывает прямо на дорогу. Аналогично с покупателями жареного мяса, которым их покупки достаются в пенопластовых контейнерах с базовым объёмом риса (других гарниров в Юго-Восточной Азии вообще не водится). Так как в очереди на паром водители автомобилей и их пассажиры простаивают, видимо, не один час, то, в конце концов, кто-нибудь из них соблазняется предлагаемым ассортиментом и, соответственно, вносит свою лепту в формирование по-

Луангпхабанг
по-лаосски:
ຫລວງພະບາງ

мойки вблизи переправы. Около километра мы прошли по щиколотку в мусоре. Интересно, почему бы покупателям-потребителям не забирать этот мусор с собой, ведь они за него заплатили! Заплатили производителям пенопласта и пластика, поставщикам, продавцам и государству (в виде налогов, которые продавец заплатил... или не заплатил?). Но ответственность за утилизацию своего мусора рядовой покупатель брать на себя не желает, и, в результате, глобальная помойка растёт и ширится с каждой секундой. Думаю, решением этой проблемы было бы наличие в каждой машине пары стаканов и пищевого контейнера – вышел со своей тарой, купил в неё содержимое, сел в машину, попил-поел, посуду протёр, на место положил...

Для нас, как вегетарианцев, преодоление этого рубежа стало двойной проблемой – жареное мясо так воняло, что не хотелось дышать (и, по моему мнению, наше вегетарианство здесь ни при чём, мясо на самом деле воняло отвратительно). А при виде детей, с аппетитом поглощающих оное, хотелось закрыть глаза и передвигаться на ощупь. Но не дышать не удавалось, а пробираться вслепую по помойке – чревато различными неприятностями, так что я шла до парома, дыша через раз, и глядя на окружающее прищуренным левым глазом. Не дожидаясь, пока кто-нибудь поинтересуется у нас наличием билетов, мы взошли на паром, и уселись на вакантный участок леерного ограждения.

До столицы мы добрались во второй половине дня. Ничего интересного об этом городе мы не знали, потому решили поскорее миновать его и отправиться дальше – к городу Сиемреап (в переводе с кхмерского – Сиамская могила). Сиемреап, в свою очередь, был нам интересен лишь тем, что он стоит в нескольких километрах от древнего храмового комплекса Ангкор Ват. Пномпень мы должны были пересечь пешком, и выйти хотели на трассу, ведущую в Си-

емреап, но ни карты города, ни даже толковой карты страны у нас не было. Только в ноутбуке имелась общая карта Азии (первоначально, посещение Камбоджи не входило в наши планы, потому и картами этой страны мы не запаслись). Так что мы просто спрашивали у прохожих дорогу на Сиемреап, используя язык жестов для того, чтобы нас не направили к автовокзалу: «Сиемреап – топ-топ-топ?», иногда нам отвечали: «Сиемреап – у-у-у, ноу топ-топ-топ, бжж-бжж!», и тогда мы начинали махать руками и топтать ногами, возражая: «Ноу бжж-бжж, топ-топ-топ!», в результате нам обязательно указывали какое-нибудь направление, в котором мы и двигались метров пятьсот, потом уточняли направление у кого-нибудь ещё и шли до ближайшего крупного перекрёстка. Путь наш пролегал мимо посольств разных государств, в том числе, Королевства Таиланд. Мы, шагая вдоль стены его забора, вспомнили добрым словом внешнюю политику Российской Федерации, благодаря достижениям которой наши соотечественники могут посещать Таиланд без визы. Любопытное наблюдение: все посольства окружены высокими, однообразно некрасивыми бетонными стенами, это отличает их от других огороженных заведений. Полной неожиданностью для нас было увидеть табличку на одном из заборов: «Центр Русской культуры». Перед воротами – будочка с охранником, точь-в-точь как при посольствах. Мы решили посетить это, нехарактерное для Юго-восточной Азии заведение. Охранник проводил нас в библиотеку. В окружении высоких стеллажей, уставленных русскими книгами и журналами, сидела за письменным столом русская женщина. Едва не плача от переполнившей сердце ностальгии, я сразу принялась листать старый номер «Вокруг Света», а Дима в это время вёл диалог с библиотекарем:

– Не скучаете по России?

– Скучаю, но не очень. Мой муж – камбоджиец, обжилась уже, привыкла.

– И часто у вас в библиотеке русские посетители бывают?

– Не то, чтоб уж очень часто, но бывают... – женщина задумчиво окинула взглядом наши рюкзаки, и спросила: – А вы, ребята, как сюда попали?

– Мимо проходили, русские буковки увидели – обрадовались... А вообще в Камбоджу автостопом приехали, сейчас хотим Ангкор Ват посетить, и в Таиланд. Может, посоветуете, что в Камбодже ещё посмотреть стоит?

– Посмотреть... Разве что две дикие деревни в джунглях, в них постоянно иностранных туристов возят... Но это дороговато, там вертолёт заказывать надо. Вообще, кроме Ангкор Вата здесь смотреть особо нечего.

– А пешком в эти деревни не добраться?

– Не-е-ет (смеётся), только на лодках, и обязательно с проводником... А может и пешком можно, сквозь джунгли, я там не была... Но с проводником, это точно, а проводники бесплатно не поведут. Избаловали их богатые иностранные туристы.

– А где эти деревни находятся?

– Давайте карту, покажу.

– У нас нет карты.

– А как вы так путешествуете, без карты?

– Просто, спрашиваем аборигенов, где Сиемреап, и нам указывают направление. Потом будем спрашивать, где Таиланд.

– Хотите, я вам карту подарю?

– Хотим.

Библиотекарь позвонила кому-то, кто пришёл, спустя пару минут, с толстым глянцевым журналом подмышкой. Этот кто-то был средних лет камбоджийцем, неплохо гово-

рившим по-русски. Глянцевый журнал был туристического содержания, на одной из его страниц имелась примитивная карта Камбоджи. Дима сказал, что карта такая нам вполне подойдет, но вот широкоформатный журнал таскать с собой совсем неохота. Я в это время листала тоненький маленький путеводитель по Камбодже на английском языке, который лежал рядом со стопкой «Вокруг Света». Заметив путеводитель, камбоджиец удивился: «А чем вам плох вон тот?». Нам он был плох лишь тем, что нам его не предлагали, но библиотекарь сказала, что совсем о нём забыла, так что мы можем его забрать. Камбоджиец добавил, что путеводитель очень хороший и в нём всё есть. Кто видел путеводители «Lonely Planet», тот усмехнулся бы при взгляде на эту брошюрку, услышав, что в ней «всё есть», но, на деле, путеводитель оказался отличный – и исторические статьи, и карты, и описания городов. И в списке отелей в приложении даже стоимость номеров была. Нам оно совсем было не нужно, но в глаза уж очень бросались цены – номер 5\$ за сутки, 4\$, 2\$... Деревни в джунглях оказались нам не по пути, так что решено было продолжать движение в сторону Ангкор Вата. Чтобы проще было найти дорогу, камбоджиец написал нам на кхмерском языке записку «Покажите, пожалуйста, в каком направлении находится Сиемреап», а когда мы стали собираться в путь, сказал:

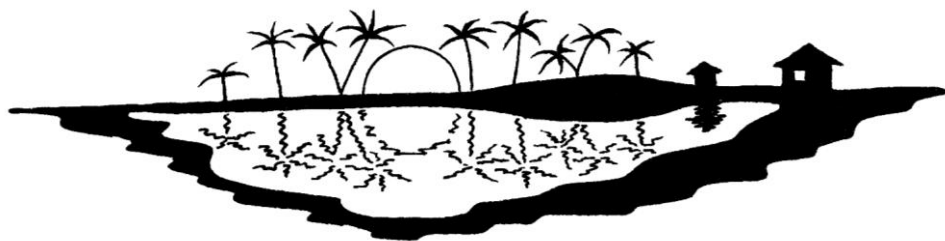
- Разбогатеете, приезжайте снова к нам, уже самолётом.
- Вряд ли когда-нибудь мы разбогатеем настолько, чтобы прилететь сюда на самолёте.
- Ну-у-у, не зарекайтесь. Вот лет десять назад я встретил в Пномпене очень грустного европейца. Я спросил, чем могу ему помочь, а он сказал, что приехал сюда на велосипеде, который у него только что украли. Денег у него мало, на новый не хватит. И он совсем не знает, что делать. Тогда я пригласил его к себе в гости. Он жил у меня две недели, я

его кормил и помог найти новый велосипед. Пару лет назад я встретил его снова – хорошо одетого, довольного и явно преуспевающего. «Ты меня узнаёшь?» – спросил я. «Нет... о!» – он всё-таки вспомнил меня. Он пригласил меня в кафе и рассказал о своей жизни. Сейчас он является директором одной крупной туристической организации и продолжает путешествовать. На этот раз без велосипеда и с достаточным запасом денег. Вот поэтому я и считаю, что вы тоже разбогатеете.

– ОК. Тогда, конечно, прилетим.

Когда мы вышли на улицу, до заката оставалось меньше часа, так что было решено пойти быстрее, в надежде за светло найти ночлег. Да и поесть бы не помешало. Судя по карте, город должен был вот-вот закончиться и плавно перейти в хаотично застроенные промышленные районы, где, как показывала практика, еду найти очень сложно. Поэтому мы купили у лоточника четыре пачки лапши быстрого приготовления, закинули их все в нашу эмалированную тарелку, и отправились за кипятком в ближайшее кафе. Это был самый простой способ поужинать, но и он оказался недостаточно быстрым. Солнце упало за горизонт. В темноте мгновенно наступившей ночи, мы вернулись на дорогу. Условий для палаточного ночлега нет. Спустились под мост. Даже здесь – сплошная застройка. Выбрали дом с самым широким навесом и поставили палатку прямо под окном. Этот урок жизни относился к теме «Будь равно готов, как к лучшему, так и к худшему». Ставить палатку посреди города – та ещё романтика. Чувствуешь себя бомжом, а не путешественником. Вот уж не ожидала, что в аграрной стране мы столкнёмся с проблемой отсутствия ночёвок на природе. Но когда выбора нет, то вместо «это хорошо» и «это плохо», появляется суждение: «это есть». Под окном, так под окном. На бетоне, так на бетоне.

Тихие шаги. Шепот: «Ш-ш-ш». Снова тихие шаги. Кто-то пронёс мимо нас что-то большое. Складной стол. Кто-то другой несёт стопку пластиковых стульев. Снова шёпот. Какое-то копошение. Дима открывает палатку. Пожилой камбоджиец показывает знаками: «Всё нормально, спите, вы нам не мешаете, и мы постараемся не мешать вам». Оказывается, мы улеглись посреди кофейни, которая как раз собирается открыться. Какие тактичные хозяева! Во Вьетнаме в аналогичной ситуации нас чуть ли не силком выволокли из-под карниза, под которым мы спали. В благодарность за такое отношение сразу складываем палатку и заказываем два кофе. Хороший кофе... Эх, жаль, уже не вьетнамский. До восхода ещё минут двадцать, настроение отличное, добрыми словами вспоминаем хозяев кофейни, пытаемся поставить себя на их место, когда они обнаружили нашу палатку посреди их заведения. Какие славные люди... Восход... Чёрные силуэты пальм на фоне оранжевого неба зеркально отражаются в неподвижной воде протянувшегося вдоль дороги озера... Красота...

Но проходит несколько минут, и на дороге появляются мотоциклы и грузовики, автобусы, пикапы, такси... Снова прохлада утра сменяется жарой, пылью, шумом и мусором, летящим из окон автобусов. Надоело уже. Вдоль дороги постоянно встречаются отели. Помня увиденный в путеводителе прайс (2\$!!), решаем узнать, каковы цены на самом деле. В первом отеле нам предложили двухместный номер за 10\$, во втором – 8\$.

– Это самый дешёвый номер? – спрашиваю я по-английски.

– Да! (То есть: «Yes», вместо грамотного: «Yes, it is»).

– А где-нибудь поблизости дешевле есть? (Глупо, наверное, задавать такой вопрос портье, но мне захотелось проверить, понял ли он мой вопрос).

– Я не говорю по-английски.

Понятно. Если где-то и были номера по два доллара, то это было или давно, или не здесь. Или давно и не здесь. Но отель нам в любом случае не нужен, хотя за 2\$ можно было бы передохнуть денёк и помыться. Идём на поиски рынка. Вдруг к нам подбегает девочка в школьной форме с большой сумкой через плечо и на отличном английском спрашивает, чем она может нам помочь.

– Мы ищем дешёвый местный рынок.

– Я знаю, где он, а что именно вы хотите купить?

– Фрукты.

– Какие?

– Не важно, дешёвые главное. А вообще, мы бананы любим.

– Вы бы без меня не нашли а я вас провожу мне 11 лет я в специальной школе английский учу я хочу стать гидом когда вырасту и сейчас мне нужна разговорная практика! – девочка выпалила это на одном дыхании, и потом до самого рынка болтала по-английски, всё также, без знаков препинания, рассказывая, как она помогает заблудившимся иностранцам и провожает их повсюду.

Рынок без неё мы бы действительно не нашли, он очень хорошо спрятан от туристов и со всех сторон окружён жилыми домами, без промежутков между ними: только два узких прохода: вход на рынок и выход из него. Фрукты же в нём спрятаны ещё лучше, причём, на весь рынок нашлось всего два фруктовых лотка, остальное – ширпотреб, мясо,

овощи и выпечка. Между лотками, в проходах шириной в метр, снуют покупатели и, очень мешающие всем, мотоциклы с привязанными к багажникам коробками. Прямо перед нами застрял на повороте мотоцикл, к багажнику которого была привязана ни во что не упакованная тушка выпотрошенного поросёнка. Мне расхотелось есть.

Затарившись фруктами, мы вышли с рынка, а девочка всё говорила и говорила.

– Вы очень красивая я тоже хочу быть красивой потому что гиды должны быть красивыми какой ваш любимый цвет мой голубой.

– А мне зелёный нравится.

– А у меня нет зелёного вам красный подойдёт! – с этими словами девочка вытащила из своей сумки тонкий бордовый шарфик в цветочек. – Моя мама его девять дней делала, купите его у меня, я подешевле отдам, ведь мы друзья!

Мы разглядывали шарфик, и не обнаруживали никаких признаков ручной работы. Или её мама – мастер из мастеров, или нас опять пытаются развести на деньги. Потом из сумки появился коричнево-золотисто-бордовый гобелен, размером примерно 40 см на метр, с живописным видом Ангкор Вата. Этот гобелен, по словам девочки, её мама делала 20 дней. Ну да, когда мне довелось на токарном станке изготовить пару гаек без резьбы, я тоже говорила, что я их сама сделала. У этого гобелена были идеально ровные края, все нити были одинаково натянуты, ни одной затяжки. Я видела самотканые шарфики, которые на деревянных ручных станках делались. По-моему, этот шедевр был штамповкой, изготовленной бездушной машиной. «Твоя мама – мастер, – сказала я, – но у нас нет денег, чтобы купить это». Девочка начала рассказывать, сколько у неё сестер и как им тяжело приходится работать, чтобы заработать денег на

языковую школу, чтобы она могла хорошо выучиться, и воплотить свою мечту – стать гидом. «Все мечты сбываются, ты обязательно станешь гидом, если не откажешься от своей мечты. Причём очень хорошим гидом. Ты отлично говоришь по-английски, ты красивая и умная девочка, у тебя всё получится. А нам пора идти. Спасибо за то, что проводила нас до рынка. Удачи тебе на пути к мечте». Девочка вздохнула, пожалала плечами, сказала спасибо за то, что мы согласились с ней поговорить, и пожелала хорошего путешествия. Мы пошли вперёд, удаляясь от рынка, а девочка побежала в обратном направлении, она, очевидно, опаздывала в школу... А ведь из неё, действительно, получится отличный гид. Деловая хватка у девочки идеальна для того мира, в котором живёт подавляющее большинство туристов, пользующихся услугами гидов. Жаль, что она уже угодила в этот мир, и он ей понравился больше, чем мир её детства.

Бесконечные рисовые поля прекрасны, но имеют один неприятный для путешественника недостаток – палатку поставить негде. Всё залито водой. В один из вечеров мы добрались по трассе до маленькой безымянной деревеньки и купили ветку зеленоватых бананов, которые обычно презрительно игнорируем на прилавках. Жёлтые с коричневыми точечками значительно вкуснее, хотя бывают и исключения, например, во Вьетнаме одна леди сказала: «Какая разница, зелёные они или жёлтые, главное – то, что внутри», и купленные ею зелёные бананы действительно оказались вкусными! Но эти бананы мы собирались пожарить на костре, для чего было необходимо насадить их на палочки, а мягкие спелые бананы для этой цели не годились – они крошились и сваливались с «шампуров».

Мы свернули с трассы в поля и прошли метров двести по глиняной дороге, дамбой выступающей над морем рисового поля, ещё раз убедившись, что для палатки здесь места

нет. Решили хотя бы поесть, а там посмотрим, что будет. Из жиденьких кустиков, работавших укреплением берега и, одновременно, забором, мы насобирали горку сушняка, сложили её на обочине дороги и стали пытаться поджечь. Не горит. Промежутки между кустиками были закрыты настоящим забором, связанным и сбитым из сухих толстых веток и старых досок. Нет, мы не вандалы. Мы лишь разок взглянули на забор, как на потенциальные дрова, и принялись жечь всё бумажное (кроме паспортов и путеводителя), что нашлось в наших рюкзаках. Костёр, наконец-то, загорелся, мы нанизали на деревянные пруты бананы (по 3-4 маленьких бананчика на прут), и голодными взглядами следили, как они медленно подрумяниваются. В это время откуда-то раздалась буддийская музыка, что явно указывало на близость пагоды. Данный факт снимал гнетущий вопрос о том, где мы будем спать, ведь все ночёвки между пригородом Пномпеня и данной деревенькой были устроены для нас добрыми буддийскими монахами, которые относились к нам, как к посланникам Будды. Мы могли более не думать о ночлеге, но вот о еде не думать никак не могли, ведь за весь день нам так ни разу и не довелось поесть. А дрова кончались... И тут произошло чудо. Местные дети притащили целый ворох сухих дров и скромно отошли в сторонку, чтобы не мешать, а девочка постарше принялась из этих дров складывать такой кострище, на котором кирпичи обжигать можно было, не то что бананы жарить. Когда кончился ворох дров, девочка, несколько не смущаясь, разобрала на дрова забор. Понятно, что все бананы были зажарены в кратчайшие сроки. Мы предложили отведать деликатеса детям, но для них, похоже, это было, как для русского человека морковка (то есть, привычно и уже неохота), так что всё слопали мы с Димой, получив от ужина невероятное удовольствие. Тут девочка стала знаками показывать, что

если мы пойдём с ней, то сможем переночевать по-человечески, а не посреди дороги. Мы показали ей записку на кхмерском в нашем блокнотике, где было сказано (по нашему мнению), что у нас нет денег, но, судя по её реакции, в отель нас никто вести и не собирался... Да и не похоже, чтобы в этой деревеньке имелся отель. В сопровождении детей мы вернулись на дорогу, соединяющую Сиемреап и Пномпень. Не прошли мы по этой дороге и ста метров, как девочка указала нам на бамбуковый навес, где при свете дня обычно сидит продавщица, обложенная всякими чипсами, конфетами, лентами одноразовых шампуней и растворимого кофе. Сейчас навес пустовал. От окрестных домов тут же начали подтягиваться местные жители, которым девочка что-то оживлённо рассказывала, а потом попросила нас показать блокнотик. Потёртый, исписанный на разных языках блокнотик вызвал большой интерес, и вскоре вокруг нас уже сидело человек сорок-пятьдесят жителей деревни, возрастом от трёх до восьмидесяти, примерно, лет. В течение пяти минут под навес были постелены коврики, принесены подушки, а напротив нас уже горел костёр, на котором подрумянивалась новая порция банановых шашлыков. Нам принесли традиционную гору риса и тарелочку жареной рыбы, которую мы сразу же вернули недоумевающим хозяевам. Ну как объяснить людям, ни слова не понимающим по-английски, по-французски или по-русски, что мы очень извиняемся, нам очень приятно и большое им спасибо, но мы не едим рыбу. Объяснили кое-как. Вроде, не обиделись. Кто-то принёс свечку и поставил её к нам под навес. Мы чувствовали себя буддистскими божествами, которые сидят в маленьких пагодках-алтарях, украшенных яркими рисунками, в домах буддистов. У этих божеств тоже, как правило, горит свечка или ароматическая палочка, а перед ними стоят тарелочки с подношениями, самым распро-

странённым из которых является спелая гроздь бананов. Точно такая же, как та, которую только что подарили нам, и на блюдечке положили рядом со свечкой.

Наутро нам принесли вегетарианский завтрак и очередную веточку бананов, предназначенную для упаковки в Димин рюкзак. Самое интересное, что, явно небогатые, жители деревни собирали нам денег в дорогу, и каждый хоть одну бумажку, но сдавал в общую пачку, которую потом торжественно передали нам. Денег у нас почти не было, так что мы с благодарностью приняли подарок, однако очень хотелось узнать, что такого эти люди в нас увидели, почему оказали такой необыкновенный прием? Что они от нас ждут? За кого принимают? Ведь Камбоджа – бывшая французская колония, вряд ли они привыкли видеть добро от белых людей... Не добавил ясности и англоговорящий студент, которого перед самым нашим отправлением доставили на мотоцикле к навесу. «Они были уверены что вы – французы», – сказал он. Вот это да. Похоже, в колониях было не так плохо, как писали в советских учебниках истории. Хотя, возможно, камбоджийцы хотели нам показать, что они всем всё простили. Когда мы пешком удалялись в сторону Сиемреапа, нам вслед махали руками те же самые сорок-пятьдесят местных жителей, возрастом от трёх до восьмидесяти, примерно, лет. Что мы можем сделать, чтобы оправдать такое отношение к нам? Кого они видят в нас? Кто мы?

Глава 4. АНГКОР ВАТ

Браконьер в заповеднике кабанчика подстрелил, взвалил на плечо, несёт. Вдруг навстречу лесник:

– Стой! Что у тебя на плече?

Тот смотрит на своё, свободное от добычи, плечо, щёлкает по нему пальцем:

– Да ничего – комар...

– Не, а на другом?!

Браконьер смотрит на другое плечо, сбрасывает кабанчика, с ужасом отпрыгивает:

– Ох, ни хрена себе!!!

(О том, как нарушители пытаются скрыться от правосудия)

Сразу определимся с терминологией: в нашем путеводителе храмовый комплекс обозначался как «Ангкор», а центральный храм – «Ангкор Ват», хотя, согласно некоторым русскоязычным источникам, весь комплекс называется Ангкор Ват, а согласно другим – Ангкор Вату, но я допускаю, что те, кто писал энциклопедии, никогда здесь не бывали. Храм по-кхмерски именно «ват», а не «вату». Я буду придерживаться терминологии нашего путеводителя.

До Сиемреапа оставалось около тридцати километров, до заката – около часа, когда нас подобрала легковушка, водитель которой, пристыженный братом («Ты камбоджиец, а Ангкор Ват не видел ни разу – позор!»), как раз собирался посетить самый большой в мире храмовый комплекс. «Каждый камбоджиец должен увидеть Ангкор Ват, ведь он на нашем государственном флаге изображён! (моя мысль: *а я до сих пор не видела двуглавого орла, изображённого на гербе РФ, какая же я после этого русская?*). А мы думали, что вы нам на бензин подкинете...» – сказал и с надеждой посмотрел на нас брат водителя, вертевший в ру-

ках наш блокнотик.

– Мы же сразу сказали, что у нас денег нет.

– Ну, теперь-то понятно, что нет, но остановились мы на самом деле только потому, что надеялись, что вы нам на бензин денег дадите...

– Нет, не дадим.

– Да я понял уже. Вы, значит, из России... Там, говорят, спать легко можно...

– Э-э-э. В смысле?

– Ну, я, мальчик, приехал в Россию, хочу спать. Можно?

– Можно конечно, в любом отеле, как везде.

– А как об этом сказать?

– Кому сказать? – я откровенно тупила, если бы Дима понимал наш диалог на английском языке, он бы, скорее всего, быстрее понял, о чём речь, но я продолжала недоумевать – мужик неплохо говорит по-английски, но несёт откровенный бред – какая может быть проблема в том, чтобы найти ночлег в России? Это же не Лаос.

– Девушке как сказать, что я хочу с ней спать?

– Мне не доводилось говорить девушке, что я хочу с ней спать, так что не знаю.

– У него спроси.

– Дима, как сказать девушке, что ты хочешь с ней спать?

– Лена, мы выходим из машины. Эй, стоп, гуд, стоп!!

– Я пошутил, это шутка, не выходите, всё нормально. Девушка, успокойте его, мы уже почти приехали, пойдёмте, я вас ужином угощу, вон ресторанчик хороший, я здесь уже в четвёртый раз, я знаю.

К счастью, мы действительно уже почти приехали, за окном мелькнула будка с охранником и табличка на английском «Чек поинт. Пожалуйста, остановитесь» (англ. «check point» – контрольно-пропускной пункт). Наш водитель таб-

личку проигнорировал, проехал ещё метров пятьсот и остановился. Ни в какой ресторанчик мы не пошли. Поблагодарили водителя, и, как всегда, отправились, куда глаза глядят. А глядели наши глаза вперёд. Прямо перед нами возвышался тот самый Ангкор Ват, о котором я узнала пару лет назад из компьютерной игры «Цивилизация-4». Этот храм, согласно игре, был по исторической ценности в одном ряду со Стоунхенджем и Египетскими пирамидами, но, о существовании последних знает каждый школьник, а спроси тех же школьников об Ангкоре – много ли расскажут? Нигде более я не встречала информации о нём, но поток довольных туристов, покидающих храм, свидетельствовал о том, что уж в их-то родных странах агенты туристических компаний позаботились о том, чтобы люди знали, что такое Ангкор Ват.

По всему периметру храмовая территория была обнесена стеной из изъеденных временем огромных кирпичей. Зелёная полоса травы, кустов и редких деревьев отделяла стену от берега широкого (не меньше ста метров) рва с водой. Перейдя ров по мосту, мы сразу свернули с людной дороги. Нужно было обсудить план действий. Мы сели на резные каменные перила, которые с противоположного берега рва выглядели по-настоящему эффектно. Вблизи их вид наводил тоску... Искусно обработанные древние камни кое-где отошли в сторону, но некие «реставраторы» соединили камни прутьями арматуры и размашисто заляпали их цементом. Устало взирая на торчащий из кладки штырь ржавой арматуры, прислушиваясь к многоязыкому гомону толпы, мы оба захотели уехать отсюда. Чем раньше, тем лучше. Скорее всего, смотреть здесь уже не на что. Но солнце угрожающе подкрадывалось к горизонту, а значит, сегодня нам так или иначе придётся ночевать где-то на территории храмового комплекса. В путеводителе имелась хорошая

карта Ангкора, и мы, отыскав на ней ближайший действующий буддийский храм, с удивлением обнаружили, что сидим в трёхстах метрах от него. Отлично. Мы направились к пагоде. По дороге, к нам обратилась на ломаном английском владелица закрывающегося кафе: «Кушать хотите?». Хотим, и ещё как, но не признаемся в этом. Мы, молча, остановились. «Вот вам меню на английском языке». Спасибо. Взглянули на ассортимент, на цены... Улыбнулись (ну не плакать же), и пошли дальше. В буддийском храме нам категорически отказали в ночлеге и сообщили, что ни один турист не имеет права ночевать на территории комплекса, и мы, как всегда, обязаны снять номер в отеле. Понятно. Слава Богу, рядом находился небольшой лесок, и мы, в сгущающихся сумерках, попытались в нём скрыться. Но охрана бдит, и нас под конвоем выставили на мост через ров. Сидим на ступеньках, думаем. Какие-то люди предлагают нам мотобайки, такси, отели и тук-туки (мотоциклы, у которых сразу за спиной водителя находится что-то типа кареты, в которой могут сидеть (без особого комфорта) до четырёх человек). Устали. Есть хочется. Что дальше делать, непонятно. Ради разговорной практики ко мне подсел один из мотобайщиков. Я подробно изложила ему нашу проблему, парень проникся, и предложил бесплатно довезти нас до отеля. Как всегда. Когда я отказалась, он привёл какого-то человека, и, со словами: «Он вам поможет», скрылся на мотобайке в ночь. Человек оказался охранником. Парень заложил нас, и рассказал, что мы без денег и без билетов. Охранник сообщил нам следующее: «Билет на один день – 20\$, на три дня – 40\$ и на неделю – 60\$ с человека, ночевать внутри территории, ограниченной «чек поинтами» категорически запрещено», билеты проверяются в этих самых будочках, одну из которых мы сегодня благополучно миновали. «Я помогу вам – мой друг сейчас подъедет на машине

и отвезёт вас в центр Сиемреапа. Там отелей много». Мы уже привыкли к тому, что у людей не откладывается в сознании фраза «нет денег», так что поблагодарили охранника, и, пока его друг не подъехал, пошли в направлении выхода с территории. Как только охранник скрылся из зоны видимости, мы свернули в кусты, с трудом пробрались сквозь густые заросли, и, расчистив место под палатку, легли спать. В запрещённом, охраняемом «чек поинтами» месте.

Утром мы вылезли из кустов, и, не пройдя и десяти метров по дороге, были перехвачены охранниками, которые спросили билеты и показали, где они продаются. Распознавали нас, очевидно, по рюкзакам. Значит надо от них избавиться. Выспались мы хорошо, так что идея немедленного покидания Ангкора как-то сама собой забылась, туристов было не так много, как вчера, да и храмы издалека выглядели довольно впечатляюще. Мы скрылись от взоров охранников в тени деревьев – решили ещё немного побродить по окрестностям и пофотографировать неохраняемые развалины, до которых не нужно было идти по асфальтированным дорогам. Сделав два кадра, я обнаружила, что аккумулятор в фотоаппарате почти сел. Территория комплекса была не электрифицирована, так что фотографий, видимо было суждено сделать не больше десятка. Но тут невдалеке раздалась музыка, источником которой, очевидно, был динамик, причём неслабой мощности, и мы направились напрямик к нему. Да, динамик, действительно, был здоровый – я такие только на дискотеках видела, но находился он под навесом обычного деревянно-бамбуково-тростникового дома, во дворе которого пожилой камбоджиец как раз плёл из развёрнутых бамбучин новый торец для крыши. Как правило, местные не говорят на иностранных языках, поэтому я сразу начала жестами показывать, что хочу подзарядить фотоаппарат. «У вас аккумулятор сел?» – на чистом англий-

ском спросила у меня девушка, сидевшая под навесом, рядом с динамиком. Оказалось, что она – гид, поэтому свободно говорит по-английски, а её брат на своём мотоцикле катает иностранных туристов по Ангкору, так что он тоже мог поучаствовать в разговоре. Почти у всех местных жителей бизнес, так или иначе, связан с иностранными туристами, так что, по словам девушки, с ранних лет они могут, хотя бы немного, изъясняться на английском. Пока от дизель-генератора подзаряжался фотоаппарат, ребята накормили нас, и настроение наше заметно улучшилось. Вообще, человек выспавшийся и сытый на мир смотрит совсем не так, как уставший и голодный, а потому и решения, принимаемые нами, в существенной степени зависят от того, сколько мы спали и когда последний раз ели. Мы решили пробыть в Ангкоре три дня, а там видно будет. Рюкзаки нам оставить под навесом не разрешили (много, мол, тут людей разных ходит, за всеми не уследишь), но на ужин пригласили. Мы сказали спасибо, про себя решив, что на ужин не придём – наглости не хватит, и так на наш фотоаппарат люди топливо потратили, да и кушаем мы немало. На всякий случай, брат девушки вручил нам в дорогу несколько пакетиков быстрозавариваемой лапши.

Пристроив рюкзаки на пару часов в ближайшую кафешку, мы, стараясь выглядеть как можно более неприметно, прогулочным шагом сошли с асфальтированной дороги, углубляясь по тропинке в джунгли. Нам предстояло найти такое место под палатку, в котором мы безбоязненно могли бы оставить рюкзаки на весь день. Предусмотрительные мы специально купили палатку с листовенно-зелёным тентом – как раз для таких случаев. Если грамотно выбрать место, то вероятность того, что кто-нибудь случайно увидит наш лагерь в лесу, стремилась к нулю. Если, конечно, нам не хватит глупости развести костёр... Ещё нужно было учесть необхо-

димось где-то мыться в течение тех дней, на которые мы искали себе пристанище. Судя по карте, на более чем двухстах квадратных километрах Ангкора, имелось три храма, обнесённых широкими рвами с водой, в которых, теоретически, можно было бы купаться до открытия комплекса (до пяти часов утра). Побродив по лесу, мы решили поставить палатку в трёхстах метрах к северу от Ангкор Вата, забрали рюкзаки, и, вскоре, уже имели условно-постоянное место жительства. Наша «гостиница» предъявляла очень жёсткие требования к постояльцам – во-первых, возвращаться нужно было обязательно засветло, так как в темноте мы рисковали не найти палатку, а фонариков у нас нет (лишняя тяжесть и зависимость от батареек). Во-вторых – никаких костров. В-третьих – не ходить к лагерю одним и тем же путём. Иначе набьём тропу, и выдадим себя.

Закончив обустройство лагеря, мы собрались на нашу первую экскурсию: переоделись в одежду без заплаток, Дима повесил на пояс маленькую сумочку с документами, я обмотала вокруг талии шарфик с привязанной к нему бутылкой воды, надела на шею фотоаппарат и сунула подмышку путеводитель. Из ценных вещей в палатке оставался только ноутбук. Хотя, пожалуй, в данных обстоятельствах, сама палатка представляла для нас бóльшую ценность – если украдут ноутбук, мы лишимся всего лишь фотографий и карт, а если украдут палатку, то мы лишимся крыши над головой. Каждый раз, когда мы оставляли рюкзаки под чужим присмотром, мы рисковали в той же мере; рисковали осознанно, будучи готовыми к тому, что никогда больше не увидим их. Мы так привыкли к этому, что без лишних опасений за сохранность покинутого имущества, отправились на поиски живописных древностей. Начать решили с не слишком экстремальных приключений – осмотра ближайшего Ангкор Тома с его центральным храмом Байон. Для этого нужно

было просто притвориться туристом обыкновенным, так называемым *touristikus vulgaris*, и, сдерживая привычно быстрый шаг, медленно течь в потоке оных. Мимикрируя под *touristikus vulgaris*, мы фотографировали друг дружку на фоне четырёхликих башен Байона; позируя для фотографий, высовывались в каменные окна и двери храма. Байон был восхитителен, его абсолютно непрактичная архитектура радовала наши взоры, столь уставшие от рациональной городской прямолинейности. С вершин десятков каменных башен смотрела на мир сотня гигантских каменных лиц. На устах каждого из них играла спокойная улыбка. Хотела бы я так же взирать на мир...

В толпе туристов резко выделяются те, кто приехал сюда от скуки: они двигаются резче, чем прочие, без остановки вертят головой... Не просто ждут чуда, они его жаждут. Им не терпится окупить впечатлениями свои затраты, и они требуют праздника, событий, феерии. Но какие впечатления может дать им груда камней? Цветное кино не снимешь на чёрно-белую плёнку! Мне жаль тех, кто приехал сюда в поисках новой краски для своей серой жизни. И я улыбаюсь им, но моя улыбка – сочувствующая, а не спокойная. «Перестань жалеть об отсутствии спокойствия, и ты успокоишься», – сказала я себе. Подумав немного, я добавила: «Перестань жалеть о чём бы то ни было».

На выходе из Ангкор Тома паслась стая мартышек. Белые туристы приходили в восторг от одного их вида, и с радостью покупали бананы, которые предприимчивый паренёк здесь же и продавал: «Купите банан, покормите обезьянку!». Обезьянки были счастливы. Мы тоже, так как цена на бананы оказалась вполне приемлемой. Купив у па-

ренька две ветки бананов, мы сели под ближайшее дерево, и, не обращая внимания на удивлённых мартышек, приступили к обеду. Один обезьян сел напротив меня, и одарил таким невинным вопрошающим взглядом, что я без колебаний отдала ему свой надкусанный банан, но, расправившись с ним, обезьян пошёл смотреть в глаза Диме. Дима спокойно продолжил есть. Обезьян пояснил свой безмолвный вопрос, потянув за свисающий лепесток банановой шкурки, но и это не сработало. Тогда хвостатый просто протянул лапу, и схватился за банан в тот момент, когда Дима подносил его ко рту. Расхохотавшись, мой спутник отпустил лакомство, и обезьян удрал с добычей.

Ночь прошла без происшествий. На рассвете мы пошли купаться в ров. Он оказался достаточно глубоким, вода была тёплая и, хоть и зеленовато-коричневая, но достаточно чистая. Над поверхностью воды возвышались на толстых розовых ножках островки красных лотосов. Рабочий день ещё не начался, но мы, на всякий случай, плавали медленно и тихо, на этот раз, притворяясь лотосами.

Сегодня мы собирались посетить сам легендарный Ангкор Ват. На его территорию ведут два моста – западный и восточный. В день своего приезда мы посетили западный мост, это был «парадный вход» в Ангкор Ват, и именно здесь дежурило больше всего охранников. Издали мы наблюдали за тем, как они проверяют билеты у входящих. Билеты у большинства туристов висят на шее, так что, никого не задерживая, стражи бегло взглядывали на билетик и пропускали посетителя. Мы решили прорываться через восточный мост, в надежде, что единственный его охранник уснёт, разморённый жарким тропическим солнышком, или пойдёт поболтать с уборщиками территории, которые располагались группками в тени деревьев, кушали и оживлённо разговаривали (весь день!). Почти так оно и произошло.

Охранник заговорился с одним из водителей, и мы, небрежно помахивая фотоаппаратом, вышли из кустов, в которых прятались до этого, и с милыми улыбками прошествовали мимо него на территорию храма. По крышам серо-коричневых, с оранжевыми и чёрными потёками, каменных галерей бродила стайка обезьян, на подстриженных газончиках росли высокие пальмы. В газон были вбиты деревянные рейки, обвязанные белым шнуром, служившим ограждением тропинки для туристов. На каждом повороте или развилке стояли пластиковые указатели, на некоторых входах висел знак «вход воспрещён». По несложному лабиринту галерей был проложен туристический маршрут, по которому медленно передвигались группы иностранцев с гидами и без, местные туристы и мы. Иногда прибываясь к группам с гидами, я переводила Диме историю Ангкор Вата, читала комментарии на английском, помещённые в стеклянные витрины, периодически попадающиеся на маршруте. В конце длинного извилистого коридора, образованного белым шнуром или неприступными древними стенами Ангкор Вата, мы незаметно свернули «не туда» и пошли вольно бродить по территории, где нами была встречена лишь одна женщина, неторопливо выкашивающая серпом разросшуюся траву. Знаете, есть у многих молодых людей такая необъяснимая уверенность в том, что их не пускают только в самые интересные места... У нас эта уверенность существовала в рудиментарной форме, но всё равно частенько загоняла нас куда не следует. Мы поплутали по пустым коридорам, в которых изредка попадались полуразрушенные каменные статуи, побродили по двору между галереями и наполовину вросшими в землю каменными блоками, но вскоре, всё же, вернулись на туристическую тропу, проходящую мимо галерей с барельефами. И были эти барельефы, скажу я вам, восхитительны. Они были лучше историй,

которые мы здесь услышали. Гиды могут вам точно назвать эпоху, в которую построен этот храм, рассказать о правителе, инициировавшем его постройку... Вот только всё это будут просто слова. Факты – это многотонные камни, из которых сложены стены Ангкор Вата. Факты – это удивительные сюжеты, выбитые на этих камнях. Большая часть сцен – батальные. Вдоль стены шагают сотни пеших воинов, вооружённых обычными копьями и копьями, похожими на двусторонний багор; от пола до потолка возвышаются деревья, у которых каждый листик тщательно выбит в камне... На фоне отряда копьеносцев скачут на коне-быках воины с клюшками и бейсбольными битами, одетые в кофточки с оборочками в цветочек... Честное слово! С кружевными оборочками! Что бы это значило? Также меня удивляло обилие обезьян, изображённых на барельефах. На них были надеты ожерелья и набедренные повязки. Обезьяны, как правило, сидели на коленях и указывали пальцами вверх, на большую обезьяну в конической шапочке. Ангкор Ват в путеводителе обозначался, как буддийский храм, построенный около восьмисот лет назад... Тогда правда, государственной религией был индуизм, но времена ереси прошли, и правоверные буддисты поотрубали головы каменным лжебогам, подкорректировали некоторые барельефы, просто сбив с них лишние лица. Этого, конечно, в путеводителе не написали, так что пришлось нам эту страницу истории додумывать самостоятельно.

Согласно одной из кхмерских легенд, вычитанной мною позднее в брошюрке «Кхмерские мифы и легенды», Ангкор Ват был слеплен из земли по приказу верховного бога небожителями, а потом они пропитали землю кунжутом (так гласит легенда), и она стала камнем. А «дизайн» храма был скопирован с личного коровника этого самого бога. К слову, по возвращении в Россию, мы с Димой прочитали

Махабхарату, и узнали, что некоторые барельефы Ангкор Вата изображают знаменитую битву при Курукшетре. И, возможно, среди тех воинов с «клюшками», над цветастыми «кофточками» которых я тогда посмеивалась, были столь полюбившиеся нам братья Пандавы. И если это так, то отныне я склонна думать, что клюшки – это оружие настоящих воинов, а цветочки на доспехах – символ борьбы за праведность.

К полудню поток туристов заметно увеличился, и мы покинули Ангкор Ват, направившись к уже посещённому вчера Ангкор Тому. На этот раз, не желая уподобляться *touristikus vulgaris*, мы решили выйти через джунгли к окружающему его рву. Имея карту и компас, сделать это совсем не сложно. Когда мы добрались до цели, то увидели двух буйволов, жевавших что-то посреди рва по колено в воде. Если бы не они, мы бы пошли вдоль берега искать неохраняемый мост, но перейти ров вброд – гораздо интереснее. Закатав повыше штанины и сняв обувь, мы пересекли водную преграду, и оказались перед преградой каменной – высокой стеной, по периметру которой, на самой вершине, рос настоящий лес. Со стороны рва могучие стволы деревьев переходили в узловатые корни, которые, порой, спускались по каменной кладке до самой земли. Корни походили на щупальца гигантских спрутов, они были толстыми и очень прочными. Недолго думая, Дима, словно опытный скалолаз, взобрался по ним на стену. Я перевесила фотоаппарат на спину и,

кряхтя, как старушка, медленно поползла за ним. Было не сложно и не страшно. Просто мне показалось, что в данных обстоятельствах уместно немного покряхтеть. Я вообще стала чаще чувствовать уместность собственных действий. Иногда эти действия оказывались глупостями – как, например, в этот раз, а иногда – нет. Впервые я начала делать то, что, по необъяснимым причинам казалось мне уместным, в Приморском крае, в России, около трёх месяцев назад. Мы тогда заблудились в уссурийской тайге, двое суток пережидали ливень в палатке, а потом, в поисках тропы, начали спускаться по руслу одного каменистого ручья. Из-за недавнего ливня все камни были скользкие, спускаться было по-настоящему опасно. Но я почувствовала острое желание закрыть глаза и сделать несколько шагов, не полагаясь на зрение. Я сама себя удивила тем, что поддалась этому желанию, послушно закрыла глаза, и сделала три-четыре шага, не снижая темпа движения. Испугалась, конечно. В первую очередь пугала собственная безответственность – что Дима будет со мной делать, если я посреди тайги ноги переломаю? Не стала ему об этом рассказывать. Прошло чуть больше суток, и у меня снова возникло это чувство, и снова в опасной ситуации – мы шли в кромешной тьме по разбитой лесовозами дороге, я – впереди. Вдруг дорога кончилась. Я остановилась на краю невидимого обрыва. Очевидно, что обрыв не мог быть глубоким – дорога, как ни как. И тут я понимаю, что считаю уместным прыгнуть вперёд... Вспомнив, что в прошлый раз всё хорошо закончилось, я смело прыгнула в темноту, пролетела примерно метр и плашмя упала в глубокую колею, заполненную жидкой грязью. Тогда я поняла, что каждый раз, когда иду на риск, я должна быть готовой к поражению. И с тех пор стала чаще потакать безопасным желаниям, типа желания покряхтеть во время несложного подъёма. Я перестала бояться глупо вы-

глядеть! Страх стал лишь сигнализацией, предупреждающей меня: «Будь бдительна!» И боялась я только тогда, когда чувствовала уместность своего страха. Отныне я не боялась даже бояться.

Так. О чём я рассказывала? Ах, да. Ров, стена... Мы прошли по стене до одного из арочных входов в неё, и обнаружили, что никакой охраны там нет. Не обязательно было переходить через ров и лазать по корням. Ну и ладно. Зато есть, что вспомнить.

Джунгли, по которым мы гуляли последние двое суток, были самыми настоящими – с термитами, гигантскими муравьями и пауками, но были сплошь истоптаны местными жителями, добывающими себе дрова, и единственная опасность, с которой мы здесь столкнулись – тропы, ведущие в непролазные колючие кусты. Веришь человеку, который тропу проложил, думаешь, что он знал, куда идёт, а на деле оказывается, что он заблудился, а потом тем же путём вернулся – вот и получилась тропа.

На третий день мы отправились в Та Пром. Этот храм особо популярен среди туристов благодаря стараниям Голливуда. В одном из фильмов про Лару Крофт был эпизод, снятый здесь. Кинозвездой стало дерево, в объятиях могучих корней которого покоилось целое каменное здание. Когда мы подошли к храму, возле главного входа стояло три туристических автобуса. Как всегда, мы пошли искать дырку в стене, чтобы проникнуть внутрь. Нашли настоящий каменный вход, ничем не закрытый и никем не охраняемый. Рядом стояла лачуга из бамбука и строительного мусора, у которой было только три стены. Мы решили сделать привал и перекусить двумя бананами, приобретёнными, как и прежде, у «мартышкокормильца». Как только я достала из пакета бананы, из лачуги выбежал мальчик, лет пяти, и, показывая пальцем в рот, стал говорить: «Ням-ням». Конечно, один из

бананов тут же достался ему, и мальчик, довольный, убежал обратно. Мы с Димой поделили второй банан пополам, и пообедали им. Тут из хижины появился ещё один мальчик, лет восьми, и тоже стал просить «ням-ням». Нет больше бананов. Надеюсь, младший догадался поделиться с ним. Пока дети не позвали кого-нибудь ещё просить «ням-ням», мы пошли дальше, войдя внутрь территории храма Та Пром.

Ого! Сколько туристов... Какие они все разные... Вот седой мужчина с длинными кудрявыми волосами, руки по локоть в браслетах и фенечках. Вот босой парень в однотонной коричневой одежде, напоминающей пижаму, а вон две лысые бабушки в серых длинных одеждах, мы таких в буддийских храмах пару раз видели. Но основной контингент – типичные туристы, возрастом от 20 до 80 лет, в рубашках и футболках, шортах и джинсах, кепках и широкополых шляпах, с фотоаппаратом через плечо и, как правило, маленьким рюкзачком за спиной. Подойдя к знаменитому дереву, мы скромно присаживаемся на близлежащие развалины и наблюдаем за туристами. Туристы, едва не отпихивая друг друга, по очереди встают между двумя особенно колоритными корнями (теми самыми, из фильма) и позируют для фотографии, которую в этот момент пытается сделать кто-то из их спутников. Фотограф старается захватить в кадр как можно больше дерева, а потому отгоняет постоянно лезущих в кадр других туристов. Лица последних были сердитые и злые, до того момента, как им удавалось-таки попасть к заветному месту. Тогда они на мгновение озарялись вымученной улыбкой, щёлкал затвор фотоаппарата, и они спешно, опасаясь быть затоптанными, удалялись к другим достопримечательностям.

Возле нас присели две девушки-англичанки, только что выбравшиеся из толпы вокруг дерева, одна из которых громко высказывала свои претензии к миру:

– Никакого уважения, лезут и лезут, им на всех, кроме себя наплевать! Кошмар какой-то. Ведь мы такие же люди, как и они, мы тоже хотим сфотографироваться, зачем толкаться и лезть в кадр?

– А вы подождите, пока они уйдут, – предложила я.

– Нет, нас такси ждёт, нам некогда. Но вот вы, похоже, не торопитесь, вы не из туристической группы?

– Нет. Мы вообще не туристы, так что нам торопиться некуда.

– А кто вы, если не туристы?

– Мы – путешественники из России, путешествуем пешком и автостопом, без денег.

– А как вы без денег, СЮДА попали?

– В обход чек поинтов и охранников.

– Здорово, а может вы видели где-нибудь здесь места, где не так много туристов, и тоже деревья на развалинах растут?

– Видели, в паре километров отсюда стоит живописный мостик, прямо посреди которого большое дерево выросло, там минут сорок назад вообще никого не было.

– Спасибо, ну тогда мы туда поспешим! Всего доброго!

– Удачи.

Минут через десять толпа плавно перетекла к соседним развалинам, оставив дерево без присмотра, чем мы и воспользовались, наделав множество неплохих снимков. Вообще, храм Та Пром, как ни один другой, из посещённых нами, был примечателен обилием гигантских деревьев, выросших на поверхностях, для роста деревьев непригодных – на стенах, заборах, крышах, лестницах. Большинство деревьев сопровождалось воткнутыми в землю табличками с непонятными мне надписями, типа: «*Sprung, tetrameles nudiflora, Daticaceae*». К этому виду принадлежало, в частности, знаменитое дерево на крыше.

Покидали Та Пром мы в сопровождении стайки детишек, размахивающих разноцветными сувенирами. Один мальчик играл на простой бамбуковой дудочке, коих ворох лежал на его круглом лотке-подносе. О! Как он играл! Переливчатая мелодия поразительной чистоты звонко отражалась от древних камней и тонула в кронах могучих деревьев. «Два доллара штука!» – крикнул мальчик и снова принялся играть. Мы понимали, что покупать ничего не будем, а потому и слушать бесплатно не решились. Увидев, что мы даже не замедлили хода, вся стайка стала преследовать нас по пятам, иногда рассыпаясь на отдельных детей с браслетиками, бусиками и коробочками из крашеного бамбука, чтобы, остановившись на нашем пути, потрясти своим товаром, крикнуть: «Два доллара штука!» и немедленно ретироваться, так как мы продолжали с упорством бульдозера идти вперёд, не замечая их. Через минуту преследования крики сменились сначала на «Доллар штука!» а потом «Доллар две штуки!», и, под конец, нам уже предлагали три дудочки за один доллар. Ах, милые дети, если бы не перспектива таскать на спине ваши чудные дудочки на протяжении месяцев дальнейшего странствия, я бы, бесспорно, приобрела их дюжину и раздарила бы добрым людям, но... Если бы не эти «но...», в мире всё было бы совсем по другому. Счастливых и самодостаточных людей было бы больше.

Заканчивался третий день нашего пребывания в Анкоре, так что опасаться встречи с полицией не стоило – выгонят, так выгонят, мы всё равно уже посмотрели то, что хотели. Мы пошли по асфальтированной дороге, соединяющей все крупные храмы Ангкора, на ходу планируя дальнейший путь. Было решено завтра утром отправиться напрямиком на камбоджийско-тайскую границу, в городок Poiret, по-русски именуемый Паойпэт, и уже ехать в Таиланд. Хорошо, что нам визы не нужны, а то денег осталось – четыре

доллара на двоих. Мы оставили на видном месте у дороги наш путеводитель – слово Poipet легко запомнить, да и карта была уже не актуальна, так как до границы всего сто соток километров, а путеводитель хороший, наверняка, кому-нибудь из туристов пригодится. Представляя, как наш путеводитель находит путешественник, только что заказавший его у Вселенной, мы радостно улыбались миру. Мир не замедлил ответить на наши улыбки чудом, воспользовавшись для этого случайно проезжавшим мимо седаном, водительница которого сразу свернула на обочину, и по-английски предложила нас подвезти. Слишком дорогая машина для такси. «Мы заплатить не сможем...» – говорю я, но водительница лишь улыбается в ответ и подтверждает, что она – не таксистка, а просто решила подвезти нас, так как нам явно по пути. Садимся в машину и тут же подвергаемся стандартному допросу:

– Вы из какой страны?

– Из России.

– О! Русские у нас очень редко бывают, и почти никто из них по-английски не говорит. И гидов русскоговорящих здесь нет. Куда сейчас направляетесь?

– К Ангкор Вату, там рядом рыночек есть, хотим овощей на ужин купить. Только там выбор уж очень бедный, может, подскажете, где ещё здесь дешёвые овощные рынки найти можно?

– Возле Ангкор Вата? Там полно кафе, поужинали бы там. А про рынок я в тех местах не знаю. Вот возле Та Прома был хороший рынок. У меня там свой ресторанчик, мы на этом рынке все овощи и покупаем.

– А мы как раз от Та Прома и идём, жалко, что рынок этот не заметили. В кафе ужинать – это не для нас – у нас всего четыре доллара, как раз на две тарелки еды из кафе. А огурчиками и бананами с дешёвого рынка мы ещё неделю

на эти деньги питаться сможем.

– Интересно... Что ж вы в Камбоджу прилетели без денег?

– А мы не прилетели, а пешком пришли. Уже скоро пять месяцев, как мы в пути.

– Ого... А у меня возле дома ещё рынок есть, могу вас туда отвезти – это в паре километров от Ангкор Вата. Только придётся за чек поинт выехать. У вас билеты-то есть?

– Нет.

– Ух-ты. Вот, ребята, вам немного денег, покушайте нормально, а как время будет, заходите ко мне в ресторан, я вас там бесплатно накормлю.

– Спасибо большое, но мы завтра уже покинем Ангкор, так что зайти к Вам не успеем.

– Ну тогда вот вам ещё немного денег, и я вас прямо до Ангкор Вата доведу...

Утром мы в последний раз искупались во рву и начали собирать вещи. Как раз во время складывания алюминиевых стоек от палатки, в десяти метрах от нас отчётливо раздались голоса, а спустя пару минут, и шипение раций, говорящих что-то на кхмерском языке. Нас окружили полицейские. Никто из них не говорил по-английски, поэтому нас жестами попросили следовать за ними. Один из встречавших нас на выходе на асфальтированную дорогу стражей порядка спросил у Димы, говорит ли он по-английски. Дима честно ответил, что не говорит. Я скромненько промолчала. Нас жестами пригласили сесть в машину, на боку которой красовалась надпись: «Tourist police».

В офисе туристической полиции нам по-английски пытались объяснить, что спать на территории комплекса нельзя, но я, уместно испугавшись того, что сейчас они начнут спрашивать билеты, а потом ещё и на штраф какой-нибудь намекать начнут, решила забыть начисто английский

(ведь недаром вчерашняя хозяйка ресторана упомянула о том, что русские по-английски не говорят). Я протянула полицейским наши загранпаспорта, указывая на надпись «Russian Federation». Это подействовало. Данные наших паспортов были занесены в какую-то тетрабочку, а потом англоговорящий полицейский нарисовал нам на каком-то бланке зачёркнутую палатку. «No sleep. OK», – проявила я глубокое знание английского, услышав в ответ сдержанное «yes». После этого мы беспрепятственно покинули пешком территорию самого большого в мире храмового комплекса Ангкор.

Глава 5. СКВОЗЬ БЮРОКРАТИЧЕСКИЕ ТЕРНИИ

Где у нас приговоры народных судов за то, что рабочий или крестьянин, вынужденный четыре или пять раз прийти в учреждение, наконец, получает нечто формально правильное, а по сути издевательство? Ведь вы же коммунисты, почему же вы не организуете ловушки этим господам бюрократам и потом не потащите их в народный суд и в тюрьму за эту волокиту?

В. И. Ленин, «Заключительное слово по докладу о продовольственном налоге, X Всероссийская конференция РКП(б)»

Проехав автостопом около ста километров, мы оказались в городе, названия которого так никогда и не узнали. Впрочем, подавляющее большинство посещённых нами городов, остались в памяти безымянными. Прошагав сквозь город по центральной автостраде, к вечеру мы вышли на продуктовый рынок, расположенный на самой окраине. Рынок оказался так себе: и выбор не ахти, и цены завышен-

ные, зато единственный продукт с приемлемой для нас стоимостью – батат, продавался по восемь килограммов за доллар (!). Мы купили два килограмма вышеназванного корнеплода и отправились искать место, где его можно было бы сварить. Но, как назло, нас окружал промышленный пригород, где ни кафе, ни нормальных жилых домов нет. И так идти тяжело, да ещё два килограмма ноши добавилось. Увидели закрытый жилой дом с каменной лавочкой возле него и решили немного передохнуть. Сидим на лавочке – пыльные, уставшие, вслух (по-русски) мечтаем попить и умыться. Вдруг откуда-то из-за дома появляется мужчина преклонного возраста и выносит нам на подносе шесть запаянных целлофаном пластиковых стаканчиков с холодной водой и шесть заострённых трубочек к ним... Сидим, пьем воду, смотрим на садящееся солнце. Очевидно, что до заката мы не успеем сварить наш батат, да и мест для ночлега в перспективе не наблюдается. Решаем набраться наглости и попросить сварить батат у доброго кхмера, который нам воды вынес. Он поднял рольставни, закрывавшие веранду, впустил нас внутрь, и сразу отправил в душ – мы были слишком пыльные, чтобы возиться на кухне. Пока мы по очереди принимали холодный душ (горячей воды в обычных домах камбоджийцев нет), необходимость в возне на кухне отпала, так как жена и дочери хозяина поставили наш батат вариться и накрыли стол к ужину. Из вегетарианской еды там присутствовали только рис и супчик из листьев каких-то деревьев. Основная масса блюд состояла из рыбы и креветок. Пока мы хлебали супчик, доварился батат, но весь мы его не осилили (даже с учётом помощи местных детей), так что половину упаковали в рюкзак, на завтра. Когда ужин кончился, на улице было очень темно, и, разумеется, о поиске места для ночлега и речи быть не могло. Мы, стоя на пороге уютного дома, никак не могли заставить себя выйти

в эту пылицу (вокруг было много фабрик, обрабатывающих натуральный камень, и каменная пыль висела вдоль дороги туманной завесой). Но, поскольку на ночлег нас не приглашали, надо было идти... Нет, совсем не хотим идти... Но и добротой хозяев злоупотреблять нельзя. Я знаками показываю хозяину, что во-о-от здесь, в двух метрах от его дома, мы поставим палатку и будем спать, а утром уйдем. Хозяин достаёт сотовый и звонит в полицию... Полицейские приехали через три минуты, вышли из машины, вежливо с нами поздоровались и на неплохом английском сказали, что у них в участке конференц-зал пустует, и нам будет куда безопасней поставить палатку в конференц-зале, чем возле дороги. Уже в участке они выяснили нашу историю, а кроме того, я, игнорируя суровый Димин взгляд, рассказала им, как мы трое суток провели в Анкоре, а на четвёртые нас полиция поймала. Главный полицейский сразу позвонил в управление туристической полиции и попросил, чтобы все материалы о нас из архивов удалили. Нехорошо получилось. В Анкоре-то думали, что мы по-английски не говорим... Но зато теперь мы были снова чисты перед камбоджийским законом.

В Паойпэт мы прибыли днём, и, сердечно, но, как оказалось, преждевременно попрощавшись с одним королевством, собрались было отправиться в другое, но...

- Мы – Российские граждане, хотим в Таиланд.
- А где ваши визы?
- А нам не нужны визы.
- Всем нужны визы!
- Всем? Разве нет стран, граждане которых могут пересекать границы Таиланда без виз?
- Всем, всем!
- И где их взять?
- В Тайском консульстве, которое находится в Пном-

пене.

– А ближе нет?

– Нет.

Ну нет, так нет. Идём снова сквозь грязнуший Паойпэт в направлении трассы на Пномпень. Как разительны отличия между камбоджийской провинцией и камбоджийскими городами – в провинции – тихо, красиво, спокойно, а в городах шумно и грязно. Кое-где дороги, словно мощёные мусором, не сразу воспринимаются сознанием – грунта не видно совсем, а через самые непроходимые участки переброшены деревянные мостки. На дорогу совсем не похоже, но по ней ходят люди и ездят мотоциклы. Выбравшись из этого кошмара на трассу, мы обнаружили, что Камбоджа собиралась преподнести нам ещё пару сюрпризов, ради чего, видимо, и не отпустила нас в Таиланд так скоро: началось всё с того, что мы нашли местную купюру, валяющуюся возле дороги. Купюру не самую мелкую. Потом нас подвезли на машине, а когда высадили и даже уже чуть-чуть отъехали, неожиданно вернулись и подарили денег в долларах США, а потом мы пришли ночевать в пагоду. В этой пагоде оказалось сразу два монаха, знающих иностранные языки – один неплохо говорил по-английски, другой – по-французски. И оба они желали поговорить с нами. Причём, одновременно. Мы расположились на балкончике одного из строений при храме, справа от меня сел один монах, слева – другой, и оба начали задавать вопросы. Одни и те же, поскольку тот, что спрашивал по-английски, ничего не понимал по-французски и наоборот. Но моего знания французского было недостаточно для конструктивной беседы, так что диалог по-французски обильно дополнялся языком жестов. И всё это время я не забывала переводить оба диалога сидящему напротив меня Диме. Минут через десять этой пытки я попросила англоговорящего монаха быть пе-

реводчиком, поскольку мой запас французских слов был исчерпан. Оказалось, что франкоговорящий монах лучше знал историю буддизма (он был значительно старше англоговорящего), а потому мы решили выяснить у него что-нибудь об этой религии: «Расскажите нам что-нибудь о буддизме. А то мы ничего о нём не знаем... Кроме истории Гаутамы Шакьямуни». Пожилой монах начал что-то рассказывать на кхмерском языке, периодически употребляя французские слова, и выжидательно глядя на меня. «Я не понимаю», – отвечала я, и тогда молодой монах начал переводить: «У Будды есть четыре медитации: первая – это сидеть в позе лотоса, вторая – ходить со смиренно опущенным взглядом, третья – это вот такая (нам указали на статую лежащего Будды). А на то, чтобы описать четвёртую, мне знания языка не хватит». Старший монах понял, что молодой не всё перевёл, и стал пытаться донести до нас суть четвёртой медитации на французском, но я ничего не поняла. Дима – тем более. В это время из храма вышли какие-то люди, и молодой монах сказал, что для того, чтобы остаться ночевать в храме, мы должны пойти на аудиенцию к главному монаху. Обычно нас пускали ночевать безо всяких аудиенций. Франкоговорящий добавил: «Вам нужно будет разуться, встать на колени перед ним и три раза поклониться. Вообще, все должны кланяться любому из монахов, но вы иностранцы, так что можете нам не кланяться. А главному – обязательно». Зашли в храм, сели на пол посреди зала. Старший монах встал на колени и жестами объяснил, что нам надо повторять за ним. Трижды он падал ниц, едва не касаясь лбом крытого красным ковролином чистого пола. Я радостно принялась биться лбом об пол, а Дима, трижды сдержанно поклонился пожилому полноватому монаху в очках, сидящему в двух метрах от нас в позе лотоса. Молодой англоговорящий монах улыбнулся, и у меня родилось подозрение, что над на-

ми решили пошутить. Но нет, заходившие иногда люди в гражданском, тоже бились лбом об пол перед каждым монахом. Главный монах сказал нам что-то на своём языке, и франкоговорящий протянул ему наш блокнотик. Главный улыбнулся, сказал что-то молодому монаху, после чего мы все вышли из храма. Англоговорящий, улыбаясь, сказал, что главный монах теперь хочет и его отправить странствовать по свету без денег. Мы переночевали в храме, а утром помылись в протекающей по территории храма реке. Для этого пришлось встать пораньше, а то вчера вечером, когда я в этой же реке хотела искупаться, за нами пошла целая вереница любопытных молодых монахов и оба наших друга – полиглота. Дабы не искушать последователей Будды, я решила отложить купание.

Как только мы собрали рюкзаки, франкоговорящий монах спросил:

- Пойдёте с нами есть?
- Пойдём, если позовёте.
- А вы лапшу едите?
- Едим.

– Ой, как хорошо, а то на неё уже никто смотреть не может, – с этими словами он вынес из своей комнаты большой чёрный пакет, битком набитый лапшой быстрого приготовления.

С трудом распихав пакетики по рюкзакам, мы отправились в монашескую трапезную. Прямо на полу сидели рядами лысые монахи в оранжевых одеждах и поглощали рис с рыбой и мясным супом. К сожалению, с нами был только пожилой монах, а как будет «мясо» по-французски, я не знала.

- Мы не едим рыбу и «му-у-у».
- Хм... Пища монахов не ядовита. («Рыба» /poisson/ и «яд» /poison/ на моём корявом французском звучат очень

похоже).

– Рыба, р-ы-б-а. Мы не едим рыбу.

– Не бойтесь, это хорошая еда – видите, монахи все едят. Сейчас они уйдут, и мы с вами будем есть.

Нам принесли то же, что только что кушали монахи, но, кроме риса нам ничего не приглянулось. Хотя и рис не приглянулся, надоел уже, но кушать хотелось, так что мы сосредоточенно жевали сухой рис. Пожилой монах всё пытался убедить нас, что еда не отравлена, и мне было очень стыдно за мой плохой французский – я никак не могла объяснить ему, что мы вегетарианцы. После я спросила у англоговорящего монаха, говорил ли Будда о том, что можно, а что нельзя есть монахам.

– Говорил – нам нельзя есть лягушек, змей, кошек, собак, людей и так далее. А остальное можно.

– А встречались вам монахи – вегетарианцы?

– Нет. Мы без мяса ходить не сможем – сил не будет.

Услышать такое от буддийского монаха... Хм-м-м... Что-то же должно отличать их от других людей, кроме бритой головы и оранжевой накидки? Ведь наверняка что-то необычное движет человеком, принявшим решение уйти в монастырь... И я решила выяснить, что именно:

– А зачем Вы, именно Вы, пошли в монахи?

– При храмах очень хорошие бесплатные школы, в которых преподают английский, – монах задумчиво почесал гладковыбритую голову. – И вообще, много дополнительных занятий, после которых будет легче найти хорошую работу.

– А хорошую – это какую?

– Высокооплачиваемую, престижную. Ради этого большинство родителей и отдают своих детей в храмы.

На этой печальной ноте появился франкоговорящий монах и сообщил, что главный снова просит нас на аудиенцию. На этот раз мы без подсказок трижды поклонились монаху в очках, а он улыбнулся и протянул нам деньги.

– ??? Спасибо, конечно, но за что?

– Вы ему понравились, и он сказал, что всех монахов хорошо бы вот так по свету пустить без денег, чтобы умудряться поучиться.

На память англоговорящий попросил записать ему на диктофон каких-нибудь пожеланий, и я многословно нажелала всем добра и любви, а Дима (по-русски) сказал: «По-чаще смотрите на небо».

Поблагодарив всех монахов, мы попрощались, и снова вышли на трассу. Теперь у нас был неплохой запас денег и полные рюкзаки еды (если лапша быстрого приготовления может называться едой). Автостоп был хороший, и этим же вечером (правда, очень поздним) мы снова прибыли в Пномпень в кузове пикапа, водитель которого оказался так добр, что доставил нас прямо к воротам Российского консульства. «Если будут какие-либо проблемы, звоните», – сказал он и протянул свою визитку. «Королевский юрист» – значилось на тиснёной золотом карточке.

Консульство было окружено неприступного вида забором нежно-кремового цвета, увенчанным мотками колючей проволоки. Нажимаем на кнопку коммуникатора возле двери, сообщаем, что мы – российские граждане и желаем поговорить с консулом. Дверь сама собой открывается, мы заходим в неё, и оказываемся посреди небольшой клетки размером примерно два на три метра, с противоположного торца которой находится ещё одна, в данный момент запертая на замок, дверь. Та дверь, через которую мы вошли, закрывается, щёлкает замок, и мы оказываемся запертыми в клетке. Причём, прутья у клетки – около 14мм в диаметре – прямо как в зоопарке... или в тюрьме? Из будочки, стоящей в четырёх метрах от решётки, выходит русский человек, говорит, что консул прибудет с минуты на минуту и... возвращается в свою будку. Мы стоим в клетке. Ждём. Меня периодически одолевает смех – русская широта души и гостеприимство достигли здесь своего апогея. Спустя несколько минут приходит консул и здоровается с нами через решётку.

– Здравствуйте. Кто вы и что вам нужно здесь в столь поздний час?

– Мы русские путешественники, хотим узнать условия перехода из Камбоджи в Таиланд и попросить два квадратных метра под нашу палатку на территории консульства.

Надо отдать им должное, наши соотечественники всё-таки впустили нас на территорию посольства – но только постоять в двух шагах от клетки. Никаких скамеечек-стульчиков нам не предложили, а консул, явно надеясь поскорее от нас избавиться, даже не отдал команды закрыть за нами клетку.

– Посещение Таиланда для Российских граждан безвизовое на срок до 30 дней.

– Мы только что с границы, нас не пустили. Сказали –

в общем порядке получать визу в Пномпене.

– Российско-Тайское соглашение вступило в силу лишь полгода назад, на границе могут ещё не знать о нём. Ведь полгода – это не срок. Сходите в Тайское консульство, там вам помогут разобраться. Только завтра и послезавтра выходные, так что вам придётся подождать.

– Понятно. А можно мы здесь где-нибудь переночуем?

– Нет. Никто не имеет права ночевать на территории консульства, кроме тех, кто там живет. Здесь рядом дешёвая гостиница есть – всего пять долларов.

– Для кого дешёвая, а для кого нет. Мы без недели пять месяцев в пути, у нас недостаточно денег на гостиницу.

– Я никогда не поверю, что человек может отправиться путешествовать, не взяв с собой достаточного количества денег. Я уверен, что у вас есть в кармане пять долларов на гостиницу, просто потому, что каждый путешествующий человек должен иметь деньги. Иначе путешествовать невозможно.

– Мы к Вам не как к работнику консульства обращались, а как к человеку, – сказал Дима. – Но, впрочем, нам уже всё понятно. Мы уходим. Спасибо за помощь, до свидания.

Когда мы снова миновали клетку, настроение у обоих было препаршивое. Стыдно за соотечественников. Невдалеке виднелась яркая высокая арка входа в пагоду, куда мы и направились просить разрешения поставить палатку на их территории.

– Заходите, сейчас мы ужин организуем, а вы пока помойтесь, – сказал молодой кхмер, вышедший нам на встречу.

– Нужно ли тебе полотенце, сестра? – спросила де-вушка, провожавшая меня до душа.

– Хватит ли вам одного вентилятора в спальне? –

спросил парень, несший нам постельное бельё...

Два следующих дня мы бродили по Пномпеню, про-
сились на ночлег в разные пагоды, но по случаю прибли-
жающегося дня рождения короля, все монахи были очень
заняты, и никому не было до нас никакого дела. В одной из
пагод нам попался очень смешливый монах, который от-
лично говорил по-английски.

– Это вы сами написали? – спросил он, указывая на
нашу надпись в блокнотике.

– Нет, мы не знаем кхмерского, это друг нам написал.

– И что, по вашему мнению, здесь написано? – спро-
сил, с саркастической усмешкой монах.

– «Мы путешественники из России, едем вокруг света
без денег, не могли бы вы подвезти нас?». Мы эту надпись
водителям показываем, и иногда, чтобы объяснить свою
суть – тем, чья помощь нам нужна. Сегодня нам нужен ноч-
лег, а палатку в городе поставить негде. Вот поэтому мы и
показали Вам блокнотик, не знали, что Вы по-английски го-
ворите.

– Ваш друг решил пошутить над вами, – монах глупо
засмеялся. – Здесь написано: «Мы путешественники, не
могли бы Вы дать нам денег, чтобы мы могли продолжить
наше кругосветное путешествие?» – и монах снова разра-
зился диким, совершенно немонашеским смехом.

Тут же перед глазами пробежали лица всех тех, кому
мы показывали блокнотик. Мне было мучительно стыдно за
нас. Хорошо хоть, там не было написано, что мы русские.
Стыд и срам. Я перевела диалог Диме, и поняла по его пом-
рачневшему лицу, что он испытывает то же самое. Мы по-
просили монаха переписать надпись (хотя его припадочный
смех и не вызывал у нас никакого доверия, но не так часто
на улицах Камбоджи можно встретить англоговорящего
кхмера, способного написать нам нормальную надпись).

После этого мы намеренно принялись искать хоть сколько-нибудь говорящего по-английски местного жителя, чтобы он перевёл нам то, что написал монах (по его словам, он написал нам то, что мы хотели, чтобы было в первой записке, а саму первую записку он тщательно зачиркал авторучкой). В его новой записке, по словам одного молодого человека, было следующее: «Да здравствует великий камбоджийский народ! Мы очень уважаем Вас и просим помочь в нашем путешествии вокруг света. Путешественники из России».

Эта надпись нам тоже не понравилась, и мы решили вообще больше никому в Камбодже блокнотик не показывать.

Рано утром, как только открылось Тайское консульство, мы направились напрямик в отдел выдачи виз, и после того, как отстояли длинную очередь и стали очевидцами скандала, который затеял некий европеоид из-за халатности работниц визового отдела, мы оказались-таки у заветного окошка, из-за которого на нас глядела уставшая девушка-азиатка.

– Ваш паспорт, пожалуйста.

– Вот, возьмите, нас двое.

– В очередь вставать надо по одному.

– Мой муж не говорит по-английски.

– Ладно... ммм... посмотрим... вам нужны визы, так? – девушка перелистала наши паспорта, внимательно разглядывая фотографии и обложки.

– Мы хотели узнать о действии Российско-Тайского договора, согласно которому посещение Таиланда для нас безвизовое.

– Так вы русские?

– Русские (а в паспортах это разве не написано? – пронеслось в голове).

– Сейчас я узнаю... – с этими словами девушка отвернулась от нас и принялась обзванивать по телефону какие-то инстанции. – Да, действительно, визы вам не нужны, но нужен обратный билет на самолёт.

– Мы не летаем самолётами.

– Тогда на поезд или автобус – нам нужно подтверждение, что вы уедете из Таиланда.

– Мы ходим пешком, мы и сюда пешком пришли из России, и в Таиланд пойдём пешком.

– Сейчас я спрошу... – снова обзванивание инстанций.
– Вам необходим документ, подтверждающий, что вы уйдёте пешком.

– Что это ещё за документ?

– Попросите в вашем консульстве, чтобы вам выдали документ с печатью и подписью консула, что вы передвигаетесь пешком, тогда, предъявив его на границе, вы сможете попасть в Таиланд без визы.

– А у вас нам никаких документов получать не надо?

– Нет, не надо.

– Большое спасибо, до свидания.

Выходим на улицу. В наше посольство идти уже поздно – лучше завтра с утра его посетим. Кушать хочется. Время уже глубоко послеобеденное, а мы до сих пор не завтракали. Заходим на заранее разведанный рынок и, купив немного овощей, бродим по городу, внимательно прислушиваясь к интуиции, которая должна бы вывести нас туда, где эти овощи удастся приготовить. После пары безуспешных попыток напроситься в кафе или ресторан сворачиваем в жилой проулок. В жилых зонах мы придерживались такого правила – если дверь в дом открыта и в дверном проеме или во дворе кто-то есть, значит, это нас ждут – как правило, нам были действительно рады в таких домах. А вот и первая открытая дверь, и даже ворота настежь – прямо за

ними стоит парень, явно собирающийся в дорогу – в руке мотоциклетный шлем, за спиной – рюкзачок.

– Здравствуйте, Вы говорите по-английски? – спрашиваю я.

– Да, говорю.

– Мы путешественники из России, у нас есть овощи, но приготовить их негде, можно минут на сорок воспользоваться Вашей кухней?

– Я бы с радостью пустил вас, да только я дома один и уезжаю прямо сейчас, но моя соседка дома, сейчас я её позову.

Парень принялся стучать в наглухо закрытые высокие стальные ворота соседнего дома. На его стук вышла пожилая леди с очень добрым лицом. Она улыбнулась нам, а потом, коротко побеседовав с соседом, жестом пригласила нас внутрь. Из-за того, что все ставни и двери были закрыты, в доме царил сумрак, но зато и удушающая жара, вместе с лучами солнца, не могла проникнуть в это уютное жилище. В большой комнате сидели ещё две женщины, и обе они были значительно моложе хозяйки.

– Здравствуйте, меня зовут Срай, – поздоровалась самая молодая из них. – Чем мы можем помочь вам?

– Можно мы на вашей кухне приготовим наши овощи?

– Конечно можно, пойдёмте со мной.

Мы зашли в маленькую, чистенькую и очень уютную кухоньку, стены и пол которой были облицованы голубым кафелем в цветочек, и Срай продолжила:

– Вот здесь газовая плита, она включается вот так, а выключается вот так, вот здесь ножи, кастрюли, перец чили, сахар, соль, приправа, остальное всё на виду, пользуйтесь на здоровье, почувствуйте себя, как дома.

Думаю, стоит пару слов сказать о «приправе», которую Срай назвала «сизонин», и эта модификация английско-

го слова *seasoning*, (ударение на первый слог), сразу переключевала в наш глоссарий, обозначив доселе безымянное вещество. Наряду с солью и сахаром в маленьких баночках (или пакетиках), на азиатских кухнях присутствует усилитель вкуса, представляющий из себя белые кристаллы удлинённой формы (примерно 5x0,5x0,5мм). Впервые мы его встретили ещё на фанзе у китайца Вовы, у которого работали на плантациях, чтобы заплатить за право пересечения Российско-Китайской границы. Вова добавлял этот порошок во все блюда, и вкус их, действительно, заметно улучшался, поэтому и мы стали регулярно его употреблять, сначала в Китае, затем в Лаосе и во Вьетнаме. Состав порошка нас очень интересовал, но никто из англоговорящих не мог объяснить, из чего же его делают. Правда открылась, когда на одном из пакетиков вьетнамского сизоні на я, наконец-то, увидела состав на английском языке... Это был чистый глутамат натрия, он же – пищевая добавка E621, чрезмерное употребление которой, говорят, вызывает гастрит, язву желудка, и прочие подобные неприятности.

Моя сестра занималась изучением пищевых добавок, и составила список продуктов, которых, по идее, не должно быть в рационе здорового человека. Для составления этого списка она посетила супермаркет, где моя семья обычно покупает продукты питания, и переписала названия тех продуктов, которые содержали самое большое количество вредных пищевых добавок. Список получился подозрительно длинным, и кока-кола заняла в нём почётное первое место.

Когда мы, закончив трапезу, собрались покинуть гостеприимный дом, Срай спросила нас:

– Куда же вы пойдёте сейчас?

– Мы пойдём просто гулять, и ноги нас сами выведут куда-нибудь, где можно будет переночевать.

– А где вы будете готовить ужин?

– Мы не будем его готовить, мы, в лучшем случае, раз в день полноценно едим. Иногда ещё бананы покупаем, чтобы перекусить. За двадцать два дня, проведённые в Лаосе, вообще только один раз нормально поели.

– Может, переночуете у меня? То есть не только переночуете, но останетесь на сколько хотите – месяц, два, три... У меня всё равно весь второй этаж пустует. Я живу недалеко отсюда, сегодня просто заглянула в гости к тётушке, у меня, конечно, не так уютно, как у неё... Да и вообще, у меня не дом, а сарай. Думаю, вам он совсем не понравится, но, зато под крышей поспите.

Я перевела диалог Диме, он сурово посмотрел на меня и сказал, что я слишком много жалуюсь. Тяжело не пригласить в гости человека, сказавшего, что он раз в 22 дня ест, а на самом деле, мы максимум – всего трое суток без еды оставались. То там, то здесь, всегда удавалось перекусить чем-нибудь.

Конечно, мы с удовольствием согласились переночевать у Срай. Она позвонила племяннице, после чего попросила нас ещё минут двадцать попить чаю, пока они с племянницей облагородят второй этаж её «сарайчика».

«Сарайчик» оказался обычным двухэтажным домом, довольно стареньким, но вида вполне цивилизованного: первый этаж – кирпично-бетонный, второй – деревянный. Туалет, душ и прачечная находятся на кухне и представляют собой одно помещение размером метр на метр, даже не отделённое от кухни дверью. Помещение чистое и ничем не пахнущее. На втором этаже нас уже ждал широкий матрас, застеленный чистым постельным бельем, и большой круглый стол, на котором стоял литровый тетрапак молока (со сроком годности 2 месяца) и две булки хлеба. Также в наше распоряжение поступили вентилятор, термос-кипятильник, и телефон, с которого мы незамедлительно позвонили в

консульство РФ:

– Здравствуйте, мы русские путешественники, в тайском консульстве нам сказали, что мы можем получить у вас документ, подтверждающий, что мы передвигаемся пешком. Не подскажите, что от нас требуется для получения такого документа?

– Только паспорта. Заходите завтра, мы вам всё оформим.

– И часто вам приходится выдавать такие документы?

– Нет, раньше никогда не доводилось, но вам сделаем.

Наутро, действительно, нам выдали документ с печатью и подписью консула, в котором по-английски было сказано следующее: «Сиим удостоверяется, что граждане РФ Мистер Дмитрий ..., дата рождения ..., паспорт № ..., Камбоджийская виза № ..., и Миссис Елена ..., дата рождения ..., паспорт № ..., Камбоджийская виза № ..., являются пешими путешественниками, путешествующими по свету. В связи с этим консульский отдел посольства РФ в Королевстве Камбоджа просит соответствующие организации выдать необходимые разрешения и оказать посильную помощь в пересечении вышеназванными Российскими гражданами границ пешком».

Теперь мы могли снова ехать на границу, но Срай уговаривала нас задержаться: «Вы уставшие, худенькие, останьтесь хотя бы на месяцок. Я вам каждый день овощей покупать буду, отъедитесь, отдохнёте немного». Нам, на самом деле, хотелось тишины и покоя, а дом Срай находился в очень тихом месте, и сама хозяйка была такая милая, что уезжать от неё совсем не хотелось, так что мы решили остаться на четыре дня, привести в порядок свои записи и отправить электронные письма родным и друзьям.

Вот выдержка из моего письма сестре: «Рассказываю весёлую историю о том, как я лишилась возможности про-

верить, смогут ли носки фирмы Columbia выполнять свои функции в течение года, на который на них давалась гарантия. Гостеприимная хозяйка рассказала, где что лежит, и предложила устроить стирку. Из грязных вещей у нас остались только моя футболка, вышеупомянутые носки и Димины штаны. Я решила воспользоваться предложением и отправилась с грязными вещами в туалет-он-же-ванная-он-же-прачечная. Мама Срай не говорит по-английски, так что, увидев, как я с сосредоточенным видом рассматриваю намыленные Димины штаны (я искала грязные пятна), она решила, что избалованная «мадам» (как меня здесь все называют), не умеет стирать, и, вежливо отстранив меня от тазика с мыльной водой, достирала штаны и принялась за футболку. Я же решила пока прополоскать штаны в другом тазике и упустила знаменательный момент, когда, достав футболку, лёгким движением руки мама Срай вылила грязную воду, вместе с моими носками, в унитаз. Вот такая вот интересная история. Верой и правдой отслужившие пять месяцев нелёгкой службы носки, теперь продолжают странствовать без меня (слава Богу!) в клоаке королевской канализации. Счастливого пути, мои милые носочки, доброго вам плавания!». А вот выдержка из письма другу, который хотел догнать нас в Таиланде: «...В начале пути у нас был приблизительный маршрут, которого мы хотели придерживаться в течение трёх лет, но, как показала практика, планы строить на столь далёкий срок бессмысленно. Жизнь постоянно вносит свои коррективы – в Японию нам визы не дали, в Китае мы не нашли Вьетнамское посольство, переход Лаос-Камбоджа закрыли из-за каких-то военных действий, в Таиланд надо справку пешехода и т.д. и т.п. Так что пересечься с нами вряд ли удастся – мы и сами понятия не имеем, в какой стране будем через неделю, не то что – в каком городе. Про темп жизни для меня слышать уже как-то не-

привычно, я уже и забыла, какой он – городской темп жизни. В путешествии время течёт по-своему – здесь каждый день испытания, каждый день новые жизненные уроки, некоторые из которых даются очень непросто. Это только кажется, что поехать в путешествие просто – бросил всё, и в путь. На самом деле, нужно недюжинное здоровье, терпение и знание английского языка. Так что, Вань, если решишь ехать, то обязательно сначала полгода серьёзно походи в тренажёрку и пару лет – в языковую школу. И ещё – не бери такой тяжёлый ноут и фотоаппарат, как мои, я уже иногда подумываю их выкинуть нафиг. От Димы тебе отдельный совет – побегай кроссы по пересечённой местности с лёгоньким рюкзаком, он, например, бегал с 3-х килограммовым».

Как-то раз у нас со Срай состоялся такой разговор:

– Как вы думаете, сколько мне лет? – спросила она.

– 28... 27? – ответили, посоветовавшись, мы с Димой.

– О! Вы шутите! Мне сорок четыре года.

– Не может быть!

– Честное слово, сейчас, принесу документы.

– Не стоит, мы, конечно же, верим Вам, но в России Вам бы никто больше тридцати не дал.

В Камбодже люди действительно медленно стареют – как внешне, так и внутренне. Однажды, возле священного холма, вокруг которого вырос город Пномпень, мы наблюдали как охранники играли в догоняшки, прыгали друг через друга и сражались на невидимых мечях. На вершине холма находится буддийский храм, где нам не только отказали в ночлеге, но и попросили заплатить за входной билет. Спускаясь, мы свернули с тропы, в надежде найти на склоне ровную площадку под палатку, но холм буквально кишел охранниками, так что нас быстро заметили, и помогли найти выход на дорогу. Сидя на лавочке в небольшом парке у

подножия холма, мы, надеясь улучшить момент для повторного обследования близлежащих тенистых аллей, наблюдали за поведением группы (или точнее будет сказать – труппы) охранников. Пять-шесть мужчин в униформе только что спустились с обхода, и вышли на мощёную площадку, окружив ещё двоих охранников, которые начали ходить по кругу, глядя друг другу в лицо. Вдруг, один из них сделал вид, что выхватывает меч, и рубит им второго, но второй тоже успел выхватить из-за спины невидимый клинок, и отразил удар. Начался настоящий бой на мечах – противники отскакивали, наносили и отражали удар за ударом, иногда, громко вскрикивая, когда невидимое оружие противника попадало в цель. Когда один из сражающихся, в пылу борьбы, толкнул одного из наблюдавших охранников, тот дал ему подзатыльник, и, громко хохоча, пустился наутек. Оставив меч в параллельном пространстве, первый бросился догонять обидчика, и они принялись нарезать круги вокруг своих коллег, периодически цепляясь за них, и сбивая с ног. Вдруг беглец резко остановился и присел, а догонявший, широко расставив ноги, и опершись руками о лопатки присевшего охранника, перепрыгнул через него. Так началась новая игра... У меня в голове пронеслась странная картина, как точно так же, где-то на заснеженных просторах России, бегают здоровенные угрюмые ОМОНовцы. Но вот вообразить их задорный смех мне не удалось. Нет, в России такое вряд ли увидишь. А жаль. Мне представление очень понравилось.

Может разгадка вечной молодости в тёплом климате и спокойной жизни? Это в развитых странах – революция за революцией, реки крови, и, как итог – счастливое будущее для внуков отважных революционеров в виде рабочих будней (которые во всех странах примерно одинаковы для соответствующих слоев населения) и, для России, – перспективы на нищенскую пенсию. Как-то раз нас спросил один из

учителей английского, которого нам привели в качестве переводчика:

– Русские значит... а вы, случаем, не коммунисты?

– Нет, мы не придерживаемся никаких политических течений, и ни в какой партии не состоим.

– Это хорошо.

– А что Вы имеете против коммунистов?

– Ого, да вы совсем историю Камбоджи не знаете!

– Неужели здесь был коммунизм?

– Был, и довольно долго. Про Пол Пота ничего не слышали?

Я перевела диалог Диме, и, убедившись, что он тоже ничего не слышал ни про коммунизм в Камбодже, ни про Пол Пота, отвечаю:

– Нет, ничего.

– А я думал, эту историю во всём мире знают... Был тут у нас один ярый коммунист, три миллиона кхмеров убил. Не любим мы коммунистов.

Вот это да... Три миллиона?.. Если учесть, что сейчас в Камбодже всего около 12 миллионов жителей... Нет, жизнь Камбоджи, очевидно, не была безмятежной. Но почему же тогда вы, камбоджийцы, такие беззаботные, добрые, улыбочивые, а мы вечно в очередях и транспорте ругаемся матом?.. Неужели, только потому, что у нас зима холодная? Или экология у нас ни к чёрту, а у вас на химикалии денег не хватает, вот и живёте, здоровенькие, на одном не генномодифицированном рисе. С чего же ругаться и стареть? Хотя у нас и здоровые ругаются, причём, похлеще больных. Может секрет в образовании? Может нам в школе угрюмость и недовольство жизнью преподают? Рассказываю сюжет одного микро-комикса, нарисованного в учебнике по английскому языку для пятого класса общеобразовательной камбоджийской школы:

Картинка первая: На поле работают мать и сын, сын говорит:

– Мама, эта работа такая сложная, такая тяжёлая, я не хочу больше собирать рис, я поеду в город учиться.

– Хорошо сынок, я буду ждать тебя.

Картинка вторая: Сын, счастливый, с дипломом в руке:

– Я теперь найду хорошую работу и смогу никогда больше не возвращаться на рисовое поле!

Картинка третья: Сын, одетый в деловой костюм, на берегу реки, с бокалом в руке, подходит к красивой девушке в длинном платье, стоящей рядом со своим отцом, одетым по последней европейской моде. Отец девушки говорит:

– Здравствуй, я знаю, что ты скоро женишься на моей дочери, может быть, ты согласишься занять место управляющего одной из моих фирм?

– Да, сэр, конечно! – отвечает парень.

– Ах, папа, это так великолепно! – восклицает девушка.

Картинка четвертая: Сын с девушкой стоят на борту пришвартованного корабля, а по причалу, с которого уже убирают трап, бежит мать с очень морщинистым лицом и кошмарно запавшими глазами, на бегу крича:

– Сынок, сынок, подожди, ведь я твоя мать, ты узнал меня?

– Уйди женщина, я тебя не знаю, не мать ты мне.

Под этим комиксом были следующие вопросы: «Хорошо ли поступил сын?», «В чём именно он поступил плохо?»

Не могу точно сформулировать, что пропагандирует этот комикс, но, очевидно, не беззаботность и лёгкость бытия.

Возможно, секрет счастливой улыбки кроется в том, что у людей есть время сесть и подумать. И прийти к выводу, что для счастья человеку нужна сущая мелочь – жизнь. А когда человек осознаёт себя истинно живущим, то всё в

этом мире может стать для него источником радости, так как всё это суть проявления его жизни. Но с этой философией не сочетаются помойки вдоль дорог, так как восхищённый и влюбленный в жизнь человек никогда мусорить не будет. Пожалуй, ответ кроется в непонятном мне слове менталитет. Если пойму когда-нибудь, что это слово означает, может и догадаюсь, от чего камбоджийцы такие, а русские – другие.

Добрая тетушка Срай подарила нам одежду, и пару ботинок моего размера, но чтобы взять подарки с собой, пришлось проводить ревизию рюкзаков. Мы довольно часто перебирали их содержимое, стараясь своевременно избавляться от ненужного, чтобы не тащить лишний груз. На этот раз, в категорию «ненужное» попали наши сверхлёгкие дорожные спальники, которые в тропическом климате использовались нами только как матрасы. Поскольку по ночам нередко бывало жарко и душно, то, не то что о спальниках – даже о простынях думать не хотелось. Хотелось спать под открытым небом и без одежды, но коварные комары не выпускали нас из палатки. Мы подарили наши спальные мешки Срай, хотя и не представляли, на что они ей могут пригодиться, выбросили мои старые кроссовки (изношенные до дыр в некогда толстой резиновой подошве) и, попрощавшись со Срай и её родственниками, отправились снова в Паойпэт. На границе мы обошли все обменные пункты и, найдя самый выгодный курс, перевели оставшиеся камбоджийские риэлы в тайские баты. После этого мы без проблем получили выездные штампы, а когда, вместе с паспортами, протянули наш «документ пешеходов» офицеру, ставящему въездной штамп, услышали от него неожиданный вопрос:

– Что это такое?

– Документ... Вместо билета на самолет.

– Он вам не нужен, вы же русские. Добро пожаловать в королевство Таиланд.

С этими словами он поставил нам въездные штампы и отдал документы.

Глава 6. КОРОЛЕВСТВО ТАИЛАНД

Вовсе не так легко отыскать книгу, которая научила нас столь же многому, как книга, написанная нами самими.

*Фридрих Ницше,
«Злая мудрость. Афоризмы и изречения»*

Королевство Таиланд

ราชอาณาจักรไทย

Ровно пять месяцев назад мы вышли из дома и, доехав до окраины Новосибирска на маршрутке, со смешанным чувством радости и грусти пешком отправились по шоссе на восток. Шёл дождь. Тогда, пожалуй, я ещё не до конца осознавала, на что подписалась. Было грустно от расставания с родными: любимой сестрёнкой, мамой и папой. Бабушки и дедушка не знали о том, что я уезжаю в кругосветку, да к тому же, без денег. Никто не знал, что у нас на двоих было только четыреста пятьдесят рублей (примерно 17\$). Друзьям я сказала, что беру с собой тысячу долларов, и Дима ещё две тысячи, чтобы они не волновались. Почему-то многие верят в способность денег решать все проблемы в пути. Только один человек знал, что с Димой мы практически не знакомы, большинству я сказала, что он мой жених, опять же, чтобы не волновались. Бывает в жизни такое, что совершенно незнакомому человеку ты, ни с того, ни с сего, начинаешь доверять, как самому себе. Так было у меня с Димой – когда год назад мы с ним впервые встретились в плацкартном вагоне поезда Адлер-

Новосибирск, в голове пронеслось: «Он идёт туда же, куда и ты. Верь ему». И вот уже пять месяцев он действительно шёл туда же, куда и я, а я – туда же, куда и он. Познакомились мы только в пути. Вообще, трудности и радости, пережитые вместе, как нельзя лучше проявляют сущность людей. И в пути я знакомилась не столько с Димой, сколько с самой собой. И я себя удивляла. А иногда даже пугала и доводила до отчаяния. Но это было тогда. А сейчас был Таиланд.

И снова мы пересекли невидимую грань между двумя мирами. Позади остался мир Камбоджи, мир вечного детства, беззаботности и открытых улыбок, мир доброй Срай и её тётушки, чистых душ и грязных улиц. Впереди был новый, совсем незнакомый мир королевства Таиланд, который встречал нас приталенной серой униформой и красивыми металлическими значками пограничников. У этого пограничника серебряный значок по ружейной стрельбе и золотой по пистолетной. У того – серебряный по пистолетной стрельбе и бронзовый значок парашютиста. Как десантника занесло на границу?

– Ваш паспорт, мэм.

– Нас двое, муж не говорит по-английски, – с этими словами я протягиваю наши паспорта.

– Всё нормально. Проходите прямо по коридору, потом направо, – наши паспорта возвращаются к нам.

В конце коридора правая стена неожиданно кончилась, и нашему взору предстала обычная улица с обычной асфальтированной дорогой. Слева, за турникетом, шла проверка багажа въезжающих в Таиланд, но нам было сказано идти направо, и мы свернули на эту пустынную улицу, в конце которой угадывался рынок. Уже издали рынок впечатлял ассортиментом, а при ближайшем рассмотрении, мне на мгновение показалось, что мы вернулись в Китай.

Только гораздо более организованный. Киоски-навесы располагались по отраслям – мягкие игрушки соседствовали с детской одеждой, сухофрукты с орехами, ткани с фурнитурой. Наше внимание привлёк орехово-сухофруктный киоск. Он представлял собой небольшой навес с одной стеной и двумя столбиками, подпирающими крышу. Пространство под крышей было заставлено аккуратными рядами высоких полиэтиленовых пакетов. Сверху они были открыты, и в некоторых, поверх сухофруктов и орехов, лежали пластиковые совочки. Содержимое пакетов было отлично видно – привычных для россиян изюма, чернослива и кураги не наблюдалось. Представленный ассортимент состоял большей частью из незнакомых сушёностей, которые совсем не вызывали у нас аппетита. Зато было несколько пакетов обожаемого нами ореха кешью. Спрашиваем продавца о цене. 220 бат за килограмм. Мы только пересекли границу и не сразу смогли перевести эту цифру в понятие «дёшево» или «дорого». Вроде, дёшево. Но покупать не стали, нам важно сейчас узнать об общем уровне цен в стране. К тому же, может кешью здесь на деревьях в джунглях растут – сами собираем. Да и вообще, пока есть не очень хочется. А захочется – у нас полкило риса и пакетик лапши в рюкзаке имеются. Минував приграничный рынок, мы вышли в город. А вот и кафе без посетителей. Попросим сварить наш рис. В кафе не было ни одного англоговорящего человека, так что снова пришлось всё объяснять на пальцах. Показав, где находится кран с водой, паренёк-официант принёс нам кастрюльку и включил газовую печку. Мы сварили рис, высыпали в кипящую воду с рисом пакетик быстрозавариваемой лапши и приправу от этой лапши, и сели кушать. Славные ребята из кафе, полагая, видимо, что это наше любимое блюдо, на прощание подарили нам ещё полкило риса и несколько пачек лапши. Итак, королевство Таиланд начало обретать в

нашем сознании некоторый образ, и этот образ нам пока нравился. Впереди первая ночёвка. Интересно, где мы будем сегодня спать... и будем ли?.. При одном из домов был большой (около гектара), заросший бурьяном двор, и мы попросили разрешения хозяев поставить в бурьяне нашу палатку. Но они не разрешили. Они выделили нам под палатку один из пустующих гаражей, отделанный изнутри белой кафельной плиткой. В гараже были электророзетки, так что нам даже удалось немного поработать на ноутбуке. Я написала письма домой, после чего Дима сел описывать события не так давно минувших дней, которые впоследствии мы выложим на форуме. Я залезла в палатку, и, удобно устроившись на холодном и твёрдом кафельном полу, прикрытом лишь нашим тоненьким туристическим ковриком, крепко заснула...

Утром я обнаружила, что не смогу идти дальше в ботинках, подаренных тётушкой Срай. Вчера они сильно натёрли мне ноги, и теперь каждый шаг отдавался мучительной болью в мозолях. Жаль. Я оставила ботинки хозяевам гаража, а сама отправилась дальше без обуви. Дима проявил свою джентльменскую сущность тем, что из солидарности тоже разулся, упаковал свои кроссовки в рюкзак, и пошёл босиком. Мы знакомились с Таиландом. Девушки с одинаковыми, очевидно, модными здесь, прическами «каре», проходили мимо и дружелюбно улыбались нам. Родовали глаз очень чистые (особенно по сравнению с камбоджийскими) улицы с левосторонним движением (которое, по началу, постоянно сбивало нас с толку), обилие цветов, оригинально украшенных кафе и магазинов. Возле одного из кафе девочка и женщина высаживали цветы. Они улыбнулись нам, и женщина приветливо поздоровалась:

– Доброе утро!

– Доброе утро! – ответила я.

– Не заглянете в моё кафе на чашечку кофе?

Подсознательно я уже понимала, что в нас эта леди не видит клиентов, это ощущалось по её взгляду и интонации, но, похоже, я уже так привыкла жаловаться, что эта реплика прозвучала из моих уст раньше, чем сознание успело среагировать:

– К сожалению, у нас недостаточно денег для посещения кафе, но спасибо за приглашение.

– Что вы, кофе у меня бесплатный.

Так мы оказались в гостях у женщины-писательницы, чьего имени до сих пор не знаем, а так и называем её между собой: женщина-писательница.

На стене кафе висела табличка, подтверждающая, что утренний кофе, действительно, бесплатный для всех. Под табличкой был включен в розетку электрический чайник, рядом с которым стояли банки с растворимым кофе, сахаром и сухим молоком, а также тостер и две маленькие баночки с джемом. В плетёной корзиночке лежала начатая упаковка тостового хлеба. Пока мы пили кофе с тостами, хозяйка расспросила меня о нашем путешествии, и рассказала немного о себе: «Я сразу поняла, что вы не простые туристы. Вы не похожи на туристов. Я, в своё время, провела в чужой стране больше года, и у меня тоже не хватало денег. Я была в Южной Корее. Я там работала, но зарабатывала не деньги, а опыт. Я устраивалась на какое-нибудь предприятие и работала в течение одного месяца. Так как этот месяц был испытательным сроком, зарплаты не было. Я сменила 20 мест работы, и конечно, за это время столкнулась со множеством трудностей. Но это стоило того. По возвращении, я издала книгу. Вот мой сотрудник. С ним мы писали книгу». Так нам представили высокого худощавого молодого человека, только что вошедшего в кафе. Он выглядел немного моложе женщины, и вид имел чрезвычайно интеллигентный. Он бы

отлично подошёл на роль учёного в каком-нибудь фильме. Мужчина был молчалив, и разговаривал, как правило, только если к нему обращались, а обращалась к нему только женщина-писательница, с тем, чтобы узнать, как будет по-английски какое-то, забытое ею, слово.

– А Дима тоже книгу пишет, – сказала я. – Описывает наше путешествие.

– Он тоже писатель! Прекрасно! Я уверена, что вашу книгу ждёт успех. Просто потому, что вы на самом деле переживаете всё то, о чём пишете. Так было со мной, и моя книга быстро стала популярной.

После кофе, нам предложили остаться на некоторое время на территории гостиницы, к которой относилось кафе. Номера находились за кафе, поэтому мы их сразу и не заметили. За номерами был большой заброшенный сад, в самом конце которого располагался маленький, не менее заброшенный домик. Вместе с хозяйкой и её «сотрудником» мы выбрали полянку под нашу палатку. «Сотрудник» протянул переноску к круглому каменному столику с четырьмя дугообразными каменными скамейками вокруг него. Этому месту предстояло играть роль рабочего кабинета, где Дима мог бы продолжить писать книгу. Так как я постеснялась признаться, что тоже пишу, то и претендовать на ноутбук не стала. Обычно мы писали по очереди. «Это хорошее место для писателя, – сказала хозяйка, – я сама здесь всё устроила для того, чтобы писать. Здесь атмосфера соответствующая. Пишите, отдыхайте. На обед мы вас позовём». Атмосфера, действительно, располагала к творчеству – под открытым небом, среди цветов и пальм, под щебетание птиц и шум ветра в верхушках деревьев, мой спутник до полудня стучал по клавиатуре, а я в это время собирала в окрестностях заброшенного сада мусор, случайно занесённый ветром. Во время обеда разговор о писательстве возобно-

вился:

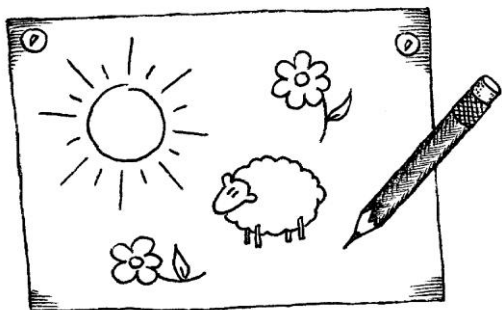
– А о чём ваша книга? – спросила я женщину-писательницу.

– О корейском языке.

– Корейском языке? – переспросила я удивлённо.

– Да. Ведь очевидно, что успешная работа организации напрямую зависит от того, насколько быстро информация перемещается внутри структуры, насколько хорошо понимают друг друга те, кто работает в этой организации. А ведь Южная Корея – одна из передовых стран, многие тайцы уезжают туда на заработки. Вот я и попыталась выяснить причину экономического успеха Южной Кореи.

Я перевела последнюю реплику Диме. Судя по выражению его лица, он тоже не понял, как может язык влиять на успешность производства. Для меня казалось очевидным, что причина успеха Южной Кореи кроется не только в корейском языке, мало того, я думала, что язык здесь вообще ни при чём. Но книга была написана, она была толстая и востребованная. А значит, скорее всего, я просто ничего не знаю о корейском языке. Книгу, когда о ней зашёл разговор, принёс «сотрудник» писательницы, который, наверняка, соавтор, но просто слово «соавтор» по-английски женщина-писательница не знала. Мы полистали книгу о корейском языке, полюбовались на каллиграфические тайские закорючки, непохожие ни на какие знакомые нам буквы (но похожие на лаосские и камбоджийские закорючки), ничего не поняли, и отложили книгу. Если бы она была хотя бы с картинками... Наша точно будет с картинками.

Мы провели в саду весь день. После ужина писательница познакомила нас с другими работниками гостиницы. Их оказалось всего двое – женщина и девочка, которую мы видели утром. Познакомили нас так же, как с соавтором: «Вот девочка и женщина, которые работают здесь», «Приятно познакомиться», – сказали мы друг другу. Всё просто – без имён, без должностей. Девочке было не больше 12 лет, но она отлично справлялась с любой работой. Легко переставляя тонкими ручками большие кастрюли, она мелодично напевала что-то у плиты, готовя ужин на всех. Хозяйка разрешила нам свободно пользоваться кухней и в кафе чувствовать себя, как дома. Обильно намазав горячий тост земляничным джемом, я подошла к телевизору, по которому шла вечерняя программа новостей. Пожилой мужчина в розовом пиджаке, поддерживаемый под руки молодыми тайцами, медленно шагая по асфальтированной дороге, помахал мне с экрана. «Это наш король, – сказала женщина-писательница. – Ему пятого декабря ровно 80 лет исполнится, вот, вчера он из больницы вышел. Это праздник для всех нас. Мы очень любим нашего короля, видите, сколько людей его приветствуют». Действительно, король был окружён толпой тайцев, большинство из которых были одеты в яркие жёлтые футболки. Забегая вперёд, скажу, что и мы большую часть времени, проведённого в Таиланде, проходили в таких же футболках. После новостей пошёл блок рекламы: те же ролики «Памперсов», «Кока-колы» и продукции «Джонсон-и-Джонсон», что и в России, но только дубляж на тайском. А что ещё ожидать от телевидения? Неужели я надеялась увидеть что-нибудь абсолютно новое? Нет, конечно. Я вздохнула и отправилась спать в палатку.

Ночь. Улицу освещает ряд тусклых фонарей. В их мягком свете настоящей феерией сияет маленький домик для духов, возвышающийся на постаменте в дюжине шагов от

нашей палатки. Духи не спят – сквозь маленькие арочные окошечки льётся наружу яркий золотой свет. Вокруг двускатной крыши и по периметру бетонного заборчика, протянута новогодняя гирлянда, благодаря которой, в позолоте подношений, заполнивших весь миниатюрный дворик, блуждают красные, синие, зелёные и жёлтые отблески, придающее домику очарование новогодней ёлки.

Вторую ночь на территории отеля я провела в кабинете писательницы, где, воспользовавшись безлимитным Интернетом, отправила все, заранее написанные, письма и сообщения на форум. На третью ночь нас пригласили в свободный двухместный номер гостиницы. Дима всё время писал, сидя за столиком в саду. Я бродила по территории отеля и размышляла. Во время послеобеденного чаепития мы с писательницей и соавтором вели разговоры, большинство из которых сводилось к описанию мною наших приключений в других странах, и, как часто бывало прежде, разговор перетёк в обсуждение вопроса безопасности. Но, в отличие от большинства моих предыдущих оппонентов, писательница была твёрдо уверена, что раз мы ничего не боимся, то выберемся из любых переделок живыми и здоровыми.

– Я не боюсь смерти, я уже миновала её однажды и знаю, что если не боишься, то всё сделаешь правильно. Страх может затмить разум, – сказала она.

– А при каких обстоятельствах Вы сталкивались со смертью?

– Ко мне подсылали убийцу.

– Кто?

– Завистники. Когда моя книга стала очень популярна, появились те, кто захотел заработать на этом. Они пытались оспорить авторские права, но я подала на них в суд, и он уже скоро. На кону стоят миллионы, и, после инцидента с убийцей, я не сомневаюсь, что выиграю.

– Вы смелая. Bravo! Но, как же всё-таки вы спаслись от убийцы?

– Я почувствовала приближение опасности и смогла не подпустить его к себе. Я сейчас занимаюсь политикой, и противников у меня всё больше, так как я хочу изменить мир к лучшему и имею достаточно влияния для этого. Я уверена, что иду правильным путём, поэтому не боюсь козней противников. Видите, у меня даже охраны никакой нет – я не боюсь.

Опять забегу вперед и скажу, что на одной из политических агитационных листовок, расклеенных на столбах и заборах в Бангкоке, мы видели женщину, очень похожую на эту женщину-писательницу. Похоже, она не случайно не представилась, и не представила нам никого из своего персонала. Видимо, она по-настоящему знаменита в Таиланде.

Наутро четвёртого дня мы пришли прощаться. Нам очень понравились все люди, с которыми мы познакомились в гостинице. Я даже наделала тостов с джемом и пыталась угостить ими девочку с женщиной, которые постоянно готовили нам еду, но они, удивлённо посмотрев на меня, отказались. Просто мне очень хотелось хоть как-то показать, как я благодарна им всем за доброту. На прощание, кроме нашего традиционного подарка – рубля с Лениным, мы подарили девочке значок с надписью «Russia», а писательнице – мраморный значок с фестиваля авторской песни «Ак-Бард». Соавтор хотел подарить Диме свои горные ботинки, но я объяснила, что обувь у моего спутника есть, просто по траве приятнее ходить без неё. Писательница оставила нам в подарок пару лёгких одеял, новые кроссовки для меня и нечто несравнимо большее – частичку своего мира, к которому мы лишь слегка прикоснулись, но воспоминания о котором будут жить с нами. Приятные воспоминания лучше любых материальных подарков, так как они долговечнее.

И вот мы снова в пути. Персонал гостиницы снабдил нас запасом лапши быстрого приготовления, так что, как минимум, три-четыре дня о еде можно не беспокоиться. Наш путь лежал в столицу Таиланда – Бангкок. В отличном настроении мы вышли на трассу и пошли по тротуару. Мы совсем не удивились, когда один пикап притормозил у обочины, и улыбающийся во весь рот загорелый таец по-английски предложил подвезти нас. Удивились мы, когда, сидя в этом пикапе, обнаружили, что водитель пьян – он свернул с трассы и катал нас кругами по проулкам, в конце высадив в том же месте, где подобрал. Мы продолжили свой путь, по дороге смущая прохожих вопросом: «Бангкок – топ-топ-топ?», и вскоре добрались до выезда в направлении столицы, где нас подобрал совершенно трезвый водитель, направлявшийся непосредственно в Бангкок.

Глава 7. СТОЛИЧНЫЕ ЖИТЕЛИ

*Чужие – это друзья, которых тебе
ещё предстоит встретить.*

*(не знаю, кто первым это сказал,
но, по-моему, весьма точно)*

Итак, столица. Огромный современный город. Карты у нас нет. Куда идти непонятно, и мы, придерживаясь старой проверенной тактики, пошли, куда глаза глядят. Глаза глядели на рынок, который сразу же нас разочаровал – почти весь ассортимент состоял из мясных блюд, к которым мы старались не приглядываться, и сладостей, внешне напоминающих густое бело-розово-зелёное желе, нарезанное кубиками. Это был маленький дворовый рынок. Мы стояли посреди него и растерянно озирались по сторонам, в надежде заметить у кого-нибудь связку бананов. Мы часто выис-

кивали фрукты именно таким способом – видишь человека, несущего пакет с фруктами, и идёшь в том направлении, откуда он появился, на любой развилке ждёшь нового человека с фруктами, и так, рано или поздно, добираешься до фруктового лотка. Но найти фрукты в этот день нам было не суждено, так как неожиданно, из-под навеса одного из ближайших кафе раздалось: «Эй, ребята, идите сюда!» – по-английски, естественно. Нам махал из-за столика пожилой мужчина в жёлтой рубашке с короткими рукавами, и повторял: «Сюда, сюда!». Мы не очень любим такое внимание, так как оно, как правило, исходит от изрядно подвыпивших людей – трезвые на всё кафе, обычно, не кричат. Но мы решили подойти к его столику, отчасти потому, что мужчина мог помочь нам найти выход из города (который, судя по масштабам пригорода, был днях в четырёх ходьбы отсюда), отчасти, потому что мы никуда не спешили, и нам было не очень важно, в какую сторону идти именно сейчас.

– Здравствуйте, ребята, меня зовут Вачара. Вачара Вачаробл. Присаживайтесь. Откуда вы?

– Мы из России.

– А как здесь оказались?

– Мы путешественники. Путешествуем пешком и автостопом. Именно в этом месте мы оказались случайно – искали рынок. Другими словами, нас сюда привела судьба, – с улыбкой сказала я.

– Куда вообще путь держите?

– Вокруг света.

– С какой целью?

– Познать мир и найти себя. Познать мир в себе и себя в мире. Это не слишком амбициозно звучит?

– Нет, это звучит замечательно! Вы есть хотите? Конечно, хотите. Вот, ешьте то, что на столе. Я сейчас ещё закажу.

Вачара был трезв, он ждал в кафе своего друга, кото-

рый появился спустя несколько минут с женой и ребёнком. Вачара рассказал другу о нас, и друг сразу же послал жену покупать нам жёлтые рубашки, такие же, что были и на нём самом, и на Вачаре, и на многих других тайцах. Прежде чем облачиться в наши обновки, я спросила у Вачары Вачаробла, что именно на них написано.

– Здесь написано «Долгих лет жизни нашему королю!»

– А под гербом Таиланда что вышито? – уточнила я.

– «60 лет на троне». Пока вы в Таиланде, ходите в этих футболках, мы уверяем, вам это поможет.

Переночевали мы дома у Вачары, утром он отвёз нас на автовокзал, усадил в автобус и объяснил, как от конечной остановки выйти к нужному выезду из города. По счастливой случайности маршрут автобуса проходил мимо королевского дворца. Глядя на проплывающие за окном золотые

шпили, мы единогласно признали дворец достойным нашего внимания, но... Подразнив нас из своей недосягаемости, дворец скрылся за ближайшим поворотом... Не судьба...

Проехав от этого поворота двести метров, автобус остановился, и кондуктор, к нашему удивлению, объявил конечную остановку. Разумеется, мы сразу забыли о своём желании поскорее выбраться из Бангкока. Чтобы не выделяться в толпе, Дима оставил рюкзак и меня в парке, а сам отправился на исследование резиденции короля Таиланда. Но далеко он не ушёл – фэйсконтроль на входе. Димины рваные штаны

не понравились охранникам, и они вежливо выпроводили его с территории. Настала моя очередь. С расчехлённым фотоаппаратом, небрежно переброшенным через плечо, я, задумчиво глядя в пространство, прошествовала мимо охранников, миновала небольшую парковую зону и... оказалась перед билетной кассой. «Королевский дворец. Вход 200 бат». Ну вот, ещё один аттракцион. Я честно попросила билетёра пропустить меня без билета по причине отсутствия денег, но он был неумолим. Ну и ладно. В любом заборе можно отыскать дырку, даже если этот забор королевский. На этот раз дырка нашлась на удивление легко – несколько поворотов между королевскими постройками, и выход на королевскую автостоянку. Задумчивое шествование мимо пары охранников, и я внутри. Да-а-а... Так вот они какие, дворцы... Бонсаи повсюду, садовники поливают из шлангов аккуратные газончики, почётный караул в белой униформе, с винтовками в руках. А вокруг золото, золото, золото... Архитектура, бесспорно, впечатляет... Фасады некоторых зданий расписаны вручную яркими замысловатыми узорами, миллионы маленьких цветных зеркал, украшающих поручни лестниц, окантовку дверей и окон, отражают лучи солнца, окутывая мягким сиянием все грандиозные постройки дворца. И не грандиозные, впрочем, тоже. На территории есть несколько музеев, расположенных в зданиях с банальными двускатными крышами, на которые не хватило позолоты.

Я вернулась к Диме с богатым уловом живописных кадров, отражающих, пусть и не в полной, но в достаточной мере, великолепие монаршей обители. Мы зачехлили фотоаппарат, надели рюкзаки и отправились дальше – по маршруту, разработанному Вачарой и его друзьями. Маршрут был нарисован авторучкой на салфетке. Решив уточнить направление, мы обратились к дорожному полицейскому, который, вместо объяснений, подарил нам карманную карту

Бангкока.

Судя по карте, путь наш пролегал мимо грандиозной статуи предыдущего короля Таиланда. Мы свернули с тротуара, пересекли арку в бетонной стене, спустились по небольшой лестнице и оказались в тихом дворике, утопающем в зелени, скрывающемся от рёва автострады за высоким бетонным забором. Шума дороги здесь практически не было слышно, хотя нас от бесконечного потока машин отделяли всего метров десять. Посреди дворика восседал на троне гигантский медный король. Но вместо ожидаемой короны голову его венчала широкополая шляпа, а на коленях лежала сабля в ножнах. Шею короля, его грудь и плечи украшали яркие цветочные гирлянды, а перед ним стояли подношения из цветов, которые обычно буддисты дарят Будде в храмах или обитателям домиков для дүхов. Пожилая женщина стояла перед статуей на коленях, опустив ладони на асфальт. Мы присели на бетонный поручень лестницы и принялись разглядывать дворик. Женщина встала, поклонилась статуе и ушла. Интересное отношение к королям в Таиланде. А может, они так почитают всех духов прошлого? В центре Бангкока, рядом с торговым центром, мы видели домик для духов, украшенный, как дворец, и весь заставленный дарами. Позднее нам объяснили, что так все работники центра могут рассчитывать на помощь духов во время работы. Больше никто не подходил к статуе, так что мы снова вернулись на автостраду.

Вскоре мы уже шли по дороге, которая обещала вывести нас из бесконечно тянущейся столицы, и, так как я обещала другу Вачары, что обязательно позвоню ему, когда мы выйдем на эту дорогу, нам необходимо было разобраться в устройстве Бангкокского таксофона. Друг очень беспокоился, что мы заблудимся, так что снабдил нас монетками для таксофона, и грозился весь день ждать звонка.

Таксофоны в Бангкоке симпатичные – современный пластиковый корпус украшают живописные фотокартины, а над клавиатурой располагается понятная инструкция в картинках «как пользоваться таксофоном». Отчитавшись перед другом Вачары, и убедив его, что у нас всё отлично, мы развернули карту и начали присматривать себе пагоду для ночлега. Городской пейзаж по обе стороны от дороги не оставлял шансов найти укромный уголок для нашей палатки, так что мы готовились впервые встретиться с тайскими последователями Будды. Пагод на карте было много, но чтобы добраться до них, нужно было уходить от дороги и плутать в лабиринтах узких улочек частного сектора, чего мы не желали, а потому было решено идти вперёд, до самой легкодоступной пагоды. Хотя, судя по карте, до темноты мы к ней не дойдём. И не дошли.

День, по местной традиции, оборвался внезапно, так что к пагоде мы подошли в то время, когда улицы уже опустели, и двери всех приличных заведений были закрыты. Высокий забор из металлических прутьев отгораживал от нас буддийский храм и жилой дом, на первом этаже которого горел свет. Ни одного монаха за забором не было видно. На воротах висел большой блестящий навесной замок. Я уверенно постучала кулаком по прутьям решётки. На стук отозвались несколько собак, дремавших в темноте возле храма, они нас очень громко облаяли, благодаря чему из дома вышел молодой монах. Те же оранжевые одежды, так же наголо обрита голова, что и в Лаосе, и во Вьетнаме, и в Камбодже. Только мускулатура, пожалуй, более крепкая, но это, возможно, особенность именно этого монаха. Монах спросил через решётку, кто мы, откуда, и чего хотим. Услышав ответы, он зашёл в дом и вернулся уже с двумя другими монахами, тоже довольно крепкого телосложения. Самый высокий и мускулистый из них начал задавать уточ-

няющие вопросы, типа: «Почему вы не идёте спать в отель?» и «Почему у вас нет денег на отель?». В конце концов, монахи удалились в дом на совещание, а мы продолжали стоять за решёткой. Через минуту самый высокий вышел к нам со связкой ключей и скептической улыбкой: «Заходите, сегодня вы можете переночевать и поужинать у нас». Было очевидно, что он не поверил в нашу историю, но и как именно к нам относиться, тоже ещё не решил. Как только мы зашли в дом, то сразу поняли огромную разницу между буддийскими монахами Камбоджи, Вьетнама, Лаоса вместе взятыми, и Таиланда. Комната напоминала зал интернет-кафе: отличные мониторы, подмигивающий зелёными глазами модем, принтер, сканер, динамики... и холодильник. Один из монахов принёс нам две табуреточки и извлёк из холодильника несколько ярких упаковок с напитками, конфетами и печенюшками. Почему же у меня образ монаха до сих пор ассоциировался с аскетическим образом жизни? Долой иллюзии, возможно, у этих ребят ещё и спортзал здесь имеется, уж больно они подтянутые. Один из монахов тут же сел за компьютер, где была открыта страничка поисковика Google на тайском языке, второй удалился по своим делам, а самый высокий сел рядом с нами на стул и начал спрашивать о нашем путешествии. При этом и формулировки его вопросов, и выражение лица, и тон голоса, говорили о том, что он нам не верит и всё ждёт, когда мы проговоримся, кто же мы такие. Он не верит, что можно путешествовать без денег. Вообще ничего нельзя делать без денег. Ну да, конфеты в яркой упаковке и газировка действительно без денег труднодоступны. Мы показали ему наши паспорта и документ из российского посольства в Камбодже, а после пригласили всех троих монахов посмотреть фотографии на ноутбуке. По окончании просмотра самый высокий монах выглядел очень удивлённым. Было заметно,

что он открыл для себя совершенно новую сторону жизни. И с этого момента в его улыбке не было скепсиса, в словах – сарказма, а во взгляде – недоверия. Было только любопытство. Монахи приготовили нам лежанку на втором этаже и попросили сфотографироваться с ними. Мы не возражали. На ночь нам принесли тарелку с фруктами и графин с водой. День казался прожитым не зря. Я считаю, что если удаётся показать новую сторону жизни хотя бы одному человеку, это уже большое достижение, ведь видение жизни с разных точек зрения предполагает расширение сознания, а когда все люди будут мыслить объёмно, тогда, возможно, и мир во всём мире перестанет быть утопией... Наутро монахи собрали нам пакетик с ярко упакованными продуктами химического производства, а про одну баночку один из них искренне сказал: «Это очень вкусный йогурт, самый лучший». Не буду комментировать данное его высказывание, чтобы не обидеть. Хотя... ведь многим людям и кока-кола нравится... Но будь моя воля, я бы запретила химикам производить продукты питания. Пусть лучше, это останется прерогативой Природы.

Весь следующий день мы шли вдоль дороги под палящим солнцем, и, часам к четырём, усадились под придорожным городским деревом прямо на тротуар, чтобы передохнуть. Уже хотелось есть, так как химикалиями мы явно раздражили желудки, которые в обычных условиях могли не напоминать о своём существовании сутками. Мы начали придумывать, чего бы такого мы хотели сейчас поесть. «Жареных грибов», – уверенно сказал Дима. Я тоже была не против жареных грибов, поэтому, в список ближайших планов было внесено посещение рынка и приобретение самых дешёвых грибов. Настроение было хорошее, так что я улыбалась всем прохожим и радовалась тому, что мы наконец-то сидим, а не идём. Вообще, я в последнее время всё чаще

стала думать о привалах, так как ходить уже как-то надоело. Одна девушка, проходя около нас, улыбнулась, возможно, в ответ на мою улыбку, и я улыбнулась ещё шире – ведь когда твоё хорошее настроение отражается в ком-то, то это вдвойне приятно. Девушка прошла мимо, но, сделав несколько шагов, остановилась и обернулась. Она подошла к нам и дружелюбно спросила: «Могу ли я чем-нибудь помочь вам?». «Возможно, Вы знаете, где здесь находится рынок? Желательно такой, где можно купить дешёвые грибы? Мы как раз только что мечтали о грибах», – те, кто смотрел или читал «Дневник Бриджит Джонс», наверняка усмехнулись в этом месте, ведь, по сюжету, Бриджит накормили галлюциногенными грибами именно в Таиланде, но ни я, ни девушка, слава Богу, об этом не знали или забыли. Девушка ответила, что знает, где здесь рынок и с удовольствием проводит нас к нему. Она вышла на край дороги, махнула рукой, и перед ней остановилась маленькая яркая машинка Бангкокского такси. Через пару минут мы уже проезжали мимо рынка, но не остановились возле него, так как девушка пригласила нас в гости. Ещё через пару минут мы вышли из машины возле уютного домика, во дворе которого раскачивался на длинных верёвках, свисающих с лёгкого деревянного каркаса, настоящий орхидеевый сад. Девушку звали Черри. Пока её мама жарила для нас грибы, мы с Черри и юной леди по имени Аом пили наш зелёный чай и вели светскую беседу.

– Сколько вам лет, если не секрет? – спросила меня Черри.

– Не секрет, мне 23, Диме 33.

– А мне сколько, как вы думаете?

– Думаю, я, Вы и Аом примерно одного возраста. Вам, возможно, 25, а Аом – лет 20.

Когда я это произнесла, за столом поднялся весёлый

визг. Аом хлопала в ладоши, а Черри хохотала и прыгала на стуле.

– Аом – моя дочь, ей 14, а мне 43! – произнесла она, улыбаясь.

– Не может быть! – я не могла поверить её словам. Я перевела эту новость Диме, и он отреагировал так же.

– Невероятно... – сказал Дима по-русски, а я тут же перевела дамам на английский:

– Unbelievable...

Черри восприняла это как выражение недоверия к её словам (belief – вера, доверие; приставка un- придаёт слову противоположное значение), и сходила за водительскими правами, где стояла дата её рождения. Действительно, этой молодой и весёлой девушке было 43 года. Просто поразительно. Вспомнился аналогичный разговор в Камбодже со Срай, которой мы дали двадцать семь лет при её сорока четырёх. Что объединяет этих женщин? Обе они отлично выглядят и часто смеются, обе приютили нас. Может быть, чтобы так хорошо выглядеть, достаточно быть добрым и жизнерадостным? Или, возможно, все люди от природы могут выглядеть именно так именно в этом возрасте, но ежедневные стрессы, догоняющие среднестатистического горожанина (да и современного сельского жителя часто тоже) отпечатываются на его лице преждевременными морщинами и вот уже здоровый, молодой и красивый человек 43-44 лет – это нонсенс...

У Черри мы и заночевали. В доме, где она жила, также проживали: её мама, папа, тётя, муж, дочь, брат, племянник и племянница. Итого девять человек на маленький двухэтажный домик. «У нас ма-а-аленький дом, зато в нём мно-о-ого людей!» – смеясь, сказала она, когда вся семья пришла знакомиться и фотографироваться с нами. Сначала Аом представила нам двухлетнюю девочку как свою сестру,

а десятилетнего парнишку как брата, так что я удивлённо спросила у Черри: «Сколько же у Вас детей?». Она нахмурила лоб, задумалась, а потом с сосредоточенным видом стала загибать пальцы на руке: один, два, три... четыре... после чего рассмеялась и указала на Аом: «Только одна, а эти – двоюродные брат и сестра Аом». Я тоже засмеялась, шутка с детьми, которых приходится пересчитывать на пальцах, мне очень понравилась. Утром нас снабдили запасом бананов и буддистскими талисманчиками из ближайшего храма (на удачу). Оставив хозяевам на прощание пачку зелёного чая, от которого Аом была в восторге (в Китае нам подарили годовой запас восхитительного Юньнаньского чая), мы отправились в дальнейший путь.

Проходя мимо спортивной площадки, мы сначала замедлили шаг, а после и вовсе остановились, как вкопанные. Как такое возможно? Молодые тайцы играли в неизвестную нам игру, похожую на волейбол... ногами! Передавали точные пасы и ставили блоки над сеткой, делая сальто! Точный удар ноги, и лёгкий плетёный мяч летит через сетку. Впечатляет... Но пригород Бангкока пугающе велик, поэтому мы оторвали-таки себя от этого зрелища, и пошли дальше.

Таиланд продолжал удивлять нас. Проехавший мимо джип резко замедлил ход, и из окна кабины высунулась женская рука с большим зелёным грейпфрутом (вообще-то я знаю, что этот фрукт – не грейпфрут, а называется он «помело», но что бы Вы подумали, если бы я написала так: ...из окна кабины высунулась женская рука с помелом...?). Когда мы дошагали до кабины джипа, женщина, державшая фрукт, подозвала нас, и сказала: «Угощайтесь, это подарок». «Копкун-ка!» – поблагодарила её по-тайски я, «Копкун-кап», – Дима.

– Откуда вы?

– Из России.

- Куда идёте?
- Куда глаза глядят. Сейчас они глядят в направлении Малайзии.
- Вы в Малайзию пешком пойдёте?
- Пешком, если никто не подвезёт.
- Вас подвезти?
- Да, по трассе, хоть немного. Спасибо.
- Вообще-то, по трассе действительно немного подвезём – мы живём рядом, но, если хотите, можете присоединиться к нам, поужинаем вместе.

Мы с удовольствием приняли приглашение. За рулём джипа сидел мужчина очень крепкого телосложения, слева от него – его жена, а в кузове, крытом тентом – трое их детей, которых нам пришлось ненадолго потеснить. Вскоре машина остановилась около двухэтажного деревянного коттеджа. Это был не дом, а произведение искусства. Великолепная резьба покрывала каждую дощечку, украшавшую ограждение открытой веранды второго этажа, ширина которой на несколько метров превышала ширину самого дома. Такие же резные дощечки поддерживали перила лестницы, ведущей на второй этаж. Все плоские поверхности фасада были украшены резьбой. Стен видно не было, они лишь угадывались в тени, в глубине строения, а крышу поддерживали необтёсанные стволы деревьев, пронизывающие потолок первого этажа. Сам дом, казалось, прятался от лучей палящего солнца под своей широкой черепичной крышей, за балюстрадой на втором этаже и тёмными сучковатыми стволами, между которыми покачивались на ветру изящные гнёзда ткачиков. Два больших тележных колеса, словно привратники, стояли перед входом в сумрак первого этажа. От дороги дом отделяла узкая гряда красивых камней с миниатюрными клумбочками белых, красных и розовых цветов. Дом был окружён зеленью, а справа располо-

жила маленькая банановая рощица, где, по крайней мере, на двух бананах поспевали пышные зелёные гроздья. Половина первого этажа была без стен, и в этой половине повсюду свисали с потолка цветы в горшках из скорлупы орехов, кое-где свешивали белые воздушные корни с маленьких живописных коряг, орхидеи. Дом поражал воображение своей красотой и вызывал восхищение дизайнерской работой и работой мастера-резчика, сумевшего увить деревянными цветами, стеблями и листьями всё вокруг. Видя, что мы любуемся домом, хозяин подошёл к нам, и с гордостью сказал: «Это всё я сделал своими руками». Привыкшее к безликости городских квартир, чьи жильцы старательно копируют свои интерьеры со страниц каталогов, моё сознание не сразу восприняло этот факт. Своими руками? Один человек способен сотворить такое Чудо? Почему же большинство из нас всю жизнь проводят в типовых бетонных коробках?

После ужина нас пригласили остаться ночевать под навесом. Несмотря на внушительные размеры дома, оказалось, что дети тоже любят спать на свежем воздухе. Сын хозяина растянул между двумя опорами-стволами гамак, а его старшие сёстры принесли циновки и подушки, постелили их для нас на полу под рядами орхидей, а сами легли на широких лавках, стоящих вдоль обеденного стола. Стоит ли говорить, какие восхитительные сны снятся среди этой рукотворной красоты? Выспались мы превосходно, а наутро вновь стали собираться в путь. Мастер подарил нам на память два плетёных браслета, которые он сделал для монахов в качестве подношения. Мы же в ответ лишь смиренно склонили головы перед его мастерством.

К слову, о подношениях: тайские буддисты периодически ходят в храм, чтобы подарить монахам еду, деньги или что-нибудь ещё, по мнению прихожан, необходимое

монахам, а если мнение монахов не совпадает с мнением прихожан, то дары передаются странствующим путникам. В категорию этих «не необходимых» вещей, видимо, входят зубные щётки и лапша быстрого приготовления. Уж очень часто нас ими одаривали. Лишние зубные щётки в новеньких пакетиках мы потом оставляли на видном месте у дороги, в надежде, что здесь они обретут благодарных хозяев.

Глава 8. АВТОАВТОСТОП

Чудеса там, где в них верят, и чем больше верят, тем чаще они случаются.

Дени Дидро, «Беседа с аббатом Бартеlemi о молитве, боге, душе, будущей жизни и пр.»

Термин «автоавтостоп» мы придумали сами. Он обозначает такой способ передвижения, при котором ты занимаешься своими делами, в то время как кто-то ищет транспорт, едущий в нужном тебе направлении. Мы такое прежде не практиковали и впредь не собираемся, но судьба распорядилась так, что именно этим способом мы добрались до очередной «туристической Мекки» – острова Пхукет.

Попрощавшись с хозяевами чудо-дома, мы вернулись на трассу, которая рано или поздно должна была вывести нас на юг Таиланда. На то, чтобы выйти за пределы пригорода Бангкока, ушло около двух часов. Аккуратно прислонив друг к другу рюкзаки, мы встали рядом с ними, и начали голосовать. Вскоре в десяти метрах от нас остановился большой серый автомобиль с тонированными стёклами. Мы подошли к кабине. За рулём сидел мужчина лет сорока пяти, он по-дружески нам улыбнулся, и спросил на хорошем английском:

– Куда вы направляетесь?

– На юг.

– Спешите?

– Нет.

– Садитесь. Я не еду на юг, так как живу в ближайшем городе, но зато могу устроить вам небольшую экскурсию по окрестностям и вернуть на эту трассу. Вы откуда?

– Из России.

– Я не был в России. Зато по Европе много путешествовал в молодости. Я там учился, а как университет закончил, собрал рюкзак, и вышел на трассу. Девяносто дней катался из страны в страну, а потом вернулся домой. Так что я вас понимаю, сам такой же был. Сейчас мы проезжаем поворот на дорогу, ведущую к разрушенному мосту, благодаря которому во время Второй мировой войны японские оккупанты покинули Таиланд. Этот мост рухнул в начале августа 1945 года, когда на Хиросиму и Нагасаки упали бомбы. Сам по себе. *(Это Великая Отечественная война закончилась 9 мая, а Вторая мировая продолжалась до 2 сентября 1945 года, причём наш водитель утверждал, что Россия в той войне не участвовала по причине своей удалённости от главной арены событий – Юго-Восточной Азии)*. А сейчас мы проезжаем древнюю буддийскую ступу – видите, вон тот гигантский золотой купол? На самом деле это защитный бункер в форме ступы. Сама реликвия маленькая и не особо интересная – сложена из разрушившихся от времени кирпичей. Чтобы дожди окончательно её не смыли, власти построили этот купол, который теперь привлекает туристов в город. А сейчас я покажу вам ещё одну местную достопримечательность – это пекарня. Здесь готовят самые лучшие булочки, которые я когда-либо пробовал.

На трассу мы вернулись с двумя пакетами, набитыми хлебом, булочками и пирожками. Водитель высадил нас на автозаправке и велел ждать под навесом, пока он не запра-

вится. Спустя несколько минут он вернулся со словами: «Больше вам не о чем беспокоиться, я сказал заправщику, что вы едете на юг, и теперь он будет просить водителей подвезти вас, если им по пути. Вот вам моя визитка, звоните, если будут какие-либо проблемы. Удачи вам».

Вот так и начался наш автоавтостоп. Каждый подвоживший нас водитель высаживал нас на заправке и просил персонал подыскать нам машину, а сам уезжал. А мы просто сидели и ели булочки... чувствуя себя при этом эстафетной палочкой... Этот способ передвижения хорош, если тебе нужно как можно скорее добраться из пункта А в пункт Б, но мы-то путешествовали совершенно с другой целью. И нам довольно скоро это надоело – ведь путешествие предполагает шествие по пути, а не пересаживание с машины на машину. Мы ждали англоговорящего водителя, которого можно будет попросить посадить нас в удобном для ночлега месте, и объяснить, почему мы не хотим на очередную заправку. Но, как назло, ни водители, ни персонал заправок, не знали английского, а молча уйти нам совесть не позволяла. На улице уже стояла глубокая ночь, когда к нам, тоскливо взирающим на ряды заправочных колонок, подошёл симпатичный молодой человек и скромно предложил подвезти. Он ехал в город, расположенный недалеко от Пхукета, а это означало, что он готов провезти нас через полстраны. Мы с благодарностью приняли приглашение, забросили рюкзаки в кузов его крытого пикапа, а сами забрались в кабину. Минут через пять наблюдения ночных пейзажей за окном я уснула, и, заваливаясь на бок, начала периодически биться головой о стекло. При этом звук от удара был совсем для меня не лестный – громкий. Водитель, пожалев меня (или своё стекло?), предложил нам устроиться на ночлег в кузове, но кузов был для нас коротковат, так что пришлось открыть задний борт и спать с высунутыми из него ногами.

Сам водитель не спал – всю ночь он так аккуратно вёл машину, что я даже ни разу не проснулась до самой остановки. Когда мы, сладко потягиваясь, выбрались из кузова, солнце уже показалось над горизонтом, и в его лучах мы увидели очередную заправку, окружённую магазинчиками и закрытыми кафе. Не успели мы упаковать наши одеялки в рюкзаки, как получили приглашение на утренний кофе в «Север-Илевен» – один из круглосуточных минимаркетов, сеть которых, подобно «Макдональдсу», окутала почти весь земной шар. Водитель предложил нам выбрать всё что угодно из ассортимента магазина, но, поскольку он уже совершил для нас чудо, мы вежливо отказались. «Не отказывайтесь, прошу; я буду рад разделить с вами кофе, и счастлив, если позволите мне купить вам что-нибудь ещё», – сказал он. Этот водитель принадлежал к числу удивительных людей, без чьей помощи мы бы никуда не уехали; все наши истории являлись их историями; все, столь ценимые мною, уроки жизни были получены благодаря их доброте. Понимая это, мы избегали любых излишеств, и в этот раз, стоя перед открытой витриной со сладостями, выбрали одну из самых дешёвых шоколадок к уже купленному растворимому кофе – одну на двоих. Это была маленькая шоколадочка, упакованная под слиток золота. «В такой упаковке не может быть плохого шоколада», – с иронической обречённостью сказал Дима. Да. Плохого шоколада в ней не было, как, впрочем, и шоколада вообще, зато был хороший коричневый пластилин. Дожевав наш слиток пластилина и допив кофе, мы попрощались с замечательным водителем и пошли в направлении Пхукета.

Спустя несколько часов мы пересекли мост, соединяющий остров с материком, дошли до ближайшей СТО и спросили у хозяина, как нам выйти «туда, где туристы». В туристических местах проще достать карту местности, которая была нам

сейчас необходима. Как думаете, что сделал хозяин СТО? Он достал карту Пхукета, ткнул в неё пальцем, и сказал: «Туристы – здесь», после чего подарил карту нам. Отыскав на ней доступный островок без отелей и магазинов, (единственный, на который вёл пешеходный мост), мы направились на юго-восток острова. К нашему удивлению, искомый островок находился лишь в трёх километрах от центра Phuket Town, где, по словам хозяина СТО и паслись все туристы. Как мог гостиничный бизнес обойти вниманием «наш» островок, было не ясно, но единственной чёрной точкой на нём обозначалась «Деревня морских цыган», и, похоже, ни одного туристического аттракциона поблизости не было. Так как морские цыгане жили лишь на юге островка, мы решили отправиться на его восточный берег, чтоб уютно расположившись на песке под пальмами, наконец-то увидеть, как из спокойных глубин океана по утрам поднимается солнце...

К закату мы добрались до моста, за которым, согласно карте, должен был начинаться наш чудный, почти необитаемый тропический островок... Но вместо этого за мостом продолжался город. Слева от нас запел из репродуктора муэдзин, приглашая правоверных мусульман на вечернюю молитву.

– Может, в мечети переночуем? – предложил Дима.

– Тогда лучше снять кулоны, – ответила я, протягивая руку к маленькой позолоченной фигурке Будды, висящей у меня на шее.

– Это не честно. Если нас не пустят, пойдём дальше.

Когда-то во Владивостоке мы хотели привести себя в

порядок перед посещением японского консульства, для чего обратились в ближайшую церковь. «Можно у вас помыться и постираться?»,— спросили мы у батюшки, а он в ответ: «Вы православные?», Дима сразу сказал: «Нет», а я промолчала, хотя меня в детстве крестили в православной церкви. Тогда я и сама подумала, что если батюшка помогает только православным, то я бы предпочла обойтись без его избирательной помощи. Не пройдя тест, который некогда сдал на «отлично» добрый самаритянин, батюшка сказал: «А мы не православным не помогаем», и захлопнул дверь перед нашими носами.

В мечети же нас встретили радушно. Не обращая внимания на кулоны, мусульмане приняли нас, как родных, и даже пытались угостить наваристым супчиком из куриных лапок (не окорочков, а именно кожистых лапок с когтями). Мне очень хотелось сфотографировать данное, убойного вида, блюдо, но открытая улыбка хозяина, недоумённо наблюдавшего нашу реакцию на супчик, помешала мне это сделать. Нарисовав в блокнотике зачёркнутую курицу, корову и свинку, я объяснила, что мы – вегетарианцы. Поужинав фруктами, мы легли спать в хозяйственном помещении, располагавшемся возле мечети.

С утра мы пересекли мост, и направились по извилистой асфальтированной дороге к выбранному вчера заливу. Ширина островка не превышала двух километров, и почти весь он был застроен лачугами местных жителей, а на побережье стояло несколько маленьких деревянных кафе. «Наш» залив бороздили красно-белые остроносые катера. У Данте в его «Божественной комедии», над входом в ад имелась надпись, оканчивающаяся словами «Оставь надежду, всяк сюда входящий». Я, вот, думаю, не ошибся ли Данте дверью? Нашей реальности эта фраза подошла бы не хуже. К счастью, мы и не тешили себя надеждами увидеть

пустынный белый пляж, так что даже изредка встречаемые на песке бутылки и полиэтиленовые пакеты не особо разочаровали нас. Выбрав участок пляжа, окружённый зарослями прибрежных кустов, мы поставили палатку, закинули в неё рюкзаки, и, впервые в жизни, пошли купаться в Андаманском море. Тёплом, солёном, прозрачном Андаманском море. Вылезать из воды не хотелось вовсе. Мягкие волны раскачивали нас, убаюкивали, снимали напряжение с ноющих спин. На берег мы выползли с одинаковыми счастливыми улыбками. Мистер Скептик не сказал ни слова о загрязнённом берегу, о надсадно рычащих катерах или неточности нашей карты. Он лежал в полосе прибоя, рассматривая маленьких раков-отшельников. А я любовалась удивительной формой разноцветных ракушек, многие из которых были покрыты изящным узором из дырочек. «Перфорация» – неожиданно выдал мой забитый терминами ум. Неужели я даже в мыслях не могу не умничать...

Источник питьевой воды удалось найти на ближайшей лодочной станции – водопроводный кран. Мы развели костёр на дне небольшой, специально выкопанной в песке узкой ямки. Ямка была выкопана перпендикулярно линии берега, так что во время бриза нам не нужно было раздувать костёр – это делал ветер. Сняв с огня готовую еду, я сразу засы пала песком недогоревшие дрова (не столько в целях конспирации, сколько для экономии топлива).

Никто не интересовался нами. Допив вечерний чай, мы сидели на берегу и слушали океан. Постоянно находясь в пути, я научилась ценить даже самые короткие остановки. Возможно, уже завтра обстоятельства заставят нас вернуться на трассу, поэтому ни одной мыслью я не хотела покидать этот берег. Но что за неугомонная штука, этот человеческий ум! Снова мы с Димой пустились в пространные философские рассуждения, и, проболтав до глубокой ночи, от-

правились спать в палатку.

Морской рассвет оказался гораздо менее зрелищным, чем на ярких фотографиях в журналах. Не было буйства красок, лиловых облаков и розовых волн. Была золотая дорожка, идущая от синего горизонта к нашим ногам, и глубокое спокойствие рождения нового дня. И в этом спокойствии было больше содержания, чем во всех фотографиях морских рассветов, вместе взятых. Глядя на неторопливо поднимающееся солнце, я поняла, что мир невозможно обогнать. И отстать от него тоже невозможно. Где бы мы не находились, чем бы не занимались, мы живём в темпе Вселенной. Этот урок я назвала «не спешить». И, наравне с уже усвоенными уроками «не бояться» и «не жалеть», он стал одним из принципов моей жизни.

Девушки, работавшие на лодочной станции, куда я пришла за водой для утреннего чая, приветствовали меня, как старую знакомую, и пригласили нас с Димой на завтрак. Они хорошо говорили по-английски, поэтому завтрак плавно перешёл в дружескую беседу. Одна из девушек показала нам большой альбом формата А3, содержащий только фотографии его величества короля Таиланда. Вот старый король, облачённый в нежно-розовый пиджак, выходит из больницы, а вот он уже вышел и стоит возле машины. Вот он пожимает кому-то руку, вот просто улыбается в камеру. «Я так счастлива, что сумела купить этот альбом, их выпустили не так уж много, а купить их хотят все... Я так люблю нашего короля, что же мы будем без него делать...» – с этими словам девушка смахнула наворачнувшуюся было слезу, но быстро взяла себя в руки: «Долгих лет жизни нашему королю».

В этот момент я отчётливо поняла, что что-то здесь не так. И это стало для меня очередным открытием. Больше двух десятков лет я не обременяла себя подозрительно-

стью. Ради хороших оценок пересказывала учителям даты, биографии, истории из учебников, не задумываясь о том, кто пишет эти учебники. Но вот уже второй раз я чувствую, что история, не только минувших веков, но и сегодняшняя, пишется руками политиков. В первый раз похожее чувство у меня возникло за два дня до этого – когда водитель, запустивший нашу автоавтостопную эстафету, сказал, что Россия не участвовала во Второй мировой войне. А сегодня я поняла, что девушка, живущая на крохотном островке, обожает короля, сидящего на троне где-то на другом конце страны – короля, которого она никогда не видела. Мой взгляд остановился на жёлтой Диминой футболке, такой же, как и та, что была надета на мне, с вышитым гербом Таиланда: «60 лет на троне»...

Если политик достаточно умён, то никто никогда не узнает, какие скелеты лежат в его позолоченных резных шкафах.

Распрощавшись с девушками, мы отправились гулять по побережью. Местные жители, вооружившись обыкновенными столовыми ложками, выковыривали из песка отчаянно сопротивлявшихся крабов. Накидав в ведёрко достаточное количество ракообразных, островитяне расходились по домам. Мы привлекли внимание группки детей, которые, держась на расстоянии, стали играть в шпионов – они делали вид, что «незаметно» преследуют нас – прячась за тонкими стволами пальм, или вовсе притворяясь неуместными на этом берегу валунами. При этом то один, то другой ребёнок начинал хихикать, или что-то шепотом комментировать. Шпионы из них были никудышные. Когда дети это поняли, то решили поиграть в защитников Родины, прогоняющих бледнолицых оккупантов. Найдя где-то швабру, один из мальчиков запустил её в нас. Дима подобрал недолетевшую швабру, и бросил её обратно мальчугану. Все де-

ти повыскакивали из своих укрытий и с визгом разбежались.

Не дожидаясь продолжения игры в защитников и оккупантов, мы свернули палатку и в течение получаса покинули гостеприимный берег. Стоя посреди оживлённого перекрёстка города Пхукет, мы изучили нашу карту и проложили дальнейший маршрут путешествия. Первой вехой на нём стал небольшой национальный парк, расположенный на северо-востоке острова. Переночевав в одном из буддийских храмов, утром следующего дня мы уже стояли у въезда в национальный парк, и беседовали с единственным охранником. Оказалось, что вход в национальный парк платный.

– Мы не туристы, а путешественники. Нам не нужна экскурсия, мы пройдем сквозь джунгли к побережью моря, - объяснила я.

– А я и не предлагаю вам экскурсию. Просто правила такие – хочешь в парк, покупай билет, – ответил охранник.

– Но мы не хотим в парк. Мы хотим в джунгли. Мы не будем ходить по асфальтированным дорожкам и сидеть на лавочках. Мы сразу уйдём в лес, и Вы нас больше никогда не увидите.

Охранник помолчал, потом махнул рукой в сторону леса, и сказал: «Тогда можете идти». Ориентируясь по компасу, мы пошли на восток. Примерно через километр пути, нам встретилась целая плантация грибов, очень похожих на шампиньоны. Добравшись до ближайшего ручья, мы приготовили горсточку «возможношампиньонов», и скушали по одной ложке каждый. Через два часа, убедившись, что грибы не ядовиты, мы доели эту горсточку, а ещё через два часа сварили полную тарелку этих грибов. Варёво получилось очень вкусным и сытным. Четверо суток мы шли сквозь живописнейшие джунгли, двигаясь вдоль ручьев, спускаясь по водопадам, пробираясь сквозь колючие тропические зарос-

ли. Между деревьями, часто прямо на уровне лица, свисали лианы, покрытые острыми длинными шипами. После столкновения с одной из этих лиан Дима стал похож на дикобраза – мне пришлось аккуратно вытаскивать из его лба множество тонких длинных иголок. Как-то раз мы нашли высокую пальму, с которой свисали до самой земли гроздьеза незнакомых тёмных плодов. Мой спутник решил попробовать их. Он откусил крохотный кусочек серо-чёрной мякоти, и его рот мгновенно онемел, а рука, которой он сорвал этот плод, покрылась красной сыпью и начала сильно чесаться. Но больше всего неприятностей нам доставили массируемые атаки крохотных клещей, которые, благодаря размерам (меньше миллиметра, вместе с лапками), могли пролезть под одежду и впиться в любую любимую им часть тела. Их приходилось сдирать с себя сотнями, и эта процедура здорово портила впечатление от общения с живыми джунглями. Спасибо, хоть комаров было немного. За пару часов до заката мы выбирали себе место для стоянки, расчищали его, оборудовали костровище, запасались дровами на несколько часов (чтобы в темноте не бродить по джунглям), ставили палатку и готовили ужин, после которого непременно пили горячий зелёный чай. Из посуды у нас была эмалированная миска, служившая нам котелком, две деревянные ложки, вырезанные Димой в Новосибирске, бамбуковые китайские палочки и один пластиковый стаканчик нежно-зелёного цвета. Наполнив этот стаканчик горячим чаем, мы накрывали тарелочку, стоящую на углях, хобой (куском туристического коврика), чтобы оставшийся чай не остыл. Передавая друг другу стаканчик, мы вели под стрекотание цикад философские беседы, прислушиваясь к крикам гиббонов, которых разводили в этом национальном парке. Когда дрова заканчивались, и последние угли костра уже не могли обеспечить нас горячим чаем, мы любовались

видом ночных джунглей. Впервые я видела такое количество светящихся гнилушек: голубовато-зелёным светом сияли корни, коряги, стволы деревьев и даже почва под ногами. Некоторые кусочки коры сияли так ярко, что в попытке раскрыть секрет этого таинственного свечения, я отделяла их от поверхности ствола, но мягкая кора сразу рассыпалась в моих пальцах, и уже кучкой трухи продолжала сиять на гигантских опавших листьях вечнозелёных деревьев. Несмотря на то, что этот светящийся мир отличался от мира городов, как небо от земли, нас не покидало ощущение, что город где-то рядом. Это были не совсем настоящие джунгли, это был национальный парк, и за каждым колючими зарослями мы были готовы встретить зрителя, совершающего обход территории, киоск с сувенирами, или, что самое страшное, толпу туристов с фотоаппаратами.

Мы не дошли до побережья. Из национального парка мы вышли на опоясывающую его асфальтированную дорогу, за которой начинался посёлок, не обозначенный на нашей карте. Логика подсказывала, что тянется посёлок до самого моря, а значит искать там место под палатку бесполезно. Не успели мы стряхнуть с рюкзаков паутину и вытащить из шляп колючки, как оказались посреди людного рынка, где продавались по-настоящему дешёвые орешки кешью и мандарины, которыми мы безотлагательно пообедали под одним из пустующих навесов. Заодно, вопреки нашей обычной практике, мы запаслись впрок кое-какими дешёвыми овощами, и вернулись на дорогу. То, что последние дни мы редко и мало кушали, стало причиной излишней жадности, и наши рюкзаки ощутимо потяжелели, так что, ради их облегчения, было решено пообедать снова, на этот раз горячеей, приготовленной на огне, пищей. Я постучала в полуоткрытую дверь одного из домов, стоящих в двух метрах от дороги. Распахнутая верхняя дверь-половинка по-

зволяла увидеть в недрах дома двух девушек, одна из которых, дружелюбно улыбаясь, открыла нам нижнюю половинку двери. Девушка не говорила по-английски, так что пришлось жестами объяснять, что мы хотим воспользоваться её кухней. Дима держал в руках пакет с овощами, а я, изображая шипение газовой горелки, разыгрывала привычную пантомиму, переводившуюся на язык слов так: «Нам нужна печка и кастрюлька, и, если Вы не против, мы хотели бы одолжить их у Вас». Девушка была не против, и нас проводили на кухню, из окна которой открывался вид на задний дворик. От широкой стены дома начинался оштукатуренный каменный забор небесно-голубого цвета, огораживающий две сотки подстриженного газона и пустой бассейн. По крупным белым плиткам дна бассейна кружила опавшая листва, а над его кафельным бортиком, на метр возвышаясь над забором, боролись с порывами ветра гигантские листья единственного банана.

Пока мы чистили картошку, вторая девушка, знавшая несколько десятков английских слов, выяснила, кто мы и откуда, после чего сразу покинула нас, но вскоре вернулась, приведя с собой другую юную леди, что-то говоря ей по-тайски и указывая на нас. Вновь прибывшая девушка кивала головой и улыбалась. Через пару минут история повторилась. На этот раз на кухню привели женщину лет пятидесяти, которая, слушая речь первой девушки, также кивала и улыбалась, потом привели мальчика лет 12, который не кивал, а просто во весь рот улыбался, глядя на нас. Пока мы готовили, а после и во время самой трапезы, нас показывали, видимо, всем друзьям, родственникам и соседям этих гостеприимных девушек. Их любопытство не было навязчивым, улыбались они очень открыто, посмотрев на нас не больше минуты, снова скрывались за дверью, и более уже никогда нами видимы не были. Доев тушёные овощи, мы с

Димой поблагодарили хозяек и попрощались с ними, закрыв этим действием милый домашний цирк, конференсье которого ещё долго махала нам вслед. Мы были сыты, рюкзаки – не так уж и тяжелы, а увиденные нами в столь большом количестве улыбки подняли наше настроение до заоблачных высот. В такие моменты жизнь воспринимается как величайший подарок, и даже обнаруживаемые до сих пор маленькие клещики, впившиеся уже достаточно глубоко, а потому с трудом извлекаемые, не могли омрачить наше участие в празднике жизни. Да здравствуют люди, да здравствуют искренние улыбки!

Нам не хотелось покидать Пхукет, не отведав настоящей островной жизни. На этот раз мы возложили свои надежды на западное побережье острова. Но по каким бы дорогам ни пытались мы пройти к океану, выходили всегда к запертым воротам, за которыми начиналась территория многозвёздочных отелей. Попасть на пляж можно было только через специальный «пляжный» выход из холла гостиницы, который, разумеется, охранялся. Нам не удавалось миновать даже стойку администратора, так называемый «ресепшн». Я пыталась объяснить администраторам, что отели нам не нужны, единственное, что нас интересует – это океан, но они отвечали, что весь берег находится в частной собственности, и если мы не являемся постояльцами того отеля, которому принадлежит пляж, то не имеем права там находиться.

Я ничего не имею против частной собственности. Одна из самых больших свобод этого мира заключается в том, что человек волен обманывать себя во всём. Пусть хозяева отелей верят, что это «их» земля, но на океан-то у них нет права собственности. Почему тогда мы не можем даже увидеть его за стенами частных владений?

В одном отеле нам разрешили воспользоваться туа-

летом, где мы переоделись в парадную одежду, причесались и умылись. Войдя в холл следующей гостиницы, мы начали оживлённо беседовать друг с другом на русском языке, и, не останавливаясь, прошествовали мимо администратора и охранника, как будто мы здесь совсем свои. Нас никто не остановил, и, по-моему, даже не заметил.

Пляж выглядел так, словно его только что снимали для рекламы – ровный чистый песок, ни бутылок, ни окурков, ни пакетов. Направившись на север, мы проходили один за другим гостиничные пляжи, на которых, с разной степенью изобретательности владельцы расставили сияющие белизной шезлонги, круглые столики под парусиновыми зонтами, и даже пафосные двуспальные кровати с балдахинном. Работники отелей, увидев нас, расплывались в профессиональной улыбке, а мы вежливо улыбались в ответ и топали дальше, всё ускоряя и ускоряя шаг в стремлении покинуть глянцевый «туристический рай» до заката. В сгущающихся сумерках мы вышли на строительную площадку. Что было за ней, мы не успели увидеть, так как с наступлением ночи вся перспектива будущего потонула в лучах строительных прожекторов.

– Мне определённо по душе минимализм этого отеля. Может, останемся ночевать здесь? – спросила я.

Дима молча осмотрел стройплощадку, и ответил:

– Видишь ребят под навесом? Они непременно заинтересуются нами.

– Тогда пойдём, представимся. Если они нам не понравятся, пойдём дальше.

Мы пошли знакомиться. «Ребята» оказались молодыми строителями, и они были рады нашей компании. По их мнению, палатку на берегу было ставить «очень опасно», так как внезапно разыгравшийся шторм мог смыть нас в океан... Нам, кстати, довелось встретить начало тайфуна на

берегу Южно-Китайского моря в нашей «штурмоустойчивой» палатке. В тот раз ветром погнуло одну из её алюминиевых дуг... А ещё мы в ней ночевали на крыше девятиэтажки во Владивостоке (бюджетный пентхаус с видом на Японское море). Ветер ночью был такой сильный, что только благодаря тяжести наших тел палатка, несмотря на все её усилия, так и не смогла взлететь.

Шторма мы не боялись, но решили, что советами местных жителей пренебрегать не стоит, а потому согласились переночевать на столе под одним из навесов. Завернувшись в свои одеяла, мы спали, обдуваемые свежим морским бризом, который мог быть угрозой разве что комарам.

На рассвете нашим взорам предстала прекрасная, сказочная картина: после этой строительной площадки на побережье не было видно ни одного отеля. Лишь ряды кокосовых пальм и истоптанный чистый песок до самого горизонта. Попрощавшись со строителями, мы чуть ли не вприпрыжку побежали в ближайшую пальмовую рощу. Дима сразу попытался взобраться по одному из гладких стволов, но для этого, явно, требовался некий особый навык, которым мой спутник не владел. Вспомнив, как в школьные годы с лёгкостью взбиралась по канату в гимнастическом зале, я тоже решила попробовать добыть кокос. Пока своими «ужимками и прыжками» я смешила окрестных духов, Дима успел найти три спелых кокосовых ореха.

Весь день мы провели в этой роще, сидя под пальмами, глядя на море, или купаясь, или собирая и разделявая кокосы. Изредка по пляжу проходили загорелые туристы в купальных костюмах и местные жители в повседневной одежде и широкополых шляпах. Можно было, конечно, пойти дальше, поискать менее людное место, но после вчерашней цепи отелей даже эта роща казалась нам необитаемым островом. Вечером мы не стали ставить палатку.

Бриз разогнал комаров, поэтому в ней не было необходимости. Мы развернули двухместный коврик и, положив рюкзаки под голову, укрылись одеялами. И было в этом ночлеге столько душевности, столько «сбывшейся мечты», сколько не смог бы предложить нам ни один из десятка вчерашних отелей.

Утром мы продолжили путь. За «нашей» рощей находилось кафе для туристов – меню состояло исключительно из привычных белому человеку классических блюд. Его владелец был, судя по произношению, англичанином. Мы попросили у него кипятка для заваривания лапши, но вместо этого нам вынесли из кухни две порции риса с овощами. Не пресного и не липкого, а самого обыкновенного слегка подсоленного риса с морковно-луковой зажаркой и консервированной кукурузой. Увидев, с каким аппетитом мы кушаем, владелец предложил нам добавки, и спросил, не хотим ли мы чего-нибудь ещё. От добавки мы отказались, не желая баловать привыкшие к умеренности желудки, а в качестве «чего-нибудь ещё», попросили наполнить питьевой водой наши пластиковые бутылки. Принеся воду, англичанин спросил:

– И куда вы теперь направитесь?

– Будем искать безлюдные места на берегу подальше от отелей. Если найдём, то проведём там пару дней, если не найдём – отправимся в Малайзию.

– Почти весь пляж в частной собственности. Разве что... Видите этот полуостров, – он указал на небольшой мыс, покрытый густыми зарослями кокосовых пальм. – Только во время отлива – утром и вечером в течение пары часов можно пройти на него по суше. Большую часть дня это остров. Там нет отелей, так как на нём нет ни песчаных пляжей, ни пресной воды. Думаю, вам там понравится.

Разумеется, нам там понравилось. Трёх литров воды

из кафе, в сочетании с кокосовым соком нам хватило на двое суток беспечной островной жизни. Питались мы эти дни только зеленым чаем, да кокосами, которые по причине своей спелости сами падали с пальм, нам же оставалось лишь выбрать из них лучшие – самые полные, тяжёлые, в которых глухо плескался свежий кокосовый сок. На третьи сутки, кокосы, мягко говоря, приелись. Почистив один орех на завтрак, мы с трудом заставили себя скушать по небольшому белому ломтику. Остатки ореха отправились вместе с нами обратно на Пхукет, и благополучно заплесневели в моём рюкзаке, так как при одном лишь взгляде на кокос, у нас обоих начисто пропал аппетит.

Этот каменистый островок временно удовлетворил нашу тягу к тропическому отшельничеству, а потому вечером, не предпринимая попыток выйти на побережье, мы попросили разрешения поставить палатку на территории большого буддийского храма. Монахи на Пхукете привыкли видеть белых людей лишь в роли туристов, посещавших храмы из любопытства, и к нам сначала отнеслись настороженно. Чтобы разобраться в наших намерениях, один отлично говоривший по-английски монах пригласил нас выпить с ним кофе, объяснив, что решение о ночлеге будет принимать старший монах, который в данный момент очень занят. Минут двадцать мы рассказывали о своём путешествии, после чего наш собеседник удалился на аудиенцию к старшему монаху. Вернувшись, он передал нам слова своего наставника:

– Мы будем рады, если вы останетесь жить при храме. Вам будет выделено место для сна, и питание, наравне с монахами. Вы можете жить здесь столько, сколько захотите.

– Но мы хотели лишь переночевать у вас... – растерянно пробормотала я, и перевела разговор Диме.

– Лена, скажи честно, ты хотела бы остаться? – спро-

сил он.

– Заманчиво пожить в монастыре, но... нет. Определённо нет. Я на острове хорошо отдохнула. Дорога зовёт.

– Значит, останемся на одну ночь, – озвучил наше решение Дима.

– Спасибо вам, – я слегка поклонилась монаху, сложив ладони у груди, – мы примем ваше приглашение на одну ночь, а завтра на рассвете продолжим свой путь.

– Оставайтесь хотя бы на завтрак. С нами живёт один монах, который также не ест мяса. Для него готовят особую еду, и я уверен, что он будет счастлив разделить её с вами.

Вот так мы получили приглашение пожить в роскоши буддистской обители, гарантирующей крышу над головой и стабильное вегетарианское питание, но отказались от неё в пользу пыли дорог и неопределённости скитальческой жизни. Утром нас навестил монах-вегетарианец. Позавтракав овощным супчиком, мы вернулись на трассу, и, подгоняемые попутным ветром, отправились на материк.

Глава 9. ВОЙНА И ВОИНЫ

Не доверяйте историю и политику профессионалам.

Они продают свои труды за деньги.

А.С. Пушкин

У нас оставалось около недели до истечения сроков действия виз, так что пора было двигаться дальше, хотя от малайской границы нас отделяли всего 300-350км. Никогда не знаешь, в какие дебри заведёт тебя судьба, и пару дней запаса на непредвиденные обстоятельства иметь весьма разумно. К тому же, нас о возможности непредвиденных обстоятельств на юге Таиланда уже давно предупреждали, и, дабы не застрять в горячей точке с просроченными виза-

ми, мы отправились в три мусульманские провинции заранее. Нашей целью был городок Кота-Бару в Малайзии. Чтобы попасть в него, было необходимо проехать все, ежедневно упоминаемые по тайскому телевидению провинции, в которых агрессивные мусульмане не признают авторитет короля и яростно борются за независимость. Можно было бы взять курс на ближайший малайский город Алор-Сетар и тогда провинции Яла и Паттани не оказались бы на нашем маршруте, а ведь в этих провинциях и идёт самое ожесточенное противостояние королевских войск и мусульманских повстанцев. Но зачем тогда вообще выходить из дома, если всегда выбирать простейший из путей? Руководствуясь этой философией, мы добрались автостопом до города Яла и, после посещения рынка, напросились на кухню к добрым местным жителям. Мы протянули им потрёпанный блокнотик с нарисованными мною картинками, объясняющими нашу суть. Глядя на изображение палатки, хозяин дома, весьма замысловатой пантомимой показал нам что-то ужасное, что могло означать либо: вы умрёте ещё до того, как поставите свою палатку, либо во время установки палатки вас зарежут и застрелят, или сначала вы поставите палатку, потом вас похитят с целью либо зарезать, либо застрелить. И с таким сожалением он смотрел на нас, что казалось, провожал в последний путь, хотя мы ещё даже не закончили варить нашу картошечку. Картошечка после этой пантомимы еле пролезла в горло, которое, согласно прогнозу, должно было быть перерезано грядущей ночью. Немного посоветовавшись, мы с Димой приняли решение не ставить палатку, а идти в ближайшую пагоду и просить убежища на одну ночь, а завтра с утра приложить максимум усилий для преодоления автостопом той сотни километров, что отделяла нас от границы с Малайзией. Как смогли, жестами, мы рассказали хозяину дома о принятом

решении. Слова благодарности, по-моему, самые важные слова в любом языке, и потому при пересечении каждой новой границы мы записывали в блокнотик слово «спасибо» и отработывали его произношение с первыми встречными аборигенами. Так что прощание обошлось без пантомим, нас поняли, и проводили долгим печальным взглядом. Дух авантюризма неуютно ёжился под этим взглядом ещё несколько минут после того, как мы вышли на пустынную пыльную улицу, и побрели вдоль бетонных заборов с осыпавшейся штукатуркой на юг в поисках буддийского храма. Храм нашёлся легко, он встретил нас своим красочным фасадом, ярко выделявшимся на фоне облупившейся краски жилых одноэтажных домов. Хотя провинция Яла исторически была мусульманской, правительство Таиланда активно внедряло государственную религию, не скупясь на обустройство пышных пагод, поблескивающих тысячами крохотных зеркал. Высокий забор храма, на территории которого мы оказались, был увенчан мотками колючей проволоки, что говорило о том, что не все согласны с данной политикой правительства. Монахи нас встретили как родных, если не считать инцидента с ужином, состоявшим из мясных блюд, от которого мы отказались, чем вызвали подозрения в приверженности исламу. Однако инцидент был быстро исчерпан, и нас одарили упаковкой маленьких сладких кумкватов и новенькой картой Таиланда, про которую мы тонко намекнули в одном из разговоров с монахами и посетителями храма. Если в северных районах передвигаться по стране было просто, даже не имея карты, то в «горячих» южных провинциях, где английский и французский языки практически никому не понятны, а любой неверно взятый поворот может, по словам СМИ, привести в логово кровожадных террористов, она была жизненно необходима. Наутро, тщательно изучив карту, мы направились в сторону Малайзии.

Пересекая пригород Ялы, мы впервые увидели укутанных в тёмные одежды женщин, торгующих в придорожных лавочках, и девочек, которые, несмотря на жару, были одеты в платья, скрывающие их от щиколоток до запястий. На головах у всех представительниц женского пола были аккуратно повязаны тёмные платки. Никакой агрессии мусульмане не проявляли, напротив, были весьма приветливы, и лишь однажды я поймала на себе настороженный взгляд. Взгляд скорее запуганного человека, того, кто допускает, что мы, иностранцы с промытыми телевидением мозгами, видим в мусульманах угрозу, и кто знает, как мы захотим от этой угрозы избавиться – пройдем ли поскорее мимо, или бросим гранату в окно? Ровная асфальтированная дорога, ведущая на юг, была завалена грудями мешков с песком, расположенными в шахматном порядке, так что скорость лавирующих между ними редких автомобилей ненамного превышала скорость пешеходов, то есть нас, одиноко бредущих вдоль обочины. Один из пикапов, проехавших мимо, остановился в десяти шагах от нас. В кабине оказались трое полицейских, которых мы попросили подвезти нас немного по дороге, а потом, мол, мы снова пешком пойдем.

– Ну нет, пешком вам здесь лучше не ходить.

– Почему?

– Здесь мусульмане повсюду, опасно. Могут похитить, могут убить.

– Мы уже встречали здесь мусульман, они выглядели вполне дружелюбно.

– Вам просто повезло, давайте, мы вас доведем до нашего участка, а там видно будет.

Чем дальше мы ехали по дороге, тем заметнее становилось отличие данной местности от благополучных районов Таиланда. Противотанковые ежи, колючая проволока, заградительные сооружения из мешков с песком, из амбра-

зур которых выглядывают дула пулемётов. Частые полицейские посты, где блюстители порядка ходят вдоль шлагбаумов в касках цвета хаки и бронежилетах с надписью «POLICE», обвешанные гранатомётами и здоровенными чёрными автоматами. И при этом никаких следов боевых действий. Видимо, это говорит об эффективности политики правительства. Террористам просто не оставили места для воплощения их коварных замыслов. Или же здесь, как говорил человек, научивший нас передвигаться автоавтостопом – политические игры и ничего более, и реальных врагов у этих бравых ребят в бронежилетах нет. Вот выдержки из статей, найденных мною много позднее в Интернете:

РИА «Новости» от 4 июня 2007:

«В трех южных провинциях Таиланда – Яла, Паттани и Наратхиват – активно действуют не менее четырех местных террористических организаций, которые добиваются создания там независимого исламского государства. По оценке властей, численность самих боевиков на юге Таиланда достигает в настоящее время тысячи человек, которых поддерживают около десяти тысяч убежденных радикалов. А всего под наблюдением правоохранительных органов, по данным газеты «Бангкок пост», находится около 200 тысяч проживающих на юге мусульман в возрасте от 15 до 20 лет».

Новости от 14 июля 2010:

«После того, как боевики на юге Таиланда в 2004 году ограбили военный склад, в вышеуказанных трёх провинциях часто происходят взрывы, инциденты со стрельбой, похищения людей и другие насильственные акты, в результате 4 тыс. человек погибли, десятки тысяч – получили ранения».

www.gazeta.ru, от 28 апреля 2004, со ссылкой на www.reuters.com:

«Таиландская полиция и солдаты убили по меньшей мере 24 человек, в основном – юношей, после серии свя-

занных атак на полицейские посты на юге страны. "Они атаковали пять наших постов в провинции Яла сегодня утром, и мы уничтожили 22 из них", – сообщил полковник Принья Квануен, глава полиции провинции. Один солдат был убит в ходе этих атак. В соседней провинции Паттани повстанцы атаковали по меньшей мере три поста, убив одного солдата. Двое нападавших были убиты полицией».

Все войны имеют корни в чьём-то уме, кто-то их придумал для своих целей, а потом воплотил за счёт жизней других людей, кого-то назначив союзниками, а кого-то – врагами. Дай Бог, чтобы во всех войнах жертвы были в той же степени воображаемые, что и враги. На данный момент, говоря не столько о ситуации в Таиланде, сколько обо всей планете, я полагаю, что число реальных жертв значительно, в тысячи раз, превосходит число реальных врагов.

Нас отвезли в участок. Часы показывали начало девятого утра, а до границы, по нашим расчётам, часа два езды, так что можно было не спешить. Один из полицейских, на форме у которого красовалось больше всего разноцветных планочек, представился полковником. Он проверил наши документы и пригласил пройти с ним в офис, который находился на втором этаже небольшого двухэтажного здания. Полковник попросил нас подождать, пока он закончит разбираться с нашими паспортами, а чтобы не было скучно во время ожидания, мы можем воспользоваться безлимитным Интернетом на одном из пустующих рабочих мест кого-то из офисных сотрудников. Мы с благодарностью приняли данное предложение, так как давно не выходили на связь с родными, да и новости почитать было бы полезно. Когда полковник вернулся, он сделал нам неожиданное предложение:

– Не могли бы вы сказать речь перед моими солдатами?

– Э-э-э... Какую речь?

– Любую. Просто, скажите им что-нибудь, а я переведу.

– Хорошо, – я сразу вспомнила о том, что планировала когда-нибудь остановить какую-нибудь войну, и миротворческая речь перед тайской армией показалась мне неплохим началом.

Мы вышли на площадь перед зданием, в котором располагался офис. Перед нами выстроились в четыре ряда около тридцати солдат в полной амуниции, то есть один взвод. Не вся тайская армия, но для начала тоже неплохо.

Полковник что-то сказал по-тайски солдатам, а потом сделал мне знак начинать речь. У меня не было времени продумать толком текст, так что пришлось импровизировать:

– Я верю, что однажды на планете Земля воцарится мир, и я очень надеюсь, что это произойдёт до того, как все люди поубивают друг друга. И я считаю, что каждый из вас предпочёл бы не стоять на плацу в этот жаркий день, в тяжёлом бронежилете, с оружием в руках, а сидеть за чашечкой чая в кругу семьи и любоваться своим садом. Я желаю вам именно этого. Чтобы вместо этих автоматов вы обнимали и носили на руках ваших любимых жён. Будьте счастливы.

Видно было, что солдатам речь понравилась. Они улыбались, а полковник даже сдержанно зааплодировал в знак одобрения. Напоследок он предложил сфотографироваться всем вместе, и, вручив одному из полицейских свой фотоаппарат, поставил нас в первый ряд, перед солдатами, а сам встал возле Димы. После фотосессии я попросила его скопировать на наш компьютер эти фотографии, так что нас снова отправили в кондиционированный офис, где можно было это осуществить. Все нам улыбались, и это снова было очень приятно. Полковник предложил отобедать с ними, и, если нужно, ещё попользоваться Интернетом.

– Вообще, может, останетесь здесь сегодня, а завтра утром я отвезу вас на автовокзал?

– Спасибо, сэр, но у нас нет денег на автобус. Мы пешком пойдём, а если увидим попутную машину, попросим водителя подвезти нас бесплатно.

– Что вы, причём здесь деньги? Я куплю вам билеты на автобус до самой границы.

– Мы не хотели бы обременять Вас...

– Я забочусь о вашей безопасности, здесь действительно не лучшее место для прогулок, мне самому спокойнее будет, если я буду знать, что вы уехали на автобусе.

– Хорошо, сэр, спасибо. Мы останемся.

В офисе мы просидели весь день. Написали электронные письма всем, кому только можно, прочитали сводку новостей за последний месяц и оставили сообщения на форуме. К концу рабочего дня я уже рисовала на стене подруги «в Контакте» розового слона. Интернет был, а важных дел в сети уже не осталось. Если мой слон вызовет хотя бы одну улыбку, то время, затраченное на его рисование, я буду считать проведённым с пользой.

Часов в восемь вечера нас проводили из офиса в небольшой домик на территории полицейского участка, в котором спал командный состав. Полковник принёс нам широкий хлопчатобумажный шарфик в бордовую клеточку, который запросто можно было использовать в качестве одеяла для одного человека. Он сказал, что в жару этот шарфик спасёт одну из наших голов от палящего солнца, показал, как его можно обернуть вокруг талии во время принятия душа, и, наконец, сообщил, что также его можно использовать просто как бордовый клетчатый шарфик. К многофункциональной детали одежды прилагались две пенопластовые коробочки с нашим ужином и два пластиковых стаканчика чая. Нам пожелали приятных снов и оставили в тишине

тропической ночи, нарушаемой лишь мерным жужжанием вентилятора, до утра. Вообще, ночи в населённых пунктах значительно тише, чем в джунглях – никто не стрекочет у тебя под ухом и не издаёт боевые кличи над головой, не трещат ветки, не поют птицы... Только собаки иногда лают, да вентиляторы жужжат.

На рассвете мы собрали рюкзаки, бросили их в кузов пикапа и, попрощавшись с солдатами, отправились в сопровождении полковника и его водителя на автовокзал, где полковник вручил нам билеты на автобус до границы. Мы с ним обнялись на прощание, похлопали друг друга по плечам, наговорили множество приятных слов, а потом сели в автобус и уехали.

Грунтовая дорога была так сильно разбита, что нас постоянно подкидывало над сидением. На ухабах все пассажиры одновременно взлетали в воздух, а приземлившись обратно на своё место, обменивались сочувственными взглядами. Во время короткой остановки одна из попутчиц, не сказав ни слова, купила нам сладких булочек и зелёных, нарезанных ломтиками, манго. Мы очень удивились подарку (который оказался весьма кстати) и долго её благодарили – сначала до того, как всё это съели, потом ещё раз – после. Спустя шесть часов тряски (вместо ожидаемых двух), мы оказались в самом южном тайском городе Бетонг, в семи километрах от которого должен был находиться международный пограничный переход. К закату мы не успели выйти даже за черту города.

Со склона одного из окрестных холмов на нас взирал гигантский золотой Будда, у лотосных стоп которого мы и решили искать ночлег. Как оказалось, такие как мы нередко ищут ночлег у его стоп, и милосердные монахи даже построили несколько маленьких домиков для бродяг на территории, прилегающей к храму. В сумраке наступившей но-

чи, монах проводил нас к одному из этих мини-бунгало. На освещённом крыльце соседнего домика сидел таец в изорванной одежде и изучающе смотрел на нас. Как только мы разложили наши одеялки и приготовились ко сну, этот таец подошёл к окну нашего домика, позвал нас, и что-то спросил по-тайски. Я пожала плечами, в знак того что не понимаю его слов, и добавила по-английски: «I don't understand. Maybe you can speak English or French?». Очевидно, он не говорил ни на английском, ни на французском, но, что самое главное, он понял, что я не говорю по-тайски, и наш диалог перешёл на язык жестов:

– Кушать? – спросил он.

– Кушать – хорошо! – подтвердила я, повторив его жест, изображающий процесс использования ложки по прямому назначению, и добавив сразу после этого большой палец, поднятый вверх.

– Только мы не едим мясо, курицу и рыбу, – продолжила я, подставив к своей голове указательные пальцы, призванные, в данном случае, исполнить роль рогов, и, убрав рога, сразу замотала головой, а руками сделала жест, как будто отказываюсь от чего-то. Потом я замахала согнутыми руками, изображая куриные крылышки, и выразительно закудахтала, прервав саму себя тем же отвергающим жестом, а для изображения рыбы пришлось сначала нарисовать рукой в воздухе волны, а потом той же рукой, но ниже – извивающуюся рыбку.

Мужчина удивлённо взирал на меня с другой стороны окна.

За моей спиной раздалось: «Лена, посмотри на него, он не предлагал, а просил еду», – Дима опять оказался проницательнее меня. Ну что ж, нет хлеба, но хоть зрелище на ужин дяденьке досталось. Я пожала плечами и развела руками. Бродяга тоже развёл руками и отправился к своему

домику. Утром, когда мы, отлично выспавшиеся, покинули своё бунгало, наш сосед, всё так же сидя на крыльце, кушал руками лапшу из бумажного свёртка. Увидев нас, он поднял в приветствии руку и предложил разделить с ним завтрак, но порция лапши была слишком мала для троих, поэтому мы с благодарностью отказались. Нас впечатлила щедрость голодного бродяги, и мы решили подарить ему две наши жёлтые тайские футболки с надписями «Долгих лет жизни нашему королю». После посещения джунглей они, конечно, выглядели не совсем парадно, но всё равно, гораздо лучше, чем его рваная футболка. Хотя бы одна из них ему подойдёт по размеру, а вторую можно будет обменять потом на еду. Бродяга очень обрадовался подаркам, и сразу же облачился в обновку. Она ему действительно подошла. А мы были искренне рады видеть его неподдельный восторг. В десяти метрах от крайнего домика находились апартаменты главного монаха, и пока Дима фотографировал окрестности и меня, главный монах сидел с тремя посетителями за столиком, напротив своего крыльца, и завтракал. Когда монах с одним из посетителей (джентльменом) удалился, двое других, женщина и девушка лет двадцати (хотя, вспоминая Срай и Черри, допускаю, что ей было под полтинник :)), подождали нас. На столе лежал полный пакет разномастной лапши, завёрнутой в бумажные кульки, и дюжина маленьких полиэтиленовых пакетиков с соусами – чёрные пакетики – соевый соус, однотонно красные пакетики – соус чили, не однотонно красные – аджика. «Ешьте, сколько хотите», – сказали дамы, и пошли догонять мужчин. Мы с аппетитом скушали по одной порции лапши с аджикой, и ещё две порции взяли с собой на обед. Кто знает, как там, в Малайзии, с едой?

Через три часа мы дошли-таки до пограничного поста. 30 ноября 2007 года, в 13:50 мы в официальном поряд-

ке покинули территорию гостеприимного Таиланда. Когда все формальности были улажены и пограничный пост остался позади, мы обернулись, поклонились этой прекрасной, полюбившейся нам стране, послали благодарности всем тайцам, что помогли нам в пути и попросили прощения у тех, кого, возможно, невольно обидели. Спасибо вам, замечательные люди. Счастья вам.

Глава 10. ЭТО ВАМ НЕ КОРОЛЕВСТВО

Малайзия
Malaysia

Малайзия – это уже не королевство, в отличие от Таиланда и Камбоджи, а такая же, как и Россия – федерация. Лично я, откровенно говоря, побаивалась встречи с этой страной, так как все посещавшие её путешественники упоминали о высоком уровне малайских цен. Вообще, слово «федерация» означает объединение, союз или содружество, и само по себе никакой угрозы не несёт. Существует множество всевозможных федераций, начиная с известной федерации легкой атлетики, и заканчивая национальной федерацией федеральных служащих NFFE, про которую я только что узнала, в попытке выяснить у моего словаря точное значение слова «федерация». Но что-то меня в этом слове настораживает. Если от слова «королевство» веет духом сказки, возникают образы прекрасных принцев и принцесс, неприступных стен, высоких башен и котов в сапогах, то от слова «федерация» – ничем не веет. И это весьма подозрительно.

После трогательного прощания с королевством, мы зашагали в южном направлении, и, не пройдя и тридцати метров, обнаружили, что мы всё ещё находимся на территории Таиланда, но уже нелегально – справа от дороги стоял камень с надписью «MALAYA THAILAND BORDER», а значит, границу мы пока ещё не пересекли. Ну и ладно, офици-

ально мы сейчас находимся вне каких бы то ни было границ – мы на нейтральной территории, и у нас есть с собой две порции замечательной тайской лапши с аджикой. Мы расположились на поребрике, в полутора метрах от пограничного камня, смешали обе порции с соусом (одна порция была широкой лапшой феттучини, а вторая – классическим спагетти) и, склонившись над нашей тарелочкой, приступили к трапезе. Вроде бы – трапеза, как трапеза. Просто обед. Но тот факт, что обедали мы ни-в-какой-не-в-стране, сделал этот обед настоящим запоминающимся событием. Нужно заметить, что данную часть книги я пишу лишь по воспоминаниям, пользуясь для уточнения дат и событий штампами в моём загранпаспорте и пятью тысячами наших фотографий, сделанных во время этого путешествия. Самые интересные диалоги, которые я хотела передать точно, я записывала непосредственно после того, как диалог состоялся, а про всё остальное я рассудила так: если это важно, то я это запомню. И вот, получается, лапша, съеденная между странами – это важно, а эпизод про то, как на мой вопрос: «Где у вас туалет?», мне выдали лопату и показали на заросли бананов – это не важно, так как я забыла его описать. Хотя эпизод был забавный. Вообще, по моему мнению, интересной и запоминающейся свою жизнь может сделать каждый, нужно лишь немного воображения. Например, можно завести обычай ужинать на крыше. Ещё на крышах городских высоток удобно загорать. Да и вид с них, как правило, неплохой. А можно вышить крестиком ковёр (это тоже очень интересно, и результат будет впечатляющий), или задаться целью вырастить прекрасный сад, или выходить встречать рассвет на балкон и т.д. и т.п. На свете происходит множество удивительных вещей, но большинство из нас не замечает их, так как привыкли жить в «серых буднях», накатали себе колею ежедневной рутины, в которой даже отдых по выход-

ным становится заурядным, обыденным, скучным. И так проходят годы, десятилетия. И мы оглядываемся назад, и удивлённо замечаем, что нам уже за сорок, а вспомнить толком и нечего. Хорошо, что изменить свою жизнь к лучшему никогда не поздно, и даже если тебе за восемьдесят, ты можешь в один прекрасный день встать на ноги, расправить плечи, взять свою любимую тросточку, и вместо традиционного просмотра телесериала отправиться в ближайший парк слушать птичек. Порой малейшего отступления от привычного порядка действий бывает достаточно для того, чтобы вызвать лавину неожиданных событий, которые могут изменить твою жизнь кардинально. Другое дело, что большинство людей, с которыми мне довелось обсуждать эту тему, менять ничего не хотят, хотя и не отрицают, что текущее положение вещей их не устраивает. Но вернёмся к нам с Димой, сосредоточенно жуящим лапшу между странами.

Мимо проходили люди с сумками, они улыбались нам, махали, желали приятного аппетита, и удалялись в направлении одной из стран. Когда еда кончилась, мы, наконец-то, отправились на малайский пограничный пост. Никаких очередей, никакой суеты. Территория очень чистая, у обочины стоят три разноцветных контейнера – один для алюминиевого мусора, другой – для пластикового, а третий для всего остального. Значит, в Малайзии перерабатывают отходы! Отлично! Въездные штампы мы получили быстро, просто и совершенно бесплатно. Наша замечательная новенькая карта Таиланда была нам больше не нужна, но она бы очень пригодилась тем, кто собирался впервые пересечь границу через данный пост. Мы сказали об этом женщине в пограничном офисе и подарили ей карту. Она сразу же пошла приклеивать её скотчем на стену, на самое видное место. Ну а мы отправились дальше, вглубь Малайзии. Первая пара километров нас очень удивила – после крохотного по-

сёлка, в котором даже не было пункта обмена валют, справа и слева от дороги выросли стены непроходимых джунглей. Вскоре возле нас остановился автомобиль, водитель которого предложил подвезти нас, но Диме он показался подозрительным типом, так что мы вежливо отказались от помощи, и продолжили идти вдоль пустынной трассы, вглядываясь в густую зелень тропического леса. Следующий остановившийся водитель внушал большее доверие:

– Зря вы здесь пешком ходите. У вас оружие-то есть какое-нибудь? – спросил он после того, как мы забрались в его машину.

– Нет.

– На эту дорогу местные без мачете никогда не выходят.

– Почему?

– Так это же джунгли! – ответил водитель таким тоном, что уточнять стало как-то неловко, но я всё же поинтересовалась:

– Ну и что?

– Как что? Джунгли – это дикость. Там звери дикие.

Опасно.

Что здесь возразишь? Действительно, опасно. Жизнь вообще – опасная штука: вокруг малярийные комары летают, вирусы всякие размножаются, кирпичи с крыш падают, автомобили перестают слушаться руля, вулканы извергаются. Миллионы опасностей подстерегают людей повсюду. И ничего, живём же как-то. Что более опасно: нестись по автостраде со скоростью 120км в час, полностью доверив свою жизнь крашеному куску металла, или мирно идти по живописным джунглям со скоростью 2км в час, перелезая через стволы поваленных деревьев и свисающие до земли лианы? Ну, подумаешь, каждый час пиявок с ног снимать приходится (если не снять, то пиявка быстро разъедается до размера стручка гороха, и вскоре случайно раздавливается,

оставляя на штанине жуткого вида огромное кровавое пятно). Ну не страшно это! То, что планету загадили – страшно, то, что животные целыми видами вымирают от рук человеческих – страшно. А дикие джунгли – это красиво! И дикие животные – красиво. Короче, мы пожали плечами, и плавно перевели разговор на другую тему. Спросили, многие ли в Малайзии говорят по-английски, получили ответ: «Очень многие, но не все», спросили, распространён ли автостоп, получили отрицательный ответ. Узнав о нашей безденежности, водитель перед расставанием решил купить нам еды, но мы были ещё сыты, и отказались. Тогда он предложил нам подарить бутылку воды, но Дима сразу отверг это предложение, а я не решилась с ним спорить. Он во второй раз за сегодня отказался от чистосердечной помощи. Видно было, что водитель расстроился. Он хотел помочь хоть чем-нибудь, ведь бутылка воды в такую жару не может быть лишней. А по Диминому мнению – может. Так что, снова поблагодарив доброго человека, мы продолжили наш путь в напряжённом молчании. Я начала голосовать на ходу. Этот вариант автостопа не очень эффективный, но удобный в случаях, когда машин мало, местность красивая, и ноги со спинами пока ещё в рабочем состоянии (а они, к сожалению, не всегда в рабочем состоянии). Спустя полчаса подъехала очередная машина, водитель которой заинтересовался нами. Он не скрывал своих меркантильных планов, так что на этот раз мы с Димой единогласно отвергли его предложение подвезти нас «недорого». «Нет денег», – говорили мы. У нас действительно не было ни одного малайского ринггита, а те несколько долларов и батов, что остались с Таиланда, должны были помочь нам в будущем решить нелёгкую задачу пересечения морской границы Малайзии с Индонезией. «А мне много и не надо, дёшево отвезу», – отвечал упорный водитель. «Нет, спасибо, мы пешком пой-

дём, здесь красиво, воздух чистый», – отвечала ему я, а Дима в это время уже ушёл от водительского окошка вперёд, так что мне пришлось спешно оборвать беседу и идти догонять его. Настойчивый водитель не сдался, он снова догнал нас на машине и продолжал вести беседу через открытое окошко на ходу:

– Не бойтесь меня, я полицейский, вот моё удостоверение. Я подвезу вас бесплатно.

– Да мы и не боимся, всё ОК! – ответила я.

– Лена, прекрати, мы не сядем в эту машину, – обратился ко мне Дима, не сбавляя скорости.

– Но почему?

– Мужик, явно, неадекватен.

Водитель, конечно, не понимал нашего диалога на русском языке, но терпеливо ехал с нашей скоростью, прислушиваясь к незнакомой для него речи. Вскоре он уже сам настаивал, чтобы мы сели в машину: «Я хочу вам помочь», – говорил он, но Дима, в третий раз за сегодня, категорически отказался от помощи. Это было уже чересчур. Больше всего на свете не люблю, когда людей обижают. Пусть дальше едет один. Я отдала ему нашу сумку с паспортами, села в машину и сказала водителю, что я поеду с ним, а муж пойдёт пешком. Мы даже не поругались. Просто я очень расстроилась. Человеческая доброта нуждается во взаимности. Если не позволять людям проявлять светлые стороны их натуры, то они, возможно, никогда и не узнают, как это здорово – быть добрым. Как здорово дарить, как здорово улыбаться. Дима сегодня поставил подножку трём добрым поступкам, которые могли бы добавить немного света на белую чашу весов добра и зла. А этой чаше очень-очень нужны добрые поступки. Водитель довёз меня до автовокзала, познакомил со своим другом, который незамедлительно пригласил меня на чашечку кофе, а когда выяснил, что у ме-

ня нет карты Малайзии, раздобыл её в ближайшем киоске и подарил мне. Пока мы пили кофе, на автовокзал привезли Диму. Судьба не позволила нам расстаться даже на 20 минут. Автовокзал мы покинули пешком – шли по карте, в направлении трассы, ведущей на юг Малайзии. После этого случая мы решили больше не расставаться в пути. Ни при каких обстоятельствах.

Нас подвозили, иногда – совсем немного, иногда – километров на сто. Во время одного из пеших переходов мы нашли на дороге большой кокосовый орех под пальмой, и, поскольку, к нашему удивлению, он показался нам весьма аппетитным, взяли орех с собой. Дикая часть Малайзии плавно перетекла сначала в классическую Юго-Восточно-Азиатскую деревню с бамбуковыми и тростниковыми хижинами, зарослями гибискуса и кокосовых пальм, а потом сменилась на городскую застройку с не менее классическими бетонными заборами, придорожными кафешками и автозаправками. И вот, в одном из городков, куда мы приехали уже ночью, жена водителя, заметив, как я достаю из багажника вслед за своим рюкзаком, ещё и кокос, удивлённо спросила:

– А зачем это вам?

– Это наш ужин, мы его сейчас есть будем.

– Это? Есть?

– Да, мы любим кокосы.

– Что вы, он же уже несъедобный. Пока кокос зелёный, из него получают кокосовое молоко, а сейчас он уже совсем коричневый – это не еда. Вон, в кафе – это еда. Пойдёмте, поужинаете со мной и моим мужем.

После горячего вегетарианского ужина мы упаковали свой кокос в рюкзак и, поблагодарив замечательных супругов, отправились вглубь города, искать ночлег. Мы ещё не знали нравов местной полиции, обширности парковых зон,

конструктивных особенностей городских крыш, так что насчёт ночёвки можно было не волноваться – какой смысл волноваться, если вообще ничего о стране, в которой тебе предстоит ночевать, не знаешь? Крыши казались неприступными, парков видно не было, зато приветливо выглядывала из-за домов разноцветная витиеватая лепнина индуистского храма. Туда мы и направились. Храм как раз закрывался. Человек, занимавшийся прилаживанием навесного замка к толстой стальной цепи на воротах, знаками показал, что ночевать в храме нельзя. Там вообще никто не ночует. Пока мы пытались спросить на языке жестов: «Что, прям вообще никто?», на крыльце появилась женщина-индианка с веником. Она внимательно посмотрела на нас и на неплохом английском сказала: «Мне ещё уборку нужно закончить, но моя дочь встретит вас. Идите ночевать в мой дом. Он находится вон в той стороне. Идите, я ей сейчас позвоню». И скрылась в храме. Интересно. Мы пошли в указанном направлении, и, спустя минут пять, дошли до широкого шоссе, примыкающего к дороге, по которой мы сюда попали. Куда дальше? Направо или налево? Пока размышляли над этим вопросом, с другой стороны шоссе появилась девушка в изящном лёгком платье-накидке, переливавшемся золотыми пайетками в свете придорожных фонарей. Мы направились к ней. Девушка свободно говорила по-английски, она сообщила, что встречает нас по поручению матери, что её дом совсем рядом, и её младшая сестра уже освобождает для нас свою комнату на эту ночь. Вскоре мы подошли к частному одноэтажному домику с небольшим двориком. «Садитесь, посмотрите пока телевизор, а я ужин приготовлю», – сказала девушка, приглашая нас в гостиную. Мы ещё ничего про себя рассказать не успели, а перед нами уже дымились две чашки горячего какао. Телевизор вещал какие-то малайские новости, в которые мы совершенно не

вникли – по-малайски мы, кроме «спасибо», ни слова не знали. Да и не до новостей было. Я пыталась понять, почему эта девушка сейчас, посреди ночи, готовит нам ужин, а не спит, как подавляющее большинство её соотечественников. Удивительно, как часто на нашем пути встречаются люди, готовые бескорыстно помогать нам, не зная, кто мы и откуда. И всякий раз, встречая их, я радуюсь так, как будто узнала о существовании такой доброты впервые. Именно они и стали причиной, по которой мы с Димой решили написать «Книгу о доброте». Милые люди! Вы можете творить настоящие чудеса. Не забывайте об этом.

Моя попытка помочь на кухне была немедленно пресечена, так что пришлось ждать в гостиной. На стене висела фотография молодой индийской четы, одетой в роскошные одежды, которую мы принялись внимательно изучать.

– Это моя двоюродная сестра с мужем, – сказала девушка, внося поднос с двумя тарелками, наполненными до краёв овощным супом.

– А мы думали, это король с королевой.

– Что вы, мы же не в королевстве, – девушка улыбнулась и пригласила нас вернуться к столу, напротив которого стоял телевизор.

– А почему они так одеты?

– Это наша традиция – в день свадьбы жених и невеста должны чувствовать себя королём и королевой, для этого они наряжаются соответственно, сидят на троне и все к ним относятся, как к настоящим королю и королеве – кланяются, подарки дарят. У нас есть фотографии со свадьбы. Если интересно, я принесу фотоальбом.

Конечно, нам было очень интересно, так что, сразу после второго за эту ночь ужина, мы сели рассматривать фотографии в свадебном фотоальбоме. О! Как восхитительны были платья на гостях – индианках. Возможно, по при-

чине того, что сама я давно мечтала сменить свои дырявые штаны, которые ниже колен уже не отстирывались от пятен содержимого пиявкиных желудков, на что-нибудь более женственное, мне казалось, что всё, во что они одеты, является собою верх изящества и красоты.

– Это сари? – спросила я у девушки.

– Да, это сари – традиционная для индианок одежда.

– А как называется то, во что Вы сейчас одеты?

– Это пенджаб, он называется так же, как и штат в Индии.

– Очень красиво. Индианки всегда так красиво одеваются?

– Да, малайские индианки, по крайней мере, точно. Женщина должна быть красивой, это наша природа.

– А как Вы оказались в Малайзии?

– Я родилась здесь. В нашей стране на равных правах живут китайцы, малайцы и индийцы. Мы испокон веков сохраняем индийскую культуру, с тех пор, как наши предки пришли из Индии. Никто нам не навязывает своей религии или традиций. Нашу культуру уважают здесь. И мы бережно храним её, чтобы передать нашим потомкам.

Было очень приятно слышать такие слова от молодой девушки (на вид ей было не больше 24 лет), здорово вновь убедиться, что есть те, кто понимают значение культурного наследия и не размениваются на дешёвую моду. Судя по фотографиям в альбоме, современная индустрия моды вообще не затронула индийцев, верных культурным традициям – ни одного короткого платья или юбки, никаких джинсов. Красота. Вот только к концу альбома выражения лиц молодых вызывали сострадание.

– «Когда же это кончится?» – написано на лице жениха, – прокомментировал Дима очередную фотографию.

– Всё только начинается... – с пафосом добавила я и

продолжила, уже по-английски, обращаясь к девушке: – Почему у молодых такие измученные лица?

– Они уже в третий раз играют короля и королеву. В первый раз – для приглашённых друзей и ближайших родственников – во дворце бракосочетаний, это официальная часть церемонии, второй раз – в доме у жены, для всех её родственников, и третий раз – в доме у мужа, для всех его родственников. Всё это время молодые должны каждому улыбаться, принимать дары и угощения, и позировать для фотографий, так как всем хочется с ними сфотографироваться. Кстати, их день начался с посещения фотосалона, где они позировали для профессиональных снимков, один из которых сейчас висит на нашей стене. Не удивительно, что они устали.

Вот она, королевская жизнь. На последних снимках на молодых горько было смотреть – радостные гости, окружившие их, сияли широкими улыбками, а невеста вымученно улыбалась им в ответ. Жених уже не мог больше улыбаться. Он сидел на троне, понутив голову и опустив плечи. На этой невесёлой ноте пришла мама девушки. На незнакомом нам языке она поговорила с дочерью, и, удовлетворённая ответами, пригласила нас пройти в спальню. Там сытых путешественников ждала огромная кровать с мягким одеялом и замечательными мягкими подушками, в окружении которых мы уже сами чувствовали себя королём и королевой. Погрузив утомлённые тела в поролоновые недра восхитительного матраса, мы мгновенно уснули. Разбудил нас запах свежих тостов, доносящийся из расположенной рядом кухни, и свет нового дня, пробивавшийся сквозь занавески. После лёгкого завтрака я, как обычно, сложила ладошки вместе перед грудью, поклонилась, и сказала «спасибо» по-малайски.

– Почему Вы постоянно так делаете? – спросила де-

вушка, повторяя мой жест.

– Так все делают в Камбодже и Таиланде, я просто привыкла. А в Малайзии разве так не делают?

– Нет, только когда молятся.

Жаль, мне очень понравился этот жест. Казалось, что к моему «спасибо» или «здравствуйте», добавляется что-то ещё, невидимое и неслышимое, исходящее только от этих сложенных ладоней и лёгкого поклона. Забегая очень далеко вперёд, в события, которые не будут описаны в данной книге, скажу, что в африканском государстве Судан, в госпитале ООН, куда нас с Димой занесёт судьба два с половиной года спустя, я вновь отблагодарю индианку таким же поклоном, и она удивлённо спросит меня:

– Где Вы научились делать «Намастэ»?

– А это разве «Намастэ»? – столь же удивлённо, отвечу вопросом на вопрос я.

– Да, в Индии мы благодарим и здороваемся друг с другом именно так.

Значит, часть индийской культуры всё же была утрачена малайскими индийцами. Что ж, это, возможно, неизбежно в смешанном обществе, где на одной улице живут представители трёх совершенно разных культур. Но, не мне об этом говорить. Я, русская женщина, которая тогда вела на английском языке диалог с индианкой в Малайзии, одетая в традиционную вьетнамскую блузку и выцветшую итальянскую юбку, рассуждаю об утраченном жесте! Будь я в кокошнике и сарафане, сиди я в резном тереме, с прялкой в обнимку, я бы, возможно, и имела право говорить о том, что кто-то там свою культуру забывает. Так что, хватит об этом.

Попрощавшись с радушными хозяйками и получив от них в дорогу баночку джема, мы пошли искать пункт обмена валют, чтобы наши несколько тайских батов превратить в

несколько малайских ринггитов. Прямо посреди города одна женщина через окно своего седана спросила, не нуждаемся ли мы в помощи.

– Мы пункт обмена валют ищем.

– О, это совсем рядом, я как раз в ту сторону еду, садитесь.

Она довезла нас до улицы, на которой находилось штук пять маленьких обменных пунктов, и одно представительство банка в торговом центре; разумеется, в банке курс был самый невыгодный. Насмешив частного обменщика количеством наших денег и получив от него несколько мелких купюр (ринггиты гораздо дороже батов), мы решили победать. Так, наш кокос вновь сменил ранг – вчера днём мы считали его ужином, ночью – завтраком, а сейчас он назначался обедом. Было видно, что прохожих удивляет тот факт, что мы едим кокос. Похоже, никто здесь не считал его за еду. Представьте, как бы Вы смотрели на двух чукчей, сидящих на бетонном ограждении городской клумбы и жующих морковную ботву. Вот именно так на нас и смотрели прохожие. Один мужчина, проехавший мимо на мопеде, спустя пару минут вернулся с двумя зелёными кокосами и мачете. Он вырубил дырки в орехах и вручил их нам (судя по выражению его лица, это действие можно сравнить с актом дарения морковки чукчам в моём примере – вот ЭТО нужно есть, а не то).

Во второй половине дня мы, наконец-то, вышли из города, миновали последний торговый центр, по площади сравнимый с парой футбольных полей, и остановились на шоссе, скинув рюкзаки, давая отдохнуть спинам и ногам. Малайзия сильно отличалась от последних стран, которые мы проехали. Она изобиловала шопинг-моллами, элитными магазинами и ресторанами, банками, бутиками, дорогими автомобилями и деловыми костюмами. Было непривычно

видеть, как по одним и тем же улицам ходят индианки в прекрасных сари, мусульманки-малайки в строгих хиджабах и китайки в джинсах и футболках. Мужчины всех трёх национальностей, как правило, отличались друг от друга лишь цветом кожи и разрезом глаз – на большинстве из них были надеты выглаженные белые или голубые рубашки с галстуками, у них были одинаковые причёски и одинаково чёрные волосы. Дима в рваных штанах, со своими длинными светлыми волосами и аккуратной бородкой, выглядел пришельцем с другой планеты. Я же, при наличии определённой доли фантазии, могла сойти за крашеную индианку, потому не так сильно выделялась в толпе. Хотя цвет глаз, странная одежда и рюкзак за плечами выдавали и мою инопланетную сущность.

Автостоп как-то не шёл. Шоссе было оживлённое, увидев наши протянутые руки, водители успевали лишь приветственно помахать в ответ, и уехать с бесконечным потоком автомобилей. Идти вдоль оживлённого шоссе очень неприятно – выхлопные газы буквально душат, шум ревущего транспорта – глушит, а пыль, поднимаемая тысячами колес, слепит. Настроение моё неумолимо падало с каждым часом. Рассуждения о прекрасном хорошо получаются в состоянии покоя, а в грязи и вони они, зачастую, трансформируются в рассуждения о грязи и вони. Так что, когда одна машина притормозила возле нас, женщина, выглянувшая из окна, увидела две печальные пыльные физиономии, одна из которых по-английски пожаловалась на финансовую несостоятельность и попросилась в машину – доехать хоть до куда-нибудь, главное, подальше от этого шоссе.

– Может, в гости к нам заедете, помоемся? – участливо спросила женщина.

– А ваш дом находится в направлении Куала-

Лумпура?

– Нет, он в прямо противоположном направлении.

Расплачиваться за возможность помыться перспективой снова пересекать этот город пешком мы не хотели, так что, посоветовавшись с Димой, отвергаем предложение:

– Мы бы с удовольствием, но нам уже пора в Куала-Лумпур, если мы заедем к Вам, то засветло из города не выберемся.

Женщина обсудила что-то на своём языке с мужчиной, сидящим за рулем, и, дождавшись утвердительного кивка, предложила нам с Димой остаться у неё переночевать, а потом они с мужем помогут нам добраться до столицы.

– Меня зовут Физа́ . Мой муж не говорит по-английски, – сказала она после того, как убедилась, что и мы, и наши рюкзаки поместились в салоне автомобиля.

– Меня зовут Лена. Мой муж тоже не говорит по-английски, – ответила я, выглядывая из-под своего рюкзака.

Всю дорогу до дома Физы мы отвечали на вопросы о нашем путешествии, причём иногда вопрос исходил от мужа Физы и адресован был Диме, тогда мужчина задавал его жене, она переводила мне, а я – Диме, и точно по такой же цепочке ответ доходил обратно. Во время очередного моего перевода на русский язык, Физа безуспешно пыталась сдержать смех, а когда я замолчала, рассмеялась во весь голос:

– Какой у вас смешной язык: «тр-тр-тр-тр-тр!» – ничего не понятно. А что вы слышите, когда мы разговариваем?

– Ква-ква-ква, – честно призналась я с серьёзным выражением лица, чем снова очень рассмешила Физу.

Когда мы подъехали к дому, до заката оставалось ещё достаточно времени, чтобы помыться и погулять по окрестностям. Прогулку нам предложил хозяин, он решил отказать от услуг переводчиц, и показал знаками: «Помое-

тесь, возвращайтесь в машину, поедем смотреть достопримечательности». Физа, извиняясь за скромность своего жилища, провела нас внутрь просторного, лишённого какой-либо художественной отделки, домика – отсутствие половины одной из стен было умело замаскировано под большое окно без стекла, ставень и занавесок. Ванная комната, находившаяся в углу, была отделена от общего пространства стеллажом с посудой с одной стороны, и металлическим гофрированным листом – с другой. Дверью служил кусок оргалита, который нужно было либо ставить вдоль гофры, если в ванной свободно, либо поперек прохода – если занято. Остальное жилое пространство не разделялось ничем. Глядя, как я, выйдя из ванной, озираюсь по сторонам, Физа сказала:

– У нас просто нет времени привести здесь всё в порядок. У моего мужа своя фабрика по переработке отходов, а у мамы, которая тоже живёт в этом доме – свой магазинчик. Деньги есть, а вот времени не хватает. Когда у тебя много детей, времени становится очень мало.

Пока она говорила, в дом, группками по двое или трое, зашли девять детей, игравших до этого во дворе; некоторые врывались с шумом, некоторые – скромно прятались за спинами старших.

– Все они ваши дети? – удивилась я.

– Да, только вот этот – мой племянник, – она указала на мальчика лет пятнадцати, он был одним из самых старших в толпе детей. – Но у вас ещё будет время познакомиться, сейчас мы должны успеть показать вам интересные места, пока солнце не село.

Сначала мы поехали на ферму, где две женщины вручную изготавливали тонкие курительные палочки из листов чего-то похожего на папирус. Нам, разумеется, сразу было предложено выкурить по папироске, но мы вежливо

отказались. Потом мы отправились на берег реки, заросшей мангровыми деревьями. Мимо нас промчался на длинной узкой деревянной лодке рыбак, управлявший своим транспортным средством одной ногой. Двигатель крепился на вращающемся шарнире высоко на корме, а винт на длинном (метра три) валу, опускался в воду далеко за кормой. При помощи рычага рыбак мог поворачивать весь двигатель, и делал он это с изяществом аиста: встав левой ногой на банку (скамейку, на которой обычно сидят гребцы), перебирая руками снасти, правой ногой он аккуратно поворачивал рычаг, так что лодка точно входила в плавные повороты, за очередным из которых и скрылся бесстрашный рыбак.

Чуть дальше от берега, где мангровых зарослей не было, простиралось болото, по которому гуляли белые птицы с тонкими длинными ногами, длинными шеями и жёлтыми заостренными клювами. Я окрестила их журавлями, а Дима – аистами. Они тоже были отнесены Физой к достопримечательностям, вместе с болотом:

– Вот во что превращается наша земля без мангровых лесов. Власти спонсируют высадку новых деревьев, но старые погибают слишком быстро.

– А от чего они погибают?

– Мы не знаем. Но большая часть сильно пострадала во время цунами 2004 года. И с тех пор деревья продолжают умирать. Если вы не очень спешите, завтра мы можем показать вам деревню, пережившую удар цунами. Ну как деревню... То, что от неё осталось. Мы называем её «деревня цунами».

– Да, это было бы очень интересно, – во время экскурсии я переводила слова Физы синхронно, так что ответ не нуждался в обсуждении – Дима просто кивнул, а я этот кивок озвучила.

Последним пунктом сегодняшней экскурсии значи-

лось провожание солнца на местном пляже. Как раз к закату (18:00 по местному времени), мы до этого пляжа и добрались. В воде стайками резвились детишки – мальчишки в шортах и футболках плескались возле берега и играли в мячик. Отдельно от них, прямо в хиджабах (мусульманских платках), сидели по шею в воде девочки. Когда одна группка девочек направилась к берегу, стало ясно видно, что все они одеты в длинные платья. Оставляя за собой целые ручьи воды, девочки важно прошествовали мимо нас. Море было спокойным. Причаливали и отчаливали остроносые катера, прибой неторопливо разбрасывал разноцветные полиэтиленовые пакеты по побережью, солнце, уже скрывшееся за зелёным холмом, освещало затянутое облаками небо прощальными оранжево-розовыми лучами.

Нас окликнули. Пора было возвращаться. По пути мы заехали в огромный супермаркет, где Физа с мужем поручили нам выбрать всего, чего душа пожелает. Наша душа пожелала картошки с грибами, малюсенькую шоколадочку и упаковку фиников. Мы добровольно вызвались приготовить ужин на всю необъятную семью, а потому набрали лука, морковки, грибов и картошки в 5 раз больше, чем привыкли брать для себя. На кухне всё это было помыто, порезано, и, под голодные взгляды любопытных детей, норвивших засунуть нос непосредственно в картошку, высыпано в огромный казан, но вот что мы не учли, так это время приготовления блюда. В таких объёмах нам прежде картошку с грибами готовить не приходилось, так что мы были очень удивлены, когда через полтора часа активного тушения на газу, ни картошка, ни грибы ещё не были готовы. Семья понемногу начинала нервничать: время позднее, скоро детей укладывать пора, а мы им уже в третий раз говорим: «Минут через двадцать будет готово!». Итак, по прошествии ещё получаса, картошка под всеобщее ликование была при-

знана готовой, хотя, следует признать, весьма условно готовой. Еда всем очень понравилась. Хозяйкам на заметку: еда покажется гораздо более вкусной, если подать её к столу через два часа после того, как все проголодались.

Утром, как оказалось, рано вставать никому не было нужно (по причине воскресенья). Дети просыпались в разное время – кто-то ещё лежал на циновках, закутанный в одеяло, а кто-то уже играл во дворе. Мы сели посреди комнаты и принялись наблюдать за малышкой, лет двух, игравшей у ног Физы с тряпичной куклой. Физа что-то сказала девочке, и та, оставив куклу, подбежала с раскинутыми в стороны ручками к нам с Димой, обняла меня и чмокнула в щёчку. Это было так неожиданно и мило, что мы оба засмеялись. Смеялась и Физа: «Это мы её так научили здороваться». Родители могут научить своего ребёнка всему чему угодно, пока для малыша они являются единственными авторитетами, он будет всё повторять за ними, например, папа моей подруги научил её в юном возрасте на вопрос: «Девочка, как тебя зовут?», отвечать: «Макака Макарова»... но стоит ребёнку вырасти и...

Мама Физы подарила нам с Димой по саронгу (это такая местная национальная юбочка) – Диме в фиолетово-коричневую клеточку, а мне – красно-синий с яркими тропическими цветами. У Физы к моему саронгу даже нашлась красная мусульманская блузочка в цветочек, которую я тут же надела, вместе с саронгом. О! Новая одежда! Без дырок! Здравствуй, простое женское счастье! Теперь у меня снова есть парадно-выходной наряд, в котором не стыдно показаться в посольствах-консульствах.

На обед нас повезли к сестре Физы. Она со своей семьёй жила в просторном одноэтажном доме, окружённом по периметру кокосовыми пальмами. Как только мы перешагнули порог этого дома, нашим глазам открылась

странная картина: посреди большой комнаты лежал на спине мальчик лет шести. Нижнюю половину его туловища скрывало подвешенное, наподобие шатра, одеяло – оно сантиметров на тридцать поднималось над животом мальчика, к середине одеяла была привязана верёвка, другим концом переброшенная через потолочную лагу. Мальчик стонал от боли и плакал, а вокруг него сидели дети и взрослые, и непринуждённо разговаривали. «Что с ним?» – спросила я Физу. Она улыбнулась и махнула рукой: «Не обращайте внимания, это нормально». Мальчик заплакал громче. Ему явно было больно, и мне хотелось знать, что с ним, почему все вокруг улыбаются, когда ребёнок страдает. Видя мою растерянность, Физа знаками показала, что мальчику только что сделали обрезание. Глядя на эти знаки, публика разразилась хохотом, а мальчик – ещё более громкими рыданиями. Пока готовился обед, нас с Димой пригласил в свою комнату тот самый пятнадцатилетний парнишка, которого нам в первый же вечер Физа представила своим племянником. Парень отлично говорил по-английски. Он сказал, что зовут его Фазирул, хотя друзья называют его Зи. Один из стеллажей в его комнате был забит стоящими и лежащими в беспорядке блестящими статуэтками и кубками.

– Это всё твоё? – с удивлением спросила я.

– Да моё, у нас в школе за каждую победу на олимпиаде вручают кубок или статуэтку. Даже на олимпиаде по математике, – Зи усмехнулся. – Глупо, правда?

– В России тоже за неожиданные вещи можно получить медаль или кубок. Но за победу на математической олимпиаде, как правило, ограничиваются почётной грамотой. Ни к чему, кроме излишнего самомнения эти награды, по-моему, не приводят. Говорю, как жертва этого самого излишнего самомнения. С другой стороны, если бы я была более объективна к себе, я бы не отправилась путешество-

вать. Надо действительно верить, что ты – сильный человек, чтобы отправиться в такое путешествие. Жизнь быстро покажет, чего ты сто́ишь на самом деле, главное – сделать первый шаг.

– Длинная дорога начинается с одного маленького шага, – ответил, с улыбкой, Зи.

– Где ты так хорошо выучил английский? – сбила я философскую тему.

– В школе. В Малайзии сейчас все с шести лет английский учат. У нас хорошие учителя, современные методики и отличные учебники, – он указал на стопку книг, среди которых лежал толстенный Оксфордский толковый словарь, точно такой же, как и у меня дома в Новосибирске.

– То есть, все твои сверстники говорят также свободно?

– Нет, конечно. У нас встречаются те, кто не хочет учиться. Но большинство говорят по-английски достаточно хорошо.

После обеда Зи пригласил нас во двор, понаблюдать за сбором кокосовых орехов. Он забрался на высоченную (метров 12) пальму, безо всякой страховки и лестницы – упираясь в ствол босыми ногами и цепляясь за него руками. Это зрелище очень впечатлило нас – мальчишка выглядел, как классический ботаник: худенький, высокий, в очках, а оказался сильным и ловким. Очевидно, что за свои награды он боролся не только на математических олимпиадах.

За полтора часа до заката нас отвезли в деревню цунами. Зи был нашим экскурсоводом. «26 декабря 2004 года, из-за землетрясения, у берега Суматры образовалась гигантская волна. Она смыла всё, что находилось на побережье Суматры, и ушла в Индийский океан, обрушиваясь на его берега и на берега Бенгальского залива. Погибло около 300 тысяч человек. Мы с семьёй в тот день как раз ездили навещать родственников, и только у них узнали, что наше

побережье тоже накрыло волной. Хвала Аллаху, население было предупреждено – цунами шло до нас около двух часов, и никто не погиб, но волна, говорят, была двадцатиметровой высоты. Те бетонные стены, которые стояли поперёк движения волны, были выбиты её ударом и унесены сквозь здания за их пределы». Мы остановились возле дома, покорёженная деревянная крыша которого держалась только на продольных стенах. Рядом стояло много таких домов. «Перед этими участками росли высокие пальмы, они и взяли на себя основной удар. Поэтому на этих домах ещё сохранились крыши. А дальше высоких пальм не было, и дома разрушило до основания, а крыши унесло вглубь материка». Мы подошли к группе домов, от которых остались лишь обломки плит, да бетонные туалеты, которые выдержали удар волны благодаря маленькой площади стен. «А это местная достопримечательность: деревянный дом, который также не был защищён деревьями, но выдержал удар волны. Только стёкла повыветали. Смотрите, и пол второго этажа, и крыша, и даже ставни на окнах целые». Дом стоял, как на сваях, на трёх бетонных продольных стенах первого этажа. Если и были там прежде поперечные стены, то сейчас от них не осталось и следа. Он стоял рядом с грудой бетонных плит, из которых в небо уходила монолитная бетонная лестница – это был когда-то соседний дом.

– Здесь, – продолжил Зи, – мы видим доказательство того, что дерево, на самом деле, надёжнее бетона.

– А как же ваш дом? – поинтересовалась я.

– Он стоит на возвышенности, и окружён пальмами, когда волна добралась до него, вода просто затекла в двери и окна, ничего не выбив и не сломав. Когда мы приехали, стены и пол были мокрыми, но совершенно целыми. Наша семья от этого цунами не пострадала – до дома тёти Физы волна вообще не дошла, остановилась в пятистах метрах от

него. А сейчас я хочу вам показать, что стало с самим побережьем.

Мы прошли метров десять, и увидели сквозь редкую растительность ровный морской горизонт. «Видите, а раньше здесь были густые мангровые заросли и высокие пальмы. Все их смыло. Осталось немного старых деревьев. В тех местах, где между ними сохранилась трава, выросли молодые пальмы, они взошли уже после цунами. Там, где были мангры, осталась чёрная грязь, как в болоте. В эту грязь пытаются посадить деревья, но они не растут. Там даже трава не растёт».

Солнце скрылось в облаке, растянувшемся вдоль всего горизонта. К морю было невозможно подойти – от кромки воды нас отделяло метров сто жидкой грязи, в которую, параллельными рядами, через каждый метр, были воткнуты длинные прочные палки. Это, по словам Зи, меры по укреплению берега – иначе землю просто уносит в открытое море.

После заката начались прощальные сборы. Сестра Физы хотела подарить мне два красивых мусульманских наряда, но мне пришлось отказаться: «Я очень благодарна Вам, это прекрасные костюмы, но я не могу взять их, поскольку мой рюкзак перегружен. Простите меня». Вспоминая, как я осудила Диму за то, что он отказался от воды, мне стало вдвойне грустно – за то, что обидела женщину, не приняв её подарок, и за то, что тогда раскритиковала Диму. Видя печаль на моём лице, сестра Физы воскликнула: «Не расстраивайтесь Вы так! Не можете взять одежду, так возьмите хотя бы продукты в дорогу. Вы согласитесь принять от меня в подарок всё, что вы выберете в супермаркете?». Мы согласились. Вскоре Физа, пара её детей, муж, сестра и племянник бродили вместе с нами вдоль бесконечных полок, уставленных красиво упакованными продуктами. Мы решили выбрать сухофрукты и растворимые каши, чтобы у

нас был непортящийся неприкосновенный запас на случай посещения джунглей. Но наш выбор показался сестре Физы очень скудным, и она набрала ещё много еды – от апельсинов до банки майонеза, нам в дорогу. После того, как мы, приложив немалые усилия, упаковали всё это в рюкзаки, нас отвезли на автовокзал, и вручили два билета на автобус до Куала-Лумпура. Сцена прощания была столь трогательной, что у одной из дочек Физы навернулись слёзки. Она за эти полтора дня очень привязалась к нам, и хотела, чтобы мы остались ещё. Но, возможно, именно поэтому на нас, порой, так сильно тратятся, поскольку точно знают, что завтра мы уедем, и никогда не вернёмся. Я искренне верю, что все деньги, потраченные этими замечательными людьми, вернуться к ним сторицей. Мы обнялись с дамами, пожали руки мужчинам, и погрузились в высокий междугородний автобус. Эта прекрасная Семья оставалась в своём родном городе, а нас ждала столица Малайзии.

Глава 11. ИДЁМ НА ВОСТОК!

*– Раньше этот мир был куда больше.
– Нет, мир остался прежним. Стало
меньше содержимого.*

*диалог Барбоссы и Джека Воробья
из к/ф «Пираты Карибского моря.
На краю Земли»*

С рассветом, в шесть часов утра, автобус прибыл в Куала-Лумпур. Вследствие отсутствия плана действий, мы отправились бродить по сонному городу. Тишина... Ни транспорта, ни пешеходов. Сквозь пелену утреннего тумана проступили очертания знаменитых башен-близнецов. Разумеется, именно к ним мы и направились. Город просыпался.

Вот хлопнула где-то в глубине закрытого магазина дверь... Прошуршал шинами первый грузовичок, с яркой эмблемой местной пиццерии на кузове. Как первые капли дождя, эти звуки предвещали начало настоящего ливня – симфонии звуков большого города. В считанные минуты тротуары заполнились потоками людей, улицы – караванами автомобилей, уже умудрившихся создать пробки на перекрёстках. Тысячи офисных работников в одинаковых рубашках и галстуках исчезали в зеркальных недрах ультрасовременных зданий. Куала-Лумпур, или Кей-Эл, как его здесь называют, изобиловал небоскрёбами различных корпораций. Также было много жилых домов современной архитектуры, высота которых, порой, достигала тридцати двух этажей (я специально считала). Но башни-близнецы нефтяной корпорации «Петронас» притягивали взгляд и манили к себе гораздо сильнее, чем прочие небоскрёбы. Каково же было моё разочарование, когда внутри этих монументальных башен, оказался банальный торговый центр, с астрономическими ценами. Радовала глаз гигантская рождественская ёлка, стоявшая посреди одной из башен и уходившая вверх на три этажа (несколько нижних этажей представляют собой широкие балконы, также занятые дорогими бутиками). Наверху, судя по всему, располагаются офисы. Но я зашла в это здание с совершенно определённой целью, и всё, что не было связано с её достижением, меня не особо интересовало. Меня занимал только один вопрос: «Где здесь туалет?». Ответ на него дали грамотно развешанные указатели. Ого! Зеркало во всю стену, раковины со встроенным датчиком движения и краники с жидким мылом меня уже не удивляли, но вот размер туалетной кабинки... У меня дома ванная в два раза меньше, чем эта кабинка. Стоят одиноко в ней унитаз и биде. Туалет для клаустрофобов. Дима не захотел посещать этот оплот буржуазии, и мы отправились гу-

лять. Нужно было выбрать предстоящий маршрут: на остров Борнео-Калимантан, где по суше пересечь границу с Индонезией, или переплыть непосредственно с материка на один из индонезийских островов. Ещё нам пора было собирать информацию об условиях получения австралийской визы. Поэтому мы взяли курс на российское посольство, где нам могли ответить на интересующие нас вопросы. В одном из турагентств нам дали искомый адрес, и вскоре мы уже сидели в приёмной консульского отдела посольства РФ в Малайзии. Только под конец разговора с земляками, нам, наконец-то удалось донести до них то, что нам не нужна от них никакая помощь, кроме информационной – ни эвакуация, ни проживание, ни отправление посылок или, что, разумеется, невозможно, финансовая поддержка. Всё начало разговора они свели именно к описанию того, что они не смогут нам дать. Видимо, предупреждая нас, что не стоит этого даже и просить. Да мы и не собирались. Судя по всему, безденежные путешественники уже посещали это заведение, и им одной только информации было недостаточно. Сотрудники консульского отдела предупредили нас, что австралийскую визу получить очень сложно – за каждый запрос на её получение нужно заплатить полную стоимость визы, и нередко бывало, что россиянам по три – четыре раза приходил отказ. Визу они получали, если не сдавались, лишь на четвёртый – пятый раз. С Индонезией проще, там визы на границе дают, но всего на месяц. В посольстве – на два месяца, но там нужно кучу дополнительных документов иметь, а потому, нам вряд ли этот вариант подойдёт. Что ж, попробуем поговорить лично с сотрудниками индонезийского посольства, возможно, не так всё плохо.

Индонезийское посольство было в пределах пешей досягаемости, так что, спустя полчаса мы уже стояли в длиннющей очереди к маленькому окошку, за которым си-

дела женщина, от чьей благосклонности зависела дальнейшая судьба нашего путешествия. Говоря слово «очередь», я подразумеваю не американскую очередь, где все стоят в одну линию, а российскую очередь, где, несмотря на наличие нескольких окошек, все стоят одной большой толпой, и вновь прибывшим приходится спрашивать: «Кто последний в окно номер столько-то?». Один мой знакомый американец на вопрос: «Что Вас больше всего удивило в России?» ответил: «Субботники, где все работают бесплатно, и очереди, где нельзя понять, кто последний – в США так не бывает». Отстояв в этой толпе положенные полтора часа, мы наконец-то смогли обратиться к женщине за окошком:

– Добрый день, мэ, мы хотели бы получить двухмесячные визы в Индонезию.

– Добрый день. Для этого нужен билет на самолёт, бронь в отеле и письмо от гаранта. Если гарант берёт на себя ваше размещение, в письме это должно быть указано.

– У нас нет ничего из вышеперечисленного. Мы сюда из России пришли. Мы путешествуем пешком вокруг света, и, разумеется, не успеем пересечь Индонезию за тот месяц, на который выдаётся виза на границе. Мы знаем, что полученную при въезде визу невозможно продлить. Единственный наш документ, кроме паспортов, это выданная в Камбодже справка о том, что мы пешие путешественники, – с этими словами я протянула женщине наш документ пешеходов.

– Я попробую что-нибудь для вас сделать, – сказала женщина, забрала наши паспорта и справку, и скрылась за дверью.

За нашими спинами раздалось недовольное ворчание – очередь не устраивало, что из-за нас окошко опустело. Прямо как в России – на почте или в поликлинике. Какая прелесть. Минуты через три женщина вернулась, и сказала,

протягивая мне наши документы:

– Да, мы оформим для вас визы в порядке исключения. Нужно только сделать по одной ксерокопии паспортов и этого документа. Ксерокс внизу. Ещё понадобятся две фотографии каждого из вас и по 170 ринггитов за визу. Вы сможете принести всё это в течение часа? А то мы скоро закрываемся. Если успеете, визы будут готовы уже завтра.

– Принести-то успеем, но здесь очередь полутора часовая, её мы никак не минует за час.

– Пройдёте без очереди, скажете, что вас за ксерокопиями отправляли.

– Хорошо, спасибо Вам большое.

Я обошла несколько близлежащих банков, выбрала тот, в котором за доллар давали больше всего ринггитов, и обменяла нашу с Димой оставшуюся зелёную наличность на местную валюту. Денег нам впритык хватало на две визы. Даже на ксерокопии документов мелочи не оставалось. Пришлось объяснять ситуацию человеку, работавшему на ксероксе, он проникся, и сделал нам все ксерокопии бесплатно. На заметку путешественникам: если вы планируете получать визы за границей, сделайте несколько ксерокопий последней страницы загранпаспорта и в два раза больше фотографий стандартного типа «на визу». В посольствах ксерокопии сто́ят, в среднем, в десять раз дороже, чем за его пределами, а стоимость фотографии «на визу» превышает стоимость обычной фотографии раз в двадцать. Мы с Димой сфотографировали друг друга ещё в России, во Владивостоке, после чего я обработала фотографии в программе Photoshop (предусмотрительно установленной на наш ноутбук), так чтобы они точно соответствовали требованиям, которые мы узнали в японском консульстве. Нам тогда дали стандартную анкету, в которой был напечатан шаблон для фотографии и краткое описание, к чему может при-

даться сотрудник консульства. Фотографии напечатали в фотосалоне, на глянцевой бумаге, по обычной цене, и, хотя сотрудница салона высказывала сомнения по поводу того, что такие фотографии примут в визовом отделе, никаких проблем с ними никогда не возникало.

Мы успели сдать документы до закрытия посольства. Завтра в 13:00 нам вернут наши паспорта с индонезийскими визами, действительными в течение 60 дней с момента пересечения границы государства Индонезия.

Не имея достаточного опыта ношения саронга, я столкнулась с неприятной проблемой – он постоянно разматывался и сваливался с меня; слава Богу, посещение официальных заведений было позади, и, воспользовавшись дамской комнатой в одном из торговых центров, я переоделась в свою повседневную, потрёпанную джунглями, одежду. Теперь нам нужно было найти место для ночлега, не удаляясь далеко от посольства, и, желательно, не контактируя с полицией, так как паспортов у нас не было. Никаких парков в окрестностях мы не обнаружили, на крыши небоскрёбов залезть не представлялось возможным, и поэтому, когда мы увидели в одном из дворов незастроенный участок, по которому равномерно был рассредоточен строительный мусор, мы решили с заходом солнца разгрести себе место под палатку на нём.

Участок примыкал к мечети, и, чтобы не вызвать у правоверных мусульман подозрений, которые могли бы привести к общению с полицией, мы решили попросить разрешения на ночлег на строительной свалке у имама данной мечети (её настоятеля). Но до вечернего намаза имам в мечети отсутствовал, так что мы уселись на поребрике между мечетью и предполагаемым местом нашего ночлега и погрузились в медитацию. Из медитации нас вывел светлокожий широкоплечий мужчина в длинном белом

платье и круглой белой шапочке. Он принёс нам сок и какие-то неведомые фрукты. Мужчина оказался марокканцем, когда он узнал о том, зачем мы ждём имама, он сказал:

– Если вы приходите в мечеть, у вас должны быть мусульманские имена. Они у вас есть?

– Нет.

– Тогда я дам вам имена. Отныне вас зовут Джюзуф и Марьям. Как родителей Иисуса. Теперь, когда вы будете разговаривать с мусульманами, называйте им только эти имена. Удачи вам! – марокканец улыбнулся, сел в свою машину и уехал.

А мы остались на тротуаре. Решили попробовать неведомых фруктов. Они выглядели, как короткие зеленовато-коричневые сигары с необрезанными концами, покрытые бархатистой, как у персика, тонкой кожицей. Взяли самый зелёный из них, и скушали пополам. Какая гадость. Клейкий сок прилип к губам и никак не хотел оттираться. Странно. Обычно нам дарят только самое вкусное. Может, в Марокко это считается деликатесом? Решили приберечь фрукты до лучших времён. Один из прихожан посоветовал нам пересечь на ковёр под навесом перед мечетью, где обычно женщины дожидались своих мужей с молитвы, а сейчас там отдыхали несколько мужчин. Один из них расспросил нас о цели нашего пребывания в мечети и сказал, что у него есть знакомая, уже принимавшая у себя иностранцев, она сейчас подойдёт, и, возможно, разрешит переночевать у неё дома. Она подошла через пару минут. Пожилая женщина с таким подозрением смотрела на нас, что было сразу понятно – приглашать нас к себе у неё и в мыслях не было, а напрашиваться – это не в наших правилах. Глядя мне в глаза исподлобья, она проворчала: «Один раз я пустила такого же путешественника, как и вы, к себе домой. И очень об этом пожалела. Я не намерена больше рисковать, так что никого к

себе не пущу». Нам было очень интересно, что же натворил такой же путешественник, как и мы, но просить женщину вспоминать неприятные для неё моменты не стали. И уже этим своим поступком доказали, что тот путешественник был совсем не такой, как мы. Дима сказал, а я перевела, что мы даже не планировали к кому-либо проситься, что мы просто ожидаем имама, чтобы получить его благословение на ночёвку рядом с мечетью, дабы никто не вызвал полицию. Женщина хмуро посмотрела на нас, как бы говоря: «Знаю я вас, бродяг», повернулась, и ушла общаться с другими женщинами, которые как раз начали собираться под навесом. Их мужья уже вошли в мечеть, и, встав на колени, молились. Настало время вечернего намаза, а имам к нам так и не вышел. Чтобы о нас не спотыкались опоздавшие на молитву горожане, мы забрали рюкзаки и вернулись на наше старое место на тротуаре. Решили дожидаться окончания молитвы.

Солнце село. Огромный город, спасаясь от стремительно надвигающейся тьмы, переходил в ночной режим, озаряясь лучами прожекторов и светом неоновых ламп. Из того дворика, в котором мы сидели, небоскрёбов практически не было видно, так как жилые многоэтажки закрывали весь обзор. Но даже обычные дома были освещены жёлтыми и белыми фонарями, что смотрелось весьма эффектно. Я подумала, как, должно быть, красиво выглядит ночью Куала-Лумпур с крыш небоскрёбов, жаль, что мы даже не попробовали на них подняться. Намаз закончился. Правоверные мусульмане расходились по домам, а имама всё не было. Один из прихожан, молодой мужчина, выйдя из мечети, подошёл к нам, и сказал:

– Я слышал, что вам негде сегодня переночевать?

– Почему же? Мы будем ночевать на этой площадке, в палатке, мы всё ещё надеемся получить на это разреше-

ние имама.

– Знаете, мой друг работает в недорогом отеле, недалеко отсюда, может быть, вы согласитесь переночевать там? Вам ничего не придётся платить.

Я перевела Диме это предложение, и, сравнив перспективу разгрести кирпичи для освобождения места под палатку с перспективой принять горячий душ в гостинице, мы единогласно выбрали второй вариант.

В шикарном отеле, который никак нельзя назвать дешёвым, где всё сияет чистотой, и молодые люди в выглаженной униформе с улыбкой распахивают перед тобой двери, Димин вид не привлекал излишнего внимания. Мой спутник до сих пор был в светлой парадной одежде, которую он надевал только при посещении различных дипломатических заведений. Я же, в своих залатанных штанах, так контрастировала с интерьером, что многие задерживали на мне недоуменные взгляды. Молодой человек, приведший нас сюда, поговорил с метрдотелем, протянул ему какую-то денежку, и получил ключ с брелочком, на котором указан был четырёхзначный номер комнаты, в которой нам предстояло переночевать.

– Свободных номеров с одной спальней сейчас нет, так что вам достанется номер с двумя спальнями на девятнадцатом этаже. Вы не против? – спросил мужчина.

– Да мы бы и в подсобке переночевали, что Вы!

– Нет, нет, сегодня вы мои гости. Я провожу вас в номер.

Номер оказался трёхкомнатным. В зале находилась барная стойка и компактная кухонька с холодильником и микроволновкой. Посреди одной половины комнаты стоял диван, два кресла, кофейный столик между ними, и большой телевизор – напротив дивана. Посреди второй половины комнаты, в которой находился бар, стоял круглый стол с мраморной столешницей и четырьмя стульями вокруг него.

Вдоль стен располагались стеллажи, складная ширма, за которой пряталась большая лошадка-качалка, высокий телефонный столик и деревянный комод с кривыми ножками и резными ящичками, рядом с которым сидел декоративный зелёный кот. На стенах висели объёмные деревянные картины и тканый коврик в этническом стиле.

Стоя на пороге этой комнаты, я не могла заставить себя пройти дальше, а наш проводник, по милости которого мы оказались здесь, уже проверял, все ли полотенца висят в ванной, и есть ли в спальнях постельное бельё. Я всегда была уверена, что те, кто останавливаются в отелях, очень многое теряют, не видя настоящего лица страны, в которой они находятся. Но теперь ко мне закралась предательская мысль, что мы тоже не всё видим, живя в джунглях, и питаюсь, где придётся. Истина, наверняка, как всегда, находится посередине.

– Ну вот, всё на месте, можете располагаться, мыться, через час я найду за вами, ходим в ресторан, – с этими словами мужчина направился к выходу, – номер ваш до завтрашнего полудня, в отеле есть бассейн и спортзал, которые также в вашем распоряжении, и не забудьте утром спуститься на завтрак, он прилагается к этому номеру.

Я перевела Диме эту новость, и, останавливая уходящего мужчину, сказала:

– Спасибо Вам огромное, у меня не хватает слов, чтобы выразить нашу благодарность, но мы не сможем пойти с вами в ресторан. Тот подарок, что Вы сделали нам, столь велик, что нам больше ничего не нужно. Спасибо Вам.

– Да что вы, любой на моём месте, поступил бы так же. Всё нормально. Так или иначе, я загляну к вам через час, проверить, не нужно ли вам что-нибудь ещё. Хорошо? – мужчина улыбнулся, и пошагал по направлению к скоростному лифту.

Ступор от резкой смены строительной свалки на пятизвёздочный отель прошёл, и мы принялись разбирать наши рюкзаки, отбирая самые чумазые вещи для немедленной их стирки. Замочив их в джакузи, мы отправились искать бассейн. Он находился на крыше самой низкой части отеля – на шестом этаже. О! Какой оттуда открывался вид! Ночной Куала-Лумпур с крыши выглядел гораздо лучше, чем я могла себе это представить, сидя во дворе, зажатом между высотками. Сияли разноцветными огнями небоскрёбы, а башни-близнецы были центром всего города – от их сияния уходили ввысь два столба белого света. По всей высоте – до самых кончиков шпилей, башни были унижены яркими лампочками, освещение каждого сегмента плавным градиентом переходило от яркого белого к серому. Выглядело это просто потрясающе. Офисные здания сильно отличались от жилых – в них свет горел этажами – яркие полосы работающих офисов и тёмные – уже закончивших свою работу. Этакий вертикальный штрих-код. Окна жилых домов были освещены хаотично, и дома выглядели, как перфокарты. Разумеется, этот вид был запечатлён при помощи штатива на наш фотоаппарат. О яркости ночных огней может сказать выдержка, которая варьировалась мною для этих кадров от 1,3 до 2,5 секунд. Для сравнения: чтобы получить более-менее убедительные снимки звёзд, я держу шторку открытой от 30 до 43 секунд.

Мужчина вернулся, как и обещал, через час. Он принёс нам еды из индийского кафе – лепёшки чапати с соусом, и несколько баночек содовой.

– Вы уверены, что вам больше ничего не нужно? – спросил он.

– Абсолютно.

– Неужели, нет больше никаких пожеланий?

– Есть у нас одно искреннее пожелание для Вас –

будьте счастливы!

– А я уже счастлив. Иначе я бы не делал всего этого.

И, снова улыбнувшись нам с Димой, он ушёл. Больше мы его никогда не видели.

Благодаря этому человеку, на следующее утро мы в полной мере поняли, что такое – буржуйский отдых. Сначала, в семь утра, мы посетили шикарный шведский стол, облопавшись деликатесов и выпив по два бокала мангового сока, потом вернулись в свой номер, и, пока переваривали завтрак, собрали постиранные, и за ночь полностью высушенные на балконе вещи, упаковали рюкзаки и сделали небольшую уборку в номере. Прихватив с собой купальные принадлежности, мы отправились в спортзал. Он, как ни странно, был совершенно пуст, возможно, большинство отдыхающих сначала посетили спортзал, а потом отправились завтракать (что, в принципе, правильно, но на шведском столе – чем раньше придёшь, тем больше выбор, поэтому мы оставили тренировку на потом). Водрузив на плечи тридцатикилограммовую штангу, я, вспомнив своё спортивное прошлое, принялась приседать с ней, чем вывала искренний восторг малаек, наблюдавших за нами с Димой сквозь стеклянную стену спортзала. Они сначала просто фотографировали нас, а потом начали по очереди фотографироваться на нашем фоне. Мы сделали по несколько подходов к каждому из тренажёров, проигнорировав только беговую дорожку и велотренажёр – наши ходильно-бегательные мышцы не нуждались в тренировке. Потом мы переоделись и пошли плавать в бассейн под открытым небом, в котором, опять же, не было никого, кроме нас. Между бортиком бассейна и парапетом крыши стояли пальмы в кадучках, а за ними возвышались небоскрёбы, которые без подсветки уже не выглядели столь сказочно, они всего лишь напоминали, что мы сейчас находимся в центре мегаполиса.

Я никак не могла наныряться. Если поплавать нам иногда удавалось – в реках, озёрах, морях, то понырять – ни разу за всё путешествие. Какое это восхитительное чувство – полёт над водой, а потом плавное погружение и скольжение под водой – тёплой, прозрачной, классически голубоватой, и, спасибо провидению, совсем не пахнущей хлоркой. Вдоволь наплававшись, мы вернулись в номер, помылись и, так как до полудня оставалось ещё двадцать минут, я, усевшись на мягком диване, решила ещё раз попробовать марокканский деликатес. Осторожно откусив маленький кусочек фрукта, я с удивлением обнаружила, что он мягкий и сочный (вчерашний был твёрдый), и очень вкусный. Когда Дима услышал моё восторженное мычание, он сначала принял это за шутку. Увидев, что я один за другим уплетаю несъедобные, по его мнению, фрукты, он сразу присоединился ко мне, и в считанные минуты пакетик с деликатесами был опустошён. Очевидно, что нам достался вчера единственный недоспелый фрукт из этого пакета. Спасибо Вам, славный марокканец! Мы водрузили рюкзаки на спины, сдали ключи от номера и отправились за нашими паспортами в посольство. Отель мы покинули в 12:00. Как бы ни был приятен столь цивилизный отдых, я считаю, что он редко бывает полезен. Такой комфорт порабощает. Ведь каждый раз, погружаясь в роскошь чужого изобилия, мы оставляем свой путь у порога – дожидаться, когда же мы выспимся и наедемся вдоволь. Изобилие должно быть частью нашего пути, а не бонусом за остановку.

Мы пришли в посольство посреди обеденного перерыва. Очередь из офиса на час выгнали на улицу, где она, спасаясь от палящего солнца, равномерно растеклась по пластиковым стульям ближайшего уличного кафе. Под его навесом скучали около двадцати человек, из которых особо выделялся смуглый мужчина с длинными чёрными волоса-

ми, и, как ни странно, именно он сразу пригласил нас за свой столик. Он оказался индонезийцем, работавшим гидом для иностранцев, путешествовавших по Индонезии. Ему нужно было скоротать время, оставшееся до открытия офиса, и потому он решил ответить на интересующие нас вопросы об Индонезии. Поэтому нам пришлось срочно эти вопросы придумывать.

Чуть больше года назад Дима посещал дольмены в районе города Геленджик, и там, от одного из многочисленных гидов, водивших по дольменам экскурсии, он услышал такую историю: «Это загадка для учёных всего мира! Перед вами стоит мегалитическое сооружение, которому пять тысяч лет, и выполнено оно из белого песчаника, материала, которого нет нигде в Краснодарском крае. Удивительно, но на острове Ява в Индонезии, есть месторождение белого песчаника, по составу идентичного тому, из которого сделан этот дольмен. Но самое загадочное – это то, что на острове Ява стоит дольмен-двойник этого, выполненный из серого песчаника, которого нет нигде в Индонезии, а есть он где? Как вы правильно догадались – здесь, в Краснодарском крае. И учёные всего мира ломают голову над тем, как же пять тысяч лет назад смогли поменяться местами два дольмена, находящихся на столь огромных расстояниях друг от друга». Диме запомнилась эта байка, и сейчас он задал вопрос индонезийскому гиду, не известно ли ему, где находится тот дольмен. Я нарисовала на листе бумаги, как он должен выглядеть и, к нашему с Димой удивлению, гид ответил: «Да! Я знаю, где это находится! Недалеко от Суракарты. Это знаменитое место». На этом же листе бумаги, он нарисовал приблизительную карту острова Ява и поставил жирную точку там, где, по его мнению, находился дольмен. «Вообще, – продолжил он, – на Яве много таких сооружений, о них знают все местные жители, так что

вы легко найдёте его». Эта новость вдохновляла; возможно, нам доведётся прикоснуться к величайшей загадке для учёных всего мира... ну, или хотя бы убедиться, что эта загадка не является плодом фантазии гида, пожелавшего привлечь публику таинственной небылицей. Теперь нам нужно было принять решение о дальнейшем пути: на восток, к острову Борнео, или на юг – к Суматре? Гид сказал, что на Борнео (малайской части острова), есть восхитительные гигантские пещеры и интересные племена, живущие в одном очень длинном доме всей деревней. На Яву одинаково легко попасть, что с Суматры, что с Борнео, и он рекомендует нам отправляться в портовый малайский город Куантан, где искать суда, идущие на Борнео. Отлично, так и поступим.

Обеденный перерыв закончился, – щёлкнул замок входной двери офиса, сыграв роль стартового выстрела – кафе вмиг опустело. Поднявшись в визовый отдел, мы, кроме своих паспортов с новенькими визами, получили от сотрудницы посольства улыбку и пожелание доброго пути.

Мы сразу взяли курс на восток, но до заката не успели покинуть Куала-Лумпур. На стремительно темнеющем горизонте виднелась небывалых размеров мечеть. Купол-луковица, не меньше двадцати метров в диаметре, был окружен четырьмя изящными минаретами, грандиозно возвышавшимися над домиками частного сектора. Петляя по узким улочкам между заборами, мы направились к мечети. Разулись, как и все прихожане, перед входом, прошли по белому кафельному полу к одной из колонн, поддерживающих многотонный навес, и сели ждать имама. Вскоре к нам присоединился один малаец. Он сел на пол возле Димы, и начал разговор со стандартных: «Откуда вы?» и «Как долго вы в Малайзии?». Слово за слово, мы с ним разговорились и уже сами засыпá ли его вопросами, благо, отвечал он на них с удовольствием. Основными темами разговора

были религия и политика. Оказалось, что наш собеседник работал в Ираке до войны, и точно знает, что никакого оружия массового поражения там не разрабатывалось.

– Говорят, США хотели получить контроль над их нефтяными полями, вот и пустили слух об атомном оружии, якобы разрабатываемом иракскими учёными, – сумничала я, повторив версию, гуляющую по Интернету.

– Возможно, – малаец пожал плечами. – Думаю, что всю правду нам уже не узнать. В любом случае, знание истинных причин этой войны не вернёт матерям их сыновей... Я вижу, как с каждым днём мир становится всё меньше и меньше. И я не знаю, к чему это приведёт...

Мы развили эту тему в обсуждение политики и культуры США, где наш собеседник неоднократно бывал по работе, но ничего нового не узнали. А религиозную тему поднял Дима. Через меня он спросил нашего собеседника:

– Нас всю дорогу пугали мусульманами, знаете ли вы о таком отношении к вам?

– Знаем, но для нас это загадка. Наша религия поощряет добродетель и взаимопомощь и запрещает нам воровать и убивать. Так же, как и любая другая. Всё зависит от личности человека, его моральных качеств, а не от его религии. Я читал прогноз в одном американском журнале, что к 2018 году ислам станет самой распространённой религией на планете. Думаю, что все эти провокации против мусульман направлены как раз на то, чтобы дезинформировать общество и не допустить повсеместного распространения ислама.

– Правда ли, что мусульмане не признают Христа за пророка? – спросила неграмотная я. Дима задал мне этот вопрос без «не», но я подумала, что он оговорился. Как это мусульмане могут верить в Христа? Нонсенс! В России далеко не каждый человек, называющий себя христианином,

верит в то, что Иисус Христос – реальная личность!

– Нет, неправда. Христос был пророком, но Мухаммед пришёл после него, а потому мы верим его словам, как заветам последнего пророка. Слово Божье, принесённое Иисусом, было искажено после его смерти иудеями, в их корыстных целях, и тогда Господь послал Мухаммеда, чтобы тот передал людям Коран, который не будет переписываться и подвергаться цензуре, как это неоднократно происходило с Библией. Ислам существовал и до Мухаммеда, но без Корана он был несовершенен. Кстати, в оригинале Библии говорилось о том, что Мухаммед – последний пророк, и что мусульмане и христиане могут вступать в брак без изменения религии.

Для нас это было открытием. Особенно для меня, ничего не знавшей об исламе. Я верила, что «джихад» – это священная война мусульман против неверных. Оказалось, что это не так. «Джихад» означает усердие на пути Аллаха, и ни в коем случае не предполагает убийства мирных людей.

Мы говорили о разных вещах, я не стану цитировать всё, что было сказано в тот вечер, но приведу ещё одну, понравившуюся мне фразу, изречённую нашим собеседником: «Мне сорок два года, и я ни разу не видел, чтобы человек умер от голода. Умирают всё больше от ожорства».

Пока мы разговаривали, закончился вечерний намаз, и седовласый имам в длинном белоснежном одеянии подошёл к нам. Мы обратились к нему с просьбой разрешить нам поставить палатку под навесом. Имам дал на это своё согласие и отправил одного из прихожан за едой. Вдогонку расторопному прихожанину пришлось отправлять ещё одного, чтобы сообщить, что мы – вегетарианцы. Малаец, с которым мы провели последние полчаса, исполнял роль переводчика, так как имам не говорил по-английски. Когда наш ужин доставили, все, кроме нашего сорокадвухлетнего

собеседника, пожелав нам приятного аппетита и спокойной ночи, разошлись по домам. Некоторые прихожане, прежде чем покинуть мечеть, подходили к нам, и оставляли у наших ног деньги. И каждому я, сложив у груди руки, говорила «Terima kasih» («спасибо» по-малайски) и кланялась.

Когда мечеть опустела, наш собеседник протянул нам сто ринггитов и сказал: «У меня есть один знакомый малайский китаец, он, как и вы, без религии, но он твёрдо уверен, что человек приходит в этот мир только для того, чтобы творить добро. Жаль, что не все так считают».

Вот такие бывают мусульмане. И в следующий раз, глядя на экран телевизора, где исламские экстремисты и бородатые террористы в чалмах будут провозглашаться врагами общества, вспомните эту историю и слова одного мудреца: «Всё зависит от личности человека, его моральных качеств, а не от его религии».

Ещё до рассвета мы сложили палатку, и отправились дальше, шагая вдоль пока ещё не загазованного шоссе.

Куантан – крупный город, соединённый с Куала-Лумпуром хайвэем. Как только мы дошли до этого хайвэя, нас подобрали двое мужчин на легковом автомобиле. Они развозили по магазинам и кафетериям продукцию своего собственного предприятия – растворимый кофе в пакетиках. Всё предприятие состояло только из этих двух молодых людей и аппарата для упаковки готового продукта. Один из мужчин раскрыл мне главный секрет их бизнеса: «Покупаешь оптом кофе, сахар, сухие сливки, всё смешиваешь, упаковываешь посерьёзнее и продаёшь втридорога». Так как этот мужчина явно отличался словоохотливостью, мы, предупреждая перегрузку наших голов информацией о тонкостях кофейного бизнеса, резко перевели разговор в интересующее нас русло:

– Это всё очень интересно, но нам вдруг вспомнился

один вопрос, не относящийся к кофе: правда ли, что после посещения Израиля, в Малайзию не пустят?

– Да, правда. Многие исламские государства, включая Малайзию, не признают существования Израиля. Израильтяне – захватчики, они нелегально заселили территорию Палестины, умудрились дать ей новое имя и надеются, что все это примут, как данность. Если в вашем паспорте стоит печать несуществующего государства, значит и паспорт ваш уже недействителен. А человек без паспорта не имеет право пересекать государственных границ. Он – несуществующий гражданин. Правда, это не мешает малайским бизнесменам вести дела с евреями – просто все их встречи проходят на территории третьих государств. Как правило – в Сингапуре или на Тайване.

Мы заговорили об Исламе, но наш собеседник свёл разговор к Корану, так как, по его словам, абсолютно всё, что нужно знать, написано именно там. Почти ничего нового мы не узнали, кроме того, что первая заповедь Ислама – «Бог один, у него нет сыновей, жён, друзей». Вторая: «Мухаммед – пророк его». Нам рассказали, что если мы хотим жить правильно, то обязаны следовать Корану, который подскажет как нужно жениться, рожать детей, что должна делать жена и т. д. и т. п. Не выдержав атаки на мозг, Дима прервал нашего разговорчивого собеседника вопросом (заданным, как всегда, через меня):

– А как-нибудь, минуя Коран, можно достичь просветления?

– Нет, конечно! Для чего же тогда дано Писание? Если бы было можно, Мухаммед не принёс бы нам Коран. Только исполняя все Божьи заповеди, ты сможешь прожить хорошую, правильную жизнь. Это единственный путь к Богу, единственный путь к просветлению. Другого пути и искать не нужно – его просто не существует.

Услышав последнюю фразу, я поняла, что продолжать разговор о религии бессмысленно, но почитать Коран мне искренне захотелось.

Перед тем, как попрощаться, ребята пригласили нас на обед в дешёвую придорожную столовую с самообслуживанием, подобной которой ни до, ни после этого случая мне встречать не доводилось. Она занимала зал, сравнимый по размерам с небольшим супермаркетом. Половина помещения была уставлена рядами витрин, в которых сквозь прозрачные дверцы видны были десятки прямоугольных кастрюль с различной едой. Вдоль рядов ходили покупатели и накладывали на большие подносы, взятые из стопки на входе, понравившуюся им еду. На выходе они подходили к кассе, ставили поднос на весы, а кассирша, тщательно изучив, что же именно лежит на подносе, выбивала им чек. Миновав кассу, посетитель попадал во вторую половину зала, где, усевшись за свободный круглый столик, принимался за трапезу.

Покинув это необычное заведение, мы от души поблагодарили молчаливого водителя и его общительного друга, попрощались с ними, и пешком отправились вдоль автострады. К вечеру мы дошли до университетского городка, за широкими воротами которого, в паре сотен метров от входа, виднелись минареты какой-то большой мечети. Оказалось, что мечеть стоит во дворе одного из крупнейших корпусов университета и даже соединена с ним коридором. Пока мы ждали кого-нибудь, имеющего полномочия пустить нас на ночлег, нами заинтересовался один из студентов. Его звали Анас, он сказал, что сегодня руководства нет, но он может достать ключи от гостевой комнаты при мечети и мы сможем там переночевать. Анас был египтянином. От него мы узнали, что находимся в исламском университете, в котором учатся мусульмане из разных стран.

– Анас, лекции, наверняка, читают на малайском языке, неужели все студенты говорят по-малайски? – спросила я, после того, как нас проводили в уютную комнату для гостей.

– Да, малайский язык прост для изучения, особенно, если ты уже знаешь английский. Вообще, на малайском говорят ещё в четырёх странах – на Филиппинах, в Индонезии, в Брунее и Сингапуре. Кроме того, ежегодно проводится международная олимпиада по малайскому языку, и в этом году два первых места заняли девушки из России.

Я рассудила, что раз здесь много иностранцев, то, возможно в этой мечети найдётся Коран на английском языке, и спросила об этом Анаса. Он сказал, что Коран на английском действительно есть, но я не имею права прикоснуться к нему, пока не очищусь, совершив вуду́ – омовение. Причём омовение нужно совершать в строгой последовательности, помыв сначала правую руку, потом левую, прополоскав рот и нос, а после умыв всё лицо, затем локти, волосы, уши, правую и левую ногу. Пока я тщательно отмывала все вышеперечисленные части тела от дорожной пыли, Анас принёс из библиотеки Коран. Писание было озаглавлено «THE NOBLE QUR'AN» (благородный Коран), внизу, на чёрной обложке, таким же золотым тиснением, как и заголовок, значилось «English translation of the meanings and commentary» (английский перевод значений и комментариев), а в самом низу стояла надпись «NOT FOR SALE» (не для продажи). Прямо как Библия на английском, у неё на обложке, как правило, написано «THE HOLY BIBLE» (священная Библия), и тоже внизу «NOT FOR SALE». Я открыла священную книгу. Каждая из страниц была разделена на два столбца – в правом столбце, справа налево шли строки, написанные арабской вязью, а в левом столбце, слева направо – английский перевод. Я начала перелистывать страницы, читая заголовки и отдельные предложения. Взгляд упал на

такие строки: «И не убивайте себя, так же как не убивайте никого другого. Несомненно, Аллах наиболее милостив к вам». Потом мне попалась глава, где был подробно описан процесс формирования зародыша во чреве матери. Жаль, что большинство сур я не могла прочитать без словаря – слишком много специфических слов. Я сразу призналась в этом Анасу и Диме, который в стенах мечети именовался Джюзуфом.

– Половину текста понять не могу. Что значит «intercourse», «deceiving»? Анас, расскажи, что самое удивительное ты запомнил из Корана?

– Там много интересных вещей – например, что Земля имеет форму яйца, а, по последним научным данным, оказывается, что Земля действительно не шар, а скорее – яйцо. И ещё там сказано, что муравей может быть раздавлен как стекло. Никто не мог понять, что же это значит, но недавно стало известно, что муравьи действительно на 70% состоят из кремния – того же вещества, из которого делают стекло.

– А какие основные заповеди Ислама ты можешь вспомнить?

– Первая заповедь Ислама: «Аллах один, у него нет друзей, сыновей и жён». Ещё есть заповеди: «Не убей», «Не спи не с женой», «Не наживайся», «Не ешь свинью», «Не пей вино», «Не воруй», «Не затуманивай разум». Хорошие заповеди.

Я снова погрузилась в чтение, хотя полностью понятных мне абзацев было мало. Увидела фразу, весьма близкую моему жизненному кредо: «Насупься, и ты повернёшь обратно», я её поняла так: «Только с улыбкой возможно движение вперед». Думаю, как и в любой другой книге, в Коране человек прежде всего читает самого себя, и поэтому легко находит ответы на все вопросы, не осознавая, порой,

что на те же вопросы другой человек находит в этой книге другие ответы.

Договорившись, что утром мы уйдём, оставив Коран на столике, а ключи – в замочной скважине, Анас покинул нас. Когда я начиталась священного Писания до головной боли, мы, растянувшись на мягких диванах и укутавшись в наши одеялки, уснули богатырским сном, в котором мне всю ночь виделись суры Корана, которые я никак не могла прочитать.

Наутро, оставив Коран и ключи где обещали, мы покинули университетский городок, а к вечеру уже находились в паре часов ходьбы от Куантана. Весь день у меня страшно болела голова. Казалось, что мозг не выдержал постоянного двуязычного общения, и, наконец-то, закипел. Я, очевидно, была не в состоянии контактировать с местными жителями, и, впервые за последние несколько месяцев, хотела избежать встречи с ними. За полчаса до заката мы поставили палатку в удобной ложбинке на склоне заросшего кустарником холма. Без тента наша палатка белая, а с тентом – зелёная, в кустах практически не различимая, поэтому, исключительно в целях маскировки, мы накинули тент и спокойно легли спать под безмятежно синим небом с редкими облачками... Ох уж эта изменчивая реальность... Вместо тишины южной ночи нас ждала неистовая гроза с проливным дождём, в результате чего палатка оказалась в глубокой грязной луже. Во время упаковки промокших насквозь вещей в чумазые рюкзаки, я обнаружила, что моя любимая итальянская юбочка похожа на рваную половую тряпку – тонкая хлопковая ткань износилась до полупрозрачности, а во многих местах даже до кристальной прозрачности. Однако признать её функциональную непригодность до этого утра я не решалась, по причине своей глубокой симпатии к ней. Со словами благодарности за верную

службу мне во все эти непростые месяцы, я похоронила её на этом же холме. Где-то под Пиданом в Приморье были с такими же почестями похоронены мои любимые льняные штаны – одежда из натуральных тканей прекрасна, но недолговечна. Зато рюкзак стал легче граммов на двести, а это хорошо. Жаль, что из-за воды он стал тяжелее килограмма на два, а это было совсем плохо. Дождь не прекращался, и, судя по равномерно серому горизонту, прекращаться не собирался. Мы знали, что от пригорода Куантана нас отделяют не более десяти километров, но пройти эти километры нам предстояло не только под проливным дождём, но и под потоками воды из луж, обдававшими нас с ног до головы всякий раз, когда мимо проносилась очередная машина. И мы шли. А куда денешься?

Глава 12. ЦЕРКОВЬ СВЯТОГО ТОМАСА

*На свете не было бы ни одного язычника,
если бы мы вели себя как настоящие христиане.*

Папа Иоанн XXIII

Мы не ожидали, что кто-нибудь решится подвезти нас – таких грязных и мокрых, но один водитель, пожертвовав чистотой обивки задних сидений, предложил довезти нас до центра города. Парень отлично говорил по-английски, можно было бы расспросить его о том, как выйти к порту, но на данный момент это было не актуально, так как рюкзаки, набитые мокрыми вещами, были слишком тяжелы. К тому же, в них лежали ноутбук и цифровой фотоаппарат, они, несмотря на полиэтиленовые пакеты, в которые мы их тщательно укутывали каждый раз, могли отсыреть и потребовать срочного ремонта. Так что, первоочередная задача – высушить содержимое рюкзаков, а для этого при-

дётся обращаться за помощью к добрым людям, у которых есть крыша над головой. А над чьими головами самые большие крыши? Мы спросили у водителя, есть ли в Куантане большие церкви или буддистские обители, и он ответил, что от места, куда он нас доведёт, пять минут ходьбы до одной церкви.

– Только она китайская... – добавил он.

– Маленькая, что ли?

– Нет, большая, но финансируют её китайцы.

Вскоре машина остановилась возле кафетерия в центре города. Водитель показал нам направление, в котором находится божий храм, финансируемый китайцами, и, прикрыв голову от дождя водонепроницаемой папкой с документами, скрылся в недрах какого-то административного здания. А мы отправились искать церковь. Её высокий бетонный крест необычной геометрии был виден издали. В отличие от плоских православных крестов, которые при взгляде сбоку сливаются в одну линию, этот крест был во всех трёх проекциях крестом. Но с большинства точек обзора он представлял собой снежинку с удлинённым нижним лучиком. На воротах висела табличка на английском языке: «Церковь святого Томаса» (Или святого Фомы – в русском варианте). Посреди двора мокла под дождём восхитительная искусственная ёлка, красиво наряженная к Рождеству. Потоки воды стекали по её веточкам, гирляндам, разноцветным игрушкам, от чего последние сияли ещё ярче. Под широким навесом мы увидели трёх девушек, что-то оживлённо обсуждавших за длинным столом, окружённым множеством стульев. Увидев нас, девушки замолчали. Одна из них, окинув нас внимательным взглядом, спросила:

– Вы кушать хотите? (ударение на слове «кушать»).

– Нет, мы хотим поговорить с настоятелем этой церкви.

– С отцом Юджином?

– Да.

– Присаживайтесь, я сейчас позову его.

Мы не хотели снимать рюкзаки, чтобы, на случай, если нам не позволят высушиться здесь, поскорее отправиться дальше, поэтому присаживаться не стали. Вода, стекавшая с нас, уже образовала на полу небольшую лужицу, когда падре вышел к нам. Он улыбнулся и спросил:

– Вы хотели видеть меня?

– Да, отец Юджин, мы путешественники из России, у нас ночью все вещи промокли, а нам ещё очень далеко идти. Мы хотели бы спросить, не найдётся ли у вас места, чтобы развесить их. Как только всё высохнет, мы уйдём.

– Следуйте за мной, – с этими словами падре вошёл в здание, к которому примыкал навес над столом, – вот здесь у нас прачечная, – он указал на стиральную машинку, стоящую прямо в коридоре, несколько тазиков и ряды верёвок, протянутых под потолком. – Я принесу вам порошок и мыло.

– Спасибо... – растерянно сказала я. В голове пронеслось: «Если мы будем ещё и стираться (а это займёт не менее двух часов), то, учитывая погоду, всё и до следующего утра не высохнет». А постираться очень хотелось.

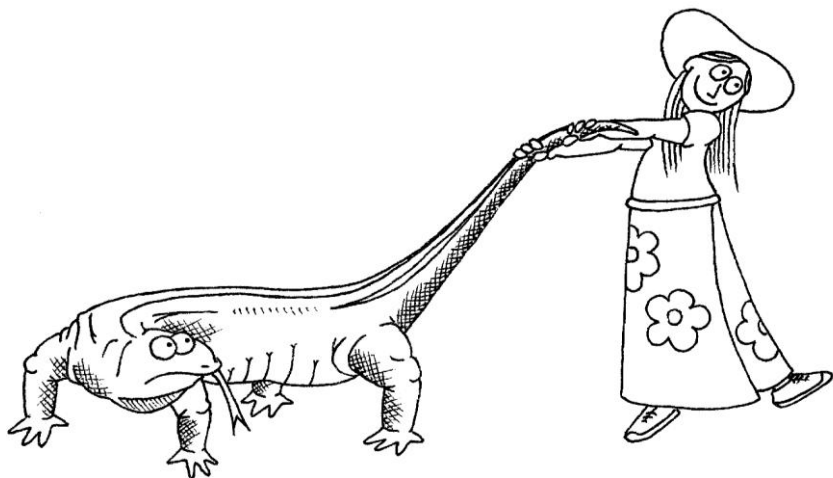
Падре сделал нам знак снова следовать за ним.

– А это наш пятизвёздочный отель! – отец Юджин распахнул дверь комнаты в конце коридора и протянул ключ Диме. – Вы можете оставаться здесь столько, сколько хотите, можете и Рождество, и Новый Год с нами встретить. Оставьте пока здесь рюкзаки, я вам кухню покажу.

Оказалось, что по субботам в церкви кормят бедняков, и, так как мы пришли именно в субботу, да ещё и сразу после окончания раздачи еды всем желающим, нам досталась привилегия доесть всё, что осталось. На кухне нам показали, как чем пользоваться, и велели чувствовать себя, как дома. К кухне прилагался неистощимый мешок риса и

две неистощимые пластиковые канистры: одна с кетчупом, другая с растительным маслом.

Пятизвёздочный отель оказался уютной четырёхместной комнаткой с отдельным душем, туалетом и раковиной. Рабочий стол, два мягких стула и розетка рядом с ними, гарантировали нам все условия для работы с компьютером. О большем и мечтать не стоило. Но это было ещё не всё. Снаружи, возле длинного стола под навесом, стояли вазы, набитые пакетиками с растворимым кофе и какао, рядом высился бойлер с кипятком и стояла красная пластиковая копилка с табличкой на английском: «Кофе стоит 1 рингит. Мы верим Вам». Нам разрешили неограниченно пользоваться этой кофейней самообслуживания. Сейчас, допуская, что когда-нибудь снова навестим отца Юджина, мы точно знаем, что следует ему подарить – коробку растворимого кофе (поскольку за те две недели, что мы провели в церкви, мы полностью опустошили эти вазы). Так началась наша спокойная размеренная жизнь в церкви святого Тома. Три дня тишины и отсутствия собеседников излечили мой мозг, голова перестала болеть, и сны, наконец-то стали сниться на русском, а не на английском языке. Я стала периодически выходить из комнаты, гулять по территории церкви, любоваться красавицей ёлочкой. Было ощущение, что отец Юджин действительно спас меня. Если бы не этот отдых, я, возможно, заработала бы себе какое-нибудь психическое расстройство. Вскоре мы с Димой уже были готовы посетить местный рынок. Он оказался в пятнадцати минутах ходьбы от церкви. По пути заметили кафе с бесплатным Wi-Fi. Это было очень хорошо – значит, сможем выйти в Интернет прямо с нашего ноутбука. В подвал одного из домов прошмыгнул мимо нас полутораметровый варан. Круто. Такого шваброй не выгонишь. Представляете, спускаетесь Вы в подвал, свет включаете, а вместо крыс по углам разбега-

ются полутораметровые ящеры. Интересно, у них хвосты отваливаются как у ящериц? Проверить не рискнула.

На рынке мы повстречали одного продавца фруктов, который, узнав, что мы – вегетарианцы, не только подарил нам то, что мы планировали купить, но и добавил несколько превосходных манго в дорогу: «У меня жена – вегетарианка, уверен, она обрадуется, когда узнает, что я сегодня встретил вас! Примите эти фрукты в подарок от нас с ней». Мы с благодарностью приняли этот подарок, и, отойдя от рынка, уселись на обочине дороги, чтобы полакомиться сочными апельсинами. Мимо нас шли люди. Кто на рынок, кто с рынка – неся авоськи, набитые фруктами и овощами, кто просто – по своим делам. Никто не обращал на нас внимания. Неожиданно, один из прохожих свернул с дороги и подошёл к нам. Он молча посмотрел на нас, и я протянула ему апельсин.

– Знаете, а ведь мелочей не бывает, – сказал он, разглядывая апельсин в своей руке. – Моя жена очень сильно болела. Часто и подолгу лежала без сознания, есть не хотела. Врачи говорили, что она может умереть в любой момент. И вот однажды она очнулась. Открыла глаза. Посмот-

рела на меня, и говорит: «Милый, я хочу два апельсина». Представляете! Два апельсина! Я обрадовался. Наконец-то она хочет что-то. «Конечно, любимая, я сейчас принесу тебе два апельсина», – ответил я. Быстро собрался, добежал до рынка, купил два апельсина, и бегом обратно... А её уже нет. Она умерла, пока я бегал на рынок... Я рассказал вам это, чтобы вы ценили каждый момент своей жизни и помнили, что мелочей не бывает. Удачи вам.

– Спасибо.

Мужчина снова посмотрел на апельсин, глубоко вздохнул, и зашагал прочь от рынка.

В субботу вечером отец Юджин увидел меня во дворе, разглядывающую ёлочные украшения. После заката гирлянды зажигались сотнями цветных огоньков. Выпуклые зеркальные поверхности игрушек отражали их, растягивая в длинные разноцветные блики, и казалось, что вся ёлочка озаряет двор своим собственным внутренним сиянием. Это было сказочно красиво. Я не могу передать словами, что именно чувствовала, стоя по вечерам у этой ёлочки. Даже под дождём, а дожди в то время лили почти ежедневно, я выходила во двор, чтобы посмотреть на неё. Я знала, что мне есть где высушить одежду, и не боялась промокнуть. Я хотела запомнить это чувство. Чувство покоя, воплотившейся мечты, сказки, ставшей реальностью. Когда в Куала-Лумпуре мы ночевали в настоящем пятизвёздочном отеле, я фотографировала всё: номер, бассейн, лифт, потому что выглядели они непривычно и интересно. Но вот чувств таких не вызывали. В церкви святого Томаса я не фотографировала ничего – ни нашу комнатку,

ни саму церковь, ни эту восхитительную ёлочку. Я знала, что фотография всё исказит. Она сделает всё плоским. Не передаст моих чувств. Я надеялась, что, не имея картинки, смогу лучше сохранить воспоминания об этом месте. Не об интерьере церкви и геометрии игрушек, а о сути этого места. Поэтому я просто стояла и разглядывала ёлочные украшения. Отец Юджин подошёл, чтобы пригласить нас с Димой на утреннюю проповедь.

– Я вижу, вы чувствуете себя лучше? – сказал он.

– Да, падре, мы уже достаточно отдохнули, чтобы продолжить свой путь. Завтра после вашей проповеди пойдём узнавать, как попасть в порт, и ходят ли на Борнео грузовые суда.

– Сейчас на море шторм, суда не покидают порт в такую погоду. Оставайтесь до Рождества, на этой неделе привезут украшения для церкви – рождественские венки, гирлянды, если будет желание, сможете помочь нам развесить их. Помощников у нас, правда, и так хватает – сейчас в церкви живут несколько мальчиков из Бирмы – их работодатель обманул, привёз сюда, они выполнили работу, а работодатель исчез, ничего им не заплатив. Ребята живут у нас и по хозяйству помогают. Вы, полагаю, не раз встречали их здесь.

– Да, встречала. Хорошие ребята. Конечно, мы с удовольствием поучаствуем в украшении церкви.

– Ну, тогда до завтра, увидимся на проповеди.

– Спокойной ночи, падре.

Я снова осталась во дворе одна, стоять под пасмурным небом, сквозь дыры в серых тучах которого виднелись яркие звёзды:

– Спокойной ночи, звёзды.

В воскресенье к девяти утра в церкви собралось много людей. Отец Юджин в фиолетовой ризе с большим кре-

стом, вышитым на ней золотом, читал проповедь. Сначала по-английски, потом по-малайски. Провёл обряд причащения, дав отпить вина из большой чаши всем, исповедовавшимся в грехах, и дал каждому причащающемуся по круглому плоскому хлебцу. Мы с Димой не исповедовались, потому и на причащение не претендовали. Честно говоря, было скучновато. Всё, о чём говорил падре, написано в Библии. Интересно было слушать проповедь на малайском языке: «Бог» по-малайски «Аллах», а «Писание» – «Коран», что из уст священника в христианской проповеди звучало необычно. Когда отец Юджин пригласил подойти всех, у кого есть, что рассказать, к трибуне, стоявшей перед рядами длинных церковных лавок, вышел один сидящий мужчина, представившийся Лайнелом. Он сказал: «Вчера Бог явил мне чудо! Я срочно должен был ехать на работу, но никак не мог найти свою связку ключей, где были и ключи от гаража, и от дома, и от машины. Я боялся, что потерял её, обыскал всё, что только можно, но безрезультатно. И тогда я обратился к Господу: «Боже, мне необходимы эти ключи, и именно сейчас, помоги мне найти их!». И знаете что? Мне тут же приходит мысль посмотреть в морозилке. Я открываю холодильник и... Ключи лежат там! Как они могли туда попасть? Ума не приложу. Я поблагодарил Господа от всего сердца и поехал на работу». Все заплодировали, а Лайнел вернулся на своё место. Поскольку никто больше не хотел выступать, трибуну снова занял отец Юджин:

– Сегодня у нас в церкви двое необычных гостей. Они пришли пешком из России и собираются обойти вокруг света. Давайте попросим их выйти сюда и сказать нам всем пару слов. Миссис Лина, прошу Вас, поднимитесь.

Я подошла к микрофону:

– Здравствуйтесь, люди.

– Здравствуйтесь, Миссис Лина, – ответили люди.

– Скажите нам что-нибудь по-русски, – попросил падре.

– А среди вас есть хоть один, понимающий русский язык?

– Нет! – паства отрицательно замотала головами.

– Тогда ничего не буду говорить по-русски, вы всё равно меня не поймёте, – почему-то прихожане отреагировали на эту фразу дружным смехом.

Я почувствовала, что этим людям, в принципе, всё равно, что я им скажу, они будут смеяться в тех местах, где буду улыбаться я, и плакать, если я заплачу. С этой трибуны я взирала на «математическое множество» в переложении из мира чисел и функций в мир вещественный. «Множество суть совокупность различных элементов, мыслимая как единое целое». Я не воспринимала их отдельными людьми, я видела паству. Все, как один. Мне стало неуютно. Я говорила какие-то малозначащие слова, а они аплодировали и улыбались, объединённые своей религией и рафинированным благочестием. Именно неестественной тотальностью принятия моих слов, паства натолкнула меня на мысль, что их благочестие – это униформа для посещения церкви.

Мы первыми вышли из зала и направились в свою комнатку. Как страдающие от диабета нуждаются в инсулине, так я сейчас нуждалась в хорошей дозе свободомыслия. Мне срочно нужно было живое напоминание о существовании оригинального мнения.

За длинным столом под навесом одиноко сидел седовласый европеец, который, очевидно, не присутствовал на проповеди. Что-то во внешности этого человека заинтриговало меня. Я села напротив него:

– Вы не были сейчас в церкви?

– Нет. Все эти проповеди – вздор. (Он сказал жёстче: «bullshit», чем вызвал мою искреннюю улыбку, дословно

это переводится, как «бычье дерьмо»).

– Я бы выразилась мягче – бессмыслица.

– Как это не называй, суть не меняется.

– А почему тогда Вы здесь, если проповеди – вздор?

– Здесь, кроме падре, работают только женщины, а тяжёлой работы много – нужно готовить еду, носить кастрюли, точить ножи. Я прихожу каждое воскресенье, помогаю сёстрам милосердия по хозяйству. А если Вы полагаете, что проповеди – бессмыслица, почему я только что видел, как Вы вышли из церкви?

– Мы гости отца Юджина. Падре пригласил нас с мужем послушать сегодня его проповедь, и мы пришли. Послушали. Теперь говорим: проповеди – бессмыслица. Но отец Юджин очень хороший человек.

– Да, он хороший человек. Настоящий. Где вы с ним познакомились?

– Здесь, в церкви, неделю назад. Мы с мужем сильно промокли под дождём, и попросили у него места под крышей на несколько часов, чтобы вещи высушить, а он нас пригласил остаться до Рождества. Мы, конечно, раньше уйдём, дорога уже зовёт. Вот утихнет шторм, и отправимся на Борнео.

– Шторм не скоро утихнет. К тому-же, в Куантане нет пассажирского порта – только грузовой.

– А нам и не нужен пассажирский – у нас денег на билеты нет. Будем договариваться с капитанами грузовых судов, может, возьмут нас бесплатно, за работу, до острова.

– Там сейчас охрана серьёзная, боюсь, вам не позволят поговорить с капитанами.

– Мы всё равно попробуем. Не получится, тогда отправимся в другой порт.

– Откуда вы, такие отчаянные, взялись?

– Из России. Пешком и автостопом вокруг света путе-

шествуем. А Вы откуда?

– Ух ты. Сам я из Англии. Был раньше инженером, а как на пенсию вышел, переехал жить в Малайзию. Сейчас подрабатываю инструктором по виндсёрфингу на местном пляже. Вы понимаете, что воплощаете мечту очень многих людей? Ведь путешествовать хотят практически все, но могут немногие, так как для этого нужно сделать шаг в неизвестность. Только и слышно: «Я хочу путешествовать, мечтаю о дальних странах», но стоит им предложить куда-нибудь отправиться, как они вспоминают о каких-нибудь неотложных делах. Люди слишком заняты бытом, поглощены заботой о своем комфортном существовании, чтобы выйти за пределы тесного мирка, в котором у них есть мягкий диван и неиссякаемый источник знаний о жизни – телевизор. Им не нужно задумываться о том, как себя вести в той или иной ситуации – ведь по телевизору же показали – Хосе Игнасио поругался с Хуанитой, Хуанита расплакалась, замахала руками и убежала. Всё понятно, модель поведения создана. Надо обижаться, плакать, ругаться, махать руками. Никто вам по телевизору не скажет: «Просто будь собой». Не принято у нас быть собой. Люди всё чаще прячутся за различные маски, удобоваримые для общества, делают то, что от них ожидают...

– И в других видят себя, и ожидают от них сходного поведения, пополняя ряды тех, кто клеймит неординарность и отказ от общепринятого, – я радостно подхватила эстафету пережевывания костей социуму.

– Да, это так. Оправдывать ожидания. Вот что они стремятся делать всю свою жизнь. Люди часто стали говорить: «Хочу быть красивым, как тот, хочу одеваться, как этот», они потеряли свою индивидуальность, потеряли себя, и, что страшнее всего, они порой даже не понимают, что быть собой – это самое главное в жизни. Они гордятся тем,

что у них машина, как у..., причёска, как у..., работа, как у..., жизнь как у кого-то другого, и даже не пытаются найти себя, роясь в этой груде чужого барахла. По чужим алгоритмам они складывают свою жизнь, строят планы на своё будущее...

– Да, это так, но хочется верить, что на самом деле и они ищут совершенства. А вообще, у Вас устаревшие сведения – большинство сейчас не удовлетворяется машиной, как у..., им нужно машину ЛУЧШЕ, чем у самого крутого соседа. Это их «путь к совершенству». Под термином «самосовершенствование» стали скрывать желание не отстать от моды. «Совершенство» из понятия абсолютного превратилось в относительное... Но подсознательная тяга к прекрасному у людей осталась. Люди, как и прежде, стремятся стать лучше. И планы на будущее они строят, исходя из желания изменить свою жизнь к лучшему.

– Строить планы на будущее можно по-разному: можно сказать: «я хочу попасть из пункта А в пункт Б, а значит я должен пройти через пункты В, Г, Д, и Е (в русском варианте, по моему мнению, часто присутствует ещё и пункт Ж, причём большая Ж, но по-английски всё звучало куда безобиднее), а можно, просто задавшись целью попасть в пункт Б, сделать шаг из пункта А, а там видно будет. Будь творцом своей жизни, придумай свой собственный путь к себе, к мечте, к совершенству. Но, к сожалению, не многие на это способны. Ведь когда ты делаешь первый шаг в неизвестность, нет гарантий, что удастся сделать второй, а если и удастся, то куда он приведёт? И вот, терзаемые сомнениями, стоят они на перекрёстках, не решаясь идти своей дорогой, ждут попутного транспорта... Многие – всю жизнь ждут... не понимают, что если не идти, не развиваться, не принимать самостоятельных решений, шансы прийти куда бы то ни было навсегда останутся нулевыми. Глупо... Ведь если окажется, что это не твоя дорога, кто тебе мешает вер-

нуться, и пойти по другой? – англичанин вопросительно смотрел на меня, хотя вопрос, очевидно, был риторическим.

– «Если ты что-то делаешь, и тебя не устраивает результат, сделай что-нибудь другое, и ты получишь другой результат» – это прописная истина, – ответила я.

– Да, теоретически, это известно всем, но на практике люди продолжают раз за разом наступать на те же грабли. Они живут в комфорте, как тепличные овощи, теряя способность к самостоятельности.

– В комфорте нет ничего плохого, если только вы не становитесь его рабом. Помните Будду Шакьямуни, который после голодания и самобичевания пришёл к выводу, что пункты «голодание» и «самобичевание» не являются необходимыми на пути к просветлению, и уселся под баньян (дерево такое) для самосозерцания.

– Между комфортом дивана и комфортом баньяна огромная разница. Но, вообще, интересно, что Вы об этом вспомнили. Знаете, из всех мировых религий наиболее привлекательным я считаю именно Буддизм, так как Будда говорил: «Вы можете слушать меня, а можете не слушать, и если вы меня слышите, задавайте мне вопросы». В других же религиях, как правило, говорится: «Ты должен! Ты должен делать то-то и то-то, и не задавай глупых вопросов!». А ведь только задавая вопросы, ты можешь найти на них ответы.

Замечательные слова. Только задавая вопросы, можно найти на них ответы.

Инструктор подарил нам 50 ринггит, и сказал, что прежде не встречал таких людей, как мы, и никогда не дарил никому денег. «Вы – какие-то особенные», – сказал он. «Нет, – ответила я, – это вы, люди, помогающие нам – особенные». Пока мы разговаривали, все вышли из церкви, и

многие из прихожан сели за длинный стол, пить кофе. Нам тоже принесли по чашечке. На душе стало легко и радостно. Благодаря инструктору я поняла, что испытывают прихожане, когда становятся паствой. Быть в среде «своих» – это так здорово.

Ко мне подошёл Лайнел – тот самый, которому Бог телепортировал потерянные ключи в морозильник.

– Отец Юджин сказал мне, что вы с мужем вегетарианцы. Это так? – спросил он.

– Да, это так, именно поэтому вчера несчастным беднякам почти не досталось мяса – ради нас было решено сделать три блюда из четырёх – вегетарианскими, – ответила я.

– У меня есть маленький садик, где я выращиваю овощи безо всякой химии – для своей семьи, хотите, я завтра перед работой заеду к вам, завезу немного вигны и дамских пальчиков?

– С благодарностью примем такой подарок, Лайнел.

– Тогда до завтра!

Лайнел ушёл разговаривать с другими прихожанами, а к нам подошли две индианки – молодая девушка, и похожая на неё, но лет на двадцать старше, красивая женщина в сари.

– Миссис Лина, меня зовут Кавита, и мы с мамой хотим пригласить вас с мужем сегодня вечером на ужин в ресторан, – сказала девушка.

– Спасибо Кавита, мы с радостью поужинаем с вами.

Пока я допивала свой кофе, ко мне подошла ещё одна женщина и пригласила нас поужинать у неё дома, но я сказала, что мы уже приглашены на этот вечер. «Что ж, как-нибудь в другой раз» – женщина улыбнулась и тоже ушла общаться с прочими прихожанами. Я поняла, что мне срочно нужно покинуть высокодуховное общество, иначе нас пригласят ещё куда-нибудь, и, если я приму все приглаше-

ния, то мы действительно останемся в Куантане до Рождества. Залпом допив последний глоток кофе, я помыла чашку и вернулась в нашу комнатку записывать разговор с англичанином.

Это был очередной урок – живой, яркий, созданный жизнью специально для меня. Как бы его назвать? «Не... не хочу я его называть». Ведь моя привычка озаглавливать уроки здорово уменьшает их. Запоминая лишь короткую формулировку, я позволяю себе забыть сам урок. Отныне я решила не клепать очередной набор заповедей: «ни о чём не жалея», «никуда не спеши», «ничего не бойся», а усваивать уроки в том виде, в котором они приходят. Проще говоря, я решила меньше умничать и больше жить.

Позже я встретила отца Юджина, возвращавшегося в свой кабинет:

– Добрый день, Миссис Лина! (Очень мало кто из англоговорящих иностранцев способен произнести мягкое русское «Лена», у них получается что-то вроде Лээна, а поскольку мне это совсем не нравится, я стала представляться Линой – в Азии это распространённое женское имя).

– Здравствуйте, отец Юджин!

– Как вам сегодняшняя проповедь?

Ну вот. Зачем же Вы это спросили? С моего лица сползла приветливая улыбка. Поймёт ли священник то, что я отвечу? Не обидится? Я ведь ему очень благодарна, но сказать, что проповедь мне понравилась – не могу. Это будет самая настоящая ложь. Сказать бабушке, что отправилась на лыжные соревнования, хотя на самом деле поехала прыгать с парашютом – это одно. Это забота о бабушкином здоровье. Но отец Юджин, очевидно, не упадёт с сердечным приступом, если узнает, что я на самом деле думаю:

– Падре, мне жаль, но я не вижу никакого смысла ни в проповедях, ни в церквях. Бог всегда рядом с нами. Не

нужно никаких пафосных речей и ярких нарядов – это лишь отдаляет человека от Бога. Вы действительно очень эффективно выглядите в ризе, но это бессмыслица! Я могу говорить с Ним дома, в лесу, на хайвэе, любыми словами. Мне не нужны посредники: Бог – в моём сердце.

– Я прекрасно понимаю всё это.

– Как же Вам тогда удаётся работать священником?

– Я собираю вместе всех тех людей, кого вы видели сегодня. Это очень важное дело. Да, они могли бы говорить с Богом дома, но тогда они, возможно, никогда не встретились бы... Видите ли, часто люди встают перед выбором – поступить по совести или поступить так, как принято. И, как это ни прискорбно, поступают чаще так, как принято, иначе было бы принято поступать по совести. И вот они приходят на мою проповедь. Они видят, что все скамьи в церкви заняты. Я говорю им о доброте, о взаимопомощи, о любви, и они видят, что все люди в церкви слушают меня. Потом сами прихожане рассказывают о каких-то событиях из их жизни, и их тоже слушают. Так они понимают, что они не одни. Они видят много добрых людей, и сами хотят быть добрыми. Теперь, когда перед ними встанет выбор: поступить по совести, или так, как делает большинство, мои прихожане поступят по совести. Именно потому, что знают, что они не одни. Знают, что в данный момент каждый из тех, кто был с ними в церкви, возможно, совершает доброе дело. Я люблю свою работу и своих прихожан и верю, что вместе мы сможем сделать мир лучше.

– Вы замечательный человек, падре. Я счастлива, что мы встретили Вас. Спасибо Вам за эти слова.

– Благослови вас Господь.

Так шли наши безмятежные дни. Когда Дима писал (а писал он почти постоянно – его музе пришлось по нраву ежедневное питание, душ, хороший сон и тишина), я, не

желая отвлекать его, уходила гулять во двор или пить кофе за длинным столом. По будням в церкви было очень мало людей, только девочки из церковного хора ежедневно собирались на репетиции, да друзья падре заходили навеситить его. Иногда эти друзья заговаривали со мной, и, как правило, оставляли что-нибудь в подарок. Я гуляла по церкви босиком, так как кроссовки совершенно не сочетались с моим парадно-выходным саронгом в цветочек, а другой обуви у меня не было. Одна из девушек, певших в хоре, увидев меня, воскликнула:

– Вы так похожи на Кирсти Элли!

– В Китае мне говорили, что я похожа на Аврил Лавин. (А в России – что на Елену Петровну Блаватскую, и если вы сравните фотографии этих трёх женщин, то очень сомнительно, что вам удастся найти в их внешности хоть что-нибудь общее).

– Нет, Аврил Лавин совсем не такая, определённо – Кирсти Элли! Я увидела, что Вы ходите босиком, и привезла свои шлёпанцы. Держите!

– Спасибо! Вы будете сейчас репетировать?

– Да, если хотите, можете пойти с нами – послушать.

Я давно хотела зайти послушать, и, честно говоря, специально гуляла у окон церкви каждый раз, когда девочки репетировали, чтобы лучше слышать их, но заходить внутрь не решалась, чтобы никого не отвлекать.

Рядом с трибуной, с которой падре по воскресеньям читает проповедь, стояла отличная барабанная установка, справа от неё высилась огромная колонка с мозаикой из разномастных динамиков. Напротив колонки лежали мотки кабелей, расползающихся к электрогитарам, синтезатору, усилителю, пульту и микрофонам. Одна из девочек, подключив синтезатор, принялась наигрывать незнакомую мне мелодию, а другие, достав тексты песен – вполголоса напе-

вали их. Каждая повторяла что-то своё, но даже получившаяся какофония была приятна, так как пели девочки просто восхитительно. Спустя пару минут, в зал вошёл мужчина лет сорока в джинсах и кожаной жилетке – он оказался барабанщиком и руководителем хора. Барабанщик, как и многие из девочек, был европейцем, и раздавал указания на английском языке. Гитары так и остались стоять, прислонённые к динамику. Репетиция началась. Мягко постукивал руководитель по барабанам, девочка-клавишница легко извлекала из синтезатора нежные звуки какой-то мелодии, а девочки-хористки пели на малайском языке о Рождестве. Я снова очутилась в сказке. За малайской песней последовала классическая английская «Oh, Holy Night», и ещё ряд известных Рождественских мелодий. Юные китайки, малайки, индианки и другие девочки, чьих национальностей я не могу определить, так душевно и искренне их исполняли, они пели столь чистыми, отлично поставленными голосами, что не заслушаться их было просто невозможно. То и дело меня пронизывал холодок восхищения, пробегая волной по всему телу с головы до ног. Вместе со словами песен в пространство выливались образы. Они вставали перед моими глазами, являя Иисуса Христа как спасителя человечества, того, благодаря которому мы всё ещё живы, и того, благодаря которому мы все спасёмся. Через эти песни я увидела огромную силу христианского эгрегора. Это реальная мощь, способная подмять под себя сознание. Способная отбить желание задавать вопросы. Любовь – сильнейшая из энергий, и сегодня, услышав эти искренние песни любви к Христу, я почувствовала, что не нужно задавать вопросы: Он нас любит! И это самое главное. Он уже умер за нас, и, если потребуется, сделает это снова, так как искренне и беспредельно любит нас.

Когда репетиция закончилась, я вышла из церкви в

парящем состоянии. Плавно выплыла из неё и потекла к любимой ёлочке, переваривать то, что только что со мной произошло. Как будто я, пересекая холодный Атлантический океан вплавь, ненадолго окунулась в поток Гольфстрима, и он понёс меня на север, окутывая комфортным теплом своих быстрых вод. Как хорошо, что я помню, что мне не нужно на север, и имею силы выбраться из тёплого течения, чтобы пересечь-таки океан. Воистину, религия – опиум для народа. Но, Боже, как прекрасно они пели!

Лайнел часто заглядывал к нам, заносил различные овощи со своего огорода, и, если находилась свободная минутка, разговаривал со мной. Станный овощ под названием «дамские пальчики» очень походил на длинные зелёные перчики, и мне было искренне жаль ту даму, в честь чьих кривых пальчиков он был назван. Лайнел приносил нам новости из большого мира, и однажды вечером сообщил, что шторм не утихает, и, согласно прогнозам, в ближайшее время навигацию на восточном побережье Малаккского полуострова не откроют. Я ответила, что, в таком случае, нам пора собираться в путь – мы должны успеть добраться до западного побережья прежде, чем истечёт дозволенный срок нашего пребывания в Малайзии. «Можете не спешить, из Куантана ходит автобус до Малакки, а оттуда ежедневно ходит паром до Индонезии. Просто скажите дату, когда захотите ехать, и я на этот день куплю вам билеты», – предложил Лайнел. Мы согласились. 21 декабря, за три дня до Рождества, мы с Димой отправились в город, некогда бывший крупнейшим портом Юго-Восточной Азии. Длительное путешествие сквозь всю страну я мирно проспала в уютном глубоком кресле фирменного междугороднего автобуса.

Малакка изобиловала музеями, сувенирными магазинчиками и старыми церквями, в одну из которых мы и на-

правились, как только обнаружили, что ближайший паром в Индонезию прибудет только завтра утром. Не имея свободного места для нашей палатки на территории церкви, падре усадил нас в машину, и отвёз на ночлег к прихожанке, специализирующейся на приёме иностранных гостей. Дама, увидев на моей груди чёрную сумочку для документов, сообщила нам о том, что чёрный цвет – это цвет смерти, и для нашей безопасности, сумочку необходимо снять. «Я подарю вам в дорогу другую – бежевую. Она уже спасла меня однажды в Риме: я приехала в Италию отдохнуть, но в первый же день у меня украли чемодан со всеми вещами. Слава Богу, деньги и паспорт с обратным билетом на самолёт находились в этой самой сумочке, висевшей тогда на моей шее. Кое-как я провела отпуск, не выезжая из Рима, и смогла без проблем вернуться домой. Я больше не собираюсь путешествовать, а вам эта сумочка ещё пригодится».

Когда утренний паром прибыл в Малакку за пассажирами, мы уже стояли у запертой решётки ворот конторы, в ведомстве которой находились как билеты на паром, так и выездные штампы в паспортах отбывающих. Толпа отбывающих ожидала открытия ворот, а мы пытались получить информацию о том, как попасть на паром без билета. Информацию о грузовых судах мы уже получили – в Малакке их не бывает вообще по причине отсутствия грузового порта. Как так получилось, что крупнейший порт Юго-Восточной Азии превратился в туристический городок в котором нет грузового порта – загадка, но наш информатор – случайный прохожий, долго уверял нас в том, что в Индонезию из Малакки можно попасть только на этом самом пароме, в очереди на который мы сейчас и стояли. Другой случайный собеседник, слонявшийся вокруг конторы, сказал, что если мы сможем поставить выездные штампы, у руководства уже не останется выбора, кроме как пустить нас на паром без биле-

та, так как официально мы уже покинем Малайзию. Для них это будет проще, чем смотреть, как мы умираем от голода на причале, не имея возможности ни вернуться в Малайзию, ни попасть в Индонезию. Главное, попросить об этом правильного человека правильными словами. Итак, сразу после открытия конторы, смешавшись с интернациональной толпой, мы встали в очередь, путь которой пролегал через стеклянную будочку пограничников, и мимо расположенного в пяти метрах от неё столика с офицером, проверяющим билеты на паром. Наши паспорта таможенники пропечатали молча, в порядке очереди, но стоило нам добраться до столика, как у ответственного офицера появились весьма уместные вопросы:

– Где ваши билеты?

– У нас их нет.

– Почему?

– У нас нет денег на билеты, но есть индонезийские визы.

– Чтобы попасть на паром, вы обязаны купить билет.

– Даже если у нас нет денег?

– У вас обязательно должны быть деньги, чтобы купить билет – иначе в Индонезию вы никогда не попадёте.

– А что делать, если их у нас всё же нет, но из Малайзии мы уже выехали – вот наши штампики в паспортах.

– Вам придётся ждать здесь, на границе, когда у вас появятся деньги на паром.

– А можно нам поговорить с капитаном парома?

– Нет, нельзя. У вас билетов нет, и дальше этого стола я вас не пропущу.

– А можно позвать капитана сюда?

– Нет, нет, нет. Никто ради вас не побежит искать капитана, к тому же, он вам ничем не поможет. Дальше этого стола я вас не пропущу, пока вы за билеты не заплатите.

– Тогда можно поговорить с Вашим начальником?

– С ним можно. Проводите их, коллега.

В кабинет нас проводил другой офицер, слышавший весь разговор. Он, кратко изложив начальнику проблему, остался стоять у открытой двери, а нас пригласил пройти внутрь. Начальник выглядел весьма прозаично, я бы сказала, даже шаблонно – он был полным лысоватым мужчиной лет сорока пяти – пятидесяти. На паром он нас не пустил. Просто вернул наши паспорта пограничникам, которые погасили поставленные только что штампы. Жаль, что документы уже изобиловали немалым количеством штампиков, и мы не сразу заметили, что в моём паспорте на один штамп больше, чем у Димы. Неприятности от этого пограничного безобразия у нас появились несколько позже. А на тот момент мы были довольны и тем, что нас не оставили умирать от голода на причале, а позволили вернуться на большую землю.

С одной стороны, то, что нас не пустили на паром – логично и справедливо, ведь топливо дорогое, работа обслуживающего персонала – не из лёгких, сам паром изнашивается, и, рано или поздно, потребует серьёзных затрат на ремонт. Пассажиры согласны за это платить и зарабатывать деньги, если хотят переплыть пролив. Логично. Но, если бы не вся эта бюрократия, мы могли бы построить плот или лодку, и переплыть самостоятельно, никого не беспокоя – ширина пролива всего 15км. Вот вам и вопрос: если меня лишили возможности самостоятельно переправиться на тот берег, угрожая тюрьмой в случае нарушения визового режима, то что более справедливо – продолжать смиренно кормить тех, кто это устроил, или выразить свой протест в форме отказа платить за переправу? Наш ответ на этот вопрос очевиден.

Мы выяснили, что сейчас крупнейший грузовой порт

на западном побережье находится возле Куала-Лумпура и называется Порт-Кланг. Туда мы и отправились. Нужно было спешить, так как официально нам необходимо было покинуть Малайзию в течение недели, а предпосылок к успешному пересечению Малаккского пролива пока не было никаких. Вышли из города, нашли место, где машинам было бы легко съехать на обочину и начали голосовать. Простояли больше часа. Кроме водителей коммерческого транспорта, никто нами не интересовался. Тогда решили идти пешком. Но один из таксистов, остановившийся в десяти метрах от нас, и уже минут пятнадцать наблюдавший за нашими действиями со стороны, догнал нас и предложил подвезти немного бесплатно.

– Мне туда совсем не по пути, но я хочу помочь вам, и километров сорок проведу.

– Что Вы, мы же понимаем, что такси – ваша работа, мы не хотим отвлекать Вас и лишать заработка.

– Видите, у меня всё равно нет пассажиров. Я, честно говоря, сначала хотел отвезти вас на автовокзал и купить билеты до Кей-Эл, и даже позвонил в диспетчерскую, но билеты на сегодня были уже все распроданы. А провезти вас сорок километров и накормить завтраком для меня будет даже дешевле. Так что я сэкономлю немного денег, – мужчина улыбнулся. – Забрасывайте рюкзаки в багажник, поехали!

Этот водитель такси, даже, пожалуй, не представляет, какой стереотип он разбил, подвезя нас и угостив свежими плюшками по дороге. За время путешествия мы много раз сталкивались с таксистами, и у нас уже сложился термин – «таксист», который мы применяли по отношению ко всем жадным до денег людям. Спасибо ему огромное не только за помощь, но и за неординарность, за то, что, даже работая таксистом, моральные ценности он оставил на первом мес-

те. Чем, надо признать, реабилитировал в моих глазах всех таксистов мира.

Поздно вечером мы прибыли в Порт-Кланг. Вечерний намаз давно закончился, но возле старенькой мечети, к которой мы подошли в поисках ночлега, сидела группа мужчин, тихо о чём-то беседующих. Один из мужчин оказался имамом. Я обратилась к нему с вопросом, не найдётся ли на территории мечети два квадратных места под нашу палатку, на что он ответил вопросом: «Муслим?» что означает «Мусульмане?», но мне показалось, что он спрашивает «Туслип?», то есть «Спать?». Я ответила: «Yes, to sleep», а ему, видимо, показалось, что я ответила «Yes, muslim», так как он сразу спросил у меня, почему футболка на мне с рукавами, не прикрывающими предплечья – не по Корану. Пока я придумывала, что ответить, один из мужчин, сидевших рядом с имамом, протянул нам с Димой 50 ринггит со словами: «Идите, перекусите в соседней забегаловке, а мы пока подумаем, где вас разместить». Забегаловка оказалась индийской невегетарианской кухней – даже в гарниры уже накрошили различных животных. В основном – куриц. Пришлось идти в МакДональдс напротив, в котором выбор вегетарианских блюд ограничивался сладкими пирожками и простенькими салатиками по астрономическим ценам. Скушав всухомятку по пирожку, мы вернулись к имаму. Разместить нас было решено в дешёвой гостинице, расположенной напротив мечети. На этот раз гостиница действительно оказалась дешёвой – нам достался пентхаус с тремя окнами, два из которых наглухо были забиты картонками, а третье уже лет десять не протиралось, а потому света пропускало ненамного больше, чем остальные. По полу бегали упитанные чёрные тараканы, а на стенах и потолке красовались жёлтые и коричневые потёки, говорившие о том, что нам очень повезло, что на улице нет дождя. Возможно, эта

крыша нас от него не смогла бы защитить. Пришлось бы ставить палатку между кроватями. Утром, с первыми муэдзинами, мы покинули гостиницу, и снова зашли в мечеть, чтобы поблагодарить имама за ночлег и попрощаться. После этого мы направились непосредственно в порт, искать добрых капитанов грузовых судов.

То, что нам указали, как порт, не имело ничего общего с моим представлением о грузовых портах – с подъёмными кранами, бесконечными лабиринтами контейнеров и длинными причалами с пришвартованными гигантскими судами. Вместо этого был один тоненький причал, множество лодочек и катеров рядом с ним и бесконечная, растянувшаяся вдоль берега, свалка, из которой, то там, то здесь возвышались крыши эллингов (лодочных гаражей). Грузовые суда отсутствовали. Мы пошли вдоль свалки искать нормальный причал. Его не было. Возле одного из эллингов несколько крепких ребят ремонтировали катер. Один из них, видя, как мы с тоской взираем на ровный морской горизонт, в дымке над которым должен был теряться Индонезийский берег, подошёл к нам. Вытирая ветошью руки от чёрных масляных пятен, молодой мужчина представился:

– Здравствуйте, меня зовут Ли. Могу я вам чем-нибудь помочь?

– Здравствуй, Ли, мы путешественники из России, нам сказали, что здесь останавливаются грузовые суда, идущие на острова Индонезии, но мы, пока, ни одного не нашли. Да и кранов подъёмных нет. И причалов нормальных. Это правда, грузовой порт?

– Да, здесь действительно бывают грузовые суда с Индонезии, но они причаливают у пассажирского терминала, только там есть удобная площадка для разгрузки. Но на эту площадку можно попасть только через пассажирский терминал – то есть с билетом на паром.

– Может, здесь бывают частные катера или яхты, идущие на острова?

– Бывают, но они почти не останавливаются здесь. А если и останавливаются, то там же, где и паромы, – Ли внимательно изучал наши лица, на которых было написано глубокое сожаление по поводу услышанного, – у вас что, денег на паром нет?

– Нет. Мы только что из Малакки. Теперь знаем, что на паром без билета не попасть. Остаётся только грузовые суда искать, но и на них, похоже, нам путь закрыт.

– Давайте я отвезу вас к одному своему знакомому капитану в отставке. Возможно, он сможет чем-нибудь помочь.

– Возможно, он знает, где найти капитанов индонезийских грузовых судов. Да, было бы неплохо поговорить с ним.

Ли проводил нас к своей маленькой машинке (малайскому аналогу нашей «Оки»), и отъез на ней ещё глубже в недра прибрежной свалки, где жил его знакомый капитан. Жил морской волк в деревянной лачуге на берегу моря. Парнишка, перебивавший сети на сбитой из досок дорожке, соединяющей домик моряка с дорогой, перебросившись парой слов с Ли, отправился звать капитана выйти к нам. Пожилой мужчина не говорил по-английски. Он был худощав и смугл. Длинные спутанные волосы делали его похожим на старого отшельника. Выцветшая рваная футболка и шорты дополняли это сходство. Капитан считал, что наше дело – безнадежно. В последнее время контроль на море усилился. Даже на судах внутреннего сообщения постоянно проходят проверки, что уж говорить о международных рейсах. Никто не будет рисковать лицензией из-за нас, и не возьмёт на борт грузового судна. Даже за деньги. Сам капитан парома, может, и пустил бы нас на борт, но чтобы доб-

раться до трапа, ведущего на паром, нам необходимо было миновать множество охраняемых дверей и ворот. А если учесть, что для активации Индонезийских виз, нам было необходимо легально покинуть Малайзию (поставить выездные штампы у пограничников), то шансов на успешную переправу у нас практически не было. Точнее, по словам капитана, не было никаких.

Ли отвёз нас обратно. Он пытался найти капитанов в кафетерии, расположенном в здании терминала, но безуспешно.

– Что вы собираетесь делать сейчас? – спросил он.

– Ждать чуда, – ответила я. – Что нам ещё остаётся?

– Здесь?

– Какая разница, где ждать чуда? Можно и здесь.

Ли улыбнулся. Он снова внимательно смотрел на нас.

– Я помогу вам попасть в Индонезию. Пойдёмте в офис, думаю, на утренний паром ещё остались билеты.

Мы молча пошли за Ли. Он купил нам два билета. Паром отходил утром на следующий день. Билеты были дорогие, но отказаться от помощи мы не смогли. Возможно, это действительно было единственным решением нашей проблемы.

– Мы не прощаемся, – сказал Ли, когда мы вышли из терминала. – Вечером я заеду вас навестить. Где вы собираетесь ночевать сегодня?

– Мы проведём ночь на причале. Будем спать под шум волн.

– Звучит романтично. Если бы я не знал, как шумно здесь бывает по ночам, и как много здесь шныряет крыс, я бы, пожалуй, одобрил ваш выбор. Встретимся полседьмого на причале! До вечера!

Ли уехал. У нас оставалось пол-дня, которые мы потратили на поиск дешёвой еды в окрестностях порта. Купи-

ли десяток яиц, попросились на кухню одной кафешки, но у них был аврал, и вовнутрь нас не пустили. Забрали только яйца, с обещанием вынести уже варёными. Вынесли. Горячими, но недоваренными – даже белок не до конца свернулся. Пообедав сырыми яйцами, мы вернулись на причал. На закате приехал Ли с женой. Протянув мне руку для пожатия, девушка представилась:

– Лина.

– Лина, – ответила я.

– Лина? – переспросила она

– Я – Лина. И ты Лина?

– И я Лина.

Мы рассмеялись.

По словам Ли, Лина очень захотела познакомиться с нами, когда он рассказал ей о нашей сегодняшней встрече. Она же настояла на том, чтобы пригласить нас на ужин в кафе. Ребята очень обрадовались, узнав, что мы вегетарианцы. Они, оказывается, пригласили нас именно в то кафе, в котором (по их мнению) готовят самые лучшие овощные блюда в городе.

После ужина Ли отвёз нас в гостиницу, от которой мы долго, но безуспешно отказывались. Мы говорили, что привыкли спать на улице, да к тому же, ребята уже сделали нам такой великолепный подарок – возможность продолжить наше путешествие, что больше нам нечего было желать. Но они были неумолимы, и ночевать мы остались в гостинице. Окна нашего номера на пятом этаже выходили прямо на хайвэй. Открыв окно, мы могли бы шваброй дотянуться до пролетающих на огромной скорости автомобилей. Не то, чтобы возникало такое желание, но уж очень близко стояло здание отеля к проходящей над городом автостраде, об этом хочется написать. Можно сказать «на расстоянии вытянутой руки», но это будет не совсем точно. Вот «на рас-

стоянии вытянутой руки со шваброй» – точнее.

Ли с Линой проводили нас до номера, вошли, и закрыли за собой дверь на ключ.

– Давайте присядем, – предложил Ли.

Заинтригованные, мы сели на кровать, Лина – на стул у окна, а Ли – на прикроватную тумбочку.

– Я сама родилась и выросла в Индонезии, – начала Лина. – Я отлично знаю, каково это – жить там без денег. Я приехала в Малайзию на заработки. Устроилась продавщицей в магазин. Повстречала Ли. Сейчас у меня есть прекрасный муж, дом, работа. У Ли свой бизнес – небольшая фирма по ремонту лодочных двигателей. Я счастлива. И очень хочу поделиться с вами своим счастьем. Говорю всё это для того, чтобы вы не отказывались от моего подарка. Лина и Дима, вот индонезийские деньги. Мне они не нужны. Вы сможете неделю прожить на них в Индонезии, останавливаясь в недорогих гостиницах и питаясь в кафе.

С этими словами Лина протянула нам разноцветную пачку денег, на верхней купюре которой стояло число 100000 (сто тысяч). Мы с Димой удивлённо взирали на пачку. Лина засмеялась:

– Это не так уж и много. Сто тысяч индонезийских рупий – это примерно 11 долларов. Берите.

Мы взяли деньги.

Утром Ли отвёз нас к парому, предварительно угостив свежесваренным кофе. Лина пришла к самому отправлению. Ребята оставили нам на память свою фотографию с домашним адресом на обороте, на который мы отправим им потом длинное письмо с описанием нашего путешествия с момента расставания с ними и до нашего возвращения домой, а также пачку фотографий из разных стран. Мы оставили Ли и Лине на память нашу чёрную сумочку для документов, российские копеечки и олимпийский рубль. Когда

мы попрощались, Ли сказал, что они будут ждать на причале, пока мы не окажемся на борту парома, чтобы убедиться, что у нас всё в порядке. «Да что может случиться? У нас же есть билеты. Теперь не будет никаких проблем», – ответила я. Как оказалось, я поспешила радоваться.

Когда подошла наша очередь показывать паспорта пограничникам, они сначала долго и сосредоточенно перелистывали их, а потом, передав паспорта одному из своих коллег, попросили нас подождать, пока остальные пассажиры пройдут паспортный контроль. Наши паспорта исчезли за дверью в конце зала, а мы вынуждены были ждать окончания очереди. Стоя. Сесть там было некуда. Разве что, на грязный бетонный пол, на который рюкзаки-то ставить было неприятно. Зал опустел. Знаете такое выражение: «под ложечкой засосало». Вот, недавно я вычитала в Интернете, что подложечье, это – где-то в подсердье, ямка под концом грудной кости. Сосёт под ложечкой – от страха или от голода. Ну вот у меня это самое и началось. Я уже знала, что такое «система», и кто для неё человек без паспорта. Находясь в окружении недружелюбных пограничников, и постоянно ловя себя на мысли, что понятия не имею, где наши паспорта, я, мягко говоря, волновалась. Дима всем своим видом выражал полную невозмутимость. Наконец нас пригласили в тот самый кабинет, за дверью которого и скрылись полчаса назад наши документы. Оказалось, что лишний непогашенный в Малакке штампик не позволял мне покидать Малайзию ниоткуда, кроме пассажирского порта в Малакке. Димин паспорт был в порядке. До отправления парома оставалось десять минут. Диме отдали паспорт, в котором уже стоял штамп отбытия, и пригласили пройти с билетом на причал. Он, конечно, никуда не пошёл. Мой паспорт лежал на столе начальника пограничников. Я почувствовала первые признаки начала истерики. Снова и снова я повторяла им, что мой

лишний штампик – ошибка, что все даты в наших паспортах совпадают, просто какой-то невнимательный пограничник шлёпнул мне в паспорт лишнюю печать. Мне казалось, что они меня не понимают. За пять минут до отправления мне погасили-таки этот чёртов штамп и пустили на причал, где ещё две минуты внимательно изучали наши билеты. Как только мы вышли на бетонную платформу, в конце которой нас ждал пассажирский паром, мы увидели, что перед ним пришвартована большая деревянная шхуна с округлыми бортами, высоким носом и двумя шикарными мачтами. Матросы как раз заканчивали грузить на неё какие-то мешки. Я мгновенно забыла о том нервном напряжении, в котором пребывала последние тридцать минут. О, как много терял ржавевший паром рядом с этой красавицей. Первым желанием было – взбежать по шаткому деревянному трапу на борт и крикнуть: «Капитан, вам матросы не нужны?». Я даже вплотную подошла к шхуне и спросила у матроса, ворочавшего мешки у леера: «Indonesia?». «Indonesia, Indonesia», – ответил загорелый моряк, и, засмеявшись, сделал приглашающий жест рукой. Мы бы с удовольствием... Но... мы стали искать глазами Ли с Линой. Их будет видно только с конца бетонной платформы. А значит, красавица шхуна пойдёт своим курсом, а мы, на скоростном пассажирском пароме, матрос которого уже явно собирался поднимать трап – своим. Мы успели помахать нашим друзьям с этого трапа. Ребята – Ли в рабочем комбинезоне и Лина – в яркой униформе с бейджиком, обнявшись, стояли на краю лодочного причала, и махали нам. «Счастливого пути!» – поймала я телепатическое сообщение от них (голоса утонули в шуме запущенного двигателя). «И вам Счастливого Пути!» – ответила мысленно я. Матросы загнали нас в трюм, подняли трап, и паром, быстро набирая скорость, покинул берег самого большого из ныне существующих континентов – Евразии.

Глава 13. ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОДНОГО КОНТИНЕНТА

Трюм был слишком мал для того количества людей, что набились в него. Пассажиры сидели на своих сумках или на неудобных деревянных лавках. Мы сразу решили выбрать на свежий воздух и до самого прибытия в Индонезию не спускаться в это душное помещение с низкими потолками и маленькими иллюминаторами. Если нас будут загонять палками, скажу, что у меня клаустрофобия. Явно не предназначенная для пассажирских перевозок верхняя палуба оказалась гораздо комфортнее трюма. Мы забрались на широкую крышу рубки, где уже обосновались несколько малайцев.

– Первый раз в Индонезию? – спросил один из мужчин, сидевших рядом с нами. От других пассажиров его отличало то, что одет он был в дорогой костюм и выглаженную белоснежную рубашку.

– Да. Это вообще первое наше заграничное путешествие.

– А откуда вы?

– Из России.

– Через аэропорт Кей-Эл добирались?

– Нет, пешком и автостопом.

– Долго шли?

– Почти полгода.

– Ого. У вас, наверное, много карт с собой?

– Не так уж и много. Бумажные, накопленные нами в России, весили в общей сложности одиннадцать килограммов. Понятно, что мы не могли взять их все с собой. Отсканировали и скинули на ноутбук несколько десятков карт, преимущественно тех стран, через которые планировали пройти. Жаль, что мы уже давно отошли от предполагаемого маршрута.

– А карта Индонезии у вас есть?

– Да, я отсканировала карту 1974 года на русском языке.

– Это значит, что у вас нет карты. А у меня есть. Это подробная карта острова Суматра. Я часто бываю в Индонезии по работе. Работаю разведчиком в крупной фирме по производству пальмового масла. Ищу свободные земли, пригодные для новых посадок. Нашей фирме принадлежат большие плантации масличных пальм на Суматре. Заберите эту карту с собой. У меня ещё есть.

– Спасибо большое. А почему Вы сидите здесь, на крыше?

– Так это же VIP зона! – мужчина рассмеялся.

– Да, не сравнить с трюмом. Свежий воздух, лежащие места, а главное – отличный обзор. Вон, смотрите – смерч!

– Да, они здесь часто бывают.

В паре километров западнее нашего парома небо было соединено с морем тёмным извивающимся жгутом высотой не меньше километра. Это был маленький смерч. Я такие штуки видела только в фильмах-катастрофах, а потому ассоциировала их, в основном, с сорванными крышами домов и поваленными деревьями. Этот морской смерчик не вызывал никаких опасений – он явно был дружелюбным. Хотя, возможно, издалека они все кажутся дружелюбными.

Когда паром достиг долгожданного берега, мы, пожелав друг другу доброго пути и продуктивного поиска, распрощались с разведчиком, спустились в трюм, и, медленно продвигаясь за пассажирами, просачивающимися на свежий воздух сквозь узкую дверь, пропускная способность которой заставляла всех нервничать и громко ругаться, выбрались на причал.

Атмосфера тесного трюма с агрессивными

пассажирами не рассеялась даже за пределами парома. К офисному зданию мы вышли в потоке толкающихся людей, вооруженных гигантскими сумками, которые они то и дело пускали в ход, чтобы пробить себе дорогу в толпе. Это было неприятно. Покончив со всеми бюрократическими формальностями, мы оказались у выхода с территории порта. Из-за решётки забора к нам тянули руки смуглые несимпатичные индонезийцы со словами: «Такси, мистер-р-р!». Их было много. Мы поняли, что нам предстоит прорвать кольцо оцепления, чтобы выбраться в город. В нашем арсенале имелась только выразительная мимика. Сурово нахмурившись и поджав губы, придав лицу выражение, прозванное мною «Буяо, сесе!» («Не надо, спасибо!» – по-китайски), мы устремились сквозь открытые ворота порта прямо на армию таксистов. Осаждающие хватали нас за рукава, кричали в ухо: «Такси, мистер-р-р, такси!» и предпринимали попытки преследования. Это было ещё более неприятно. Не этого мы ожидали от Индонезии.

Переводя дух после прорыва, мы шли по улицам портового городка Думá й и искали хоть что-нибудь, соответствующее нашим представлениям о прекрасной и загадочной Индонезии, покрытой густыми джунглями, полудикой страны, населённой добрыми папуасами. То, что должно было зеленеть зарослями реликтовых папоротников, было покрыто толстым слоем асфальта и бетона, вместо бамбуковых хижин с тростниковыми крышами высились вдоль дорог облезлые кирпичные строения, грязные, серые, с ржавыми крышами из профнастила. Небо между домами было затянуто сетью электрических проводов, между которыми плавно кружили в воздушном потоке рваные полиэтиленовые пакеты. Надежда оставалась только на добрых аборигенов. Одного из них мы, собственно, и планировали разыскать в ближайшее время. Звали его Мистер Мучсин, он был

учителем английского, и, по словам российского автостоппика Алексея, посетившего Думай до нас, и выложившего отчёт в Интернет, был рад заполучить себе в гости любого путешественника, мало-мальски разговаривающего по-английски. К нашему удивлению, Мистер Мучсин, как раз караулил нас на центральной дороге. У него были «свои люди» на таможне, и каждый раз, когда иностранцы поднимались на борт парома до Думай, Мистер Мучсин узнавал об этом за час до прибытия парома. С группой быстрого реагирования, состоящей из его старших студентов на мотоциклах, он встречал гостей на дороге. На мотоциклах же, иностранцев (если, конечно, они не слишком сильно сопротивлялись) доставляли к дому учителя, где одна из пристроек была отведена под учебный класс. Нас разместили в маленькой гостевой комнатке, декорированной под каюту (кроме двухъярусной кровати, в ней не было никакой мебели).

Мистер Мучсин изобрёл отличную методику изучения разговорного английского: вместо заучивания правил и форм глаголов, дети слушали живую речь иностранцев. Многие иностранцы, при этом, сами английский знали неважно, но это как раз раскрепощало студентов. Один паренёк признался мне, что сложнее всего студентам бывает, когда приезжают американцы. Их вообще понять невозможно. А русских в школе Мучсина любят – во-первых, у них, как правило, понятное произношение, во-вторых – они все добрые (хотя, путешественники вообще все добрые), в-третьих – они едят всё, что им предложат, в отличие от привередливых представителей многих других национальностей. Мучсин понял, что чем сильнее заинтересован студент в том, чтобы выучить язык, тем усерднее он его учит. А путешественники – это люди, которые могут рассказать о многих интересных вещах, и если студент хочет узнать эти интересные вещи, он должен выучить язык. И дети учат! Учат

английский дома, чтобы, придя на урок, и неожиданно встретив там путешественника, суметь задать ему вопросы, и, главное – понять, что тот ответит. Результаты такой практики налицо – студенты почти не покидают дом учителя, пока там гостят иностранцы. Это их собственная инициатива. Можете себе представить, чтобы в Российской школе дети сами захотели оставаться после занятий, чтобы поучить английский? В школе Мучсина я провела два урока – для младшей группы и для старшей. Ребятушки десяти – двенадцати лет смело задавали мне вопросы, расспрашивали о путешествиях и о России. Каждый, прежде чем задать вопрос, представлялся сам, и говорил пару слов о себе. Было очень интересно и весело – ребята то и дело ошибались, один назвал Диму моей женой, чем вывал взрыв смеха в классе, а другой рассмеялся сам, когда, рассказывая о себе, сообщил, что ему двадцать лет (на самом деле, было, конечно, двенадцать). Перед уроком в старшей группе, Мучсин вызвал нас на конфиденциальный разговор:

– Ребята, я вижу, что у вас нет обручальных колец. Значит, официально – вы не женаты.

– Нет, у нас нет свидетельства о браке. Но даже если бы оно у нас было, золотых колец мы бы всё равно покупать не стали. Не любим мы золото. Уж очень много людей из-за него погибло.

– Мне-то всё равно, я знаю, что у вас дома так принято. Но мы в Индонезии – мусульманской стране со строгими правилами. Так что не говорите, пожалуйста, моим студентам об этом. Если спросят, скажите, что вы женаты официально.

– Хорошо, конечно. Вряд ли они об этом спросят.

– О! Вы просто ещё не видели девушек из моей старшей группы.

Действительно. Как только девушкам дали слово, они

завалили нас вопросами: «Как вы познакомились?», «Когда поженились?», «Какая у вас была свадьба?», и даже: «Как выглядело Ваше свадебное платье?». Так, в учебном процессе, и зародилась дата нашей с Димой свадьбы – 05.06.07 – день начала нашего путешествия. По моим словам, свадьба у нас была самая простая и тихая – даже без гостей. Ну а платье... Платье у меня было красивое – юбка, пришитая к тельняшке. Я попыталась объяснить девушкам, что в семье главное – не свадебное платье, а любовь, но они возразили мне: «Сначала платье, а потом любовь!». Особенно мне понравился такой довод: «Маленькие девочки, ещё не зная, что такое любовь, уже мечтают о свадебном платье». Я не стала говорить им о том, что на сегодняшний день в России 70% браков заканчиваются разводом. То есть, в России тоже девочки больше думают о своём платье, а не о будущей семье. Ладно, раз уж мы в мусульманской стране, не буду останавливаться на этом вопросе. Хотя сказать есть что. Например, что в традиционной современной свадьбе в России присутствуют обряды, смысл которых уже давно потерян. Не слишком ли это рискованно – совершать действия, смысла которых ты не понимаешь? К тому же, статистика явно указывает на то, что бездумное повторение ритуалов не приводит к созданию прочной семьи. А штамп в паспорте? Зачем он нужен? Чтобы имущество при разводе делить? Да о какой семье вообще может быть речь, если с первого же дня семейной жизни люди заботятся о том, как бы супруг не присвоил себе всего совместно нажитого имущества? Я считаю, что свадебный обряд нужен, но настоящий, не сплошная бутафория, как сейчас принято, а такой, в котором всё было бы исполнено смысла. Так как рождение новой семьи – это действительно важное событие. Но это просто моё мнение. И в тот день я оставила его при себе.

На следующее утро старшая группа пригласила нас с

Димой на мотоциклетную экскурсию по Думаю с посещением местного озера – затопленного глиняного карьера. Городок оказался маленьким, после сотен пройденных идентичных азиатских городков ничем не примечательным и не экзотичным. Глиняный карьер тоже не порадовал воображение. Несмотря на свою «умудрённость» горьким опытом, мы, видимо, слишком многого ожидали от этой страны. А я-то полагала, что давно усвоила урок по отказу от ожиданий. Очевидно, я себе льстила. Печально, если мир «не дотягивает» до наших представлений о нём, но куда печальнее, если сами мы «не дотягиваем» до собственных представлений о себе.

Вновь, как и в Лаосе, у меня начали появляться первые признаки пресыщенности путешествием: неведомые фрукты на рыночных прилавках не вызывали ни интереса, ни аппетита. Редкие ободранные пальмы навевали тоску, а пыльная дорога не звала в путь, а лишь напоминала о том, что завтра мне неизбежно предстоит вернуться на неё и идти, идти, идти... Как правило, следующим этапом прогрессирующей пресыщенности странствиями у меня были обильные слёзы. Нужно было срочно заинтересовать меня Индонезией, иначе не сегодня – завтра, я могла впасть в депрессию, а это было чревато полосой неудач, так как фортуна благосклонна к жизнерадостным людям, а к плаксам, занимающимся саможалением и расковыриванием своих душевных ран, она, в лучшем случае, равнодушна. Зато неприятности на плохое настроение липнут... как медведи на мёд. Так что, сразу по возвращении в школу, мы выпросили у Мучсина путеводитель «Lonely Planet», все его карты и атласы Индонезии и принялись их изучать под неусыпным контролем студентов старшей группы. Ребята порекомендовали нам посетить Боробудур, но мы уже были наслышаны о том, что и эту древность их предприимчивые соотече-

ственники успели превратить в приманку для туристов, а потому даже не восприняли рекомендации всерьёз. Интерес для нас представляли дольмены и вулканы. Узнав это, студенты посоветовали нам посетить озеро Тоба, кристально чистые воды которого покоились на дне самого большого вулканического кратера на Земле. По их словам, место должно было быть просто сказочным, но как довод в пользу сказочности, они приводили тот факт, что туда много туристов ездит отдыхать. Люди, видевшие, как большинство современных туристов «отдыхают» на природе, думаю, согласятся со мной – до какой бы сказки эти граждане не добрались, всё у них сводится к пьянству и банальному чревоугодию. Говорю это как человек, собственноручно собравший несколько мешков мусора с побережий озера Байкал и Чёрного моря в местах отдыха таких туристов. Бутылки от крепких напитков и упаковка от еды – вот что оставляют после себя отдыхающие, вдоволь насытившись сказкой. Так что на озеро Тоба мы решили ехать только в том случае, если какой-нибудь водитель предложит нас до него довезти. Сами – не пойдём. Студенты отскерокопировали нам общую карту Индонезии и несколько карт острова Ява, на которых отметили красным фломастером те места, где мог бы оказаться наш дольмен, загадочно приблудившийся из России пять тысяч лет назад. Мистер Мучсин подарил мне краткий англо-малайский разговорник – там, где находятся дольмены, возможно, нет англоговорящих людей. Итак, вырисовывалась перспектива интересных приключений, обладающих некоторым потенциалом таинственности, а потому моя депрессия отменялась. Наша новая бумажная коллекция карт была помещена в полиэтиленовый свёрток из пакетов, в котором хранился ноутбук – чтобы не помялись и не промокли под тропическими ливнями. Разговорник я положила в сумочку для документов – буду учить малайский в пути.

Мы, к сожалению студентов и учителя, прогостили у Мистера Мучсина всего два дня. Подарив вечером некоторым ученикам старые 10-и копеечные советские монетки, а Мучсину – рубль с Лениным, мы со всеми попрощались заранее, так как уйти планировали рано утром на следующий день. Мы вышли с рассветом, и были весьма удивлены, когда обнаружили, что нас ждут. Ребята, входившие в школьную группу быстрого реагирования, решили отвезти нас на своих мотоциклах к выезду из города. И не поленились же встать в такую рань. Вот молодцы.

Идти вдоль обочины было скучно – вместо диких джунглей, дорогу окаймляли бесконечные плантации масличных пальм, до безобразия одинаковых, посаженных ровными рядами, без цветов, без птиц, без диких животных. Не пройдя и трёх километров, мы остановились и стали голосовать, так что вскоре дорогу вглубь острова мы наблюдали уже из кабины небольшого грузовичка.

– Почему здесь нет птиц? – спросила я у водителя.

– Им здесь есть нечего... – ответил он. – Раньше, когда были джунгли, были и птицы, и слоны, и обезьяны. Сейчас здесь всё вырубил, животных вывезли в резерваты. Я слышал, что последние одиннадцать слонов ещё живут где-то на небольшом пятачке, докуда пальмовые магнаты не добрались, но им там еды недостаточно. Думаю, скоро на Суматре вообще слонов в дикой природе не увидишь.

– Но Суматра – огромный остров. Неужели возможно вырубить на нём абсолютно все джунгли?

– А слоны – огромные животные. Вы знаете, сколько слон ест? Не нужно рубить абсолютно все джунгли, чтобы лишить слонов привычной среды обитания. Если еды не хватает, или рядом лес валят, или вода загрязнена – животные волнуются, перестают размножаться, уходят глубже в джунгли, а там уже снова масличные пальмы, плоды кото-

рых несъедобны. Старые животные умирают, не оставляя потомства. Условий для воспитания малышей сейчас практически нет.

– А Вы знаете, где примерно живут те одиннадцать слонов? Мы попробуем их найти.

– Я напишу вам название населённого пункта, после которого нужно будет свернуть, а потом – двадцать километров пешком по грунтовой дороге вглубь пальмовых плантаций.

– Двадцать километров плантаций?

– А вы думали – я шучу? Почти вся равнинная Суматра уже засажена этими пальмами. Сейчас я заеду домой, помоюсь, отдохну, а потом поеду дальше. Если хотите – будьте моими гостями.

– Да, с удовольствием.

Водитель свернул с дороги, припарковал грузовик во дворе своего дома и пригласил нас попить чаю с печенюшками, пока он моется. Напротив кофейного столика, за которым мы чаёвничали, стоял большой телевизор.

– Хотите новости посмотреть? – спросил хозяин, проходя мимо нас в банном полотенце, со стопкой чистой одежды подмышкой.

– Хотим. Интересно же, что в мире творится.

– Вы лучше их знаете, что в мире творится. Думаю, не мне вам говорить о том, что по телевизору всей правды не расскажут. Но я всё равно новости смотрю. У меня спутниковая тарелка, могу поймать почти любой канал. Наслаждайтесь! – с этими словами, он, настроив телевизор, удалился в ванную комнату.

С экрана на нас смотрел европеоид в деловом костюме и галстук. Он сидел за столом, на котором стоял раскрытый ноутбук, и, периодически поглядывая на монитор этого ноутбука, европеоид вещал что-то совершенно нечле-

нораздельное. Мы не понимали его речи.

– Это не английский, не французский и не немецкий, – сообщила я Диме, – не смогу перевести.

– Знакомый какой-то язык... – задумчиво ответил он.

Минут пять мы, задумчиво грызя печенюшки, смотрели на этого мужика в надежде, что покажут какой-нибудь видеосюжет, из которого станет ясно, о чём он так долго говорит. И вдруг...

– Это же русский! – воскликнули мы одновременно.

Хорошо поставленный бас диктора сильно отличался от наших с Димой голосов, а мы так давно не слышали русской речи ни от кого, кроме друг друга, что не узнали свой родной язык! Меня шокировал этот факт. Я в первые минуты искренне пыталась понять, на каком языке говорит диктор, перебирая в сознании все те языки, которые я более-менее знаю, но мне и в голову не пришло, что это может быть русский.

– Ты действительно только сейчас это понял? – спросила я Диму.

– Да... – Дима выглядел не менее шокированным, чем я.

Когда хозяин дома вышел из ванной, мы сразу же рассказали ему о том, что долго не могли понять, на каком языке эти новости, но сейчас уже разобрались, и сделали вывод, что в России ничего нового за время нашего отсутствия, не произошло. Напомнив водителю, что мы бы хотели навестить диких слонов, я протянула ему листок бумаги и ручку. Вместо названия населённого пункта, он написал по-малайски: «ПОКАЖИТЕ НАМ, ГДЕ СЛОНЫ».

– Я вас довезу почти до поворота. Там не заблудитесь, дорога одна. А вот когда дорога кончится, возможно, придётся обращаться за помощью к местным жителям.

– А там кто-то живёт? На карте нет никаких поселе-

ний. Только джунгли.

– Там уже давно нет джунглей. Уверен, вы найдёте там людей.

Меньше чем через час, мы, простившись с водителем, отправились вглубь бесконечной пальмовой рощи на поиски слонов. По дороге наше внимание привлёк единственный островок дикой растительности – одинокое высокое дерево и несколько цветущих кустов вокруг него. На этом дереве сидела стая попугаев – жёлто-зелёных, с большим оранжевым пятнышком возле клюва. Они склёвывали маленькие плодики, похожие на ягоды, брали их в лапку, и очень забавно кушали, сидя на ветке на одной лапке. Мы долго пытались их сфотографировать, но на фоне светлого неба, яркие краски попугайчиков тускнели, а так как сидели они в семи – восьми метрах над нашими головами, в кадр попадало слишком много дерева и слишком мало попугайчиков. Ни одного действительно удачного кадра не получилось. Мы отправились дальше. Когда под палящим солнцем становилось тяжело идти, мы сворачивали в рощу и сидели в тени пальм – отдыхали. Во второй половине дня мы проголодались – утренние печенюшки скорее раздражили аппетит, чем утолили голод. Еды с собой не было, как и надежды на то, что удастся её найти. Свернув в очередной межпальмовый тенистый рядок, мы собрались было прислониться спинами к толстым стволам, но я вдруг заметила чёрный полиэтиленовый пакет, висящий на одном из обрубков старых листьев пальмы, к которой собирался прислониться Дима. Заглянув в пакет, мы обнаружили в нём бумажный свёрток с двойной порцией свежего риса. Никаких признаков присутствия хозяев пакета не было. Мы подождали минут десять, и, никого не дождавшись, слопали рис, расцененный нами, как подарок небес, поскольку, среди тысяч одинаковых пальм, к которым Дима мог бы при-

слониться, он выбрал именно эту, на которой кто-то сегодня утром забыл этот пакетик. В такую жару, рис, повисевший здесь дольше, наверняка бы испортился. Очередное чудо. Спасибо тебе, Вселенная.

Незадолго до заката мы добрались до некоей деревушки, на которой, правда, ни дорога, ни плантации не кончались. Перед деревней, прикрывшись рядом масличных пальм, пряталась за высоким решётчатым забором поблёскивающая новенькой сталью фабрика по переработке пальмовых плодов в масло. Толстенная горизонтальная металлическая труба выходила из недр фабрики, и, протянувшись сквозь всё поселение, уходила вдаль параллельно дороге, в том направлении, куда мы двигались. У ворот фабрики стоял шикарный дорогой автомобиль. Сомневаюсь, что он принадлежал кому-нибудь из местных жителей. На трубе, прямо у дороги, женщины разложили постиранное бельё – так оно быстрее сохнет. К одной из женщин мы и обратились с вопросом: «Где слоны?». В ответ нас пригласили поужинать, и, пока мы кушали, хозяева не только разыскали переводчика, но и нашли машину, чтобы довезти до слонов. Солнце должно было вот-вот скрыться за горизонтом, поэтому водитель старенького пикапа попросил нас поторапливаться – там в темноте ехать сложно, а ему ещё домой возвращаться. Неужели прямо в лес отвезут? Нет, на такое гостеприимные индонезийцы не способны. Нас отвезли в сторону от дороги на несколько километров. Здесь простые, ухоженные деревянные домики стояли на большом расстоянии друг от друга, и, что было уже непривычно, не были соединены сетью электропроводов. Нас высадили у одного из этих домиков, познакомили с хозяйкой, и оставили ночевать у неё.

Проснулись мы на рассвете. С крыльца было хорошо видно, что плантации совсем рядом – сквозь жидкую

джунглевую растительность просматривались раскидистые листья масличной пальмы, терявшиеся в дымке утреннего тумана. Никаких признаков присутствия слонов не было. Вооружившись фотоаппаратом, мы отправились в направлении того, что когда-то можно было назвать джунглями. Сейчас это было заболоченное редколесье. Клочки тумана цеплялись за высокие кривые пни и тоненькие веточки молодых деревьев, но не находя надёжной опоры, неизбежно рассеивались под натиском нового тропического дня. Одно особенно упорное туманное облачко привлекло моё внимание – оно никак не хотело расставаться со своим участком болота. Внимательно вглядевшись в серую дымку, я начала различать очертания пней и коряг... а за ними... Серо-коричневый гигант стоял на границе леса и болота. Это был НИЧЕЙ слон. Сам по себе слон.

– Дима! Вон он! – воскликнула я, и тут же зажала себе ладошкой рот – кто знает, как хорошо слоны слышат... Вон у него какие уши большие. Не такие большие, как у африканского слона, но всё равно большие.

– Подойдём поближе.

Мы подошли к слону метров на тридцать. Дальше болото переходило в разряд труднопроходимых, и потому мы решили отправить Диму в это болото с фотоаппаратом, а я, пользуясь «слабостью» своего пола, осталась сидеть на кочке и наблюдать издалека.

Пока мой муж, проваливаясь по колено, пытался незаметно подойти к слону, тот не обращал на него никакого внимания – вырывал хоботом болотную траву и засовывал её себе в рот. Но стоило Диме начать фотографировать, как объект фотосъёмки перестал жевать, повернулся на звук, издаваемый затвором фотоаппарата, и, широко раскрыв рот, начал махать хоботом вверх-вниз. Это приветствие или угроза? Дима, видимо, расценил это, как проявление сло-

нового почтения к своей особе, и продолжил фотосессию.

Всецело поглощённая созерцанием, я не сразу заметила человека, шагавшего к нам по болоту со стороны посёлка. Я продолжала смотреть на слона, когда за моей спиной раздалось:

– Это последний дикий слон на Суматре.

– Как последний? Мы слышали, их здесь одиннадцать было, – ответила я, поворачиваясь к собеседнику.

– Было. Некоторые умерли, некоторых забрали в резерваты. Ещё одного приручили местные жители, – сказал индонезиец лет сорока, стоявший в трёх шагах от меня. Ему явно редко приходилось говорить по-английски, так как он делал большие паузы между словами.

– Нам очень жаль.

– И мне очень жаль. Я должен следить за слонами – это моя работа. Но видите – он указал рукой на просвечивающую стену леса – нет джунглей, нет слонов. Всё вырубил. Правительство. Только о деньгах думают.

– Давно вы здесь работаете?

– Давно. При мне здесь ещё четырнадцать слонов жило на воле. Много животных, птиц. Лес был хороший. Сейчас что? Леса нет, зато люди из кабинетов могут на дорогих машинах ездить – мужчина грустно усмехнулся – какое им дело до слонов?

Я сразу вспомнила об автомобиле, стоявшем у ворот фабрики.

Дима как раз выбрался из глубокого болота, и, очищая кроссовки от налипшей грязи, выслушал краткий перевод этого разговора. Прыгая по кочкам, мы втроём вернулись в посёлок. Решили сразу скинуть фотографии на ноутбук, чтобы показать их местному лесничему, и, заодно проверить, насколько удачны полученные кадры. Кадры были хорошими. Больше не будем беспокоить слона. Так как

компьютер в этих краях оказался большой редкостью (по причине отсутствия электричества), вокруг нашего ноутбука сразу собрались все, кто оказался поблизости. Я запустила слайдшоу отобранных фотографий с Алтая, которые мы специально взяли с собой, чтобы показывать снег людям, никогда его не видевшим. Глядя на фотографию озера, за которым просматривались заснеженные горные вершины, я сказала:

– Вода здесь очень чистая, но купаться нельзя – я пробовала.

– Крокодилы? – спросил лесничий.

Мы с Димой захохотали, и все кто сидел вокруг ноутбука начали смеяться. Видимо, индонезийцы тоже считают, что горные морозостойкие крокодилы – это весело.

В тот же день мы вернулись на трассу. Настроение было не очень хорошее. Меня не покидали мысли о нашей общечеловеческой безответственности, приведшей к массовой гибели слонов и других животных. Чья-то жадность, чей-то страх и нежелание большинства думать самостоятельно стали причиной того, что творится сегодня на Суматре. Миллионы людей по всей планете сейчас делают свой вклад в эту катастрофу – покупают шампуни, косметику или автомобильные присадки, в основе которых лежит пальмовое масло, ради которого и были погублены некогда прекрасные джунгли Суматры.

Вскоре мы узнали о другой проблеме, вызванной вырубкой джунглей. На трассе нас подобрал водитель, на-

правлявшийся в город Сиболга, что расположен недалеко от озера Тоба, а значит, легендарное озеро всё же войдёт в наш маршрут. Дорога заняла более десяти часов. По пути мы несколько раз останавливались, чтобы заправиться и перекусить. Нас очень удивил и порадовал природный дизайн одного из придорожных кафе, куда водитель завёз нас поужинать поздно вечером. Кафе располагалось в большой деревянной хижине. Поверхности стволов и веток деревьев, использованных в строительстве, намеренно были грубо обработаны, а после покрыты олифой. Заметив, что мы внимательно рассматриваем интерьер, к нам подошёл полный индонезиец, сидевший до этого у стойки бара:

– Вам нравится дизайн?

– Да, очень нравится.

– Я сам здесь всё придумал. Я – хозяин кафе.

– Красиво. Дерево – отличный материал. Не сравнить с бетоном, из которого здесь почти всё построено.

– Да. И мне не нравится бетон, но фундамент, всё же, пришлось заливать цементным раствором – не нашёл альтернативы. Если бы можно было его чем-нибудь заменить... Знаете откуда эта древесина?

– Из окрестных джунглей, наверное?

– Какие джунгли? Здесь пальмы одни. Сейчас на Суматре древесина очень дорогая, так как леса почти не осталось. Я заказывал материалы из Новой Зеландии! Представляете, все эти деревья выросли в Новой Зеландии! – мужчина рассмеялся. – И доставить их сюда оказалось дешевле, чем покупать местную древесину.

– Нет. Не представляем.

Совсем не представляем, как можно довести страну до такого. Видимо, решения о вырубке джунглей принимали не индонезийцы. Под чьим же игом сегодня Индонезия? Россия – ты счастливейшая из держав, так как с твоей не-

объятной тайгой, охраняемой кровожадными мошками и комарами, лесорубы ещё не справились. Мы видели на российских трассах десятки гружёных лесовозов, слышали, что лес этот продают китайцам. Теперь мы видим, к чему приводит бесконтрольная вырубка леса. Остановитесь! Или вы хотите, чтобы ваши внуки покупали древесину в Новой Зеландии? А в ответ – тишина. Не слышат. Жужжание бензопил заглушило мой голос. Грустно.

30 декабря мы оказались в Сиболге – большом, шумном городе, изобилующем протестантскими церквями и рынками. Так как в этой части острова христианство одержало верх над исламом, употребление алкоголя здесь не считалось грехом, и подвыпившие горожане, видимо, разминаясь перед праздником, часто устраивали потасовки возле местных забегаловок. Время было послеобеденное, а мы ещё даже не завтракали... Впрочем, мы к такому графику питания уже привыкли. Купив на рынке немного овощей, мы отыскивали поблизости церковь и постучали в первую попавшуюся дверь. Оказалось, это был вход в учебный класс воскресной школы. Напротив входа, прямо над школьной доской висело изображение Иисуса Христа. Диме часто говорили, что он похож на Иисуса, но такого портретного сходства я не ожидала. Точная копия – лоб, нос, причёска, борода и цвет волос – как будто картину писали именно с него. Мужчина, открывший дверь, уставился на Диму. Оглянулся на картину, и снова уставился на Диму.

– Здравствуйте, мы путешественники из России, можно у Вас нашу еду приготовить? – спросила я.

Мужчина перевёл на меня взгляд, как будто только что заметил моё присутствие.

– О! Но у нас нет кухни... Здравствуйте. Конечно, здравствуйте. Да, можно приготовить еду. Я... У меня... пойдёмте со мной, – с этими словами мужчина вышел на улицу, и, посто-

янно оглядываясь на Диму, повёл нас вниз по улице, приговаривая: – Рядом, здесь рядом.

Он привёл нас к себе домой.

– Вот кухня. Завтра большой праздник... Можете остаться у меня. Встретим новый 2008 год вместе... Здесь и рынок рядом... Оставайтесь... Будет весело.

Посоветовавшись, решаем погостить у нашего нового знакомого пару дней – всё равно в городе, в преддверии праздника, слишком много пьяных людей, лучше пересечь оставшиеся километры утром 1 января – все будут спать, и мы ни у кого не будем вызывать нездорового интереса. Обитатели этого дома старались не мешать нашему отдыху, и почти не встречались нам на протяжении этих двух дней. Нам отвели уютную гостиную на первом этаже под спальню, и широкую веранду – под столовую, где мы часто пили чай, сидя на плетёных из бамбука стульях за маленьким круглым столиком. В эти минуты на нас приходили полюбоваться соседи и друзья хозяина. Самые тактичные, заглядывая на веранду, стояли на ступеньках и приговаривали: «So beautiful, so beautiful...», («такие красивые...»), женщины посмелее, подходили и прикасались к моим рукам и браслетам с теми же словами. Диму трогать никто не рисковал, но смотрели на него гораздо внимательнее, чем на меня. Видимо, кто-то подозревал, что он – законспирированный Иисус – пришёл проверить, как себя ведут правоверные христиане. Мы никак не реагировали на такое поведение местных жителей. Я приходила в замешательство и просто не могла подобрать слов, чтобы объяснить людям, что никакие мы не «beautiful» и не надо так на нас смотреть, а «Иисус» молчал по причине незнания английского.

Большой рынок, находившийся в десяти минутах ходьбы от дома, где нам предстояло встретить новый год, производил удручающее впечатление. Огромные площади

были завалены органическим и строительным мусором, прямо на мусор были положены доски, на них сидели продавцы и лежал на аккуратно расправленных полиэтиленовых пакетах, товар. В основном – местные овощи и фрукты, а также разноцветные праздничные дуделки-вувузелы. Лишь в тех местах, где мусор был сложен в кучи, продавцов не было, так как вонь вокруг этих куч стояла невыносимая. Купив два килограмма самых дешёвых фруктов, выглядящих как красно-коричневые яйца, покрытые змеиной чешуёй, и уже прозванных нами в Таиланде «драконьи яйца» (впоследствии, правда, по этическим соображениям, Дима их переименовал в «драконовы яблоки»), мы поспешили убраться с территории зловонного рынка.

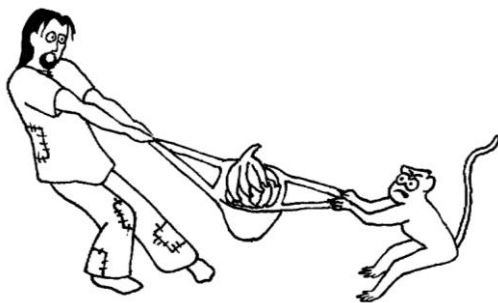
Новый год мы встречали в мире грёз. Хотелось забраться в царство Морфея поглубже, чтобы не слышать пьяных криков на улице и жутких звуков, издаваемых дуделками, которые тысячи индонезийцев привели в действие по всему городу, как только солнце, в последний в этом году раз, скрылось за горизонтом. Даже у качественных дуделок звук был неприятный, что уж говорить о бракованных экземплярах, которые, иначе, чем, извините, «перделки», не назовёшь. Дудели и... издавали другие звуки они всю ночь. Утром Дима сказал, что в полночь нас заходил поздравить хозяин дома. Я этого не помню. Значит – спала. Надо же...

Около семи утра мы собрали рюкзаки, оставили под искусственной ёлочкой в гостинной олимпийский рубль с запиской: «Спасибо вам! С Новым Годом!» и отправились к выезду из города. Автостопом и пешком мы добрались до знаменитого озера Тоба за один день. Как и ожидалось, природная красота побережья была погребена под бетонными причалами и массивными асфальтированными набережными, с которых невозможно было спуститься к воде. Озеро грустно выглядывало из-за кирпичных стен кафе, рес-

торанов и отелей. Страшная какая-то сказка. Мы решили пройти километров двадцать вдоль побережья, и, если в пейзаже ничего не изменится, сразу возвращаться назад, и брать курс на остров Ява. Когда проголодались, обнаружили, что цены в округе туристические – то есть раза в три-четыре выше, чем в Сиболге. Только на быстрозавариваемую лапшу и куриные яйца цены были нормальные – видимо, туристы такое не едят. Закупив лапши и яиц, мы пошли вверх по ручью – вдоль бетонного жёлоба, направлявшего к озеру поток прозрачной воды. Ручей привёл нас на склон холма. По дороге мы видели помойку, куда продавцы фруктов выкидывали гнилые манго. У помойки дежурила стая обезьян. Димой они были определены, как макаки, мною – как мартышки. Дима утверждал, что мартышки в этих краях не водятся. Посмотрев, после, в Интернете, чем отличаются макаки от мартышек, я обнаружила, что он был прав. Склон, по которому мы поднимались, к счастью, был достаточно крут, а потому – редко посещаем местными жителями. Наверх вела одна узкая тропинка, по ней мы и пошли искать удобное место у ручья, где можно было бы на костре сварить нашу лапшу с яйцами. Место нашлось очень живописное. Поваленные стволы деревьев укрепили склон, и вода, перекатываясь через них и падая вниз, вымыла небольшое ущелье, прикрытое сверху буреломом. Получился водопадик, который так нам понравился, что мы решили остаться в этом месте на пару дней. Потратив часа три на сооружение из камней горизонтальной поверхности под наше временное жилище, а потом ещё час на то, чтобы натаскать листьев и травы на эту каменную площадку для придания ей мягкости матраса, мы наконец-то принялись за постройку печки для нашей тарелочки. Уже на этой стадии приготовления ужина, с окрестных деревьев стали доноситься возбуждённые голоса макак, скрывававшихся в листве. Когда мы разо-

жгли костёр и стали распаковывать лапшу, обезьяны показались из засады. Их было не меньше двадцати. Молодёжь пыталась подобраться поближе, но взрослые бдили – отгоняли любопытных юнцов обратно – видимо, здесь, как и в Камбодже, с обезьянами-воришками борются при помощи рогаток, и старшие это знают. Ведь ближе, чем на пятнадцать метров, малышей к нам так и не подпустили. Хорошо. Этого расстояния как раз хватает, чтобы наблюдать за поведением симпатичных приматов, и не рисковать имуществом. Помню, как-то в Камбодже Дима нёс пакет с бананами, а наглый макак подбежал, схватил пакет за ручки, и давай тянуть на себя. Дёргает, огрызается. Но Дима оказался сильнее, и отбил-таки наши бананы. А другая симпатичная

обезьянка подкралась тогда ко мне, и, шлёпнув по плечу, попыталась отобрать тот банан, который я ела. Я прочитала ей лекцию о чести, морали и правилах приличия и отдала половину своего банана. Так что, помня о нравах азиатских приматов, мы всё же связали на ночь все свои вещи растяжками от палатки, и даже кроссовки привязали шнурками к рюкзакам – чтобы не бегать завтра по джунглям в их поисках.

Два дня нас никто не беспокоил. Только макаки приходили посмотреть, как мы едим. Дима совершал вылазки в лес, часами пропадал в джунглях с фотоаппаратом, пока я слушала журчание ручейка и рассматривала камни и деревья вокруг нашей стоянки. Утром третьего дня до нас добрались туристы. Первым из кустов, где проходила тропинка, выбежал мальчик-индонезиец, лет десяти, со счастливой улыбкой на лице. Заметив нас, он остановился, улыбка сме-

нилась открытым от удивления ртом. Всё ясно. Нам пора уходить. За спиной мальчика, один за другим, появились остальные участники похода – взрослые и дети. Когда группа насмотрелась на нас, стоящий ближе всех мужчина подтолкнул мальчика вперёд, и туристы продолжили свой путь. Видимо, где-то выше по тропе, они пересекли наш ручей, так как вода в нём вдруг стала очень мутная. Мы быстро собрались, и отправились в обратный путь.

Глава 14. О СУМАТРАНЦАХ

*По плодам их узнаете их.
Евангелие от Матфея 7:16*

Спустившись с гор, поросших густыми живописными джунглями, мы снова оказались на равнинной части Суматры. Мы пересекали город за городом, шагали вдоль обширных мусорных свалок, мимо одинаковых безликих строений. Километры дороги, зажатой между двумя стенами пальмовых плантаций, мы преодолевали на попутном транспорте. Города утомляли и разочаровывали. Не добавляли позитива и местные жители, которые, словно сговорившись, уже с первого дня, начали приветствовать нас фразой «Хеллоу, мистер!». Причём произносилась эта фраза громко, и как можно ближе к нашим ушам. Поначалу, это нас забавляло. На улицах ко мне подбегали молодые люди и кричали в ухо: «Хеллоу, мистер-р!», после чего, широко улыбаясь, заглядывая мне в глаза. В первые дни я даже отвечала: «Хеллоу, но я не мистер-р, а миссис-с». Дня через четыре я уже говорила: «Сам ты мистер», а через неделю просто, не глядя на них, продолжала свой путь. Несмотря на то, что уж Дима-то действительно был «мистером», его эти вопли тоже выводили из себя. Он хмуро смотрел прямо пе-

ред собой и ускорял шаг каждый раз, когда нас настигал какой-нибудь местный крикун. Нужно было срочно уезжать с Суматры. Никаких больше пеших прогулок, только автостоп, и чем быстрее, тем лучше. Сменяя машину за машиной, мы проехали половину острова.

Закат застал нас посреди населённого пункта, из которого мы не успели выйти засветло. Поэтому мы обратились к аборигенам с вопросом: «Где здесь можно переночевать?», а они, вместо ответа, повели нас к местному учителю английского, хотя вопрос я задала по-малайски. По пути к дому нам рассказали о том, что учитель, по совместительству, является местным политическим деятелем, а также бизнесменом, у него есть свои плантации масличных пальм. Жил этот выдающийся человек в большом кирпичном коттедже. Он очень обрадовался нашему приходу, и сразу предложил поесть и попить кофе. Когда мы отказались от протянутых нам сигарет, учитель начал курить сам, выпуская мне в лицо одно дымное облако за другим, полагая, видимо, что мы отказались от этого удовольствия исключительно из вежливости. Между двумя длинными затяжками, он пригласил меня провести для его студентов урок английского завтра вечером. На что я ответила, что мы хотим поскорее добраться до острова Ява, и, к сожалению, с рассветом будем вынуждены продолжить наш путь. Что-то во внешности и манере поведения этого человека мне категорически не нравилось, и в доме его задерживаться не хотелось. Что-то выдавало в нём расчётливого дельца, а это совсем не согласуется с профессией учителя. На всякий случай, чтобы убедиться, что я правильно поняла то, что мне о нём говорили (всё-таки мой малайский ещё далеко не так хорош), я переспросила по-английски:

– Вы действительно имеете какое-то отношение к правительству и занимаетесь пальмовым бизнесом?

– Да-а, – с серьёзным видом произнёс учитель. – Я занимаю высокое положение в этом городе и у меня действительно есть плантации масличных пальм. Они приносят хороший доход.

– А как Вы относитесь к тому, что ради этих пальм на острове вырубili почти все джунгли?

– Какая чушь! – на его лице появилась натянутая улыбка. – Пальмы растут только вдоль дорог, их совсем немного. На Суматре полно джунглей.

– Но мы проехали уже пол-острова, и повсюду видим только эти пальмы. Говорят, животным больше нечего есть – лесов не осталось.

– Вас дезинформировали – джунгли вырублены не более, чем на километр от дорог, животные от этого не пострадали. Заберитесь в горы, туда, где нет дорог – там сплошные джунгли.

– Мы заходили на двадцать километров вглубь плантаций, и они на этом не кончались.

– Этого не может быть. Просто вы шли вдоль дороги, – фальшивая улыбка не сходила с лица учителя.

Он мне окончательно разонравился. Его жена – спокойная, симпатичная индонезийка в хиджабе, принесла поднос с кофе и аккуратно сервированной едой на четыре персоны. Она скромно улыбнулась, и, поставив поднос у ног своего мужа, села на пол. Хозяин пригласил нас ужинать.

И что теперь делать? Мы у него в гостях. Но учитель явно обманывает нас! Встать и уйти? Нет. Лучше я смирюсь с собственным лицемерием по отношению к хозяину, чем обижу хозяйку, не попробовав приготовленную для нас еду. Коротко посоветовавшись по-русски, мы с Димой решили сразу после ужина вежливо откланяться. В этот момент раздался стук в дверь. На пороге появился симпатичный парень лет двадцати, с длинными чёрными волосами, собранными

на затылке в хвостик.

– Здравствуйте, дядя, – поздоровался он по-английски, обращаясь к учителю.

– Это мой племянник Джохан, – вполголоса сказал мне хозяин, и, уже громко, обратился к Джохану: – Заходи, присоединяйся к нашему ужину. У меня, как раз, гости.

Джохан производил хорошее впечатление – он был открытым, жизнерадостным, и отлично говорил по-английски. Он сразу пригласил нас переночевать у него дома, и мы с благодарностью согласились.

– Но вы можете остаться на ночь здесь – у меня большой дом, – сказал учитель.

– А у меня – маленький дом, зато я уже освободил в нём комнату для вас! – сообщил Джохан.

– Мы сегодня очень устали, и если у Джохана уже есть для нас готовое место, мы переночуем у него. Не хотим доставлять вам лишних хлопот, – ответила я, обращаясь к учителю.

Мы поблагодарили за гостеприимство хозяина и его жену, и отправились с Джоханом к нему домой. Не отвлекаясь на разговоры, парень проводил нас в маленькую комнату, видимо, его собственную спальню, и, пожелав нам спокойной ночи, сказал, что поговорить мы успеем и завтра, а сейчас – нам нужно отдохнуть с дороги. Туалет во дворе, фонарик на тумбочке.

Спали мы хорошо. Утром, выйдя в гостиную, мы увидели Джохана, играющего с маленьким пятнистым зверьком, явно принадлежавшим к семейству кошачьих. Зверёк резвился, как обычный домашний котёнок, но и его расцветка, и его необычные, чёрные глаза, выдавали в нём детёныша джунглей. Слишком маленький для леопардёнка, возможно, это детёныш виверрового кота.

– Доброе утро, Джохан!

– Доброе утро, путешественники!

– Кто это у тебя?

– Котёнок. Мама нашла его недавно у нас в саду – наш участок граничит с джунглями. Видимо, он заблудился в лесу, а с нашей кухни пахло едой. Вот он и пришёл на запах.

– Как его зовут?

– Пока никак. Может, вы придумаете ему имя?

– О! С удовольствием! – мы с Димой принялись обсуждать варианты, и остановились на кличке Тишка. Сейчас малыш недостаточно грозен для такого звучного имени, но когда котёнок вырастет до размеров уссурийского тигра, имя будет подходить просто идеально. Мы озвучили Джохану выбранный вариант.

– Чиска? – переспросил парень.

– Нет, Тишка.

– Чисшка?

– Тишка. Т. И. Ш. К. А.

– Ч. И. Ш. К. А. Чишка?

Да. Похоже, индонезийскому произношению не по зубам мягкие русские Т и Ш. Придётся придумывать другое имя. Пусть будет Барон.

– Барон, – чётко произнёс Джохан. – Хорошо, пусть будет Барон. Правда, Барон – это обычное индонезийское имя. Моего друга зовут Барон.

Так котёнок обрёл новое имя. Джохан сказал, что планирует выпустить его на волю, когда малыш достаточно окрепнет, чтобы самостоятельно выжить в джунглях. За завтраком мы узнали, почему Джохан освободил нам свою комнату вчера вечером, ещё до того, как познакомился с нами. «Примерно полгода назад, здесь проезжал один велосипедист. Он был из Европы. Уже много месяцев он ездил один по разным странам, на ночлег останавливался у местных жителей и ни разу за всё время путешествия не пере-

оделся. Его одежда изорвалась и испачкалась, но он всё равно не менял её. Когда он проезжал через этот городок, я предложил отдать ему свою одежду. Он отказался, сказав, что ему нравятся его лохмотья. Так мы и подружились. Он остался ночевать в моём доме – я тогда освободил ему ту же комнату, что и вам. Я показал ему свой сад, и ему очень понравилось там. Я называю свой сад «Моя Гималая». Сейчас мы в доме моих родителей, и рядом с домом – их сад. Я свой купил несколько лет назад – здесь все ровные участки давно заняты под масличные пальмы или озёра для разведения рыбы, а под сады простым людям, вроде меня, остаются только крутые склоны холмов, на которых невозможно работать при помощи тяжёлой техники. Тому велосипедисту так у меня понравилось, что он пообещал вернуться сюда вместе с женой, если он когда-нибудь женится. И вот вчера ко мне зашёл сосед, и говорит: «Там твой путешественник с женой вернулся. Мы его к твоему дяде отвели». Конечно, я обрадовался, и сразу приготовил им свою комнату, а потом побежал к дяде. И обнаружил, что они – это вы. И я этому тоже очень рад. У меня есть фотография того велосипедиста в альбоме».

У Мистера Мучсина в школе тоже был фотоальбом, в котором мы видели парня на велосипеде в очень старой одежде. Вдруг, это он и есть? Точно! Тот самый европеец. В той же самой дырявой толстовке. Как тесен мир.

– Джохан, а твой сад далеко отсюда? – спросила я.

– Вы хотите посмотреть! – обрадовался парень. – Нет, не далеко, километров восемь по дороге. Если пожелаете, можем прямо сейчас сходить.

И мы, пересмотрев наше решение как можно скорее пересечь Суматру, отправились в сад Джохана. По пути он показал нам пальму, плоды которой перемалывают и замачивают в воде. Если в этот настой опустить покрашенную

ткань, краска закрепится и никогда больше не отстирается. Так в Индонезии по сей день изготавливают батик. Также плоды этой пальмы улучшают пищеварение. Но вообще, они твёрдые и невкусные.

Мы шли часа два, часто останавливаясь, чтобы посмотреть на диковинные растения, на рыбу, которую выращивают в озёрах, просто полюбоваться видами, и, в конце концов, достигли подножия искомого холма.

– Мы пришли, – сказал Джохан. – Теперь нужно только подняться вверх по этому склону, метров на сто. Это уже мой сад.

Склон был действительно крутой – круче сорока пяти градусов, точно. Возможно – все шестьдесят.

– Мы с братьями и мамой расчистили склон и засадили его коричневым деревом, какао, папайей, между деревьев посадили овощи. Здесь тяжело работать, но урожаи хорошие. На прибыль от продажи первого своего урожая, я купил мотоцикл.

– Джохан, а что вы делаете с какао-бобами? – поинтересовался Дима, через меня.

– Продаём на шоколадные фабрики.

– Нет, как вы их сами используете?

– Никак. Только на фабриках умеют делать шоколад. Мы лишь съедаем мякоть, сушим бобы и сдаём их на фабрики.

– Какую мякоть вы съедаете?

– Вы что, никогда не пробовали плодов какао?

– Нет. В России какао не растёт.

– Пойдёмте, наберём несколько плодов какао и папайи, поднимемся в мою хижину, и там вы всё это попробуете.

Хижина стояла на маленькой рукотворной террасе. Это был деревянный домик размером два на два метра,

возвышавшийся над землёй на четырёх сваях. На двери мелом была аккуратно выведена надпись: “My Himalaya”.

Разложив фрукты под домом – на настиле между сваями, Джохан разрезал ножом один из плодов какао. Внутри твёрдой оболочки оказалась нежная белая мякоть.

– Внутри этой мякоти вы найдёте какао-бобы. Они сейчас несъедобны. Просто так отделить их от мякоти нельзя – она очень скользкая и крепится к бобу тонкими волокнами. Нужно взять пальцами комочек, положить его в рот и сосать, пока во рту не останется один только какао-боб. Смотрите! – Джохан запустил пальцы в мякоть, вытащил белоснежный комочек размером с мячик для пинг-понга, и положил себе в рот. Через несколько секунд он выплюнул на ладонку светлый овальный боб. – Теперь мы положим это где-нибудь здесь, и, когда боб почернеет, я отвезу его на фабрику.

Мы присоединились к дегустации какао-мякоти, и пришли от неё в восторг. Немного кисловатая, она всё же была сладкой и вкусной. По консистенции она напоминала крем. Какао-бобы при раскусывании неожиданно оказались внутри фиолетовыми. Доев содержимое одного плода какао, оставшиеся два мы получили в подарок. Очередь дошла до папайи. Этот жёлто-зелёный фрукт рос гигантскими гроздьями на стволах деревьев, а по вкусу и внешнему виду немного напоминал ароматную дыньку. Внутри папайи обнаружили маленькие чёрные семена, которые я тут же решила попробовать. Слишком твёрдые. Помню, когда в Китае нас впервые угостили маракуйей, я принялась жевать толстую твёрдую кожуру, приняв слизистую мякоть с косточками за что-то несъедобное. Китайцы расхохотались, глядя на меня, отобрали маракуйю, и показали, что эта неаппетитного вида мякоть – и есть самое вкусное в данном фрукте. Теперь друг Джохана, сопровождавший нас, пока-

зывал мне знаками, что косточки у папайи совсем несъедобные. И есть надо мякоть. Да я знаю. Просто попробовать захотелось.

В саду Джохана действительно было здорово. Вид со склона холма открывался отличный, можно было увидеть даже участки нетронутого леса. На одном из высоких деревьев, растущем посреди джунглей на склоне другого холма, висело огромное пчелиное гнездо. Интересно, каков на вкус тропический мёд? Наверняка, здесь промышляют местные бортники, уж индонезийцы-то не упустят возможности подзаработать.

– Джохан, а как в Индонезии добывают мёд?

– Пчелиные гнёзда в джунглях находят, и поджигают. Пчёлы улетают, и весь мёд достаётся сборщику.

– Но это ужасно!

– Ужасно, зато прибыльно. Раньше так не делали. У нас и сейчас есть старики, которые могут провести рукой перед гнездом, и пчёлы успокоятся, разрешат взять немного своего мёда. Молодёжь так не умеет. Вот и поджигают...

Часы показывали полдень, самое время возвращаться – у нас с Димой было запланировано на сегодня пересечение экватора, находившегося в паре десятков километров отсюда. На обратном пути Джохан завёл нас к одному дому, стоявшему на бетонных сваях посреди искусственного озера. «У хозяина этого дома была мечта – открываешь на кухне окно, закидываешь в него удочку, и вытягиваешь большую рыбину. И сразу на сковородку её! – Джохан засмеялся. – Пойдёмте, рыбу покормим». Оказалось, что озеро населено крупными красно-белыми, с чёрными пятнами, рыбками. Когда парнишка, кормивший рыб, опускал с мостика руку с гранулированным кормом, вода вокруг его руки буквально вскипала – рыбки набрасывались на еду, и на ладошке кормящего в считанные секунды не оставалось ни

одной гранулы.

– А чем эту рыбу кормят, – поинтересовалась я.

– Рыбой. Маленькие рыбки, на которых нет спроса, перемалываются в кашу вместе с костями и чешуёй, из этого делают гранулы.

– Мне рассказывали, что в России из этого делают «крабовые палочки» и продают их в рыбных отделах супермаркетов. Можно, я попробую покормить рыбок с руки?

– Конечно!

Скользкие рыбины толкались и норовили выскочить из воды, только бы пробиться к моей ладошке, погружённой на пять сантиметров в коричнево-зелёную муть этого озера. Было забавно. Если не принимать это действие за каннибализм, и забыть о том, что ежедневно эти милые рыбки съедают по сорок килограммов своих собратьев, а сами закончат свою недолгую жизнь на сковородке, кормёжка рыбок может даже доставить удовольствие.

Уже подходя к дому Джохана, мы увидели простыни, на которых вдоль дороги были разложены какао-бобы. Какие-то явно лежали здесь давно – бобы были тёмно-коричневыми, и мусор на их простынях был хорошо заметен – камешки, куриный помёт, тараканы крылышки. Другие, очевидно, совсем недавно увидели солнечный свет – они были бежевыми, и простыни между бобами были сравнительно чистыми. Любопытно, на шоколадных фабриках моют какао-бобы перед тем, как делать из них какао-порошок? Ведь если бобы помыть, потом их снова придётся сушить... Моют или не моют? Это не риторический вопрос, а вопрос того, буду я ещё когда-нибудь есть шоколад или нет.

– Джохан, а какао-бобы моют на шоколадных фабриках?

– Понятия не имею. Мы не моем – сдаём, как есть, а что там с ними дальше делают, мне не известно.

С этими словами моя горячая любовь к шоколаду

угасла. Долго ещё, при взгляде на шоколадные конфеты, в моей памяти будут всплывать эти останки тараканов, которых зажавшиеся индонезийские курицы не потрудились доесть.

На прощание Джохан подарил нам дюжину сушёных початков кукурузы, а его соседка – несколько пышных веточек рамбутанов. Кукурузу вместе с плодами какао мы упаковали в провизионный мешок, а рамбутаны, с которых, по причине их невероятной сладости и липкости, невозможно было согнать всех муравьёв, пришлось привязать снаружи, к ляжке Диминого рюкзака. «Рамбут» по-малайски означает «волосы», а «рамбутан» – это, соответственно, «волосатик». Плоды называют так за их внешний вид – ярко-красные, круглые, размером со среднюю сливу, и покрыты множеством длинных упругих волосков, торчащих во все стороны. Когда мы покидали городок, вслед нам, кроме привычных «Хеллоу, мистер!», раздавались детские приветствия: «Хеллоу, мистер рамбутан!», сопровождаемые дружным смехом. Джохан с семьёй остался дома, а мы отправились дальше. Мы предлагали Джохану поехать с нами, но он отказался, как и все те, кому мы делали такое предложение прежде. «Я раньше в Джакарте учился, работу там нашёл неплохую, но мама позвонила, сказала, что отец болен, а одной ей семьёй никак не прокормить, – ответил нам Джохан. – Мне пришлось вернуться ради неё. Я не могу никуда уехать, хотя и очень хочу. Иногда я так устаю от всего и всех, что ухожу в свой сад на несколько дней. Живу в своём домике, слушаю тишину... А потом, с новыми силами, возвращаюсь сюда помогать маме». Эх, Джохан, как много матерей нуждается в помощи своих детей, и как мало детей, готовых перечеркнуть свою жизнь ради родителей. В чём проявляется большая воля – в способности идти своим путём, или в способности отказаться от мечты ради другого

человека? Думаю, как обычно, у каждого человека на этот вопрос найдётся свой ответ.

Больше у нас не было причин задерживаться на Суматре. После пересечения большой вывески, прибитой к переходному мосту: «You cross the equator» («Вы пересекаете экватор») мы оказались в южном полушарии планеты Земля. Вынуждена признать, пока оно не особенно отличалось от северного полушария. Всё так же однообразны были города, которые мы пересекали пешком, чтобы поймать попутку до следующего города. Всё так же вдоль дороги тянулись бесконечные заросли масличных пальм. Всё так же нам помогали люди, ничего не знавшие о нас. Они нас подвозили, угощали едой, искренне улыбались, навсегда оставляя след в нашей памяти. Удивительно, но к тому времени у нас с Димой уже появилась общая память. Слишком долго мы не отходили друг от друга. Иногда я находила в своей голове Димины мысли, и, как ни странно это звучит, Димины воспоминания. Как-то раз, из-за этого даже произошла забавная история: я рассказывала кому-то о том, что моя прабабушка выжила во время голода в России только благодаря тому, что спрятала в подполе мешок семечек (остальное забрали коммунисты – кормить горожан). Каково же было моё удивление, когда Дима сказал, что это произошло с его, а не моей прабабушкой. Видимо, это какой-то побочный эффект «психологической совместимости». Говорят, многие пары, отправившись в длительное путешествие супругами, возвращались из него врагами, разводились, и никогда больше не хотели видеть друг друга. У нас всё складывалось иначе. Постепенно, мы «срастались», разделяя радости и горести, богатство и бедность, которые сменяли друг друга очень часто: есть в кармане деньги на визу – богатство, нет денег – бедность. Долго не ешь и не спишь – горесть и болезнь, хотя бы раз в день наедаешься и высы-

паешься – радость и здоровье. При условии, конечно, что тебя не кусают малярийные комары и не достают любопытные полицейские. Но это так, к слову.

Последним, кто подобрал нас на трассе этого острова, был водитель, который ни слова не знал по-английски, а потому знакомились мы в кабине его грузовика посредством моего слабенького малайского. Наши с ним диалоги выглядели примерно так:

- Дорога ква-ква-ква пешком? – спрашивал он.
- Да, пешком, – отвечала я.
- Ква-ква-ква Россия?
- Россия пешком.
- О-о-о. Ква-ква долго?
- Семь месяцев.
- О-о-о. Ква-ква-ква без денег?
- Да, без денег.
- Ква-ква-ква кушать?
- Кушать. Эх, кушать – хорошо, – ответила грустно я.

Уже несколько раз бывало, что нам задавали вопрос, в котором мы не понимали ни слова, кроме «кушать», и здесь было два варианта: либо нас спрашивают о том, голодны ли мы (ответ «да»), либо же нас спрашивают о том, ели ли мы (ответ «нет»). А так как я не знала, как сказать «не могли бы вы перефразировать ваш вопрос?» по-малайски, приходилось как можно выразительнее говорить «кушать – хорошо». Славный водитель правильно понял меня и завёз нас в придорожную кафешку покушать. Но на этом его вклад в успешное продолжение нашего путешествия не закончился. Когда мы доехали до городка, являвшегося конечным пунктом маршрута нашего водителя, он попросил наш блокнотик, и пригласил зайти в офис его начальника. Начальник знал несколько английских слов, и нам с ним даже удалось немного поговорить. Начальник был рад то-

му, что водитель завёз в такую глушь путешественников – белых людей в этих краях можно увидеть только по телевизору. И для него будет честью, если мы останемся ночевать у его родственников, а на утро примем в подарок два билета на автобус до Джакарты. Мы, разумеется, с благодарностью согласились. Попрощавшись с водителем грузовика, мы подарили ему на память двухрублёвую юбилейную монетку с «дорогой жизни» блокадного Ленинграда, на которой изображён был такой же, как и тот, на котором мы сюда приехали, грузовик. Водителю монетка очень понравилась.

Пока мы отмывались от дорожной пыли, кто-то пустил слух о том, что в доме родственников начальника гостят иностранцы, так что, когда мы вышли в гостиную, то обнаружили несколько десятков индонезийцев с детьми, как бы случайно заскочивших по разным делам. Все сделали вид, что очень удивились, обнаружив нас здесь, а потом, вдруг вспомнили, что у многих с собой есть фотоаппараты или телефоны с камерами, и как удачно, что есть повод сфотографироваться. Мне всучили какого-то младенца, удивлённо взирающего на меня из своих пелёнок, и сфотографировали на телефон. Потом нас усадили на пол, окружили со всех сторон, и перефотографировали на несколько камер, в конце предложив ещё и на наш фотоаппарат всех снять. С каждым кадром выражение Диминого лица становилось всё более и более убитым. Нет, нужно завязывать с этой порочной практикой – фотографироваться на каждом углу. Надо быть скромнее. К концу фотосессии подошёл местный учитель английского. С умным видом он задавал мне вопросы стандартного типа, и, я, как всегда, отвечала на них развёрнуто, с подробностями, чтобы донести до людей сведения о том, что не на деньгах зиждется мир, и что доброта человеческая победит любые козни приспешников Люцифера. О, как серьёзно хмурил лоб учитель, кивая во время моего по-

вестования! Мне даже показалось, что его серьёзность вызвана тем, что он увидел бытие в новом свете. Но нет, оказалось, что хмурил лоб он исключительно потому, что ничего не понял из того, что я говорила. Когда зрители попросили его перевести всё, о чём я рассказывала, он начал пороть такую чушь, что мне стало стыдно за него, как за учителя. Я не стала позорить его при посторонних людях и поправлять его перевод, но разговаривать о серьёзных вещах со случайными людьми впредь не стану. Я в эти разговоры душу вкладываю, а он «перевёл», что после того, как мы приплыли из Сингапура, у Димы украли паспорт, и теперь нам необходимо попасть в посольство России в Джакарте, минуя полицейские посты, так как у Димы теперь вообще нет документов. Да я ни слова ни про Сингапур (в котором мы не были), ни про паспорт не сказала! Вот такие бывают учителя английского... А когда я преподавала черчение в России, учительницу физкультуры в том ПТУ, где я работала, повысили до учительницы географии. Неужели такое безобразие по всей планете творится? И это мы называем ОБРАЗОВАНИЕМ? Больная тема.

Утром, за час до прибытия автобуса, начальник отвёз нас в большую столовую, где попытался заказать нам какое-то мясо.

– Нет, нет, спасибо, мы не едим мясо, – сразу запротестовала я.

– Что?

– Му-у-у – не надо, хрю-хрю – не надо. Спасибо.

– Это не му-у-у, и не хрю-хрю! Это мяу! – все, кто слышал наш диалог, захохотали, а раздающий еду мужчина, погрозил начальнику пальцем.

– Мяу тоже не надо, – смеясь, ответила я.

Днём автобус остановивался, чтобы пассажиры могли подышать свежим воздухом – внутри этой тесной кон-

сервной банки было очень душно и жарко. Низенькие индонезийцы, очевидно, страдали не так сильно, как мы – развалившись на узких сидениях, они курили, с наслаждением втягивая в себя дым дешёвых сигарет, и выдыхая его в салон автобуса. Мы же, уперевшись согнутыми коленками в середину впередистоящего кресла, постоянно ёрзали на своих местах в безуспешных попытках втиснуть большие европеоидные тела в эти креслица. На каждой остановке мы выползали из салона, отходили от пропахшего бензином и сигаретным дымом автобуса метров на десять, и прятались в первую попавшуюся тень – активно дышать и разминать одеревеневшие спины и то, что расположено непосредственно под ними. В один из таких моментов к нам подошла девочка лет двенадцати:

– Здравствуйте! Меня зовут Сиска! Вы туристы? Откуда вы?

– Здравствуй Сиска! Мы – путешественники из России! – ответила я, сдерживая смех. Произнести имя «Сиска», не засмеявшись, оказалось не так просто. Я широко улыбалась, в мыслях убеждая девочку никогда не ездить в Россию.

– А чем отличается турист от путешественника?

– Туристы ездят по путёвкам, им помогают туроператоры, они останавливаются в отелях и летают на самолётах, а путешественники странствуют самостоятельно, там, где хотят, а не там, где есть отели. Туристы путешествуют с деньгами, и смотрят на то, что им показывают за эти деньги, а мы сами выбираем, что смотреть. И мы выбираем смотреть на правду. Когда люди узнают, что у нас нет денег, они уже не заинтересованы обманывать нас – знают, что мы ничего у них не купим. Итак, мы видим гораздо больше, чем туристы. Мы видим искренние улыбки. Люди улыбаются нам потому, что рады нас видеть или потому, что мы смешные, но уж точно не потому, что мы им платим, или можем

заплатить.

– Нет, вы не смешные. Просто, хочется улыбаться, глядя на вас. Вы же тоже улыбаетесь.

– О! Улыбка – лучшее лекарство от всех болезней и лучший документ. Без улыбки мы бы так далеко не забрались.

– А почему вы едете в автобусе, если у вас денег нет?

– Нам добрые люди подарили билеты до Джакарты, сказали, что пешком мы не дойдём. Мы бы дошли, но на автобусе – гораздо быстрее.

– Ух ты! Пойду маме расскажу!

Девочка убежала под навес, где её мама торговала печенюшками, содовой и другой снедью, пользующейся популярностью у пассажиров, а мы продолжили разминку. Через минуту Сиска вернулась, со словами:

– Пойдёмте к маме, она вас зовёт!

Мама, озаряя нас той самой искренней улыбкой, предложила нам выбрать всё, что мы хотим, из ассортимента её магазинчика. В подарок. Мы смутились, а Сиска уже начала складывать в пакет арахисовое масло, какие-то джемчики, булку хлеба...

– Берите, выбирайте ещё! – девочка протянула мне уже достаточно увесистый пакетик.

– Что вы, спасибо большое, но и этого много.

– Нет, это почти ничего, берите ещё! – добавила мама.

Я взяла ещё одну баночку арахисового масла. Нам оно не особо нравится, но штука очень питательная. Можно наесться парой бутербродов с ним.

– Вот, теперь у нас всё есть. Спасибо вам огромное. Нам этой еды дня на три хватит! – я поклонилась маме девочке.

– Да на здоровье! Для меня удовольствие помочь вам, – ответила мама.

Когда мы уже подходили к автобусу, Сиска снова догнала нас. На этот раз у неё подмышкой была большая красивая жестянка с печеньем.

– Мама сказала, что вы совсем мало выбрали, и это тоже вам в подарок от неё!

– Спасибо тебе, Сиска, – ответила я, принимая банку с печеньем. – Счастья тебе и твоей маме, вы очень добрые люди.

Жестянка занимала много места, но мы утрамбовали-таки её в рюкзак. Ну вот. То совсем без еды, то провизия в рюкзаки не помещается. Автобус тронулся, и, сквозь пыльное стекло, мы увидели, что Сиска с мамой машут нам. Мы помахали в ответ, и всё потонуло в облаке дорожной пыли, поднятой колёсами автобуса.

К вечеру автобус добрался до побережья Яванского моря. Суматра кончилась. Огромный паром, глотавший у причала автомобиль за автомобилем, портил весь вид на море. У берега, как всегда, плескались в волнах прибоя пластиковые бутылки и полиэтиленовые пакеты. Да когда же это кончится!

Наш вонючий автобус, зажатый со всех сторон легко-вушками на нижней палубе, теперь воспринимался мною, как газовая камера.

– Можно мы выйдем? – спросила я у водителя.

– Да, сейчас, все машины заедут, и можно будет подняться на верхнюю палубу.

Под скрежет задней аппарели парома, пассажиры, прихватив сумки с ценными вещами, один за другим покинули автобус. Радовала уверенность, с которой они устремились в лабиринт автомобилей. Чтобы максимально быстро выбраться на свежий воздух, нам было достаточно не отставать от них.

Глава 15. МОЖНО ЛИ БЫЛО ОСТАТЬСЯ В РАЮ?

Для меня лично главным доказательством того, что человек имеет божественное происхождение и когда-то жил в РАЮ, является наше маниакальное стремление создать подобие РАЯ на своем приусадебном участке.

В.К. Железов, «Сибирский сад – Сотворение чуда»

После короткой ознакомительной прогулки по палубе я вернулась к Диме, ожидавшему меня рядом с рюкзаками. К моему удивлению, Дима вёл вменяемый диалог с пареньком-индонезийцем лет двадцати, на английском языке. «А вот и моя жена», – Дима показал на меня и замолчал. А жаль. Было бы интересно послушать, как он говорит. Может, уже можно переложить часть коммуникационных обязанностей на его плечи?

– Здравствуйте, меня зовут Лина. Неужели мой муж говорит по-английски?

– Здравствуйте. Да, говорит. Я, правда, только простые вопросы задавал – откуда вы, куда собираетесь. Меня зовут Эча.

– Рада знакомству, Эча, хочешь бутерброд с арахисовым маслом? А то мы как раз ужинать собираемся.

– Не откажусь, спасибо.

Пока я делала бутерброды, Дима, подбодрённый признанием того, что он говорит по-английски, стал спрашивать Эчу откуда он сам, и куда собирается. Парень оказался студентом. Университет, в котором он учился, находится на Суматре, а его семья живёт в Джакарте – на Яве. Теперь Эча едет с тётей и дядей домой – на каникулы.

– Скучаешь по родным во время семестра? – спросила я, протягивая Эче бутерброд.

– Спасибо. Да, скучаю. По девушке своей сильно ску-

чал, когда уехал.

– Когда уехал – скучал, а теперь не скучаешь?

– Как сказать... Мы расстались. У неё теперь другой парень, но это даже к лучшему – с ним она хоть сможет видеться чаще, чем два раза в год. Я искренне желаю ей счастья.

– С таким подходом к женщинам, думаю, тебе, Эча, гарантировано семейное счастье. Мало кто сейчас искренне печётся о благе своей половинки. Всё чаще жалуются, что половинка для них мало делает – или мало зарабатывает, или мусор не выносит, или еду невкусную готовит... – с этими словами я протянула Диме бутерброд с арахисовым маслом, – с этого и начинаются скандалы, разводы.

– В большинстве случаев – да. Я уже говорил Диме, а теперь скажу Вам – в Индонезии не везде так плохо. Есть одно место...

– Что ты, Эча, я не про Индонезию, я про Россию говорила.

– Боюсь, проблема непонимания между супругами вообще не привязана территориально. Люди, они и в России, и в Индонезии – люди, со своими слабостями и недостатками. Но я не об этом. Я хочу рассказать вам про одно место, где нет этих проблем. Там никогда не услышишь криков, как здесь, и семьи там счастливые, и дети не плачут. Там нет асфальта и бетона, радио и телевидения. Только вечнозелёные джунгли и добрые люди, живущие в простых бамбуковых хижинах.

– Как это до них радио и телевидение не добрались? – удивлённо спросила я, синхронно переведя слова Эчи для Димы.

– Они его не пустили. И радио, и телевидение, и демократия, и ислам пытались завоевать этих людей, но они устояли. Когда мусульмане пришли в те края, предки сего-

дняшних баорийцев отказались принять новую веру. Они ушли глубоко в джунгли и продолжали жить по своим законам. После нескольких неудачных попыток заставить их получать документы на собственную землю, власти согласились позволить поселению Баори жить так, как они хотят, оформив все их земли, как резерват. Одно «но»: для этого глава их поселения должен был приехать в Джакарту, встретиться с чиновниками, и подписать ряд документов. А он, отказавшись пользоваться транспортом, пошёл в столицу пешком!

– Значит, эти баорийцы сознательно отказались от благ цивилизации? Или что-то они считают приемлемым? Например, амиши, хоть и живут, как в шестнадцатом веке, но, на сколько мне известно, покупают в магазинах ткани, используют зеркала и могут ездить на автомобилях, но только пассажирами. И телефоны у них бывают – один на несколько домов.

– Баорийцы даже ткань делают сами – нитки прядут из растительных волокон и красят только тем, что могут найти в природе. Они считают, что современная цивилизация ведёт людей в пропасть, и не хотят ничем поддерживать её. Автомобили, по их мнению – главный источник загрязнения воздуха, и каждый пассажир участвует в загрязнении природы наравне с водителем. Ни телефонов, ни зеркал, ничего промышленно произведённого у них в домах не увидишь – только то, что они сделали сами из даров природы.

– А ножи или топоры у них есть? Вообще, что-нибудь металлическое они используют?

– Да, у каждого мужчины и мальчика есть меч – они всегда носят его с собой. И бамбук им рубят, и фрукты режут, но никого не убивают. Эти мечи не видели крови. Их куют в отдельной деревне, тоже вручную. Кузнецам прино-

сят фрукты или ткани за новые мечи.

– Неужели и рудники у них свои? Не думаю, что правительство так легко оставило бы их в покое, если бы они жили на месторождении железняка.

– Нет, рудников у них нет. Деревня кузнецов находится среди нижних деревень Баори – там живут те, кто считает, что необходимо использовать лучшие достижения цивилизации, избегая худших, типа телевидения, пистолетов, гамбургеров и тому подобного. Среди прочего, они используют деньги и закупают сталь на фабриках. А жители верхних деревень считают, что не бывает лучших и худших достижений цивилизации, все их легко можно использовать во вред.

– Это точно. Но, вообще-то меч тоже легко можно использовать во вред.

– Нет, меч – это их традиция. Я видел мальчугана лет пяти с кинжалом на поясе. Доверили бы они кинжал ребёнку, если бы кто-нибудь воспринимал его, как опасное оружие? Нет. Дети с рождения видят, что кинжал – это инструмент, им можно деревяшки строгать. Малыши любят мастерить что-нибудь, вот родители и дарят им личный инструмент. Пусть учатся с ним обращаться. Подрастут – получат настоящий меч. Хотя, пожалуй, не мне объяснять их философию. На самом деле, баорийцы – совсем другие люди, не такие, как мы с вами. И, возможно, мы вообще не способны понять истинной причины того, почему они так живут. Главное, что я хочу сказать – это то, что я восхищаюсь этими людьми, и мне бы хотелось, чтобы вы побывали в верхних деревнях, посмотрели, как они живут.

– А как ты узнал о них?

– Я долгое время работал гидом, а нижние деревни зарабатывают на туризме. Вот в них я впервые и попал. Начал водить группы, жители деревень продавали моим тури-

стам сувениры и были благодарны мне за то, что я им рынок сбыта обеспечиваю. С одним из жителей, по имени Жарду, я подружился, и, когда ему, по делам пришлось отправиться в Джакарту, он останавливался в моём доме. Я выучил их язык. Жарду рассказал мне, что все нижние деревни заселены изгнанными потомками жителей верхних деревень. Если кто-то не хотел придерживаться традиций предков и хотел зарабатывать деньги, то его отправляли жить вниз. От него не отказывались, просто не позволяли на территорию их деревень нести мусор цивилизованного мира. Запишите имя Жарду. Когда доберётесь до нижних деревень, разыщите его, и скажите, что вы – мои друзья. Он поможет вам добраться до верхних деревень. Хотя, как правило, туристов туда не пускают. Для некоторых индонезийцев, иногда, делают исключения, но не для иностранцев. Но вам, думаю, стоит попробовать. Очевидно, что вы не просто туристы. На всей их территории запрещено пользоваться любой техникой. Никому. Даже фотографии делать нельзя.

– А там видимая граница между теми деревнями, в которых можно фотографировать, и теми, в которых нельзя, есть?

– Да. Несколько лет назад фермеры начали вырубать джунгли, отведённые под резерват Баори. Это было незаконно, но деревья-то погублены, их обратно не воткнёшь. Баорийцы тогда за одну ночь, собравшись всем населением и верхних, и нижних деревень, огородили огромную территорию, на которой стоят верхние деревни и несколько нижних, а также все их сады, разбросанные по джунглям на больших расстояниях друг от друга. Фермеры утром пришли, увидели забор, и ломать его не рискнули. С тех пор на земли Баори никто не претендовал. На территории, ограниченной этим забором и рекой, которую вам предстоит пересечь по бамбуковому мосту, нельзя фотографировать. На

этой территории нельзя ничего оставлять, и ничего нельзя уносить с собой. Ничего материального, я имею в виду. Там запрещено любое убийство, воровство и ложь.

– Удивительно. Похоже на описание другого мира.

– Это и есть другой мир. Вообще, на их земле и природа какая-то другая – добрая, дружелюбная. Представляете, у них есть мост через реку, который вырос сам! Два дерева протянули с разных берегов корни друг к другу, и так сплелись, что получился красивый и удобный мост. Жарду водил меня туда. Выглядит просто потрясающе. Как будто деревья захотели специально сделать переправу для людей.

– Эча, то, что ты рассказываешь, звучит поразительно. Возможно, мы посетим земли Баори. Но деревень, как я понимаю, немало, вдруг, там много людей, по имени Жарду? Как нам найти именно твоего друга?

– У баорийцев принято давать каждому новорожденному своё собственное имя. Единственное на все, и нижние, и верхние деревни. У них нет двух людей с одинаковыми именами.

– Сотни разных имён?

– Нет, тысячи.

– Ого...

Всё это время я либо переводила Эчины слова, либо говорила сама, так что свой бутерброд с арахисовым маслом я так и не смогла попробовать – Дима уже давно на него косился, так как по причине своей молчаливости, уже слопал свою порцию. Эча свою съел только наполовину. Откусив кусок бутерброда, я отдала его мужу, а сама принялась намазывать себе новый.

– Так значит, сейчас вы держите путь в Джакарту? – спросил Эча.

– Да, автобус, на который нас посадили, едет в Джакарту. Вообще-то мы планируем попросить водителя выса-

дить нас где-нибудь в лесу, так как до столицы доберёмся только к ночи, когда все мечети и церкви уже будут закрыты. А на улице в городах мы ночевать не любим.

– Так, может, тогда к нам присоединитесь? У дяди в машине как раз два свободных места есть. Думаю, он с радостью пригласит вас переночевать у него дома. А утром я вам Джакарту покажу.

Променять тесный вонючий автобус на удобные места в автомобиле, да ещё и с таким интересным собеседником? Мы, не раздумывая, согласились. Оставалось только узнать мнение хозяев автомобиля. Собрав остатки провизии в пакетик, мы, следуя за Эчей, отправились в пассажирский трюм, искать дядю и тётю. Дядя пригласил нас в гости сразу, как только мы представились. Так состоялось наше знакомство с Эчей и его семьёй. Эча стал нашим хорошим другом. Сейчас я нарушу хронологию событий, чтобы не выдать местонахождение деревень Баори, так как мы с Димой пообещали, что никому не расскажем, где они находятся. Даже название «Баори» мы придумали, чтобы по настоящему названию никто не смог вычислить это место. И имена всех жителей деревни мы выдумали – взамен настоящих. Эти люди на самом деле хотят, чтобы их оставили в покое, но об их опыте, по моему мнению, просто необходимо рассказать. Ведь своим существованием они доказывают возможность другой жизни. Доказывают, что можно устоять против системы. Можно создать свой, независимый мир, и жить в нём свободно и счастливо...

Мы шли по пыльной дороге, задерживая дыхание каждый раз, когда мимо нас проносился очередной грузовик. Выглядели оба неважно – снова толстый слой дорожной пыли на лицах, одежде и рюкзаках.

– Эй, мистер, идите сюда! – донеслось из коричневого облака пыли где-то через дорогу.

Мы не обратили внимания и продолжали брести вдоль обочины.

– Хеллоу, мистер, идите сюда! – облако рассеялось, и мы увидели молодого полицейского, махавшего нам рукой со своего поста. Заметив, что мы не останавливаемся, парень перебежал дорогу и догнал нас. – Хеллоу, мистер, вы, наверное, не слышали, я звал вас!

– Показать наши документы? – спросила я.

– Нет, что вы, я просто хотел узнать кто вы, откуда и куда идёте. Меня зовут Харди.

– Очень приятно, Харди, меня зовут Лина, моего мужа – Дима, он плохо говорит по-английски. Мы – русские, идём в деревни Баори.

– А почему пешком?

– Нам так нравится.

– Это здорово! Кушать хотите? У нас здесь столовая хорошая. Пойдёмте, я угощаю.

Посоветовавшись с Димой, мы решили сделать перерыв, умыться и перекусить.

Во время трапезы мы поняли, что Харди заинтересовался нами не как полицейский, а как человек, а потому охотно ответили на все его вопросы о нашем путешествии.

– Но в верхние деревни нельзя. А для посещения нижних деревень вам, как иностранным гражданам, нужно специальное разрешение. Без него вам не позволят даже на джунгли баорийцев посмотреть, – сообщил нам Харди, узнав, что мы идём именно в верхние деревни.

– А где такое разрешение можно получить?

– Я знаю где. Доедайте, я пока отпрошусь с работы до конца дня. Поеду с вами.

Харди ушёл. Вернулся он с маленькой фотокарточкой, из разряда тех, что клеивают в удостоверения.

– Вот, возьмите. Это я. На обороте – моё имя и теле-

фон. Если будут проблемы, звоните.

Я засунула фотокарточку под обложку загранпаспорта. Харди вышел на дорогу, остановил проезжающий грузовик, перебросился парой слов с водителем, и подозвал нас.

– Поедем в кузове, он довезёт нас до офиса.

Минут через двадцать, совершенно чумазые, мы вылезли из кузова и отправились вслед за не менее чумазым Харди, уверенно шагающим по направлению к большому административному зданию. Отряхивая на ходу брюки, Харди вошёл в один из кабинетов. За широким офисным столом сидел во вращающемся кожаном кресле, какой-то начальник. Дальше всё происходило, как во сне. Нам предложили присесть и подождать, а Харди ходил по кабинетам с нашими паспортами, приводил нам каких-то чиновников, всех в чём-то убеждая. Мы просто сидели и смотрели. В итоге, начальник в кожаном кресле спросил нас по-английски:

– У вас есть фотографии 20 на 30 мм?

– Есть, – ответила я.

– Давайте сюда.

Начальник пристеплерил наши фотографии к каким-то бумажкам, исписанным на индонезийском языке, поставил печати, подписал, и протянул нам, вместе с нашими паспортами:

– Вам разрешено посетить нижние деревни Баори, но фотографировать и снимать после моста – запрещено, как и использовать любую технику, как то: часы, телефоны, GPS-навигаторы. Ночевать за мостом тоже нельзя, так что рассчитывайте время, чтобы вернуться засветло – фонарей там тоже нет.

Харди, довольный своей работой, поблагодарил начальника, и, выведя нас на улицу, сказал:

– Ну вот, теперь всё в порядке. У вас есть разрешения.

Что планируете делать дальше?

– Пойдём. Надеюсь, мы успеем засветло выйти из этого города.

– Может, у меня переночуете? А утром я помогу вам до следующего городка добраться, там моя невеста живёт. Она будет рада познакомиться с вами.

– Хорошо.

Наутро, отлично выспавшись, мы снова вышли на грунтовую дорогу. Харди в полицейской форме, как и вчера, «застопил» нам грузовичок, и вскоре мы уже шли по узким улочкам провинциального городка, в котором жила его невеста.

– Вот, в этой школе она работает! – сообщил, с гордостью, Харди.

– Она учительница?

– Да, учительница младших классов.

– А вот в этом переулке она живёт! – сообщил, с не меньшей гордостью, Харди, спустя минуту.

– Угу.

– А это дом, в котором она живёт!

– Понятно.

Нас представили родственникам невесты, но, к сожалению, та, ради знакомства с которой мы пришли, всё ещё была на работе. Харди позвонил ей, и девушка пообещала прийти через пятнадцать минут. Хозяйка дома взбила нам в блендере помидоров с кубиками льда, чтобы мы не скучали...

Пока мы в ожидании пьём ледяной томатный сок, расскажу кое-что о приветствии в той части света. Ты можешь здороваться как угодно со своими сверстниками, и теми, кто младше тебя. Проявлением дружелюбия и гостеприимства являются вопросы: «Откуда ты?» и «Куда ты идёшь?», заданные, в случае приветствия любого иностран-

ца, независимо от пола, сразу после «Хеллоу, мистер» (это нам Эча сказал). Но, когда здороваешься с человеком, который значительно старше тебя, нужно взять его правую руку в свою и поклониться так, чтобы лбом коснуться тыльной стороны его ладони. «Это проявление уважения к его возрасту», – сказал Эча. Дима, в ответ на это, сразу сообщил, что дело не в количестве, а в качестве прожитых лет. А кланяться только за то, что кто-то дожил до восьмидесяти лет, по его мнению, нелепо. «Порой, люди целую жизнь спят. И гадят. И я за это им руки целовать буду?? Ну уж нет». А я ничего против не имела. Каждый раз, когда меня представляли какой-нибудь бабушке, я, с радостью кланялась ей по всем правилам. Кстати, о бабушках: Эча рассказал нам такую индонезийскую притчу: «Жила-была одна старая женщина. Ей было целых сто лет. И был у неё молодой сосед. Как-то раз, сосед увидел, что женщина сажает кокос в своём саду, и крикнул ей: «Эй, старушка, ты зачем кокос сажаешь? Ведь тебе сто лет, и ты точно не доживёшь до того времени, когда пальма даст плоды! Зачем силы тратишь?». Женщина ответила – «А разве тебе никогда не доводилось есть плодов с пальмы, которую посадили задолго до твоего рождения?». Хорошая притча. Как после неё не проникнуться уважением к индонезийским бабушкам?

К чему это отступление? К тому, что невеста Харди пришла домой с тридцатью своими учениками, которые ростом были нам примерно по пояс. И каждый из них, проявляя почтение, подошёл сначала ко мне, а потом к Диме, и прикоснулся своим лобиком к нашим правым рукам. А мы стояли, и не знали что сказать. Малыши, сразу после этого, отправились по домам.

– Вы не обиделись, что я их привела? – спросила невеста Харди. – Они просто никогда в жизни не видели иностранцев.

– Нет, конечно. Мы привыкли уже, – ответила я с улыбкой.

Девушка ушла вглубь дома, и я сказала Харди:

– Твоя невеста очень красива.

– Спасибо, но только ей об этом не говорите.

– Почему?

– Ну-у... Не надо.

Вообще, среди индонезийцев не так много людей, которых можно было бы назвать красивыми. Есть симпатичные, милые, хорошенькие... но их не так много. Часто, я даже боялась фотографировать, чтобы не запечатлеть случайно местных жителей, да простят они меня, слишком похожих на чертей. Но эта девушка была... Как ангел? Избито, но очень близко к истине. Вокруг неё витал дух чистоты, непорочности. Казалось, что вот-вот из-под хиджаба появятся крылья, и засияет нимб вокруг покрытой платком головы. Это была самая настоящая красавица. Наше с ней знакомство я восприняла как добрый знак. В последний раз ангелоподобного красавца мы с Димой встречали в Малайзии – в той самой мечети, после которой нам довелось провести ночь в пятизвёздочном отеле. Он был так красив, что мы сразу позиционировали его как холёного сынка какого-нибудь местного олигарха. Но, когда он подошёл к нам, чтобы познакомиться, оказалось, что он приехал в Малайзию из Бангладеша без гроша в кармане, а сейчас работает на стройке. Да с такой внешностью, парень мог бы вмиг покорить Голливуд, или мумбайский Болливуд. Но он пошёл работать на стройку! Точно – ангел.

Итак, знакомство состоялось, Харди повидался с невестой, и настала пора продолжить наш путь. Родственники девушки-ангела собрали нам в дорогу пакетик с провизией. Показывая на упаковку медового печенья, тётушка девушки сообщила, что «это очень-очень вкусно. Очень-очень!». Мы

с благодарностью приняли подарки, и, после классической сцены прощания, снова сопровождаемые Харди, вернулись на дорогу. Парень остановил для нас ещё один грузовичок, а сам остался на дороге – ждать попутку в обратном направлении. Ему пора было возвращаться на работу. Спасибо тебе, Харди, спасибо огромное, друг! И за помощь, и за то, что познакомил нас с ещё одним по-настоящему красивым человеком. Красота вдохновляет. Благодаря этому, я полагаю, она и спасёт когда-нибудь мир.

На следующее утро мы уже стояли в окружении индонезийцев, трясущих связками браслетов с надписью «Баори», и, разумеется, громко проявляющих своё дружелюбие и гостеприимство. Мы находились на границе резервата. Предъявив наши разрешения и паспорта всем, кому это было интересно, мы внесли плату за вход, прикрытую наименованием «взнос на сохранение культуры Баори», и отправились к тёмно-зелёной стене тропического леса. С каждым шагом, удаляющим нас от бетонных зданий и паутины электропроводов, на душе становилось легче и спокойнее. Вскоре высокие, сомкнувшиеся густыми кронами деревья скрыли солнечный свет, и мы оказались в зелёном полумраке настоящих тропических джунглей. Щебетали скрытые листвой неведомые птицы; через тропинку, аккуратно выложенную истёртым от времени замшелым булыжником, перебегали ящерицы, на деревьях, наконец-то, можно было увидеть спелые плоды. Удивительно, но в этих густых зарослях даже бананы плодоносили. Высокие дурианы и развесистые деревья манго соседствовали с бамбуком, сахарной пальмой, и сотнями других растений. Похоже, это были джунгли-сад, так как в тех местах, где люди не живут, найти плодоносящее дерево очень трудно. Тропинка виляла по джунглям, как русло реки в сельве – нигде нельзя было посмотреть вдаль. Поворот, поворот, спуск по склону

холма, подъём на другой склон, и снова поворот, поворот. Вот и первый местный житель в традиционной одежде, идёт нам на встречу. Надо же! Его кожа светлее моей! Немного похож на выходца из северного Китая. Спокойный, уверенный. Прошёл мимо, слегка кивнув нам. Как приятно! А вот двое мальчиков собирают что-то под деревьями. Один из них поднял на нас взгляд. Ого! Снисходительный взгляд цивилизованного человека на шкодливую мартышку. Мальчик отвернулся и молча продолжил своё дело. Мы с Димой переглянулись:

– Ты прочитал в его взгляде: «Опять эти обезьяны!» – спросила я.

– Да. По-моему он ещё добавил: «И что им дома не сидится?» – ответил Дима.

Взгляд мальчика произвёл на нас сильное впечатление. Я почувствовала, что для него я – очередная бездельница, которая идёт к нему домой в поисках «зрелищ», вместо того, чтобы создавать что-то своё. Спасибо тебе, мальчик, за этот безмолвный, искренний взгляд. Я думаю, что только благодаря таким, как ты, баорийцы сохранили независимость. Но вот и первые строения показались... На склоне расположились ровные ряды маленьких изящных избушек на сваях. Высотой около трёх с половиной метров, полтора на полтора метра в основании. Нет ни окон, ни дверей – только маленький люк в торце крыши. Похоже, это рисохранище. Мы видели такие домики, но гораздо менее эстетичные, в Лаосе. Продолжаем петлять по тропинке. Но вот навстречу нам поднимается другой местный житель – темнокожий, в кедах, джинсах и футболке, несёт на плечах коромысло, на котором, вместо вёдер, висят два полотняных кулька, набитых дурианами. Всё чаще и чаще попадаются встречные баорийцы. Большинство – светлокожие симпатичные азиаты в традиционных одеждах, без обуви. Изред-

ка встречаются темнокожие, на них – покупные футболки с яркими картинками, штаны и шлёпанцы.

После часовой прогулки сквозь джунгли, мы наконец-то вышли к первой деревне. Она располагалась на пологом террасированном склоне, где, прямо как в Мачу Пикчу, каждая терраса была заботливо выложена аккуратно подогнанными камнями. Нет, не так, чтобы «лезвие ножа между камнями не просунешь», но достаточно аккуратно, чтобы камни могли держаться безо всякого раствора. Между замшелыми камнями пробивалась зелень, кое-где, по самой кромке террасы, хозяева высадили живописный кустарник – живая зелёная изгородь. На каждой террасе стояло по одному-два бамбуковых домика и пара маленьких навесов для сушки дров, крытых пальмовыми листьями. Между строениями были выложены каменные дорожки и ступеньки. Все домики стояли на коротеньких сваях, упирившихся в крупные камни, игравшие роль фундамента. Деревня восхищала своей ухоженностью и тишиной – никакого мусора, никаких криков – ни людей, ни животных. Только птичьи трели из джунглей. Как я позже выяснила, животноводство запрещено у всех Баори. Мясо едят только в отдельных нижних деревнях, основное же население – вегетарианцы. Те, кто употребляет мясо в пищу, тренируют для охоты собак.

Мы легко разыскали дом Жарду. Он жил на окраине этой самой деревни, но как раз сегодня вместе с семьёй куда-то ушёл. Соседка разрешила нам подождать его возвращения на широкой веранде её дома. Сама хозяйка, сидя на полу, ткала разноцветный шарф на нехитром ткацком станке. Мы тихонько сели в углу, чтобы не отвлекать её. Женщина пыталась поговорить с нами, но мы не понимали ни слова – её язык был плавен и красив, и совсем не напоминал индонезийский. Нас поразил её голос. Разговаривая с нами,

она, казалось, напевает колыбельную. Возможно, этот голос никогда не срывался на крик. Неожиданно, как, впрочем, и всегда в тропиках, начался проливной дождь. Девочки, проходившие мимо дома Жарду, быстро заскочили на его крыльцо, и, переждав кратковременный ливень, продолжили свой путь, не обратив на нас внимания. Следующий прохожий, увидев нас, сразу пригласил жестами на чашечку кофе к нему домой. Показав на себя рукой, мужчина представился: «Рапи». Он проводил нас в закрытую часть своего жилища. Внутри – несколько комнат, разделённых перегородками из бамбука. И пол, и потолок – всё сплетено из бамбука. Плинтусы и дверные рамы вырезаны из дерева. Скорее всего – вручную, так как визг пилорамы в этих краях, мне кажется невозможным. Рапи вынес алюминиевый чайник с кипятком и потёртую пластиковую баночку с молотым кофе. Так как в комнате не было никакой мебели, мы расположились непосредственно на полу. Расставив по полу стеклянные стаканы, и расположив между ними фарфоровое блюдо, Рапи протянул Диме коричневый свёрток из банановых листьев.

– И что мне с этим делать? – задал Дима ему вопрос, посредством мимики.

– Развязывай и выкладывай на блюде! – ответил Рапи жестами.

В свёртке оказался уваренный и высушенный до твёрдого состояния тёмно-коричневый кусок пальмового сахара. Наломав его на мелкие кусочки, Рапи насыпал сахар с кофе в стаканы, и залил их кипятком. Пока мы пили кофе вприкуску с коричневым сахаром, я рассматривала комнату. Видно, что семья Рапи не отрицает технические новшества – в углу стоит радиоприёмник на батарейках, на стене висят часы, два календаря, пара фотографий, и, как ни странно, плюшевый медведь в полиэтиленовом пакете. Его повесили

на стену, как украшение. Хотя, по моему мнению, эти стены сами себя украшают. Допив кофе, мы поблагодарили хозяина и объяснили ему на языке жестов, что нам нужно сидеть снаружи, чтобы увидеть, когда вернётся Жарду. Беззвучно, Рапи поблагодарил нас за то, что согласились побыть его гостями, и отвёл обратно на веранду женщины, всё ещё ткущей шарф.

Жарду вернулся во второй половине дня. С ним были его жена и двухлетний сын. Мы показали ему фотографию Эчи, а Жарду достал сотовый телефон, и объяснил, что Эча звонил ему, и просил помочь нам. «Так что проходите, располагайтесь, почувствуйте себя, как дома», – прожестикуюлировал он.

Сидя вечером на полу бамбуковой хижины, мы слушали джунгли. Помимо цикад, стрекотали отрывистыми очередями маленькие ящерицы, которых нам представили как «кико». Казалось, что вся деревня этим вечером слушает джунгли – ни детского плача, ни громких голосов. Тишина. Маленький сын Жарду иногда что-то тихо лепетал себе под нос. При ровном свете керосиновой лампы, мы поужинали варёной кукурузой и скормили хозяевам пачку нашего «очень-очень вкусного» медового печенья. Мы с Димой поняли, что не сможем просить Жарду отвести нас, куда бы то ни было. Не хотим, чтобы он потратил на нас даже час своего времени.

На кухне потрескивал огонь. Метания языков пламени, казалось, были самыми резкими из движений, которые когда-либо видел этот дом. Здесь царило спокойствие. Бамбуковый пол под очагом был покрыт толстым слоем камней, песка и золы. Над огнём на металлической подставке шипел чайник. Попив вечернего кофе с пальмовым сахаром, мы, при помощи жестов и рисунков, сообщили Жарду о наших планах: завтра с рассветом, мы самостоятельно отпра-

вимся исследовать окрестности, и вернёмся только на следующий день. У нас была карта, нарисованная Эчиной рукой, и серьёзное намерение попасть в верхние деревни, и этого, по нашему мнению, было вполне достаточно.

С первыми лучами солнца, мы, оставив в доме Жарду один из рюкзаков и почти всё наше снаряжение, включая обувь и мои наручные часы, отправились в путь. Идти было легко – в Димином рюкзаке осталась лишь палатка, на случай, если ночевать придётся в лесу, тарелка, стакан, коробок спичек, деревянные ложки да пара пачек лапши быстрого приготовления. Моя же ноша состояла из двух паспортов с разрешениями на посещение нижних деревень, и Эчиной карты. Вскоре мы дошли до пограничного моста. Сам мост говорил о чуткой заботе баорийцев о лесе – чтобы построить его, они выбрали самый узкий участок реки, и привязали к ветвям и стволам двух могучих деревьев, растущих на противоположных берегах, длинные стебли бамбука, образовавшие надёжный и изящный мост с перилами. Осмотрев это грандиозное сооружение со всех сторон, и убедившись, что собран он без помощи гвоздей, мы перешли мост и отправились в джунгли «инога мира». Мы пересекли несколько нижних деревень, которые легко узнавались по присутствию фабричной обуви у порогов домов и футболкам, сохнувшим на верёвках. Мы всматривались в конструкции крыш и стен в надежде, что и они собраны без гвоздей. Но нет, видимо, гвозди – это тоже признанное нижними баорийцами благо цивилизации – изящные декоративные заборчики, не позволяющие буйной растительности вторгнуться на мощёную тропинку, хоть и имели природный дизайн, однако сколочены были при помощи гвоздей. На тропинке между домами очередной деревни, лежал одинокий оранжевый фантик от конфеты. Он выбивался из окружающей его гармонии, притягивал взгляд и вызывал такое не-

доумение, какое может вызвать статья о реактивных истребителях в энциклопедии о динозаврах. Но я не стала поднимать его, как делала в подобных случаях на Алтае. Возможно, это чей-то потерянный фантик, его хозяин очень расстроится, не обнаружив его в кармане, и отправится на поиски. Не надо забывать, что мы в другом мире, и здесь всё устроено не так, как мы привыкли. Но вот наконец-то и подъём в гору. Выше и выше по тропе, поднимаемся над нижними деревнями, останавливаемся на открытом склоне, оборачиваемся, ищем глазами те деревни, которые только что миновали... Но под нами только бескрайний лес, уходящий за горизонт волнами зелёных холмов. Может и нет никакой другой Индонезии? И России нет. Ничего, кроме этого яркого, щебечущего голосами райских птиц, бесконечного леса. Может быть, мы и родились здесь... А сейчас, навестив своего родственника Жарду из нижней деревни, идём домой – наверх. И имена наши – единственные и неповторимые. Вряд ли здесь найдётся ещё один Дима и ещё одна Лена. Как же здесь красиво... Неожиданно, тропинку пересёк плетёный бамбуковый забор с калиткой. На этот раз – без гвоздей. Похоже, мы уже близко. Калитка – самозакрывающаяся. К верхнему углу дверцы привязана верёвка, другим концом закреплённая на вершине длинного, вкопанного в землю, стебля бамбука. Когда Дима толкнул калитку от себя, упругая бамбучина, влекомая натянувшейся верёвкой, изогнулась, как лук, а когда я, миновав калитку, отпустила дверцу, бамбучина выпрямилась, захлопнув её за нами. Перед нами вновь расстился террасированный склон. На этот раз, ни одного домика не было видно – только поля и сады. Суходольный рис, занимавший большую часть посевов, соседствовал с кустарниками и цветами, бананами, пальмами и простыми, неплодовыми тропическими деревьями. Вот посреди одного из рисовых полей стоит навес

от солнца и дождя. Посоветовавшись, решаем устроить здесь привал – отдохнуть, а потом с новыми силами – наверх. Но стоило прилечь на минутку, как сознание, обрадовавшись свободе, унеслось бродить по джунглям, исследовать окрестные реки, и парить над сказочными деревьями, обгоняя медлительных материальных птиц. Мы уснули. Сколько проспали – неизвестно, единственные наши часы остались у Жарду. Когда мы выбрались из-под навеса, солнце уже давно миновало зенит, и медленно приближалось к горизонту. Значит, пора ускорить шаг – неизвестно, как далеко отсюда до верхних деревень, а нам бы хотелось добраться до них засветло. Мы взобрались по очередной крутой тропинке и снова оказались под сенью густых джунглей. Вдруг из-за поворота показалась первая плетёная хижина. Неужели пришли? Нет. Вот, снова резиновые шлёпанцы на пороге. Рядом сидит мужчина в одежде из самотканого полотна. На поясе – меч в ножнах. На нас даже не посмотрел. За этой хижиной начинается очередная деревня. Хоть она и находится довольно высоко, но это, явно, одна из нижних деревень. На берегу ручья, журчащего в нескольких метрах от крайней хижины, лежит надорванный пакетик из-под одноразового шампуня. Женщина на тропе, ведущей наверх, внимательно смотрит на нас, и говорит что-то на своём текучем языке, показывая вниз. Мы отрицательно мотаем головами, показываем на свои босые ноги и тыкаем пальцами наверх. Как ни странно, женщину это устраивает, и она пропускает нас на тропу. Внутри меня поднимается волна радостного ожидания – мы где-то рядом. Скоро. Уже скоро. Но, за поворотом снова начинаются поля и сады, и мы карабкаемся по крутым тропам, всё ещё выложенным жёлто-коричневыми камнями. Прямо как дорога из жёлтого кирпича, которая должна привести нас в страну Оз... Или к волшебнику Изумрудного города, кому как больше нравится.

Мы поднимаемся наверх, следуя тропой, снова нырнувшей в стену леса.

Утихли все звуки. На первый план вышел стук моего собственного сердца: «Тук-тук...-тук-тук...». Что он означает? Может, сердце – это природный телеграф; выстукивает морзянкой древнюю мудрость, а мы не понимаем. Не слышим... За зелёной ширмой лиан показались коричнево-серые коньки крыш. Мы пришли. Захотелось замедлить шаг. «Тук-тук...-ты-жива...-тук-тук...-ты-жива...». Хорошо, что перед этим мы провели полтора дня в нижних деревьях. Иначе, окунувшись в эту благословенную атмосферу сразу после безумства цивилизованного мира, мы рисковали сойти с ума. «Ты-жива...-ты-жива...-ты-жива...». Мысли успокоились. Разложились по полочкам в алфавитном порядке и замолчали. Тишина. Восприятие обострилось, каждый звук в многоголосой симфонии джунглей, ощущался, как единственный – самый чистый и яркий. А фон для всего – биение моего сердца. И при этом – тишина. Наверное, примерно это мог ощущать Адам, впервые проснувшись в Эдеме. Кстати, Эча говорил, что баорийцы верят в то, что Адам был первым посланцем Бога на Землю, и от него и его жены произошли первые баорийцы, а затем и всё население Земли. Неужели эти люди хранят атмосферу Рая со дня сотворения Земли? А почему мои предки не сделали этого? Почему я родилась в роддоме и большую часть своей жизни провела в бетонной клетке? Баорийцы! Спасибо за то, что позволили мне прикоснуться к вашему Раю. Теперь я знаю, что хотела бы оставить следующему поколению землян. Я посажу для них сад. Я уеду из города, и никогда не вернусь в него.

Мы вошли в деревню. Здешние хижины внешне не отличались от тех, что мы видели внизу, но, присмотревшись, я не обнаружила ни одной шляпки гвоздя. Всё соединялось при помощи продуманной системы пазов и шипов.

На улицах никого не было, и, в поисках местных жителей, мы пересекли всю деревню, состоявшую из двух-трёх десятков бамбуковых домов. Миновав последнюю хижину, мы вышли на широкую вытопанную площадь, на противоположной стороне которой стоял на множестве тонких свай навес над очагом, длинным столом и лавками вдоль него. Мощёная тропинка уходила в лес, начинавшийся сразу за навесом. Мы не собирались идти дальше. Нам хотелось остаться здесь и понаблюдать за жителями, по возможности, не беспокоя их. Вернувшись к последней хижине, мы уселись на лавочку, и стали ждать. Казалось, в деревне нет людей – только светлые духи покоя и умиротворения обитают под широкими треугольными крышами, прогуливаются по узким мощёным улочкам, отдыхают на лавочках-завалинках. Как раз когда я представила себе, что рядом с нами сидит на лавочке древний дух, в тёмном проёме двери напротив, показались несколько силуэтов. На веранду вышли две женщины и девушка. Невероятно! У девушки была абсолютно белая кожа – как будто она никогда в жизни не видела солнца. Она не была болезненно бледной, напротив, всё в её внешности говорило о прекрасном здоровье – кожа была чистой и гладкой, тонкие чёрные брови, карие глаза, яркие губы. Красавица! Одежда всех троих была сшита из лоскутов белой и синей ткани. Женщины начали мелодично переговариваться. Я произнесла название деревни с вопросительной интонацией, чтобы уточнить, не ошиблись ли мы. Женщины утвердительно кивнули. Мы попытались объяснить, что хотим остаться здесь ненадолго, и посмотреть, как они живут. Но ответом было категоричное «нет».

– Ну хоть маленечко, одним глазочком? – умоляла я.

– Простите, нас, но таковы правила. Мы не можем позволить вам остаться здесь, – отвечала мне жестами

старшая из женщин.

Тогда я достала карандаш и нарисовала цветочки и деревья, птичек, солнышко и облака, для того, чтобы показать, что мы – хорошие. Так как другой бумаги у нас не было, рисовала я на наших разрешениях с печатями. Я показывала на незагорелую полоску кожи у себя на запястье, где многие годы носила наручные часы. Показывала на босые ноги, объясняла жестами, что нам не нужно ничего, что даёт цивилизация. Нарисовала город с высокими трубами заводов и многоэтажками, а потом перечеркнула это всё жирным крестом. «Города – плохо, Баори – хорошо! Нам не нужны города, нам нужны Баори! Разрешите нам хотя бы переночевать здесь!». А из груди рвалось: «Это же наш дом! Мы живём здесь, мы – ваши соседи!», но дух спокойствия укоризненно качал головой: «Обманывать – не хорошо, твой дом – Россия». Женщина задумалась. Она не знала, что с нами делать. В это время, со стороны полей подошла группа мужчин – все с мечами на поясах, вокруг бёдер обвязан короткий саронг, на голове повязка вроде шарфа или тюрбана. На большинстве – белые рубашки, остальные – с голым торсом. Они были невысокими, но стройными, атлетически сложенными, и имели тонкие черты лица. Старшая из женщин, сидевших напротив нас, рассказала мужчинам краткую предысторию, и замолчала. Я показала свои рисунки ближайшему мужчине, и прокомментировала их знаками: «Мы бы очень хотели пожить среди вас, поучиться». Но он отрицательно замотал головой: «Нельзя. Вам придётся уйти». Тогда мы с Димой перешли к плану «Б». Достали нашу тарелочку, положили в неё пакет лапши быстрого приготовления, и попросили кипятка – до заката оставалось меньше часа, может, удастся протянуть время, и остаться таки у них. Мне кажется, все поняли суть нашего манёвра, и заулыбались. Один из мужчин, поговорив с остальными,

знаками показал, что отведёт нас туда, где нам дадут кипятка. Также сопровождать нас вызвался молодой парень с длинными густыми волосами, такими же чёрными, как и у всех прочих баорийцев. Мы вышли из деревни по боковой тропе, не замеченной нами прежде, и углубились в лес. Поднявшись на очередной поросший густыми джунглями склон, минут через двадцать, мы вышли на маленькую лесную полянку. Солнце уже было близко к горизонту, и его лучи едва пробивались сквозь густую стену леса. До заката оставались считанные минуты. Под сенью высокого дерева на краю полянки пряталась аккуратная хижина с широким навесом, под которым стоял длинный стол с лавочками. За столом сидел мужчина. Он вышел из тени, чтобы поздороваться с нашими спутниками. Узнав, зачем мы пришли, мужчина скрылся в доме, через минуту вынеся ковшик, представлявший собой шарик кокосовой скорлупы со срезанной верхушкой, прикрепленный к длинной деревянной ручке. Содержимого одного ковшика как раз хватило на нашу тарелочку. Поблагодарив хозяина на его языке (нас Эча научил), мы, с довольным видом, накрыли тарелочку пакетом из-под лапши, и сели на предложенную нам лавочку. Лапша медленно разбухала в тарелке, а солнце быстро скрывалось за горизонтом. Итак, через десять минут наступит ночь. Теперь, очевидно, спать мы будем наверху. Возможно, если хотя бы одну ночь мои мысли пролежат на своих полочках, им уже не захочется разбредаться по закоулкам моего мозга, и я навсегда останусь такой спокойной, умиротворённой... счастливой. Небо плавно меняло свой цвет, каким-то чудесным образом переходя из насыщенного синего в фиолетовый. А ведь это чудо видно отовсюду. Но, может быть, с высоты холмов Баори его легче заметить. На фиолетовом небе появились первые звёзды. Мы не хотели задерживать наших проводников, а потому с лапшой

расправились довольно быстро, но, как только мы начали упаковывать нашу тарелку и ложки, хозяин дома вынес маленький глиняный чайничек и, уже знакомый нам, свёрток из высушенных банановых листьев. После того, как крепкий чёрный кофе перекочевал из чайника в наш стаканчик, хозяин вынул из ножен свой меч, развернул сахар, и накрошил его мечом в кофе. Оставшийся сахар он, знаками, предложил нам съесть вприкуску. Я не отрывала взгляда от меча. Да он же булатный! Тёмные волны покрывали всю поверхность клинка. Рукоятка была вырезана из дерева, и не имела гарды. Сейчас я пожалела, что на улице сумерки, и мне не удастся хорошо рассмотреть меч. Конечно, это не произведение искусства – он не украшен тонкой филигранью, а рукоятка не усеяна блестящими камнями, но он был по-своему красив и изящен. Нет, я не любительница холодного оружия, мало того, я в детстве до ужаса боялась ножей, но этот меч не был оружием. Эча верно сказал – это традиция.

Когда мы допили кофе, к хижине подошли несколько девушек. Вспоминая, как сложно рассмотреть темнокожих индонезийцев в сумерках, смею предположить, что у девушек кожа была белой, так как черты их лиц были легко различимы. Все они были спокойны, красивы и стройны, одеты в саронги и рубашки – либо белые с синими рукавами, либо синие, с белыми. На их руках я заметила браслеты, но девушки, не обратив на нас внимания, скрылись в тени навеса, и не позволили мне рассмотреть их украшения. Сев за стол, они принялись тихо обсуждать что-то. Наши проводники, дождавшись, пока мы упакуем наш стаканчик, жестами показали следовать за ними. Что ж, надо идти. Мы вышли из леса и оказались на рисовом поле. Мне стало грустно. Атмосфера безмятежного рая осталась позади. Видимо, мы покинули территорию верхних Баори.

Сумерки сгустились настолько, что мне пришлось замедлить ход, чтобы внимательнее смотреть под ноги – это ещё тропинка, или уже овраг? Дима шёл более уверенно – он хорошо видит в темноте, в отличие от меня. Что уж говорить о наших проводниках, которым, казалось, нет разницы – день на улице, или ночь – они быстро шагали по извилистой тропинке, лишь на поворотах останавливаясь, чтобы дождаться нас. Нижняя деревня, в которой нам предстояло провести ночь, находилась в десяти минутах ходьбы, но при этом от верхних Баори её отделяла бездонная пропасть. Как мир нижних Баори казался раем по сравнению с цивилизованным миром, так мир верхних Баори был раем по сравнению с миром нижних. Нас, вместе с проводниками, пригласили в одну из хижин. Хозяева зажгли керосиновую лампу и расстелили на полу циновки. В качестве угощения местные жители принесли спелые зелёные дурианы, которые, по нашему с Димой единодушному мнению, пахли пельменями. Внутри твёрдой колючей кожуры оказалась мягкая белая масса, напоминающая по консистенции дрожжевое тесто. Нам не понравилось. Как будто жуёшь раскисший сырой пельмень. Хорошо, что после дуриана всем принесли кофе с коричневым сахаром. Хозяин хижины вынес из соседней комнаты радиоприёмник и поймал какую-то местную радиостанцию. Под современную музыку, разбавленную эфирным шумом, обитатели этой хижины начали тихо переговариваться. Наши проводники сидели в стороне от всех и молча наблюдали. Неожиданно, бамбуковая дверь распахнулась, и в комнату вошёл парень, единственный из присутствующих баорийцев, одетый не в традиционные одежды, и без меча. Он достал из своей сумки две металлические баночки колы:

– Хеллоу, мистер, хотите колы? – спросил он по-английски, протягивая нам напитки.

– Нет, спасибо, – грустно ответила я.

– Недорого.

Нам и бесплатно не надо было. Я оглянулась на наших проводников. Старший пожал плечами: «Что, мол, тут поделаешь, это их выбор». Я посмотрела в глаза нашему новому собеседнику: чёрные. Он не похож на Баорийцев. И почему он родился здесь?

– Нет, спасибо, мы не пьем колу.

– Сувениры? Сумки «Баори»?

– Нет, нам ничего не нужно, спасибо.

– Помогите мне.

– Как?

– Английский учить.

– Зачем?

– Туристам помогать.

– Хорошо. Чем помочь?

Парень достал браслеты с логотипом «Баори», и начал показывать жестах и мимикой, добавляя известные ему слова на английском, чтобы выяснить правильное построение фразы: «Один браслет стоит десять тысяч, два браслета – двадцать тысяч, три браслета – двадцать пять тысяч», потом фразу: «Продам дешевле именно тебе». Потом он попросил меня досчитать от одного до ста, и записал всё с пометками на индонезийском, в своём блокноте.

– Ты говоришь по-индонезийски? – спросила его я.

– Да, я учусь в школе внизу. Там все говорят по-индонезийски.

Понятно. У Баорийцев нет своих школ. Их всему учит природа и семья. Наверное, поэтому они такие мудрые, красивые, здоровые и сильные. Выяснив у меня всё, что ему было нужно, парень ушёл. Я снова посмотрела на наших проводников. Спасибо вам, ребята, что не пустили нас к себе. Мы тоже инфицированы «цивилизацией». Нам здесь не

место. Не пускайте никого, не позволяйте нашему миру добраться до вашего. Берегите свой Рай. А мы будем строить свой. Где-нибудь в России. Пожалуй, нам уже пора возвращаться домой. Ничего лучшего, чем Баори, мы, наверное, уже не найдём. Возможно, всё наше путешествие было запланировано судьбой ради посещения этого поселения, знакомства с этими людьми... Что ж, оно того стоило. Хозяин дома выключил приёмник, и, унеся чешую дурианов, стаканы из-под кофе и циновки-скатерти, раздал всем присутствующим циновки-матрасы, которые внешне ничем не отличались от только что унесённых. Все, кто был в комнате, разлеглись по углам, и, после того, как мы с Димой растянулись посреди комнаты, кто-то погасил лампу.

Утром наш молодой проводник попрощался со всеми, и отправился наверх. Старший же дал понять, что настала пора спускаться. Мы поблагодарили хозяина хижины и пошли вниз. Через пару часов мы миновали пограничный мост, и вскоре подошли к дому Жарду. Он пригласил всех на завтрак с кофе. Наш проводник говорил с Жарду, как со старым другом, на них было приятно смотреть – оба были приветливы, улыбались, тихо смеялись над чем-то. Потом проводник посмотрел на нас, и представился:

– Карим. Я – Карим.

– Я – Лина, он – Дима, – ответила я, с улыбкой. Как здорово, что он представился.

– Вы хорошие, но другие. Не нужно ходить к нам, – сказал Карим, не то мимикой, не то телепатически.

– Мы больше не вернёмся. И никому не расскажем о вас, – ответил Дима тем же загадочным способом.

Я достала карту, нарисованную Эчей, и, в подтверждение Диминых слов, протянула её Кариму.

– Спасибо, – ответил он.

В глубине светло-карих глаз Карима мелькнула улыб-

ка. Казалось, он всё о нас знает, и почему-то, рад за нас. Я верю тебе, Карим. Верю, что всё будет хорошо.

Через час мы уже были у выхода из джунглей Баори. Где-то впереди кипела повседневная жизнь таких же простых людей, как и мы. Они решали насущные вопросы, готовились к завтрашнему дню, доказывали что-то кому-то, о чём-то беспокоились. Их беспокойство накаляло воздух и наполняло пространство тонким дребезжащим звоном, который можно услышать в редкие минуты тишины в городе. Но я теперь знаю, как звучит тишина. «Ты-жива... Ты-жива... Ты-жива...».

Глава 16. СТУДЕНТЫ, ВУЛКАНЫ И ДОЛЬМЭНЫ ОСТРОВА ЯВА

С парома мы выехали в огромном джипе Эчиного дяди, и помчались по пустой автостраде, не успевая читать цифры на мелькающих в свете фар, километровых столбиках. Вскоре мы въехали в столицу. Высоко над головой висела белая луна, освещая сонные улицы Джакарты. У дяди и тётки был собственный коттедж, а сам Эча, его брат и мать, жили в небольшом частном доме неподалёку. Ночевать мы все остались в коттедже. Нам с Димой выделили целую спальню, отправили мыться в душ, и, после душа, пригласили на чай во двор. Половину двора занимал пруд с рыбками, над которым возвышалась на коротких сваях, беседка в японском стиле. На полу беседки сидел Эча, он рассматривал колышущееся отражение луны в воде.

– Мне очень нравится это место, – сказал он, когда мы подошли к мостику, соединяющему беседку с газоном. – Посмотрите, над головой звёзды, и под ногами звёзды. Можно подумать, что мы в космосе. Добро пожаловать на борт космического корабля!

На полу космического корабля нас уже ждал фарфо-

ровый чайный сервиз и тарелка сладостей. Звёздная бездна располагала к философским разговорам, но печенюшки с чаем сбивали всю философию на непринуждённую болтовню.

– Хотите загадку? – неожиданно спросил Эча. – Загадку-шутку.

– Хотим! – воодушевилась я. – Люблю загадки.

– Представьте, что вы идёте по лесу. Узкая тропа, справа и слева – непроходимые джунгли. Вдруг, прямо перед вами выпрыгивает на тропу тигр. Что вы будете делать?

– Достану фотоаппарат, и буду его фотографировать.

– Но тогда он вас съест.

– Нет, мы уже встречали тигра в лесу. Если бы он хотел нас съесть, он бы не на тропу перед нами выскочил, а прямо на нас. Мы бы и испугаться не успели.

– Это не такой тигр. Он выскочил на тропу, посмотрел на вас, и теперь очень хочет вас съесть. Вам нужно догадаться как спастись.

– Я расскажу ему о преимуществах вегетарианства, и предложу съесть сочное манго! Я искренне считаю, что манго вкуснее меня.

– Нет, у тебя нет шансов на спасение, а у него – есть, – сказал он, показывая на Диму. Не забывайте, что это загадка-шутка, подумайте, что у него есть, а у вас нет.

– Разум?

– Нет – не разум. Думайте проще – может, подсказать?

– Борода? Усы?

– Сдаётесь?

– Нет, не сдаёмся. У Димы есть грозный бас! Он нарычит на тигра, тот испугается, и убежит.

– Нет, вы не догадаетесь. Я подскажу: нужно раздеться догола.

– ??

– Встать на мостик.

– Какой мостик?
– Это из гимнастики – когда ступни и ладони на земле, а тело выгнуто дугой, животом наверх.

– И что дальше?
– А дальше тигр подумает, что перед ним детёныш слона, испугается, и убежит.

Вот такие шутки у индонезийцев.

На следующее утро Эча провёл для нас краткую экскурсию по Джакарте, затянувшуюся до самого вечера. В одном из музеев, где рядом с картой Явы висели фотографии крупнейших вулканов, мы выбрали себе следующую вежу на нашем маршруте – это будет вулкан Такубан Праху (Tangkuban Perahu). Эча одобрил наш выбор, и добавил, что если в пути нам будут попадаться толпы студентов с рюкзаками, их нужно приветствовать словами «Салам Лестари!»

– А что это означает?

– Знаете приветствие «Салам Алейкум!»? Это означает что-то вроде «Аллах велик, да здравствует Аллах». А «лестари» – это «природа» по-индонезийски. Все студенты, которых можно встретить в кратере вулкана с рюкзаками – представители движения МАПАЛА, они ходят в походы, собирают мусор, сажают деревья. Я сам – МАПАЛА. В этом году мы начали высаживать мангровые леса в тех местах, где берег не укреплен – Индонезию смывает в океан – песчинка за песчинкой. Метры суши ежегодно уходят под воду, и, кажется, никого это не волнует, кроме МАПАЛА. Мы – как одна большая семья, разбросанная по разным островам архипелага. Наша общая цель – помочь природе. Поэтому мы и приветствуем друг друга: «Да здравствует природа!». Это как кодовое слово, что-то вроде: «Я – один из вас, я – свой».

– Здорово. Значит, МАПАЛА – это что-то типа индонезийского филиала «GREENPEACE»?

– Да, но только безо всякой финансовой базы. Мы – простые студенты. Мы сами ищем семена деревьев в лесах, чтобы потом высадить их на пустырях, за свой счёт организуем походы, чтобы познакомить молодых индонезийцев с природой. Важно показать им, как она прекрасна, и как нуждается в нашей помощи – видели бы вы весь тот мусор, что накопился в Индонезии за последние годы. Если студент своими глазами увидит, какой могла бы быть Индонезия, он уже не станет бросать мусор в окна автобусов, и, тем более – на тропинках в лесу, на пляжах. Конечно, «не вредить», это не то же самое, что «помогать», но, в данной ситуации, даже это существенно. Мы не можем бесконечно убирать мусор, но мы можем показать людям, какой ущерб они наносят природе. Как показала практика, говорить об этом бесполезно. Нужно, чтобы люди делали выводы на основе собственных наблюдений.

– И много вас?

– Много. При каждом университете есть офис МАПАЛА, а университеты есть в каждом крупном городе. На ежегодных встречах собираются ребята с Сулавеси, Калимантана, Бали, Суматры, других островов, они привозят отчёты о проделанной работе, делятся своими планами, и эти встречи каждый раз вдохновляют на дальнейшую работу именно потому, что я вижу, как нас много, и как много мы уже сделали. Мы ездим друг к другу в гости. Завтра утром приедет моя подруга – МАПАЛА с Бали, я пригласил её остановиться в моём доме. Если вы останетесь в Джакарте ещё на день, вы с ней познакомитесь. Вообще, я планировал сегодня представить вас моими друзьями – МАПАЛА из ближайшего университета. Вы ещё не устали ходить?

– Эча, когда на нас нет рюкзаков, мы не ходим, а ле-

таем. Пойдём к твоим друзьям!

Весь вечер мы провели в офисе МАПАЛА, слушая рассказы об их походах, рассматривая трофеи, привезённые с разных индонезийских островов, подарки других МАПАЛА. Нам было так интересно, что никто даже не заметил, как наступила ночь. Эча позвонил домой и сказал, чтобы нас не ждали – ночевать мы остались прямо в офисе.

Утром приехала Рэй – подруга Эчи. Жизнерадостная девушка с Бали привезла всем сувениры, даже нам с Димой досталось по яркому верёвочному браслету. Экскурсия по Джакарте продолжилась, на этот раз не только для нас, но и для Рэй. Вечером МАПАЛА пригласили нас всех на скалодром – при каждом университете есть своя секция скалолазания, почти все члены которой – МАПАЛА. Диму сразу облачили в обвязку и прицепили на страховочную верёвку. Страховщик – крепкий парень-индонезиец, натянул верёвку и с улыбкой сказал: «Ну, теперь карабкайся наверх». Хотя Дима и видел скалодром первый раз в жизни, и несмотря на то, что после Лаоса его левая рука лишилась цепкости ровно на 20%, он бесстрашно ринулся на вертикальную стенку и забрался метров на девять вверх – до начала горизонтальной стенки. После чего с триумфом долетел до земли на страховочной верёвке. Сам он, разумеется, результатом был не доволен (горизонтальную-то стенку не взял), но МАПАЛА утверждали, что это отличный результат, и о большем, для первого раза, и мечтать не стоит. Я, же, покорчившись на первых двух метрах в безуспешных попытках дотянуться ногами до удобных зацепов, сползла вниз в совершеннейшем восторге. Я поднялась почти на два метра! Здорово! Ну и что, что метр семьдесят три из них – это мой рост.

Нам очень полюбились Рэй, Эча и его друзья из университета. Но дорога звала вперёд, и на следующий день

мы решили продолжить путь. Офису МАПАЛА мы оставили в подарок красивую металлическую банку печенья, подаренную нам пару дней назад мамой Сиски; Рэй и Эче – монетки из России. Но, лишь когда пришла пора прощаться, мы поняли, насколько и мы стали дороги Эче. У него было любимое ожерелье. Выглядело оно довольно странно – на шнурке, обвязанном вокруг шеи, висели маленькие разнообразные предметы, включая обрывок верёвки, похожей на джутовую. Эча рассказывал нам об этом ожерелье: все эти маленькие предметы – подарки его друзей. Обрывок верёвки ему подарили баорийцы – они сами сплели её из коры какого-то дерева. Кусочек кожи с вшитым в него зелёным отполированным камнем – подарок друга с Калимантана. И так далее. Каждый из предметов был носителем тепла какого-то, дорогого Эче, человека. И на прощание Эча подарил своё ожерелье Диме. Мы лишились дара речи. Дима сказал, что не может принять такой дорогой подарок, но Эча ответил:

– Я всё равно никогда не забуду этих людей, а та доброта, которая вложена в это ожерелье, принесёт вам удачу в пути. Я сам не могу присоединиться к вам, но пусть хоть частичка моей души, заключённая в этом ожерелье, пройдёт предстоящий путь вместе с вами.

Тогда Дима снял свой кусочек кедра, с которым он не расставался уже много лет, и протянул его Эче.

– Это кусочек дерева, которое не растёт в Индонезии. Оно называется «кедр сибирский». Он с нашей Родины. И дерево это обладает особой целительной силой. Амулет этот я вырезал сам, когда жил на севере России. Я хочу, чтобы он остался у тебя, – перевела я Димины слова.

– Я не могу его взять. Ведь тогда вы лишитесь его силы.

– Нет, Эча, сила лишь приумножится, если ты примешь этот подарок. Я в этом уверен.

Эча взял амулет, и прижал его к груди:

- Я буду беречь его, как самый дорогой подарок.
Дима улыбнулся, и сказал по-английски:
– Спасибо тебе, и до свидания! Будь счастлив.
– Доброго пути вам! – ответил Эча. – Я уже счастлив.
Где-то я это уже слышала...

Мы вышли на трассу, соединяющую столицу с Бандунгом, городом, в тридцати километрах от которого находится вулкан Такубан Праху. За два дня мы добрались до подножия вулкана, и, шагая по асфальтированной дороге, с нетерпением ждали, когда же асфальт кончится, и мы, наконец-то, сможем идти по тихой лесной тропинке. Дождались. Шлагбаум через дорогу и будочка с кассиром. Вход стоит столько-то денег с человека, столько-то с автомобиля. Дорога ведёт прямо к кратеру. Я попросила разрешения пройти бесплатно, и дала обещание не только не мусорить, но и собирать мусор, который мы найдём. Кассир ответил по-английски: «Проходите, только быстро и тихо». Спасибо. Если бы нас не заметили, мы бы молча свернули в кусты и продолжили подъём параллельно дороге, всё равно собирая встречный мусор. Потому что это, по моему мнению, правильно.

Километров через десять дорога закончилась небольшой парковкой с несколькими туристическими автобусами да парой легковушек. Вдоль кромки кратера, в том месте, куда выходит асфальтированная дорога, стоял заборчик. Вся площадка перед заборчиком была занята людьми – туристами и торговцами. Туристы по очереди подходили к заборчику и фотографировали тонкую струйку дыма, вырывающуюся из недр вулкана. На дне кратера виднелась мутная голубовато-белая лужа, крутые склоны покрывал слой серо-чёрного вулканического пепла. Справа и слева от площадки стояли лотки с сувенирами и едой. Толкаясь среди туристов, мы нырнули в узкий проход между киосками, и

обнаружили целую торговую улицу, протянувшуюся на километр вдоль кромки кратера. Сплошные кафетерии, сувенирные лотки и киоски с разноцветными шарфиками, на случай, если на высоте кому-нибудь станет холодно. А вот и студенты с рюкзаками идут нам на встречу: «Салам Лестари!» – «Салам Лестари!». Как же здесь людно...

Мы свернули на тропу, по которой только что поднялись МАПАЛА, и вышли на узкий перешеек между двумя кратерами. Оказывается, Такубан Праху – двойной вулкан. Один из его кратеров покрыт рыхлым вулканическим пеплом и обсижен торговцами и туристами, а второй, значительно больший, возможно не кратер, а кальдера (котловина, оставшаяся после провала вершины вулкана), заросшая лесом. На дне второго кратера виднелось небольшое озерцо с прозрачной водой. Здорово! Пойдём туда! Нужно только найти удобный спуск. Я попыталась спуститься по склону, покрытому толстым слоем пепла, но он начал осыпаться под моими ногами, и я едва не улетела вниз. Мы снова поднялись к торговым рядам, и пошли по тропе, ведущей, по нашему мнению, в густой лес, скрывающий другой склон кратера. Но тропа неожиданно начала подниматься в гору, и привела нас к истоку горного ручья, обеспечивающего водой всю местную туриндурию. Ручей был пойман в огромный резервуар, из которого по трубам вода подавалась вниз – к кафетериям. Пополнив запас воды в двух пластиковых бутылках, привязанных к моему рюкзаку, мы были вынуждены вернуться на ту же тропу. На этот раз мы не пошли по ней до киосков, а миновав табличку «Опасно! Ядовитый газ!», свернули в лес в том месте, где, как нам казалось, мы сможем легко спуститься вниз. Продираясь сквозь заросли, к вечеру мы вышли на горизонтальный участок каменистого склона, где можно было поставить палатку. Неизвестно будет ли ещё такая удобная площадка, так что решили ночевать

вать здесь. Сложили костерок и заварили чай, потратив половину запаса воды – экономить не нужно, внизу будет озеро. Здесь я обнаружила, что во время форсирования джунглей, сильно исцарапала себе лицо. Сначала я этого не почувствовала, но со временем царапины начали болеть и чесаться. Утром, взглянув в наше походное зеркальце, я испугалась. Лоб и щёки были покрыты сеткой тонких красных царапин. И где это я так? Неужели мягкие травинки, хлеставшие меня вчера по физиономии, оставили такие следы? Ох уж мне эта тропическая флора. Никогда не знаешь, откуда ждать подвоха. Снова попив горячего зелёного чая, мы оставили воды ровно на одно скромное чаепитие, так как планировали вскоре выйти к озеру. Ни вчера, ни сегодня, мы ничего не ели. Никаких признаков грибов или плодовых деревьев замечено не было. К полудню, мы достигли дна кратера, и увидели родничок, бьющий маленьким фонтанчиком из-под земли. Вода была кристально прозрачной и выглядела весьма аппетитно, так что Дима, не задумываясь, набрал её в ладони, и выпил. Вдруг, скорчив страшную гримасу, он закашлялся, выплюнул воду, и, продолжая плевать, проговорил сквозь кашель:

– Не пей! Это серная кислота!

– Ты её проглотил?

– Да, немножко.

– Тогда ты сейчас растворишься.

Дима замер в ожидании, и, спустя несколько секунд спросил:

– Я ещё здесь?

– Здесь.

– Значит, не растворюсь. Это слабо концентрированная кислота, но пить её невозможно. Пойдём дальше.

Дима прополоскал рот и допил остатки нашей воды, чтобы сделать концентрацию кислоты в желудке поменьше.

Прошлой ночью мы спали на острых камнях, прикрытых тоненьким, уже во многих местах прорвавшимся, туристическим ковриком. Так что, увидев небольшую площадку ровного, мягкого песка, который не будет вонзаться в наши нежные исхудавшие бока, мы решили устроить в этом месте стационарный лагерь, откуда будем отправлять исследовательские экспедиции. Первая экспедиция в составе Дима+фотоаппарат, отправилась на поиски озера и пропитания. Наша палатка стояла практически в центре заросшего лесом кратера, а потому вернуться в неё из любой точки этого кратера не представляло труда. Вторая экспедиция, состоящая только из меня, отправилась гулять по округе. У всех деревьев были чёрные стволы и тёмно-зелёные листья, сухие и жёсткие, совершенно не аппетитные. Кажется, я проголодалась.

С одного из склонов, лишённого растительности, поднимались в небо четыре столба белого дыма – горячие вулканические газы вырвались из тесных пещер на свободу. Вулканологи говорят, что если газы выходят из-под земли, то нужно радоваться, что они нашли дорогу наверх, иначе – скапливались бы где-нибудь в каменных полостях, пока не создали давление, достаточное для взрыва. Так что я принялась радоваться за эти газы, сильно пахнущие серой, и отравившие воду в родничке... Так, а вдруг и в озере вода с серой? Это было бы логично – повсюду вдоль дымящегося склона виднелись бледно-жёлтые пятна сухой серы. Тогда мы остались без воды. Действительно, вернувшийся через пару часов Дима сообщил, что озеро тоже серное, как и все источники, которые он нашёл. Ничего съестного он не встретил, но заметил стаю чёрных обезьян, не пожелавших позировать для фотографии и скрывшихся в лесу. Если есть обезьяны, есть и еда для них. Значит, нужно лучше искать. До вечера искали еду, не нашли и легли спать голодными. А

мне, кроме того, хотелось пить. Лишь утром мы поняли откуда на дне кратера взялась такая ровная песчаная площадка – вся вода, что попадает в кратер с дождями и туманами, стекает по его склонам, смывая лёгкие частички грунта, и собирается на дне на том самом месте, где стояла наша палатка. Вода постепенно уходит в песок, оставляя идеально гладкую песчаную площадку. Так как пол нашей палатки уже давно был изрезан камнями, вода легко просочилась внутрь и промочила не только наши тоненькие одеялки и одежду, но и часть вещей, лежащих в рюкзаках. Ноутбук и фотоаппарат, предусмотрительно уложенные нами на рюкзаки, не пострадали. Пришлось полдня сушить всё на солнце.

Нам понравилось в кратере, здесь было тихо, спокойно и красиво, но уже серьёзно хотелось пить и есть, а потому мы решили подняться наверх как можно скорее – не по пологому лесистому склону, а по крутому каменистому, с осыпями из пепла и выходами серы. Мы шли, огибая дымящиеся провалы, так как вулканические газы на самом деле ядовиты. А мы и так достаточно ослабли – трое суток без еды, и сутки без воды. К вечеру мы поднялись на перешеек между кратерами. Пока я ставила палатку и оборудовала костровище, Дима пошёл за водой наверх – к истоку горного ручья. Сложив костерок из сухих чёрных веток окрестных деревьев, мы водрузили на него нашу тарелочку с водой и стали ждать славного момента, когда можно будет вдоволь напиться чаю. Но по мере горения веток, наш костёр начал источать всё менее и менее приятный запах, в конце концов, превратившийся в серную вонь. Похоже, всё в этих местах пропитано серой, в том числе и древесина.

Утром, выбравшись на торговую улицу, мы надеялись купить лапши и яиц, чтобы поесть в лесу, но так как улица была сугубо туристического уклона, основное меню в кафешках состояло из чипсов, содовой, гамбургеров и тому

подобного фаст фуда, то есть, совершенно несъедобных вещей.

– Эх, жареной картошечки бы сейчас, с грибами! – мечтательно произнёс Дима.

– Это точно. Давай закажем у Вселенной жареной картошки с грибами, – ответила я.

– Давай.

– Дорогая Вселенная, мы очень хотим жареной картошки с грибами, пожалуйста! – высказала я небу, протягивая к нему руки, надеясь, видимо, что сковородка с картошкой немедленно материализуется над моей головой. – ...И помыться, – добавила я, подумав.

Но небо безмолвно взирало на меня. Ну что же оно так, могло бы хоть облачком подмигнуть...

Мы вышли на асфальтированную дорогу и побрели по ней вниз. Пройдя пару километров, услышали за спиной звук приближающегося автомобиля.

– Может, автостопом до ближайшего города доедем? – спросила я Диму.

– Смеёшься? Кто нас таких возьмёт – все в вулканическом пепле, лица исцарапанные, глаза ввалившиеся. Не люди, а зомби.

– Ну, а вдруг, возьмут?

– Да неудобно перед людьми.

– Сил уже нет идти, давай попробуем.

– Ну, давай.

Я повернулась лицом к приближающемуся автомобилю и подняла руку. К моему удивлению, яркий Фольксваген-жук остановился и девушка-водительница, одарив меня лучезарной улыбкой, спросила на чистом английском:

– Вас подвезти?

– Да, если вас не смутит наш внешний вид, и тот факт, что мы не сможем заплатить за проезд.

– Не смутит. Садитесь!

Мы аккуратно расположились на задних сидениях, обхватив руками рюкзаки, чтобы те не касались чистой обивки. Рядом с водительницей сидела ещё одна девушка. Она повернулась к нам, и стала пристально рассматривать шрамы на моём лице.

– Откуда вы? – спросила она.

– Мы путешественники из России. Пришли в Индонезию пешком и автостопом, четыре дня блуждали в кратере Такубан Праху, там же испачкались и исцарапались.

Реакция на эти слова была, мягко говоря, неожиданной: девушки повернулись друг к другу, и, замахав руками, завизжали, после чего громко расхохотались. Что-то похожее делают блондинки в голливудских молодёжных комедиях, когда узнают хорошие новости. Мы с Димой удивлённо переглянулись. Заговорила водительница:

– Мы мечтали встретить настоящих путешественников! Ребята, может, погостите у меня некоторое время? У меня коттедж в центре Бандунга, места полно. Отмоетесь, отдохнёте. Согласны?

Я перевела заманчивое предложение Диме, и он, не раздумывая, ответил:

– Yes!!

– С огромным удовольствием, – добавила я.

Девушку-водительницу звали Мí та. В её коттедже жили две её университетские подруги – Астрí и Менí к, а также домработница, которую нам было велено называть «мбъэ», как, по словам Миты, называют всех старых дев на Яве. Но я решила не обращаться к домработнице вообще, так как произнести «мбъэ» так, чтобы оно звучало хоть сколько-нибудь прилично, мне не удавалось. Нам Мита выделила спальню с необъятной мягкой кроватью, и отдельным туалетом и душем. После того, как мы отмылись и по-

стирали всё снаряжение и одежду, развесив их сушиться на заднем дворе, Меник сварила нам кофе.

– Вы пьёте кофе с таким видом, как будто это самый вкусный напиток в мире, – сказала она, глядя на меня.

– Просто мы четыре дня не ели, и сейчас мне действительно кажется, что это самый вкусный напиток в мире.

– Что же вы сразу не сказали, что голодны! Сейчас я сбегая на рынок, куплю еды. Что вы любите?

– Жареную картошку с грибами. Если никто не будет против, мы бы хотели приготовить ужин для всех сегодня. Ты сама любишь картошку с грибами?

– Я не пробовала никогда такого блюда, но, думаю, все будут только рады. Что вам для этого нужно?

Вечером мы нажарили огромную сковородку картошки с грибами. Чтобы отведать русской кухни, собрались не только три обитательницы этого дома, но и их друзья. Еда всем понравилась, но, по общему признанию, она была слишком сытной. Здесь привыкли к более лёгким блюдам. Наконец-то, мы с Димой наелись досыта, и счастливые, отправились спать в мягкую, чистую постель. Вот такое простое счастье.

Разбудил нас, в десятом часу утра, стук в дверь – Мита вызвала меня на конфиденциальный разговор:

– Лина, у нас тут намечается мероприятие только для девочек – мы едем в спа-салон. Поехали с нами.

– А что делают в спа-салонах?

– Увидишь. Это сюрприз.

Я сообщила Диме, что уезжаю в загадочный спа-салон, и оставляю его одного, он ответил из-под одеяла: «Уху», и снова уснул.

В спа-салоне, оказывается, делают массаж в четыре руки, вымазывают всякими кремами, и закупоривают в мини-сауну, из которой торчит только твоя голова, а остальное

тело, предварительно намазанное молоком, распаривается на водяной бане. Причём кабинка мини-сауны рассчитана на низеньких индонезиек, а потому мне пришлось скорчиться в кошмарно неудобной позе, чтобы поместиться в неё. Но я всё равно была бесконечно счастлива. Просидев в этой кабинке вдвое дольше, чем девочки, я, с трудом выпрямляя скрученный в каральку позвоночник, отвесила низкий поклон Мите. Баня! В Индонезии! Вот это подарок, так подарок.

Дима заболел. Малярия. Не желая беспокоить девочек, мы им ничего не сказали. То, что Дима не выходит из спальни, оправдывалось его усталостью. В один из дней, когда Дима чувствовал себя не так плохо, Мита устроила нам экскурсии в обсерваторию и институт, в котором учились девочки. Я обожаю обсерватории, наверняка, одну из прошлых жизней я провела под этим огромным телескопом, крутя эти восхитительные маленькие ручки, направляя линзы на дальние туманности, в надежде поймать момент рождения сверхновой звезды! На стенах обсерватории висели фотографии туманностей и галактик различных видов. Какие цвета, какие совершенные формы! Залюбовавшись видом туманности Конская Голова, я не заметила, что все мои спутники направились к выходу. Меня пришлось выводить из обсерватории, как маленького ребёнка – за руку.

В институте мы встретили Астри, после занятий она ходила в секцию традиционного танца, и сейчас, вместе с дюжиной других студентов, танцевала в холле. Она помахала нам со своего места, и продолжила кружиться со всеми. Мы не стали отвлекать её и пошли в другие секции. Здесь, по словам Миты, весь досуг организуют сами студенты. Например, приезжают в институт десять студентов из бамбуковой деревни на Сулавеси. У них своя культура, свои танцы, даже свои инструменты музыкальные. Институт выде-

ляет им комнату, помогает приобрести необходимые инструменты, и ребята собираются по вечерам, чтобы поиграть на родных инструментах и потанцевать традиционные танцы. Сначала вдесятером, а потом, глядишь, кто из городских студентов присоединится. Секций очень много, ведь Индонезия была собрана из множества отдельных стран-островов. Нам продемонстрировали индонезийский вариант гуслей, и один паренёк даже весьма умело сыграл на них. В одной из комнат две девушки танцевали с тарелками под ритмичный барабанный бой. Мита сказала, что в тарелках должно быть горящее масло, но на репетиции они танцуют с пустыми тарелками – из соображений безопасности. В другой комнате ребята не просто устроили нам настоящий концерт, но и научили Диму барабанить в генданг – местный двусторонний барабан. Мы были в восторге. Так хотелось отблагодарить всех за их доброту... И я решила подарить им песню на русском языке. Не смейтесь, пожалуйста, те, кто знает, что пою я не особенно хорошо.

Просто у нас не было ничего, что мы могли бы оставить им, а спетая от души песня досталась бы всем сразу. И я спела «Медленно минуты убегают вдаль...». Всем понравилось, а один мальчик спросил:

– Это, наверное, песня о любви, уж очень красиво.

Распрощавшись со студентами, мы вернулись к Митиной машине, и вскоре сидели в гостиной у неё дома. Доставая из сумки ноутбук, Мита сказала: «Это уже третий мой компьютер за время учёбы в институте – два предыдущих вытащили из машины, пока я была на занятиях. Теперь вот, таскаю его везде с собой. Сейчас я покажу вам, чем я занимаюсь». Дождавшись, когда загрузится система, она откры-

ла презентацию:

– Вот. Это мой проект – волновая энергетика! Я построила действующую модель в натуральную величину, и запустила её в Яванском море – вот фотографии с базы, где мы жили, пока устанавливали оборудование. Представьте, спать приходилось прямо на полу в спальнях мешках! А вот и сама модель. Это гигантский поплавок, который волны поднимают вверх, и, затем, опускают вниз. За счёт этого перемещения мы получаем электроэнергию. Не буду говорить, как именно, это секрет. Вот графики, которые показывают, что два таких поплавка обеспечат электроэнергией какую-нибудь автономную станцию, или даже небольшую деревню! И никаких отходов!

– Восхитительно, Мита! Альтернативная энергетика, это по-настоящему перспективное дело – люди, рано или поздно, поймут, что уголь и нефть не бесконечны!

– Я прекрасно это понимаю. Мой отец – нефтяной магнат. И я не хочу наследовать его дело и продолжать опустошать недра Земли. Я постараюсь продвинуть свой проект и добиться его внедрения, как минимум, на национальном уровне.

– Мита, ты молодец! Так держать! Я действительно восхищена тем, что ты нашла достойное применение тем возможностям, которые даны были тебе при рождении. Ведь очень многие на твоём месте, просто проматывали бы папино состояние, ничего не меняя в мире. Bravo!

Честно говоря, меня шокировал проект Миты. До этого разговора она мне казалась избалованной девочкой, развлекающей себя учёбой в институте и отмытием русских путешественников. Что ж... если и есть в ней доля избалованности, то это, возможно, неизбежная плата за то, чтобы быть дочерью нефтяного магната. Раньше я была просто благодарна ей за доброту, а теперь – прониклась искрен-

ним уважением. Успехов тебе, Мита! Пусть все твои мечты станут реальностью!

Мы прогостили у Миты четыре дня, по истечении которых она отвезла нас на трассу. Прощание было тёплым и, как обычно, долгим. Мита сказала, что была счастлива познакомиться с нами, и она искренне восхищена нашим мужеством. А я ответила, что мы несколько не достойны восхищения, что мы просто бродяги, собирающие себя по кусочкам в этом мире. А вот она, человек, который своей добротой меняет мир к лучшему, истинно, достойна восхищения. И петушка и кукух, здесь совсем ни при чём. Обняв нас по образцу классических голливудских прощаний, Мита поехала домой, а мы пошли на восток. Через три дня мы добрались до подножия вулкана Мерапи, значащегося вторым и последним в списке интересных нам достопримечательностей, который мы составили в музее Джакарты.

Мерапи был бесплатным вулканом, на его вершину вела тоненькая тропинка, на которой мы снова встретили несколько групп МАПАЛА, и, слава местным духам, не увидели ни одного праздного туриста или торговца. Подъём занял всего около четырёх часов. Отыскав на склоне, в нескольких сотнях метров от кратера, ровную площадку, мы разбили лагерь. Сам кратер Мерапи меня не интересовал. Со склона открывался восхитительный вид на толстый слой облаков под ногами, из которого то здесь, то там выглядывали вершины гор и других вулканов. Мне этого было более чем достаточно. Дима же, закутавшись во всю свою одежду (на вершине было довольно холодно), отправился изучать кратер. Вернулся через час – замёрзший и голодный, едва не задохнувшийся от вулканических газов. Вот такие они, мальчишки – только что его лихорадило, три дня пластом пролежал у Миты, а теперь его снова тянет на приключения. Всё-таки, путешествия, видимо, удел мужчин. Мита откор-

мила меня в кафе и ресторанах, так что сил у меня, по идее, должно было быть больше, чем у Димы, но мне не хотелось больше никуда идти. Хотелось начать что-то делать. Создавать что-то прекрасное, точнее – выразить то прекрасное, что я чувствую, и привнести это в материальный мир. А для этого мне было нужно место. Одно, постоянное место. Я сказала об этом Диме.

– Почему ты считаешь, что для этого тебе нужно постоянное место? – спросил он.

– Творчество привязывает к мастерской. Моё творчество требует оседлости.

– Творчество нельзя привязывать. Научись творить в пути. Иначе – чем будут наши устремления отличаться от устремлений людей, живущих в рабстве стереотипов? Только тем, что они мечтают о квартире и машине, а мы – о доме и саде?

– Но я хочу создать что-то материальное. Для того самого человечества, которое не верит в сказки. Пусть люди увидят, что есть другой путь. Построим не просто дом, а прекрасный саманный дом в лесу. Для этого необходимо жить где-то.

– Так много людей сейчас живёт «где-то». Скажи, почему они не создают ничего прекрасного, если у них есть то самое «постоянное место»?

Они просто не знают о том, что они могут творить красоту. Их научили, что строить можно только из кирпича и бетона, вот они и клепают одну бетонную коробку за другой. Их приучили одеваться в то, что продаётся в магазинах, вот они и одеваются...

– Кто их приучил? Они сами сделали этот выбор – не думать своей головой, а делать то, что им скажут. Принято у них так – рождение, школа, институт, свадьба, работа, пенсия, похороны. Всё. Не нужен никому из них саманный дом

в лесу.

– Дом нужен мне, а им нужна красота. Помнишь, Эча говорил, что людям нужно позволить самостоятельно делать выводы. Когда они увидят этот дом, они сделают выводы.

– Ну, тогда давай вокруг саманного дома мы посадим прекрасный сад. Против такого, точно никто не устоит, – Дима улыбнулся, и обнял меня. – Но, на данный момент, чтобы строить прекрасное, тебе не нужно место. Рисуй наш дом в мечтах. Продумывай каждую деталь, и ты построишь его. Это как с материализацией жареной картошки с грибами – стоит по-настоящему её захотеть, представить, как следует, и она не заставит себя ждать.

Ночь над облаками (на высоте около 2900м над уровнем моря) была очень холодной. Стуча зубами, утром мы выбрались из палатки, чтобы заварить горячего чая. Пока я занималась костром, Дима окоченевшими пальцами развернул карту Явы, подаренную студентами Мучсина, и положил на неё компас. Оказалось, что дольмен, поисками которого мы собирались вскоре заняться, находился совсем рядом, и единственным препятствием на пути к нему был крупный город Суракарта. Допив чай, мы сложили палатку и отправились вниз.

За день нам не удалось миновать Суракарту. Уже после заката, мы увидели возле дороги широкие ворота, над которыми большими буквами было написано много индонезийских слов, включая «UNIVERSITAS». Значит, университет... А что есть при каждом университете? Правильно, офис МАПАЛА. Эча говорил, что МАПАЛА – как одна семья, и они всегда принимают, как родных, всех «своих» людей. Спросив у охранника дорогу, мы без труда отыскивали офис, в котором сидели за одним компьютером двое парней и девушка.

– Здравствуйте, мы путешественники из России, странствуем по свету без денег. Сегодня мы не успели выйти из города, и нам негде переночевать. Мы уже ночевали в офисах МАПАЛА в других городах, поэтому и зашли к вам, увидев с дороги вывеску университета. Нам ничего не нужно для ночлега, кроме двух квадратных метров пола. С рассветом мы уйдём. Но если вы сами не собираетесь здесь ночевать, мы, конечно, пойдём дальше.

– Что вы! Проходите, пожалуйста, присаживайтесь на матрасы, – ответила нам девушка, вставая со своего места. – Меня зовут Мунік.

– А меня Джон, – представился один из парней. – Вы голодны? Я могу сходить за ужином, если хотите.

– Нет, благодарим, мы не хотим отвлекать вас. Просто посидим в углу. Спасибо.

Я подумала: «Ну вот, опять людей потревожили, опять о чём-то просим, и нам не отказывают. Они заслуживают большего, чем просто общение со мной. Не настолько я интересна, насколько они добры».

В этом месте придётся пояснить причину столь неожиданно обострившейся скромности. В годы учёбы я часто побеждала в различных олимпиадах и соревнованиях, из-за чего считала себя чрезвычайно сильной и умной. Красный диплом инженера-кораблестроителя и недописанная диссертация по гидродинамике усугубили ситуацию. Гордыню легко раскормить подобными вещами, но реальные испытания быстро ставят всё на свои места. Меньше чем за месяц странствий я поняла, что я не сильная, чуть позже – что не умная, ещё позже – что не мудрая. И так далее. Каждое новое «приключение» открывало новую грань меня. Я считала себя закалённой, так как пару раз в 30-и градусный мороз облилась на улице холодной водой. Однако тем утром на Мерапи я сильно замёрзла, и это стало последней кап-

лей. Я увидела глубину своего самообмана. Моя завышенная самооценка рухнула с собственной вершины, и, похоже, вдавилась в пол, опустившись значительно ниже плинтуса.

Мы сели на матрас, лежащий в углу комнаты, и при- тихли. Муник с Джоном, посоветовавшись, оставили нас на попечение своего молчаливого товарища, оставшегося у компьютера, а сами куда-то ушли, пообещав вскоре вернуться. Вернулись они с большой коробкой жареников. Это мы так прозвали жареные в кляре бананы, картошку, кассаву и другие фрукты-овощи, продаваемые на каждом углу на Яве. Ужинали мы впятером, и во время трапезы ребята задавали нам классические вопросы о нашем путешествии. Лишь один вопрос меня порадовал тем, что его, прежде, никто не задавал:

– А зачем вы хотите найти именно тот дольмен? – спросила Муник.

– Может, это он хочет нас найти? И это он заставил нас проделать такой долгий путь, только для того, чтобы о нём узнали люди.

– Здесь, на Яве, люди верят в духов. В том числе, в духов дольменов. И то, что вы так ответили, означает, что и вы верите в духов. Я помогу вам найти ваш дольмен, – сказал Джон.

– И я, – добавила Муник. – Завтра я позвоню своей подруге, она археолог, преподаёт в Джокьякарте, возможно, у неё есть какая-нибудь информация о вашем дольмене.

На следующий день, Джон и Муник уговорили нас остаться в их офисе ещё на сутки – им нужно время, чтобы собрать информацию. Но о дольмене из песчаника, на Яве никто никогда не слышал. Джон достал для нас фотографии дольмена, находящегося на склоне ближайшей горы. Он был сложен из каменных кирпичей, и совсем не походил на наш дольмен. Значит, проводник-индонезиец, встреченный

нами в Куала-Лумпуре, ошибся. Но, возможно, наш дольмен находится в другом месте? Подруга Муник пригласила нас в библиотеку её университета, где были собраны фотографии всех найденных на острове дольменов – возможно, мы узнаем его.

Ребята отвезли нас на поезде в Джокьякарту, где, в специальной библиотеке кафедры археологии, подруга Муник, сообщила нам следующее:

– Тема моей дипломной работы была, как раз, «дольмены острова Ява». Я объездила большую часть мегалитов острова, и могу с уверенностью сказать, что на Яве нет дольменов из песчаника. Климат у нас такой – песчаник бы размыло за тысячи лет. Даже если когда-то ваш дольмен существовал, то сейчас от него осталась лишь горстка песка. Все мегалиты Явы сделаны из вулканических пород. Вот наш альбом с фотографиями дольменов и менгиров. Полистайте, возможно, вы найдёте то, что ищете, тогда я вам точно скажу, как добраться до этого места.

Мы пролистали весь альбом. Безуспешно. Ничего, похожего на дольмены Краснодарского края, там не было. Да, мегалиты с пустотами внутри, да, большинство – с круглыми отверстиями, такого же примерно диаметра, как и у наших дольменов, но совершенно других форм. Некоторые были разрушены до основания, но ни одной прямоугольной плиты, как у наших дольменов, мы не увидели. Что ж, видимо, тот гид соврал. Жаль, что Муник и Джон на нас столько времени потратили. Ладно, отправимся к местным дольменам, отдадим им дань уважения. Посмотрим, как за ними ухаживают местные жители... Начнём вот с этого симпатичного дольмена.

– Где он находится?

– Возле Бондовосо, там много дольменов. Расспросите местных жителей, они покажут вам дорогу.

– Спасибо. Можно задать Вам, как археологу, последний вопрос?

– Конечно.

– Что такое дольмен?

– Это древняя гробница. В них до сих пор находят останки людей.

– А теперь последний вопрос к Вам, как к человеку: что такое, по вашему личному мнению, дольмен?

Девушка, явно, растерялась. Подумав, она ответила:

– Ну, вообще-то я согласна с официальной версией. Я и сама скелеты людей раскапывала в дольменах. Там и подношения были для умерших – глиняные бусы, горшки. Да, я думаю, что дольмены – это гробницы.

– Спасибо Вам большое. Вы очень помогли нам. Будьте счастливы.

– Удачи вам!

Вместе с Джоном и Муник, мы вышли из университета. Ребятам нужно было ехать домой, в Суракарту, и они предлагали нам ехать с ними на поезде, но мы не могли больше позволить студентам тратить на нас деньги. Нам жаль, что они на свои-то билеты деньги тратят. Мы уж как-нибудь доберёмся. И вот, очередное прощание...

Снова мы на трассе вдвоём. Или нет? Сколько людей идёт, незримо, вместе с нами, сколько пар невидимых ног отмеряют каждый километр пыльных дорог? Эча, Мита, Муник и Джон, Черри и Аом, Вачара Вачаробл, Срай, наши друзья, оставшиеся в России... почему мы чувствуем ваше присутствие? Потому что вы с нами. Где бы мы ни были. Спасибо вам за это. Спасибо за то, что живёте в моём сердце. Будьте счастливы.

Глава 17. ПЯТЬ ЛЕТ ТЮРЬМЫ???

Мы в ответе за каждое наше действие... и за бездействие.

Отшельник Георгий Жуков

Бондовосо – это небольшой городок, расположенный на востоке Явы. Нас от него отделяло чуть ли не полуострова. Когда мы сообщили водителю, подобравшему нас на трассе, о том, что мы держим путь в Бондовосо, он сказал:

– Жаль, вас расстраивать, ребята, но, боюсь, вам туда пешком не пройти. По крайней мере, не по главной дороге. Эта дорога приведёт вас в порт Сурабая, второй по величине город Индонезии. А оттуда сейчас нет выхода. Все дороги затопило пульпой. Там нефтяные поля были. Нефть выкачали – образовались подземные пустоты, которые постепенно заполняла дождевая вода. Небольшое землетрясение, и сотни деревень, вместе с дорогами, провалились. Из-под земли забились фонтаны пульпы, состоящей из грязи, воды и нефти. Катастрофа. Хорошо, что город не задело. А то число жертв могло бы исчисляться тысячами. Вы уверены, что хотите ехать в Сурабаю?

– Да, уверены. Если мы не сможем уйти оттуда, то уплывём. Из Сурабаи ходят грузовые суда в другие порты Индонезии. Не попадём в Бондовосо, значит, попадём в какое-нибудь другое место.

– Вам что, не важно, куда ехать?

– Мы просто верим судьбе. Сейчас судьба подсказала нам ехать в Бондовосо, вот мы и едем.

– А куда бы вы сами хотели?

– Если честно – домой.

За двадцать километров до Сурабаи, мы распрощались с этим водителем, и пошли искать грузовой порт. К ве-

черному намазу мы едва добрались до центра необъятного города. На ночлег решили попроситься в одну большую мечеть, с минаретов которой, как раз, звучал призыв к молитве. Роль муэдзина успешно играли пучки громкоговорителей – по три на каждый минарет. Мы сняли рюкзаки, и сели на широких ступенях перед мечетью. Пожилой мужчина, проходивший мимо, остановился, внимательно посмотрел на нас, и спросил по-английски:

– Вы путешественники?

– Да, мы путешественники из России.

– Из России! Мой сын был бы счастлив познакомиться с вами! Я хочу пригласить вас в гости. Вы ведь ночлег ищете, не так ли?

– Да, это так. Мы хотели попроситься переночевать под навесом этой мечети.

– Что ж, Аллах милостив к вам! Сегодня вас ждёт горячий ужин и мягкая постель. Пойдёмте со мной.

Этот мужчина, вместе со своим сыном и его женой, жил в большой городской квартире рядом с мечетью. Сыну, на вид, было около тридцати лет, он сидел на диване и смотрел телевизор, когда мы вошли. Пожилой мужчина представил нас:

– Эко, это путешественники из России; путешественники, это мой сын Эко. Он писатель.

– Русские! – радостно воскликнул писатель, и добавил, уже серьёзно: – Я мечтаю выучить русский язык, и прочитать труды Ленина в оригинале. Русские – великий народ, а Ленин был настоящим героем.

Эти слова нас очень удивили.

– Эко, почему ты считаешь Ленина героем?

– Но ведь это он поднял людей на ТАКУЮ революцию! Он смог кардинально изменить жизнь огромной страны. Я много читал о Ленине. И даже сам написал книгу о

нём, на индонезийском языке. Я хотел, чтобы мои соотечественники больше узнали о вашем великом вожде.

– У нас на Родине не все считают его героем.

– Конечно, у героев прошлого всегда есть враги, которые стремятся опорочить их память. Жаль, но многие недостаточно осведомлённые люди верят лжи врагов, и герои постепенно забываются.

– Ленина не забудут. Через тысячи лет археологи будут раскапывать руины наших городов, и на каждой центральной площади будут находить его статую.

– Он этого достоин. Таких людей нужно помнить.

Пафосный тон, которым Эко произнёс последнюю реплику, совершенно сбил меня с толку. О чём говорить, если у него уже сформирован чёткий образ Владимира Ильича, и создан этот образ ни кем иным, как профессиональными идеологами коммунизма. Теми самыми, которые придумали ввести обязательными дисциплинами в институтах «научный коммунизм» и «полит. экономию», и даже написали к ним соответствующие учебники. Мне ли противостоять таким гигантам мысли? Я скромно замолчала, принявшись разглядывать корешки книг, стоящих на ближайшем стеллаже. В это время жена Эко принесла ужин и пригласила нас за стол.

Куда вы держите путь? – спросила она, расставляя тарелки с соусами и овощами вокруг большой чаши с рисом.

– В Бондовосо.

– На поезде поедете?

– Нет, пешком пойдём. Может, подвезёт кто-нибудь по дороге. Мы без денег путешествуем.

– Пешком не пройдёте. И не подвезёт вас никто. Там сейчас дорог нет – затопило всё. Открыли какую-то объездную, но она очень длинная и плохая, машины на ней сутками в пробках стоят, – подтвердил Эко слова нашего послед-

него водителя.

– Тогда завтра в порт пойдём, попробуем уплыть куда-нибудь.

– Что вы! – воскликнула жена писателя. – Поезд стоит копейки, и на нём вы легко проедете затопленный участок. Железнодорожная насыпь высокая, её нигде не смыло.

– У нас правда, совсем мало денег, и мы допускаем, что они все понадобятся для получения австралийской визы в Восточном Тиморе.

– Тогда мы купим вам билеты. Они, на самом деле, очень дешёвые.

– Что мы можем сделать для вас, в знак благодарности? – спросила я Эко и его жену.

– Расскажите о Советском Союзе, – ответил Эко с улыбкой.

В меру своей эрудиции я рассказала ему о Советском Союзе, о комсомоле, о ГУЛАГах, о врагах народа и талонах на сахар... По-моему, Эко мне не поверил...

На следующее утро, жена писателя отвела нас на железнодорожный вокзал. Пока мы ждали поезда, направляющегося в город Джембер (находящийся менее чем в часе езды от Бондовосо), она показала нам открытый грузовой вагон, на котором выросли кусты и деревья – так давно он стоял без дела на запасных путях.

– Клумба на колёсах, – прокомментировала я это зрелище.

– Этому поезду около восьмидесяти лет. Как, в прочем, и большинству поездов на Яве. Индонезия стала независимой страной только в 1948 году, до этого она долгое время была голландской колонией, так что и железную дорогу, и этот вокзал, также как все старые поезда, построили голландцы. Когда они уехали, всё это добро досталось нам. Все специалисты уехали, индонезийцы были лишь обслужи-

вающим персоналом. Так что, ремонтировать вагоны мы не умели, и если возникали какие-то проблемы, вагон ставили на запасные пути, где он, постепенно, превращался в клумбу. Все эти годы, поезда подвергались лишь косметическому ремонту, другими словами – мы их просто красим иногда, – девушка засмеялась. – Думаю, именно поэтому, железнодорожные билеты такие дешёвые.

Поезд прибыл по расписанию. Мы залезли в общий вагон, помахали сквозь пыльное окно жене писателя, и отправились в Джембер. Ехать нам предстояло шесть-семь часов. Все места в вагоне были заняты, и, как это ни прискорбно, большинство пассажиров активно курили всю дорогу. Уже в конце поездки напротив нас сел молодой индонец, сразу же воскликнувший:

– Хеллоу, мистер-р-р! Как ваши дела?

– Хеллоу. Плохи наши дела. Мы задыхаемся от табачного дыма.

– Почему? – удивлёно спросил парень, раскуривая сигарету, и пуская дым мне в лицо.

– Потому что мы не курим.

– Хотите закурить? – спросил он, протягивая нам пачку сигарет.

– Нет, спасибо, мы вообще не курим, и не хотим курить, – ответила, раздражённо, я.

– Вы, случаем, не американцы?

– Нет, мы русские.

– Это хорошо. Не люблю я американцев. Они слишком агрессивные. Знаете, я недавно встретил одного очень невоспитанного американца. Я поздоровался с ним на улице, а он ударил меня кулаком в лицо. Представляете?

– Представляем. У американцев, как и у большинства других людей, не принято кричать в ухо: «Хеллоу, мистер!», первому встречному. Может, он тебя испугался, решил, что

ты напасть на него хочешь, вот и принялся защищаться.

– Тогда, наверное, он был трус. Все так здороваются, это нормально. Что тут страшного?

К сожалению, я очень хорошо понимаю того американца. Когда по сто раз в день слышишь эту осточертевшую фразу, рано или поздно, действительно можно сорваться. Это у нас с Димой нервов уже не осталось, а если кто-то из своей уютной Оклахомы, сразу прилетает в Индонезию, получая лошадиную дозу местного гостеприимства, у него действительно, может возникнуть острое желание врезать по дружелюбной физиономии. Что уж тут скрывать... у меня тоже такое желание иногда возникало.

В Джембер мы приехали поздно вечером и сразу отправились искать университет – мечети и церкви уже были закрыты. Наше внимание привлекло сияющее жёлтыми гирляндами кафе под открытым небом, все столики которого были заняты; в основном – молодёжью.

– Здравствуйте, не подскажите, где здесь ближайший университет? – спросила я у группы ребят, сидевших за крайним столиком.

– Нет, извините, мы не знаем.

Жаль. К нам подошли двое мужчин, один – лет пятидесяти, другой лет сорока. Оба очень хорошо одетые.

– Вы ищите университет? – спросил старший из них.

– Да, ближайший, с офисом МАПАЛА.

– А название его вы знаете?

– Нет, мы никогда прежде не были в Джембере, и не знакомы ни с кем здесь, но мы уже не раз останавливались у МАПАЛА в других городах. Мы хотим переночевать у них.

– Университет есть в паре кварталов отсюда, идите в том направлении, и ищите высокие ворота со словом «UNIVERSITAS».

– Спасибо Вам! – я сложила руки у груди, и слегка по-

клонилась. – Всего доброго!

Мы пошли по дороге в указанном направлении. Спустя минуту, наш недавний собеседник догнал нас на джипе, за рулём которого сидел его молчаливый спутник.

– Садитесь, я подвезу вас! – сказал через опущенное окно старший из мужчин. – Вдруг, студенты не разрешат вам переночевать у них, тогда я помогу вам найти другое место.

Вскоре мы вышли у ворот университета. Наши новые знакомые проводили нас до офиса МАПАЛА. Студенты с радостью выделили нам для ночлега широкую полку над дверью, и предложили всем прибывшим поужинать с ними, но наши спутники сказали, что не хотят злоупотреблять гостеприимством, и даже заберут с собой нас с Димой, чтобы накормить ужином, а потом вернут обратно – сытых и довольных. В качестве залога, как гарантию, что нас вернут, студенты предложили оставить в их офисе наши рюкзаки. Хочу заметить, так, к слову, что ни один МАПАЛА, ни разу, не крикнул нам «Хеллоу, мистер!».

Когда мы вернулись в джип, старший из мужчин представился:

– Меня зовут Абдулла Рашид Маджид, вот моя визитная карточка. Я – председатель Джемберского отделения Банка Индонезии. Сейчас мы заедем ко мне домой, поменяем машину и поедем к одному мастеру лапши. Он приготовит вам восхитительный ужин.

Жил Абдулла Рашид Маджид в шикарном особняке, в необъятном гараже которого стояли три автомобиля. Нас провели в гостиную и предложили подождать, пока хозяин переоденется. Когда Абдулла вышел в новом костюме, он сказал:

– Вы можете забрать рюкзаки у МАПАЛА и переночевать у меня – здесь пять спален, и все пустые. Моя жена с

сыном сейчас живут в Джакарте. Я здесь один. Буду рад принять гостей.

Честно говоря, в этом доме было страшно прикасаться к чему-либо. Каждый элемент дизайна воспринимался, как музейный экспонат. И нас, таких пыльных, пропитанных сигаретным дымом, пускать в этот музей? К тому же, нас ждали студенты. Мы поблагодарили хозяина, и, единогласно, отказались.

– Ну, тогда, поехали к мастеру лапши!

Мастер лапши стоял за стеклянным прилавком на колёсах, и что-то варил на газу. Его прилавок располагался на тротуаре, посреди узкой улочки, рядом с двумя пластиковыми столиками, окружёнными, столь же пластиковыми, стульями. Абдулла поздоровался с мастером, и заказал две порции лапши с курицей. Хорошо, что я это поняла, и тут же, извиняясь, пояснила, что мы вегетарианцы. Лапша нам досталась с овощами и яйцами. Ух, ну и вкусная же она была! Пока я наслаждалась лапшой, в моей голове шёл анализ происходящего: «Как это так? В каком-то уличном кафе, мы встретили директора крупнейшего банка Индонезии, который сам вызвался помочь нам. Я понимаю, Жоу Ти Жонг – наш предыдущий знакомый миллионер – чтобы встретиться с ним, нас отправили на автобусе в другой город, попросив водителя автобуса созвониться с Жоу Ти Жонгом, и отдать ему нас с рук на руки. Но чтобы вот так, просто посреди улицы? Видимо, если кого-то нам суждено встретить, то мы его непременно встретим. Но я не хочу больше материальной помощи! Я поехала в это путешествие себя искать, а не в особняках отлёживаться и деликатесами отъедаться. По мне, так человек с деньгами ничуть не богаче человека без денег, поскольку всё, что можно получить в ограниченном властью денег мирке быстро превращается в мусор. Да, в пути нам часто приходится питаться и передвигаться за чу-

жой счёт. Но большего нам не надо. Зачем судьба свела нас с Абдуллой Рашид Маджидом? Может, это мы можем ему чем-нибудь помочь?»

– Абдулла, можем ли мы Вам помочь? – спросила я сидящего напротив банкира.

– Что Вы! – засмеялся он. – Это я хотел вас спросить – чем я ещё могу помочь вам?

– Вы дали всё, что нужно путнику – помогли найти ночлег и накормили досыта вкусной едой. Спасибо Вам.

– Я хочу вам ещё что-нибудь в дорогу купить. Что вам нужно?

– У нас всё есть, спасибо.

– Ну, хоть фруктов каких-нибудь... МАПАЛА угостите.

– Фруктов можно. Немножко.

Водитель Абдуллы по совместительству был его телохранителем. Он ни на шаг не отходил от хозяина, и постоянно улыбался, когда я на него смотрела. Нам он так и не сказал ни слова. Может, английского не знает? Он отвёз нас на маленький банановый рынок. Бананы всех оттенков жёлтого и зелёного, разных форм и размеров, покоились в деревянных ящиках; целые гроздья спелых плодов свисали со стропил навесов. В углу одного из киосков я увидела огромную гроздь бананов, длиной в сорок сантиметров каждый.

– А что это за бананы такие гигантские? – спросила я Абдуллу.

– Это королевский банан. Но сырыми их не едят – они редко бывают вкусными. Их готовить нужно, причём – умеючи. Не советую вам их пробовать. Вот такие маленькие бананчики, с тонкой кожурой – самые лучшие. Сладкие и ароматные. Я куплю их вам. Веточки четыре. С расчётом на помощь студентов.

Итак, к МАПАЛА мы вернулись с двумя пакетами ба-

нанов. Если учесть, что каждая веточка весила больше двух килограммов, было очевидно, что часть фруктов останется завтра студентам. Мы попрощались с Абдуллой, пообещав, что позвоним ему, если у нас возникнут какие-либо проблемы. На полке над входом в офис МАПАЛА было уютно и мягко – там лежал старый потрёпанный матрас. Лучшего ночлега нам не нужно.

Утром, позавтракав со студентами бананами, мы упаковали одну веточку себе в дорогу, а остальное оставили им. На прощание ребята подарили нам наклейку с названием своего отделения: «MANAPALA D III FE-UJ», которую я тут же приклеила на крышку ноутбука. Кстати, о наклейках: почти каждая студенческая организация в Индонезии имеет свои наклейки. Это у них вместо визиток. Студенты обмениваются ими, заклеивают стены в общежитиях, крышки ноутбуков, топливные баки мотоциклов. Мне эта традиция нравится. По крайней мере, наш ноутбук стал выглядеть гораздо лучше, после того, как мы заклеили его красочными индонезийскими наклейками, 80% которых нам подарили МАПАЛА.

Мы вышли на дорогу и отправились к выходу из города. Пройдя километра полтора, мы услышали доносящийся сзади слабый голос: «Ли-и-ина, Ди-и-има!». Оглянувшись, мы увидели девушку МАПАЛА, бежавшую за нами из последних сил.

– Ну ничего вы ходите! – выпалила она сквозь одышку, и остановилась, согнувшись пополам, уперев руки в колени. – Сейчас, отдышусь... Я вышла всего через минуту после вас и никак не могла вас догнать. Уф-ф-ф... Мы с ребятами решили подарить вам сувенир.

С этими словами она достала большой желтоватый клык какого-то животного, перевязанный толстой ниткой с петелькой на конце. Что-то вроде амулета.

– Ух ты! Чей это зуб? – воскликнула я.
– Животного. Большого такого. Чёрного.
– Гориллы? Большой обезьяны?
– Нет, я не знаю его названия по-английски. Но это не обезьяна.

– Пантера? Большая кошка?
– Нет, не кошка. Я не смогу сказать, чей это зуб. Просто подарок, от нас всех. На память. Счастливого вам пути! Как же вы быстро ходите! – девушка повернулась и пошла обратно.

– Спасибо тебе! – крикнула я ей вслед.

Дима прицепил зуб на Эчино ожерелье.

В пригороде Бондовосо мы встретили Самсула. Парень был профессиональным гидом и работал раньше на Бали, но, так как мы с ним познакомились, когда зашли попросить воды в какую-то столовую, то он не стал рассматривать нас, как потенциальных клиентов, а просто предложил помочь с поиском дольменов. Бесплатно. Мы согласились. Самсул позвонил своему другу, они вдвоём доставляли нас на мотоциклах к местным мегалитам. Один из дольменов нам очень понравился – многотонная каменная крышка в форме шляпки гриба покоилась на пяти столбиках, между двумя из которых лежал камень, занимавший треть внутреннего пространства, и выступающий за границы столбиков на то же расстояние, что и крышка. Возможно, и между другими столбами были подобные камни, но сейчас дольмен наполовину врос в землю, и лишь одна из его сторон была откопана. К сожалению, дольмен стоял посреди деревни и использовался, как помойка. Увидев это, Дима подобрал большую картонную коробку, валявшуюся рядом, и принялся складывать в неё мусор из дольмена, чем привлёк внимание местного населения. Нас обступила дюжина индонезийцев. Некоторые из них стали помогать Диме. Одна

женщина сказала, что людям, живущим в этой деревне, иногда снится один и тот же сон, в котором они приходят к этому дольмену и находят у него что-то ценное. Проснувшись, они идут к дольмену, но ничего там не находят. Через Самсула женщина спросила нас, что может означать этот сон.

– Возможно, дух дольмена просил этих людей убрать из него мусор, – предположила я. – А возможно, хотел поделиться своей мудростью. Это ваш дух, вам лучше знать, что он от вас хочет.

Самсул перевёл мои слова, и аборигены с задумчивым видом вперили взор в дольмен, который стоял здесь всю их жизнь. Казалось, они спрашивают его: «Ты что, и правда, живой?». Дольмен скромно молчал. Он не привык к такому вниманию к себе и теперь застенчиво кутался в свои лохмотья из мха и корней трав, выросших на его шляпе. Чтобы не смущать старичка, мы поспешили покинуть деревню.

После Бондовосо нас уже ничто не держало на Яве, и мы пошли по шоссе в направлении острова Бали, планируя продлить там наши визы ещё на месяц и, перебираясь с острова на остров гидростопом, попасть в Восточный Тимор, где попытаться получить Австралийские визы. Мы не спешили, и чувствовали себя хорошо, а потому шли пешком. С комфортом переночевав в джунглях какого-то заповедника, на следующее утро мы бодро шагали по шоссе, когда возле нас притормозил автомобиль, из окна которого выглянула симпатичная женщина и на отличном английском спросила:

– Почему вы идёте пешком?

– Потому что нам нравится ходить пешком.

– А куда вы идёте?

– На Бали.

– Но это же очень далеко!

– Мы из России пришли. Вот это, действительно, да-

леко.

– Как интересно! Садитесь к нам в машину, мы доведём вас до ближайшего города, и угостим завтраком!

В машине мы рассказали о нашем пути, и женщина, чей муж вёл машину, предложила нам купить два билета на автобус до Денпасара – главного города Бали. Мы не хотели ехать на автобусе, но наши визы должны были кончиться со дня на день, и, возможно, попасть на остров действительно стоило пораньше. Мы согласились. Вот так, 19 февраля 2008 года, мы оказались на пароме, перевозящем на остров Бали очередной вонючий автобус, в багажном отделении которого лежали наши рюкзаки. Прогуливаясь по палубе, подальше от нашего автобуса, я увидела зажатый между грузовиком и стеной трюма огромный чёрный мотоцикл. Рядом с ним стояли парень с девушкой. Европейцы. Я пошла знакомиться.

– Хеллоу, мистер-р-р! – поздоровалась я с ними. – Откуда вы?

– Из Финляндии. Меня зовут Анне, моего друга – Пекка. А Вы откуда? – ответила девушка.

– А мы из России. Вон мой муж Дима, фотографирует нас с верхней палубы. А я Лина.

– Вы на автобусе?

– Да, нам подарили билеты до Денпасара. А вообще, мы пешком путешествуем. Иногда, когда устаём – автостопом.

– А мы на этом мотоцикле. Тоже в Денпасар едем. Мы уже четыре месяца путешествуем, и думали, что это долго. Вы, наверное, гораздо дольше в пути?

– Да, уже девятый месяц.

– Здорово! На мотоцикле не всегда удобно путешествовать, – сказал Пекка. – Я всегда за рулём. На шоссе развиваю скорость в 300км/ч, по сторонам на такой скорости ни-

чего не видишь. Только дорогу. Анне успеваешь что-то рассмотреть, но не я. Даже обидно. С другой стороны, иногда в пробках застреваешь и ползёшь в облаке выхлопных газов, как улитка. Тоже мало удовольствия. В Индии мы за день успевали проехать всего около 400км. Это очень медленно.

– Из-за пробок?

– Да. Там очень много транспорта.

– Нам в таких местах ещё хуже. Мы проходим в день около пятидесяти километров и почти все – вдоль пыльных дорог. Часто не выдерживаем и переходим на автостоп.

– Эх, жаль, паром уже подходит к берегу, так интересно было бы поговорить с вами. Вот наш e-мэйл. Будете проездом в Хельсинки, заходите к нам в гости. А сейчас, давайте сфотографируемся все вместе.

Я позвала Диму, и мы попросили водителя ближайшего грузовичка снять нас по очереди на два фотоаппарата. Лишь когда мы разбирали эти фотографии на ноутбуке, я обратила внимание на то, что ребята были очень похожи на нас внешне: я и Анне были одного роста, и имели схожие черты лица, только у Анне была очень светлая кожа, а у меня – очень смуглая. И, бесспорно, Анне была гораздо стройнее меня. Дима с Пеккой тоже были одного роста, имели схожие черты лица, но Дима был гораздо стройнее Пекки. Но самое удивительное, что у Анне и Пекки были одинаковые серые глаза с тёмной каёмкой, а у нас с Димой – одинаковые зелёные, и тоже с тёмной каёмкой! Вот такое чудо. Сколько ещё нас с Димой, или Анне и Пекк, путешествует сейчас по миру? Как много вас, читающих эти строки, живёт сейчас где-то в других странах, и имеют общие цели в жизни и одинаковые мечты? Десятки? Сотни? Удивительно, правда?

В Денпасаре мы оказались уже после заката. Для разнообразия, решили не искать церковь или мечеть, а попроситься переночевать в индуистский храм – они на Бали

повсюду. В первом попавшемся на нашем пути храме не оказалось свободного места, и мы отправились дальше. Следующий храм скрывался за высоким красивым забором и отличался бóльшей пышностью, чем предыдущий, но мы не обратили на это внимания. И даже охранник, стоявший у входа во внутреннее здание храма, и натыканные повсюду камеры наружного наблюдения, не вызвали у нас никаких подозрений. Мы подошли к охраннику, и, как ни в чём не бывало, спросили, можно ли здесь переночевать. Охранник как-то странно посмотрел на нас, и, со словами: «Подождите здесь», скрылся в храме. Мы принялись рассматривать внутренний дворик: аккуратно подстриженный газон, красивые деревья и цветы. Всё в идеальном порядке: ни одного жёлтого листика или завядшего цветочка. Вот монахи молодцы! Хотя, какие монахи... Это же индуистский храм. Короче, молодцы, кто здесь за всем следит. И ландшафтный дизайн, и архитектура – на пять с плюсом! К нам вышел высокий мужчина в сером костюме и белой рубашке. Высокий индонец? Редкость.

– Здравствуйте, меня зовут Майкл. Что вы хотели?

– Здравствуйте, Майкл, мы бы хотели переночевать здесь. Мы – путешественники из России, странствуем без денег вокруг света, можно поставить палатку на этом газоне? С рассветом мы уйдём.

– А вы знаете, где вы?

– Мы думали, что это индуистский храм. Разве нет?

– Это королевский дворец. За этими стенами живёт король острова Бали.

– Э-э-э... Он вряд ли пустит нас переночевать.

– Вряд ли. Даже если пустит, вас разденут догола, и обыщут рюкзаки. Малоприятная процедура.

– Тогда мы пойдём искать настоящий храм, извините за беспокойство, Майкл. До свидания.

– Не спешите, я помогу вам. Подождите здесь пять минут.

Когда Майкл вернулся, он, увидев, с каким восхищением мы рассматриваем королевский сад, сказал: «Есть много красивых мест, но вся красота мира содержится в нашем сердце». Чем сразу расположил нас к себе.

Переночевали мы у Майкла дома. Утром у него была назначена деловая встреча на пляже, и он взял нас с собой. Пока он вёл переговоры, мы с Димой гуляли по пляжу Кута. Пляж был просто кошмарен. Я читала в Интернете, что это одно из самых популярных мест на Бали. Кроме мягкого кораллового песка под ногами и шума волн, ничего приятного на этом пляже не было. Индонезийские торговцы окружали всех белых людей, тряся перед их (нашими) носами браслетами, бусами, брелками и тому подобным барахлом, массажистки приставали с предложениями воспользоваться их услугами, из множества кафе раздавалась музыка, ветер гонял по песку пачки из-под чипсов и пустые пластиковые стаканчики. Но, при всём при этом, в волнах повсюду мелькали

блондинистые головы европейцев. Головы, как ни странно, улыбались и выглядели вполне довольными. В двадцати метрах от берега начинающие серфингисты пытались поймать волну. Нет, мне здесь решительно не нравится. Слишком людно и грязно.

Вернувшись к Майклу, мы присоединились к его переговорам, за что были немедленно накормлены обедом. Во второй половине дня Майкл отвёз нас домой. По нашему плану, я должна была позво-

нить в местный национальный парк, руководство которого расположено в Денпасаре, и напроситься на работу волонтерами, что могло бы стать уважительной причиной для продления наших виз. Телефон и имя человека, отвечающего за набор волонтеров, нам дала Рэй – Эчина подруга с Ба-ли. К сожалению, этот человек успел уволиться за то время, что мы добирались до острова, и теперь никакой возможности пристроиться там «по благу» у нас не было. А план «Б» мы, как-то забыли придумать. Ладно, попробуем продлить визы без уважительной причины. Майкл отвёз нас в иммиграционный офис, но тот был уже закрыт. Охранник пригласил нас прийти завтра утром.

Чтобы хоть как-то отблагодарить Майкла за его помощь, мы предложили приготовить ужин на всех. Угадайте, что мы приготовили? Точно. Картошку с грибами. За трапезой я спросила Майкла, что он делал в королевском дворце.

– Я являюсь одним из советников короля. По дизайну и архитектуре.

– У Вас какое-то специальное образование?

– Нет. Просто, хороший вкус. Я закончил высшую духовную семинарию. Хотел стать священником... В тот месяц, когда мне должны были выдать диплом, я влюбился. Так влюбился, что про сан и думать забыл. Диплом получил и сразу женился. Чтобы кормить семью, начал свой бизнес, который стал весьма прибыльным, а потому, поглотил меня целиком. Сейчас жена, вместе с сыном, которого мы назвали Иисус Мухаммед Будда Кришна (или что-то в этом духе, возможно в другом порядке, точно я не запомнила), переехали жить в Джакарту, а я остался один.

– Почему Вы помогаете нам, Майкл? – задала я вопрос, а сама немедленно провела аналогию с Абдуллой Рашид Маджидом, чья жена с сыном тоже уехали в Джакарту, а он один остался в пустом особняке с пятью спальнями.

– Я считаю, что Бог дал мне слишком много. Больше, чем я заслуживаю. И теперь я хочу поделиться с кем-нибудь. Вы оказались на моём пути. Поэтому я вам и помогаю. Я скучаю по своей семье... Вы, я полагаю, понимаете, что значит быть вдали от любимых людей. Кто у вас остался в России?

– У меня – родители, сестрёнка, бабушки, дедушка, и множество других родственников, а у Димы только сестра.

– Как давно вы разговаривали со своей мамой?

– Почти девять месяцев назад – перед отъездом из нашего города.

– Так нельзя. Возьмите мой телефон и позвоните ей сейчас же!

– Это будет очень дорого.

– У меня спутниковый телефон, по нему можно позвонить в любую точку мира. Не спорьте. Звоните.

Я позвонила маме. Она расплакалась, а я принялась её утешать. Сказала, что мы живы и здоровы. В гостях у хорошего человека, на острове Бали. Завтра пойдём продлять индонезийскую визу. Всё будет хорошо. Когда я положила трубку, я расплакалась сама.

Нам отказали в продлении визы. Если у тебя нет денег и гаранта, на Бали тебе не место.

– У вас один день, чтобы покинуть Индонезию, – сказал толстый лысый начальник иммиграционного офиса, на аудиенцию к которому мы напросились после безуспешных переговоров с тёенькой, сидящей за бронестеклом приёмной.

– Но у нас нет денег на самолёт. Мы не сможем уйти пешком за один день.

– Послезавтра, если вы не покинете Индонезию, мы будем вынуждены взять вас под арест.

– Берите сейчас. Какая разница? Мы не сможем вы-

полнить ваше требование. Сколько нам дадут?

– Нарушение визового режима карается пятью годами лишения свободы.

– Сколько?

– Пять лет. Уходите, и постарайтесь найти деньги на самолёт. Послезавтра ваши визы уже будут просрочены. Торопитесь. Прощайте.

Пять лет тюрьмы. Мы выйдем 23 февраля 2013 года. Мне будет почти 29 лет. Неплохо.

– Майкл, если что, мы позвоним тебе из тюрьмы, – сказала я, пересказывая ему случившееся.

– Хорошо. Но, ведь у вас есть ещё целый день. Как вы планируете его провести?

– Попытаемся найти в аэропорту пилотов, которые помогут нам улететь бесплатно в любую безвизовую для Россиян страну. Ну, или с дешёвыми визами, которые ставят по прибытии. У нас есть около ста долларов.

– Вы смелые ребята. Я отвезу вас в аэропорт. Вот вам ещё сто долларов. Может быть, они помогут вам. Простите, что не могу дать больше.

– Майкл, мы и эти деньги не возьмём. Если нас арестуют, они нам не помогут.

– А если не арестуют, помогут. Берите и не спорьте.

Мы обошли все терминалы аэропорта в поисках пилотов. Попытались поговорить с людьми в офисах, теми, кто продаёт билеты, и теми, кто составляет расписания. Все в один голос твердили: «Все должны покупать билеты! Без билета вы никуда не улетите». Понятно. Просто, из любопытства, мы решили узнать, сколько стоит самый дешёвый билет из Денпасара, в любую другую страну... И, представляете?! Он стоил всего сто долларов! Билет до Куала-Лумпура на послезавтра, 23 февраля!! С огромным облегчением, мы протянули в кассовое окошко все наши деньги,

вспоминая тех, кто дарил их нам в пути, и снова и снова повторяя слова благодарности. Люди, вы спасли нас от тюрьмы!

Спрятав билеты в сумочку для документов, мы отправились гулять по вечернему городу. Недалеко от аэропорта возвышался над шиферными крышами городских построек бетонный католический крест. В церкви как раз шла проповедь. Мы бесшумно прокрались к последним рядам и сели ждать, когда падре освободится. К сожалению, святой отец ничем не мог помочь нам. Только указал самую дешёвую гостиницу, в которой жили многие из его прихожан. Один молодой мужчина, слышавший наш разговор с падре, подошёл к Диме и представился:

– Меня зовут Хуман. Я хочу помочь вам с ночлегом. Я снимаю бунгало недалеко отсюда. Там много места. Если вы не откажетесь спать на полу...

– Хуман, мы будем счастливы поспать на полу! – сказала я. – К сожалению, мой муж плохо говорит по-английски, и мне придётся перевести ему этот разговор.

Дима тоже был бы рад поспать на полу бунгало, так что мы отправились к Хуману. В тихой гостинице, заросшей кокосовыми пальмами и цветами, стояли на расстоянии двух метров друг от друга одинаковые домики. В одном из них и жил Хуман. Весь следующий день мы втроём гуляли по острову и купались в тёплом море. Хуман – иранец, по образованию – биолог, на Бали приехал в поисках работы. Пару месяцев назад он разослал через Интернет резюме во все организации, которым требовался биолог, и одна из организаций на Бали пригласила его на собеседование. Он прилетел, но собеседование не прошёл – на это место взяли индонезийца. Что поделать, за каждого иностранца, работающего в фирме, директор обязан платить двести долларов в месяц. Сложно найти фирму, которой Хуман был бы настолько дорог. Если до окончания действия визы ему не

удастся устроиться здесь, то придётся вернуться домой в Тегеран, где его ждёт жена. Хуман очень понравился нам. Все вопросы, которые он задавал, были необычными, и на них было интересно отвечать. Наши дорожные истории вдохновили Хумана, и он даже сказал, что, если не найдёт на Бали работу, то будет считать, что прилетел сюда исключительно ради встречи с нами. И тогда он не будет сожалеть о потраченном времени и деньгах. Забегая вперёд, скажу, что работу он так и не нашёл. Он вернулся домой, и, вместе с женой Марьям, отправился путешествовать по Азии, после чего нашёл-таки работу в Новой Зеландии, где и по сей день счастливо живёт вместе с Марьям.

До нашего вылета оставалось меньше суток. Хуман ушёл по делам, оставив нас в своём бунгало. Мы с Димой сидели на крыльце и обсуждали ответ на заданный Хуманом вопрос: «Что вам дало ваше путешествие?»

– Мне оно дало цель. Теперь я знаю, чего ищу на самом деле – совершенства, – сказала я. – Из того состояния, в котором я нахожусь сейчас, совершенства не видно. Я во всём вижу себя. Весь мир – это моё отражение. Если я добрая, то и мир добрый, если я безумна, то и мир безумен. Когда я стану прекрасной, мир станет прекрасным. Сейчас я ищу мудрость, силу и красоту. Я считаю, что это база совершенства. Когда я обрету их, я увижу следующие ступени, и так далее.

– А мне путешествие дало уверенность в том, что люди построили города не по нужде, а по принуждению. В этих широтах, чтобы жить свободно и никогда не испытывать холода и голода, не нужны стены. Здесь еда, разве что, на голову не падает...

Когда Дима произнёс эти слова, рядом с верандой раздался грохот.

– Гром небесный? – спросила я.

– Нет, по-моему, это кокосы на крышу упали. Пойдём, посмотрим.

Действительно, на земле возле крытого профнастилом навеса лежали два кокоса. Мы почистили их, разделили, и, дождавшись возвращения Хумана, съели на ужин.

Днём 23 февраля, за два часа до вылета, мы пришли в аэропорт. У нас оставалось ещё несколько тысяч рупий, которые нельзя было обменять на доллары, так как однодолларовых купюр в обменниках не бывает. И мы с чистой совестью потратили всё на наши любимые писан горены – бананы, обжаренные в кляре, которые продавались в каждом ларьке с жарениками. Когда объявили посадку на наш рейс, мы не спеша доели бананы, сходили помыть руки, и лишь после этого поднялись в зал отбытия. Проверив наши билеты, женщина спокойным тоном сказала:

– Теперь вам нужно заплатить аэропортовый сбор, в размере триста тысяч рупий за человека.

– Конечно, – также спокойно ответила я. – Мы хотели забрать эти монетки на память, но раз уж у вас такие правила, можете оставить их себе, – я протянула женщине шестьсот рупий металлическими монетками, которые мы насобирали вдоль обочин дорог.

– Не триста рупий, а триста тысяч рупий, – снисходительно повторила женщина.

Моё сердце на секунду остановилось, а потом начало колотиться с бешеной скоростью.

– Но об этом нигде не сказано.

– Ну вот, теперь я вам говорю. Посмотрите на табличку, висящую на моей стойке: «Аэропортовый сбор 300 000 рупий».

– Но это нечестно. О таких вещах нужно предупреждать при покупке билета.

– Вы сами должны были всё выяснить заранее, в

справочном отделе. Если вы этого не сделали – ваши проблемы. Пока вы не уплатите сбор, я не могу пустить вас на самолёт.

– Но у нас нет таких денег.

– До вылета ещё полчаса, вы успеете дойти до отделения банка на первом этаже и обналичить вашу кредитку или дорожные чеки.

– У нас нет кредитки и дорожных чеков!

– Попробуйте продать сотовый телефон.

– У нас нет сотового телефона! Я хочу поговорить с начальством.

– Я здесь начальство. Если через полчаса вы не найдёте деньги, самолёт улетит без вас.

600 тысяч. 66 долларов. Где их взять за полчаса?

– Лен, у нас осталось немного малайских денег, я отдельно упаковал их и убрал подальше, на случай, если обратно поедем через Малайзию, – сказал Дима. – Пойдём в обменник, посмотрим, на сколько их хватит.

Курс в аэропортовом обменнике был грабительский. За малайские деньги нам предложили 550 тысяч рупий. Не хватает. Мы решили добежать до ряда частных обменных пунктов за пределами аэропорта, которые заметили позавчера. В первом – очередь, во втором курс невыгодный, в третьем – очередь... Бегом, к следующему. Здесь нам предлагают 590 рупий, но и этого не достаточно. А время идёт... Бегом дальше. Вот, обменник с самым выгодным курсом, и всего два человека в очереди. Там наши рингиты купили за 601 тысячу рупий. Бегом, мы влетели в зал отбытия, и всучили женщине шестьсот тысяч рупий. Одна, последняя, тысяча поедет с нами в Россию. Теперь это все наши деньги... Не считая сувенирных монеток. За три минуты до вылета, мы оказались на последнем препятствии перед трапом самолёта – проверка паспортов и визовый контроль.

– Ваши визы просрочены на один день, – сказал молодой офицер, проверявший наши паспорта.

– Не может быть! Ведь они же на два месяца!

– В декабре и в январе по тридцати одному дню. Ваши визы – на шестьдесят дней, а вы пробыли в Индонезии шестьдесят один день.

Нас пригласили пройти в кабинет начальника. Молодой начальник сидел за компьютером и изучал наши паспорта: «Поспешите, через две минуты вылет. За каждый день просрочки визы, сорок пять долларов. С вас девяносто долларов».

Это было последней каплей. Я во весь голос зарыдала, и, снимая с руки свои потрёпанные часы Casio на солнечных батареях, сказала:

– У нас нет денег. Мы на аэропортовый-то сбор их чудом нашли. Если Вы не пустите нас на самолёт, нас ждут пять лет тюрьмы!

Начальник посмотрел на часы, на рыдающую меня, подумал, и, вставая со своего места, сказал:

– Оставьте себе часы и больше никогда не нарушайте визовый режим. Бегом к самолёту, а то и правда, опоздаете!

– Спасибо вам!

– Бегом!

Мы молнией пролетели мимо стола паспортного контроля и побежали к самолёту, дверь которого стюардесса уже собиралась закрывать. Увидев нас, она задержалась на десять секунд.

Мы успели.

Глава 18. И СНОВА МАЛАЙЗИЯ

Самолёт приземлился в аэропорту Куала-Лумпура на закате. Теперь мы могли вздохнуть с облегчением – призрак индонезийской тюрьмы остался далеко позади. Свежий вечерний воздух уютно пах выхлопными газами и горячей резиной. Сойдя с трапа на твёрдую землю, я ощутила непривычное желание пасть ниц и расцеловать асфальт под ногами. Мы на материке! На том же самом куске суши, на котором стоят где-то наши бетонные коробки, по странному стечению обстоятельств именуемые нами «дом»! Теперь можно просто идти пешком, и, рано или поздно, мы вернёмся в Россию! Мы с Димой это даже обсуждать не стали. Было очевидно, что с острова Бали начался наш путь домой. Надеюсь, что аэропорт Денпасара не будет мне теперь всю жизнь в кошмарах сниться. Пройдя все необходимые формальности, мы углубились в ближайшую пальмовую рощу, поставили палатку и крепко уснули. Никаких кошмаров – только мирные, добрые сны. Как хорошо на родном материке...

Проснувшись, мы с удивлением обнаружили, что в пальмовой роще нет мусора. За два месяца, проведённых в Индонезии, мы уже привыкли к вездесущим помойкам, и их отсутствие вызвало у нас прилив сил и хорошего настроения. Мы сделали зарядку и отправились на трассу. Все холмы в округе были засажены масличными пальмами, а потому, на завтрак в джунглях рассчитывать не стоило. Мы решили поехать на север автостопом, по крайней мере – до джунглей, где мы хотя бы сможем автономно питаться. На трассе мы не простояли и пяти минут. Нас сразу подобрал жизнерадостный малаец, который, проезжая мимо очередного строящегося завода, поделился с нами своим мнением насчёт экологической ситуации на планете:

– Вот гринписовцы говорят: «Лес вырубать нельзя, это – плохо», а я считаю так: кто главный? Человек или дерево? Конечно, человек! И если ему нужно место, где жить, нужно деревья рубить. Вот вырубали здесь везде джунгли – хорошо, теперь есть место для всех этих городов, люди здесь жить будут. И это правильно.

– А что люди есть будут, если всю планету застроить городами? – поинтересовалась я.

– Давно уже научились выращивать овощи без почвы – подводят питательные вещества к корням, и получают отличные урожаи. Да и причём здесь еда? Мы же про вырубку джунглей говорим, а от них никакой пользы нет. Не будете же вы листья жевать?

– Если честно, мы едем на север в джунгли, как раз потому, что здесь нам есть нечего, а в джунглях растут грибы и бамбук.

– Вы что, бамбук едите?

– Да, нас в Лаосе научили: срезаешь мягкий молодой побег, варишь в подсоленной воде, и получаешь вполне съедобное блюдо.

– Ужас какой. А почему вы нормальную пищу не едите?

– Потому что она денег стоит, а у нас их нет. За срочную эвакуацию из Индонезии пришлось отдать всё, что было.

– Давайте, я вам в дорогу арахиса варёного подарю. Он питательный.

Возле многих придорожных рыночков стояли большие котлы, из которых валил пар. Котлы были закрыты большими решётками, заваленными грудой арахиса в скорлупе, который, насыщаясь водяным паром, увеличивался в объёме в полтора раза, из-за чего выглядел устрашающе огромным. Водитель подарил нам большой пакет горячего арахиса, и дал в дорогу немного денег: «Это на случай, если не наедитесь арахисом. Только не вздумайте есть бамбук из

клуб!»

После того, как арахис был съеден, срочная потребность в джунглях отпала, и мы отправились вдоль хайвэя пешком. Наше внимание привлёк заброшенный пустырь, когда-то, видимо, готовившийся под строительную площадку. Он заинтересовал нас по двум причинам: во-первых, между грудями земли, наваленной бульдозерами, было легко поставить палатку и скрыться от любопытных глаз, а во-вторых – пустырь отличался таким богатством флоры, каким не каждый ботанический сад может похвастать. Дима даже обнаружил полянку диких орхидей. Увлечшись изучением растений, мы с трудом оторвались от них с наступлением сумерек. Особое впечатление произвели на нас красно-жёлто-зелёные насекомоядные кувшинчики с приоткрытыми крышками. Заглядывая под разноцветные крышечки, мы обнаруживали муравьёв и мух, тщетно пытающихся спастись из недр кровожадного кувшина, либо смиренно плавающих кверху лапками в ароматном нектаре – его желудочном соке. Дима, желая спасти одного, особо яростно размахивающего лапками муравья, вылил сок из кувшинчика.

– Что ты делаешь? – воскликнула я. – Кувшинчик же кушать хотел! Может, он этого муравья неделю ловил?

– А муравей – жить хочет. Просто этому муравью сегодня повезло, а кувшинчику – нет.

Вот такой он, закон джунглей... Спасая жертву, мы обрекаем на голод хищника.

Мы переночевали на пустыре и с рассветом вернулись на трассу. Дорога проходила мимо живописных скал – густые заросли покрыли практически все отвесные склоны, обойдя лишь чёрные провалы пещер, притягивающих взгляд, манящих в свои недра. Настоящие древние пещеры! Разве можно пройти мимо них? Но с рюкзаками по горам не полазишь... Мы решили оставить наши вещи где-нибудь в

ближайшем посёлке. Эта практика была для нас не нова – в Ангкор Вате рюкзаки не раз отсиживались под прилавками магазинов, чьи хозяйки вызывали у нас доверие. Итак, мы отправились в посёлок, где оставили всё, кроме фотоаппарата, на попечение женщины, волею providения, закончившей развешивать бельё во дворе своего дома именно в тот момент, когда мы проходили мимо. Мы просто попросили её присмотреть за нашими рюкзаками – через два-три часа вернёмся и заберём. Она, без вопросов, согласилась.

А нас ждали скалы... Оказалось, что мы недооценили расстояние до них, и, соответственно, их размеры тоже. Горы оказались высоченными, а чтобы добраться до пещер, видимых с трассы, нам бы потребовалось альпинистское снаряжение. Пришлось идти по дороге, огибающей горы, в поисках чего-нибудь более доступного. Вскоре прямо над тропой, мы увидели широкий пролом в скале, забраться внутрь которого не составило труда. Пещера была высокая – порядка десяти метров, и в ней даже имелось окно – на высоте пяти метров от земли зияла большая дыра, сквозь которую в недра горы попадал солнечный свет. Из неосвещённой глубины пещеры вытекал прозрачный ручеек с приятно-прохладной водой. Практически все доступные для росписи каменные поверхности, были украшены современными граффити. «А ведь здесь можно было бы остаться жить, – подумала я. – Вот на этом выступе удобно сидеть, а на этом – спать. В этой заводи было бы удобно купаться». Я присматривалась к формам выступов, а воображение дорисовывало недостающие деревянные лестницы и охапки сена в тех местах, где можно было бы устроить спальню. Вот как нужно дома строить! То, что нарисовало моё воображение, было самым уютным из всех домов, в которых я когда-либо бывала. За окном колыхались шторы из лиан и листьев деревьев, растущих на склоне, под ногами зеленел ковёр из

каких-то ползучих растений. По-домашнему журчал рядом ручеёк. Красота! Дима пошёл по руслу ручья, исследовать неосвещённую пещеру, и я, оторвавшись от своего воображаемого пещерного дома, побежала догонять его. К сожалению, уже за ближайшим поворотом, нас окутала крошечная тьма, и мне пришлось воспользоваться фотовспышкой для освещения дороги: каждые десять секунд я делала кадр, пещера на мгновение озарялась ярким светом, мы запоминали рельеф, делали пять-шесть шагов, и я снова нажимала на спуск фотоаппарата. Так мы дошли до места, где пещера переходила в узкий лаз, куда можно было протиснуться только лёжа. Мы повернули назад. Если бы эта пещера не выходила прямо на дорогу, мы бы непременно остались в ней на пару дней. После стресса, пережитого на Бали, хотелось денёк-другой отлежаться в тишине и покое.

Мы решили доехать до какого-нибудь города авто-стопом, и попроситься в первую попавшуюся церковь на два дня реабилитации. Забрав рюкзаки, мы вышли на трассу, и вскоре уже двигались в направлении города Ипох со скоростью 120км\ч в машине доброго человека, ехавшего туда по работе.

Ипох оказался тихим городком, ничем не напоминающим необъятный Куала-Лумпур. Разве что, чистотой. Ближайшая церковь, которую нам указали местные жители, не была похожа на обычные церкви. На ней не было крестов! Обойдя церковь по периметру и никого не обнаружив, мы собрались было уйти, но вдруг одна из дверей здания отворилась, и к нам вышла пожилая женщина:

- Вы что-то хотели? – на чистом английском спросила она.
- Мы ищем церковь.
- Вы её нашли. Вот она, – женщина указала на то самое здание без крестов, откуда она только что вышла, – чем я могу помочь вам?

– Мы путешественники из России, устали в пути, и сейчас хотим передохнуть два дня. Можно ли у вас во дворе поставить палатку? Послезавтра утром мы уйдём.

– Подождите, я позвоню хозяину церкви. Это он решает такие вопросы, – с этими словами женщина вновь скрылась в церкви.

Я перевела Диме наш диалог, добавив от себя, что женщина, видимо, имела в виду падре. Разве у церкви может быть хозяин? Оказалось, что может.

Хозяин приехал через десять минут. Он вышел из шикарного чёрного джипа какой-то новейшей модели и подошёл к нам.

– Здравствуйте, меня зовут Сун Че, я хозяин этой церкви. Мне сказали, что вам нужен ночлег?

– Да, нам нужно отдохнуть пару дней. А что значит «хозяин»? Вы – падре?

– Нет! – засмеялся Сун Че. – Я просто построил эту церковь на свои средства, так же, как и многие другие общественные здания в этом городе. То есть формально она принадлежит мне. Поэтому я – её хозяин. Хотя строил я её, конечно, не для себя, а для людей.

– А почему на вашей церкви нет крестов? – спросила я.

– Одна из заповедей Моисея гласит: «Не сотвори себе кумира...», а кресту люди поклоняются, как и иконам. Это противоречит заповеди Моисея, но никто этого не замечает. Я решил построить свою церковь без икон и крестов, чтобы люди не ассоциировали Бога с цветными картинками. Я считаю, что это правильно.

– Здорово! Как хорошо, что хоть кто-то читает Библию внимательно!

– Спасибо, не все это принимают... – Сун Че внимательно посмотрел на Диму. – А вы, случаем, не хиппи?

– Нет, мы не хиппи.

– И наркотики не употребляете? А то выглядите-то вы, действительно, как хиппи – длинные волосы, рваная одежда...

– Нет, мы не употребляем наркотики, не курим, не пьём алкоголь, и даже не едим мясо.

– Из религиозных побуждений?

– Нет, из собственного нежелания затмевать свой разум.

– Молодцы... Я приехал, чтобы помочь вам с ночлегом – я могу оплатить вам пару дней в отеле.

– Нет, только не в отеле. Мы не любим гостиничную атмосферу. Нам бы лучше в палатке, под открытым небом. Если бы вы разрешили нам в саду за церковью разбить лагерь и пользоваться уборной, мы бы были счастливы.

– Здесь же проходят службы! Прихожане не дадут вам отдохнуть.

– Ну, тогда мы пойдём дальше, извините за беспокойство...

– Нет, нет, подождите... – Сун Че на секунду задумался. – Я завтра уеду на три дня по делам... Но у меня есть домработница... Она, если что, вам поможет. Хотите отдохнуть у меня дома?

Посоветовавшись, мы с Димой согласились на предложение Сун Че. Он нам понравился. Хотелось поговорить с ним о чём-нибудь серьёзном, казалось, ему есть, что рассказать о жизни, но...

Но Сун Че оказался миллиардером. Он почти не появлялся дома. Встречи, переговоры, сделки, снова встречи. В первый же день, сразу из церкви, он завёз нас в супермаркет и закупил три пакета еды. Потом отвёз к себе домой. Рядом с его двухэтажным коттеджем стоял автономный одноэтажный домик с большим залом, кухней, душем и туалетом. Это был домик для гостей. Сюда нас и поселили. Холодильник был забит мандаринами, помидорами и газир-

ровкой, и, после распаковки по полкам содержимого трёх пакетов из супермаркета, едва закрывался. Но настоящим сюрпризом оказался скоростной WiFi-интернет! Сун Че пригласил нас на неделю, поэтому я решила взяться за создание нашего собственного сайта. До этого мы выкладывали отчёты о путешествии на форуме журнала GEO, но с недавних пор форум GEO начал давать сбои. Лучшим решением этой проблемы было создание своего собственного форума.

Уже на второй день нашего пребывания у Сун Че сайт был запущен. Я выложила на нём тексты, написанные Димой в пути, и часть фотографий. В течение последующих дней Дима дописывал начатые отчёты по странам, а я выкладывала их на сайт, параллельно доводя его до ума. Хозяин изредка заглядывал к нам, чтобы поинтересоваться, не нуждаемся ли мы в чём-нибудь. Каждое такое посещение я пыталась вызвать его на философский разговор, но он, как всегда, спешил. Единственное, на что у Сун Че было время – это его орхидеевый садик во дворе. Он сам опрыскивал орхидеи каждый раз, когда ему удавалось заскочить домой, и в эти минуты, стоя с пульверизатором в руке, миллиардер выглядел совершенно счастливым человеком.

Неделя пробежала невообразимо быстро. В последний вечер, который нам было суждено провести у него в гостях, Сун Че навестил нас:

– Я рассказал о вас своему другу Дэнни. Его мама держит ресторанчик на высокогорье Кэмерон. Вы слышали об этом месте?

– Нет, никогда.

– Помидоры, которые лежат в вашем холодильнике – оттуда. Это самые лучшие помидоры в Малайзии. Я специально заказываю их прямо с фермы. Там климат идеальный для выращивания овощей – не такой жаркий, как здесь. Так вот, у мамы Дэнни уже останавливался один путешествен-

ник, из Чехословакии, по-моему. Он у неё несколько месяцев жил. Я хочу отправить вас туда. На высокогорье Кэмерон. Вы согласитесь поработать в ресторанчике?

– С удовольствием! Мы уже давно хотим помочь кому-нибудь, но все отказываются от нашей помощи. Мы с радостью поработаем в ресторанчике!

– Только смотрите, не съешьте там больше, чем работаете. Вы у меня почти весь холодильник опустошили!

– Простите, мы не привыкли к тому, что еда в холодильнике не кончается. Постоянно хочется наесться впрок. Кажется, вот доем мандаринку, закрою холодильник, и в путь. И никогда больше к этому холодильнику не вернусь. И рука сама тянется за второй мандаринкой.

– Да мне не жалко, просто вредно столько газировки пить. Сейчас-то вы сытые?

– Сытые, спасибо.

– Жаль. Я вас фруктовым пирогом хотел угостить – мне его подарили, а он большой, одному никак не справиться... Ладно, завтра в десять утра будет автобус на высокогорье Кэмерон. В девять вы должны быть полностью собраны и готовы к отъезду. Договорились?

– Договорились. И не стесняйтесь просить нас о любой помощи! Помыть машину, построить новую церковь, съесть пирог... Мы всегда к вашим услугам!

Вечером следующего дня мы вышли из автобуса в городе Ринглет на высокогорье Кэмерон. Дэнни встретил нас на автобусной станции. На вид ему было около тридцати лет. Дэнни рассказал нам, что Сун Че – один из самых богатых и влиятельных людей Ипоха, и одни только ценные бумаги приносят ему каждую неделю по двести тысяч долларов. Вообще, Дэнни всю дорогу, пока мы ехали к ресторанчику его мамы, говорил только о деньгах. В частности, он открыл нам секрет, что сам вложил два миллиона долла-

ров в разведение червей в Китае.

– Червей? Зачем? – удивлённо спросила я.

– Есть вид червей, которые продлевают жизнь. По сути – дарят молодость на сто и больше лет. Они полезнее женьшеня! И, соответственно, дороже! Они принесут мне миллионы, когда о них узнают. А главное – ни я, ни моя жена, не будем стареть, так как лучшие черви, конечно, будут доставаться нам! Сейчас у нас дома лежат семь самых длинных червяков с моих китайских полей! (Дэнни даже назвал цену этих червей, но, так как мы не поверили услышанному, повторять сказанное им я не стану, цена была астрономическая).

– Дэнни, а что вы делаете с этими червями?

– Супчик варим.

– А что с супчиком делаете? – я никак не могла поверить, что Дэнни их ест.

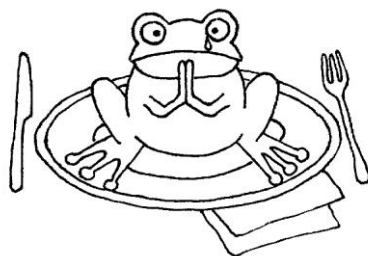
– Кушаем! Что ещё делать с супчиком?

Когда я перевела это Диме, он еле сдержался, чтобы не расхохотаться.

Маму Дэнни звали Мими. Она оказалась очаровательной китайкой с доброй улыбкой и приятным голосом. Она разместила нас на третьем этаже её дома – на первом был ресторан, а на втором жила она с мужем. Раньше третий этаж занимали Дэнни и его младший брат, но оба выросли и уехали – Дэнни в свой коттедж, а его брат – в университет. Судя по всему, Дэнни действительно было около тридцати лет, так как Мими выглядела лет на сорок восемь. А значит, его черви не так хороши, как он считает.

Работа была лёгкая – пока дело не касалось мяса, мы помогали на кухне: Дима носил кастрюли, а я делала домашнюю лапшу на специальной машинке или мыла зелень. Но как только дело доходило до убийства, мы эвакуировались на раздачу и становились официантами. На кухне уби-

вали лягушек. Мими покупала их на специальной ферме, где живые лягушки продавались на вес. Потом несчастные земноводные несколько дней сидели в пластиковом контейнере, печально взирая на поваров своими выпученными глазами. Следующие стадии приготовления лягушачьего супа мы старались не наблюдать, и лишь когда кто-нибудь заказывал этот деликатес, мы встречались с нашими старыми знакомыми лягушатками, уже безмолвно плавающими в тарелке супа.

Мы работали каждый день до обеда. После обеда мы были предоставлены сами себе. Я проводила свободное время за компьютером, описывая события давно минувших дней – писала начало той самой книги, которую сейчас Вы держите в руках, а Дима в это время прогуливался по окрестным джунглям с фотоаппаратом. Иногда, после того, как ресторан закрывался, нам устраивали экскурсии. Мими возила нас купаться на горячие источники, которые казались не такими уж и горячими, пока ты неожиданно не врывался в струю кипятка. После этого оставалось только с визгом вылететь из воды, взяв пример с других отдыхающих. Вместе с мужем, она брала нас на лягушачью ферму, где тысячи лягушек жили в маленьких замшелых бассейнах, и оглашали округу монотонным кваканьем. А в один из дней родители Дэнни взяли нас на свою ферму. На территории в двадцать гектаров росло множество неизвестных нам плодовых деревьев. Один гектар занимал пруд, в котором наёмные работники разводили для Мими и её мужа рыб. Рыбы, к нашему удивлению, оказались вегетарианками – их кормили банановыми листьями. Во время прогулки по саду муж Мими признался, что очень любит свою ферму, и хотел бы

жить здесь, но Мими обожает ресторан и отказывается уезжать из города. Он помогает ей во всём, но не теряет надежды рано или поздно убедить её переехать в сад, ведь здесь так тихо и красиво... Наше внимание привлекли диковинные продолговатые плоды, размером с гигантскую дыню, покрытые маленькими зелёными пупырышками.

– Что это такое? – поинтересовалась я у мужа Мими.

– Джекфрут. Очень вкусная штука. Хотите попробовать?

– Да, с удовольствием!

Муж Мими попросил Диму подержать тяжёлый плод, свисавший в полутора метрах от земли прямо со ствола высокого дерева. Срезав плод, он завернул его в газету и отнёс в машину, возле которой нас уже ждала Мими. Её муж с грустью оглядел свой сад. Солнце, едва коснувшись линии горизонта, стремительно скрывалось за ближайшей сопкой. Настала пора возвращаться в Ринглет. Постояв ещё минуту у пруда с рыбками, он вздохнул и сел за руль автомобиля. Когда мы вернулись в город, была уже глубокая ночь. В пустом ресторане муж Мими разрезал джекфрут над раковиной, слил липкий белый сок, и, вырезав неаппетитного вида середину, вывернул фрукт наизнанку... Ароматная жёлтая мякоть, окутывающая крупные семена, теперь веером торчала снаружи, и это позволяло легко отрывать её от тонкой зелёной кожуры. Мякоть приятно пахла и имела сладкий вкус, отдалённо напоминающий вкус ананаса. Нам понравилось.

На следующее утро мы сказали Мими, что нам пора в путь. Мы были рады познакомиться с ней и её семьёй, но две недели отдыха (неделя у Сун Че, и неделя в ресторане) – это максимум, что мы можем себе позволить. Дорога звала нас вперёд. Мими ответила, что они с мужем очень благодарны нам за помощь, и, на удачу, хотят подарить нам два ярких красных конвертика. На конвертиках были нари-

сованы счастливые китайцы, и я, действительно восприняв их как обереги, убрала подарки в клапан своего рюкзака. Отойдя от Ринглета на пять-шесть километров, мы устроили привал на обочине дороги.

– Покажи, что нам Мими подарила, – попросил меня Дима.

– Вот, два конвертика. Какие-то обереги из храма, наверное, – сказала я, протягивая Диме конверты.

Перевернув один из конвертиков счастливыми китайцами вниз, Дима начал расклеивать боковой шов.

– Что ты делаешь! – воскликнула я. – Это же нам на удачу подарили!

– Разве ты до сих пор не поняла, что в их мире означает «удача»? – с этими словами Дима вытащил из конверта крупную купюру и помахал ею перед моим носом.

Если бы не Дима, я бы так и хранила эти конвертики, как обереги. Мне и в голову не пришло, что Мими хочет заплатить нам. Мы работали у неё в знак благодарности, не ожидая награды... Но, неужели, удача в мире миллионеров действительно измеряется деньгами? Насколько же тогда беден их мир. Сразу вспомнился разговор с Дэнни, который, проезжая мимо новенького коттеджного посёлка, похвастался нам:

– Вот этот коттедж я недавно купил – он стоит триста тысяч долларов.

– Какой коттедж?

– Вот этот, ближайший, розовенький.

– Но они здесь все одинаковые, розовенькие, и здесь нет ни одного дерева. Даже места для сада нет – всё бетоном залито! Как здесь вообще жить можно? – я была искренне удивлена выбором Дэнни.

– Вы не понимаете, это престижный район. Все коттеджи построены по последним технологиям, то, что мне

достался этот дом – большая удача! Вы не представляете, какой на них спрос.

Зарабатывать миллионы, чтобы жить в типовом бетонном склепе и кушать варёных червяков? Ох уж этот безумный, безумный мир...

Шагая по трассе, мы обсуждали маршрут возвращения домой. Главное – обойти стороной Лаос. Самым коротким был путь через Мьянму в Китай, для чего придётся пересечь Гималаи, а дальше, через Казахстан, прямой дорогой в родной Новосибирск. Одно «но»: весной Гималаи в тех местах, вероятно, непроходимы. Если переход в Китай со стороны Мьянмы закрыт, можно будет пройти в Индию, где, через те же Гималаи, ближе к лету выйти в Тибет. На крайний случай, из Индии можно будет через Пакистан и Афганистан перейти в страны бывшего СССР, но это только на крайний случай, так как лично меня Афганистан ни в коей мере не прельщал. Одно было ясно точно: мы должны попасть в Мьянму. А там будем ориентироваться по месту. В списке стран, где виза ставится на границе или не требуется вовсе, этого государства не было, следовательно, нам предстояли поиски посольства Мьянмы в Таиланде.

Мы отлично отдохнули, а потому, со свежими силами и здоровыми спинами, решили поскорее добраться до Таиланда. Кто знает, какие бюрократические препоны нас ждут на пути в Мьянму? Мы не стали ждать, пока нам потребуются очередной отдых, и поехали автостопом. Так что, этим же вечером мы оказались около острова Пенанг и сразу приступили к поиску ночлега. Долго ходить не пришлось – католический крест возвышался в двухстах метрах от дороги. Падре был рад нас видеть, но на ночлег пустить не мог – позволить нам спать в палатке казалось ему неприемлемой грубостью по отношению к нам: «Господи, но ведь там шумно и пыльно! Там невозможно спать!», и достойного

нас места в церкви тоже не было. Падре опечалился безвыходностью сложившейся ситуации и удалился советоваться с другими работниками церкви насчёт нашего будущего. Только когда он ушёл, мы обратили внимание на невысокого индийца, внимательно наблюдавшего за нами с водительского кресла маленького автомобильчика, припаркованного в десяти метрах от нас. Когда он понял, что его заметили, индеец вышел из машины, и, протягивая Диме руку, сказал по-английски:

– Здравствуйте, меня зовут Мохан. Могу ли я помочь вам?

– Здравствуйте, Мохан, мы пришли в церковь в поисках ночлега, и сейчас падре с коллегами решает, пустить нас переночевать или нет, – ответила за Диму я. – Так что мы не знаем, нужна ли нам помощь, пока падре не вернётся с окончательным ответом.

– Можно, я подожду с вами, когда падре вернётся?

– Конечно.

Мы молча стояли и смотрели друг на друга минуты три, пока в дверях не появился святой отец, с несколькими купюрами в руке:

– Уважаемые путешественники, мы не можем позволить вам спать на улице или на полу церкви, это будет негостеприимно с нашей стороны. Вместо этого, мы решили оплатить вам гостиницу на одну ночь, – с этими словами он протянул нам купюры.

– Нет, падре, спасибо Вам, но мы не любим гостиницы. Для нас действительно комфортно спать на полу или на земле, мы привыкли к этому. Мы пойдём искать другое место для ночлега. Всего Вам доброго, – мы повернулись и пошли к выходу.

– Но хоть деньги-то возьмите! – Падре обогнал нас и снова протянул купюры.

– Я помогу им найти ночлег, – сказал Мохан, обращаясь к падре по-английски. – Не беспокойтесь.

– Ребята, садитесь в мою машину, – обратился он к нам, открывая дверцу своего автомобильчика, – я знаю место, где вам удастся переночевать бесплатно.

Мы забрались внутрь, заняв, вместе с рюкзаками, больше половины салона. Падре, посмотрев Мохану в глаза, сказал: «Только пусть они не спят сегодня на улице», и протянул эти же купюры ему. Но и Мохан не взял деньги, а обошёл машину и сел за руль, пообещав святому отцу, что мы непременно будем спать сегодня под крышей. Тогда падре засунул деньги в открытое окно автомобиля и положил их на свободное переднее сидение.

В машине Мохан поведал нам, как оказался в церкви: «Я вас ещё на трассе заметил. Смотрю, идёт Иисус Христос с рюкзаком. Дай, думаю, посмотрю, куда он идёт. Поехал за вами, а вы возьми, да и сверни в церковь! А мне так интересно, что Иисус думает о том, что сейчас на Земле творится! Заехал во двор, и сижу, подслушиваю, о чём вы говорите. Тогда-то я и понял, что обознался, – индеец рассмеялся. – А потом вы меня заметили. Вот и вся история».

Машина остановилась в конце автомобильной очереди на паром, курсирующий между материком и островом Пенанг.

– Мой друг Даас говорил, что хотел бы принять у себя путешественников. Сейчас мы едем к нему в больницу, в Джорджтаун. Даас очень хороший человек. Уверен, он вам поможет.

– А что он делает в больнице?

– У него мама заболела. Он от её постели не отходит. Только поздно вечером домой возвращается, а утром – опять в больницу.

Мы забрали Дааса из клиники. Он оказался высоким

худым индийцем лет пятидесяти, немного напоминавшим Махатму Ганди. То же спокойное лицо, такой же добрый взгляд, только очков не хватает. Когда он увидел нас, то сразу признался, что мы здесь по его воле:

– Я молился о том, чтобы Бог послал мне путников, которым я смогу помочь, и мои молитвы были услышаны. Я бесконечно рад видеть вас. Жаль, что скоро закат, и я не успею вам показать весь город, но не согласитесь ли вы на небольшую экскурсию по вечернему Джорджтауну? После этого мы поедem ко мне домой, где вы сможете оставаться так долго, как вам захочется. Я буду счастлив, если вы останетесь хотя бы на пару дней.

– Мы с удовольствием посмотрим Джорджтаун, Даас, но остаться у Вас в гостях мы не можем. Мы уже больше девяти месяцев в пути. Нам пора домой.

– Что ж, – вздохнул Даас. – Тогда поспешим, солнце уже почти село.

Вечерний город быстро превратился в ночной город, поэтому экскурсия проходила в свете уличных фонарей. Освещая проезжую часть, фонари повергали в непроглядную тьму всё, что оставалось за сферой их влияния, так что мы почти ничего не увидели. Канатная дорога, которая, по словам Дааса, поднималась на живописный семисотметровый холм, выглядела как длинная цепочка лампочек на однотонно чёрном фоне, уходящая по плавной дуге вверх. Лишь центр города ночью выглядел впечатляюще – почти все здания здесь имели свою подсветку и отличались редкой для Азии особенностью – архитектурной индивидуальностью. «Этот город очень красив при свете дня, – сказал Даас. – Если вы решите остаться хотя бы на один день, то сможете сами убедиться в этом. Поверьте, он того стоит».

Мы с Димой посоветовались и решили, что окончательный ответ дадим, только когда увидим, где живёт Даас.

Может, нам не захочется оставаться там. Может, мы будем кому-нибудь мешать? Даасу я сказала, что утро вечера мудренее, а потому мы завтра решим, оставаться нам ещё на день или продолжить наш путь.

Настало время ужина, и Мохан повёз нас в индийский квартал, чтобы угостить блюдами настоящей индийской кухни. Квартал был большим и густонаселённым. Перемещаться по его узким улочкам на машине не представлялось возможным, так что, припарковав автомобиль на одной из широких улиц, Мохан и Даас повели нас к своему любимому ресторанчику пешком. Ресторанчик был забит посетителями, и нам с трудом удалось отыскать свободный столик.

– Четыре лепёшки чапати с овощным соусом, для наших друзей – вегетарианцев! – крикнул Мохан официанту.

– Только без перца чили! – добавила я.

– Четыре чапати, овощной соус без чили, – повторил официант и удалился.

Через минуту нам принесли горячие лепёшки и миску с соусом. Дима макнул кусочек лепёшки в соус, откусил, и... закашлялся, выпучив глаза.

– Кошмарно остро!

Я повторила его подвиг и получила аналогичный результат. Увидев нашу реакцию, Мохан подозвал официанта:

– Мы же просили, без чили. Поменяйте, пожалуйста, соус.

– Но это соус без чили. Я проверял, – удивлённо ответил официант.

Тогда Мохан оторвал кусочек лепёшки, зачерпнул им соус, и, тщательно пережевав, недоумённо сказал:

– Соус, действительно, совсем не острый.

Так как наши вкусовые рецепторы сгорели с первой же порции соуса, доесть его не составило труда. Но в том,

что он был невыносимо острый, я не сомневаюсь. Ну и ладно, зато теперь я горчицу могу ложками есть. Когда все были сыты, мы вернулись в машину и поехали обратно, на материк.

Даас жил в очень бедном квартале, находившемся возле автострады. Его старый двухэтажный дом, обитый рассохшимися досками, с ржавой крышей из листового металла, казалось, планировал со дня на день сложиться, как карточный домик. Изнутри он выглядел надёжнее, так как сквозь осыпавшуюся штукатурку виднелись монолитные бетонные стены. Ободранный потолок был весь покрыт жёлтыми разводами, говорившими о том, что крыша проржавела насквозь и от дождя нас не спасёт. Единственной поверхностью, сохранившей свою исходную форму, был голый бетонный пол. Мебели почти не было, а та, что имелась, была старая, с облупившейся краской и протёртой обивкой. Обстановка аскетическая, но зато везде очень чисто – никакой пыли, грязи, мусора. Самой яркой частью интерьера были иконы и плакаты, развешанные по всем стенам. Слева от объёмного фарфорового Иисуса, с любовью взирающего на нас с покоробленной стены, висели сурь Корана, соседствующие с иконой Божьей Матери и плакатом, на котором был изображён Будда, сидящий в позе лотоса. С другой стороны от Иисуса висела большая фотография молодого Саи Бабы с пышной чёрной шевелюрой, посылающего нам благодать своей правой ладонью. За ним – снова плакат с Христом, на этот раз – распятым. На других стенах висели плакаты с индуистскими божествами, бородатыми мудрецами в чалмах, Махатмой Ганди, и даже простенький двухцветный плакатик с изображением Авраама Линкольна, на котором было большими буквами написано: «Man is what he believes» («Человек есть то, во что он верит»). Надо же, а нам в школе говорили, что это Антон Павлович Чехов ска-

зал. Видимо, великие, действительно, мыслят одинаково...

Мы были в восторге от этого дома. Не каждый храм содержит в себе столько света, сколько хранили эти ветхие стены. В одной из комнат у Дааса была библиотека философской и религиозной литературы, где, наряду с Кораном, Библией и Бхагавад-Гитой, можно было найти труды Ницше и Фрейда. Большая часть книг была на английском языке.

Даас выделил нам весь первый этаж. Вместе с Моханом они принесли откуда-то старую скрипучую кровать с панцирной сеткой и поставили её рядом с низкой самодельной лежанкой, сбитой из листов ДСП и фанеры. Пожелав нам спокойной ночи, Мохан поехал домой, пообещав завтра утром вернуться, чтобы попрощаться с нами.

Несмотря на то, что одна из кроватей страшно скрипела всю ночь, мы отлично выспались и решили остаться у Дааса ещё на день, а завтра утром отправиться на границу. Когда Даас узнал эту новость, на глазах его появились слёзы, он улыбнулся и сказал:

– Я счастлив слышать это. Спасибо, что сказали «ещё один день».

– Спасибо Вам, Даас. У Вас замечательный дом, – ответила я.

Мы дождались Мохана и поехали с ним к паромной переправе, прихватив с собой мой рюкзак с ноутбуком и фотоаппаратом. Всё остальное снаряжение осталось у Дааса. Мохан посадил нас на паром, вручив в дорогу пакет с фруктами, а сам уехал на работу.

Джорджтаун действительно был интересным городом. Благодаря тому, что от большой земли его отделяет платный тринадцатикилометровый мост и столь же платный паром, в Джорджтауне не так много автотранспорта, и воздух пахнет настоящим солёным океаном, а не выхлопными газами, как в большинстве современных городов. Мы гуля-

ли по приветливым улочкам, любовались колониальной архитектурой, и отдыхали в ухоженных зелёных скверах. В одном из кафе был бесплатный WiFi, благодаря которому мы час провели в Интернете, сидя с ноутбуком под окнами этого кафе. Пробыв на острове почти семь часов, мы вдоволь нагулялись и вернулись к Даасу. Пока мы ужинали варёной картошкой, Даас задал мне странный вопрос:

– Вы знаете, что растения понимают людей?

– Да, знаем. Они чувствуют эмоции, об этом много книг написано.

– Книги – это просто слова. Не стоит верить всему, что написано в книгах. Видели ли вы, как растения чувствуют эмоции?

– М-м-м... Я не уверена в этом.

– Хотите посмотреть?

– Да, конечно!

Даас вывел нас на улицу и подошёл к одному из кустов, растущих возле его дома. Куст украшали изящные зелёные листья с молочно-белой каймой, но на середине одной из веток листья были в два раза крупнее остальных и сильно отличались по цвету – они были насыщенно-зелёными, без каймы. По мере приближения к основанию необычной ветки, границы нижних листьев постепенно приобретали светло-зелёную окраску. Даас прикоснулся губами к самому большому из зелёных листьев и сказал по-английски: «Я люблю тебя».

– Я делаю так каждый день. Целую один и тот же лист, и говорю ему эти слова, – пояснил он. – И вот, наглядный результат: этот лист – самый сильный и красивый из всех, хотя растут они из одного корня.

– Это восхитительно, Даас! Возможно, этот лист – самое важное из всего, увиденного нами сегодня!

Не стану комментировать этот опыт, пусть каждый

сам для себя делает выводы.

Утром мы уехали. До границы с Таиландом добрались на удивление быстро, и, в районе полудня, во второй раз в жизни покинули гостеприимную Малайзию. Счастья вам всем, наши новые малайские друзья. Мы повернулись лицом к полуострову Малакка, и я помахала рукой всем тем, с кем мне довелось встретиться здесь. Прощайте! Дима, как всегда сдержанно, поклонился.

Глава 19. ЧЕРРИ, АОМ И ИХ НОВЫЙ ДОМ

*Не богатство – друг, а друг – богатство.
Народная мудрость*

Судя по тому, с какой скоростью мы передвигались, судьба намеревалась доставить нас в столицу Таиланда как можно скорее. Мы были этому только рады. В один из вечеров, увидев с дороги золотые ворота буддистского храма, решили попроситься к монахам на ночлег. Обычно нам выделяли какую-нибудь пустующую монашескую келью при храме или спальное место в зале для общих собраний, но у здешних монахов было оригинальное чувство юмора, так как спальные циновки они нам расстелили прямо на алтаре Будды, посреди самого храма. Туда же принесли кастрюльку тёплого риса и термос с холодной водой. Спали мы в окружении позолоченных и посеребрённых чаш, под сенью расшитых золотом вееров – подношений большому Будде, восседавшему на мраморном пьедестале в двух метрах от нас. С рассветом мы встали, аккуратно свернули циновки и отправились искать монахов, чтобы поблагодарить их за ночлег. Монахи в это время провожали в путь других постояльцев храма – вчера вечером к ним заехали с той же целью, что и мы, странствующие торговцы шезлонгами, кото-

рые сейчас укладывали спальные принадлежности в кузов своего старенького грузовичка.

– Куда вы направляетесь, путешественники? – спросил один из них.

– В Бангкок, – ответила я.

– И мы в Бангкок. Может, вас подвезти?

– Спасибо, но у нас денег нет, мы заплатить не сможем.

– А мы и не просим денег. Люди с деньгами обычно в храмах не ночуют. Мы вас прекрасно понимаем – сами в такой же ситуации. Шезлонги наши покупают редко, еле на бензин и еду хватает. Залазьте в кузов! Здесь как раз на двух людей с рюкзаками место осталось.

– Спасибо вам, монахи, за ночлег, еду и знакомство с этими добрыми людьми! – обратилась я к служителям Будды, поклонившись им.

– Счастливого пути вам, Лина и очень хорошо, – ответил с улыбкой монах, который приносил нам вчера еду.

Я перевела Диме эту странную фразу так: «Счастливого пути и всего хорошего», а Димино имя монах, видимо, забыл.

Мы забрались в кузов и с комфортом разместились на собственных рюкзаках. Шезлонги, к нашему сожалению, транспортировались в сложенном и упакованном виде, а потому не могли быть использованы по назначению.

Ехать предстояло больше пяти часов. По пути водитель и его друзья решили подкрепиться. Они остановились у небольшого тростникового навеса, скрывающего от солнца жизнерадостную продавщицу и её четырёхметровый мангал, заполненный горячими углями, над которыми ровными рядами покоились сегменты бамбука. Внутри полого бамбукового корпуса находился варёный рис с бобами сладкой сои. Водитель купил нам две бамбучины и показал, как из них извлекают рис: деревянный цилиндрок легко разламывается вдоль волокон пополам, после чего одна из половинок бамбука превращается в плоску с плотным комочком риса, а вторая используется как ложка, или, по желанию, расщепляется на китайские палочки. Когда рис доеден, пустая плоска и палочки возвращаются продавщице, а она подкладывает их в мангал в качестве топлива. Вот такое безотходное производство!

– Как вас зовут, путешественники? – спросил водитель, передавая продавщице нашу использованную «посуду».

– Меня – Лина, моего мужа – Дима.

– Как? Ди Ма?

– Да, Дима.

– Какое замечательное имя, – рассмеялся водитель. – По-тайски «ди ма» означает «очень хорошо»!

– Серьёзно? – удивлённо спросила я, и сразу вспом-

нила, как с нами пару часов назад попрощался монах.

– Серьёзно. Возвращайтесь в машину, Лина и Очень Хорошо! Мы отправляемся!

Когда я перевела новость Диме, он сказал, что его уже не раз называли в Таиланде «Очень Хорошо», но он списывал это недоразумение на своё незнание английского.

Около часа дня грузовичок добрался до пригорода Бангкока. Мы ехали по тому самому шоссе, по которому четыре месяца назад покидали этот гостеприимный город. Мне сразу вспомнились наши бангкокские друзья: Вачара Вачаробл, Мастер, построивший чудо-дом, Черри и Аом. А вот, кстати, и улица, на которой живёт Черри...

– Дима, может, навестим семью Черри и Аом! – предложила я.

– Ты помнишь, какой у них домик маленький? Мы будем там мешаться. Думаю, не стоит.

– Мы не будем оставаться ночевать, просто зайдём повидаться, расскажем о нашем путешествии. Я была бы рада увидеть их вновь. До заката ещё полно времени, давай выйдем, пока не уехали далеко! И Аом писала, что они будут рады видеть нас снова!

– Ну, ладно, давай выйдем, но написать это Аом могла просто из вежливости, – с этими словами Дима три раза хлопнул ладонью по кабине водителя – попросил остановить машину.

Во дворе маленького домика Черри было тихо и пусто. Орхидеевый сад всё также раскачивался под своим деревянным каркасом. Я постучала в приоткрытые ворота. На стук из дома вышла женщина, которую и Черри, и Аом называли тётей. Она удивлённо посмотрела на нас и что-то сказала по-тайски.

– Здравствуйте, а Черри дома? – спросила я.

– Черри, Аом, нет, – к сожалению, тётя не знала англ-

лийского языка, а потому сразу достала мобильник и протянула его мне. – Аом говорить!

– Алло, это Лина и Дима из России. Мы зашли вас попроведать, а вас дома нет, – сказала я в телефон.

– Лина! Как здорово, что вы вернулись! Но мы с мамой теперь живём в другом месте. Подождите у тётки, я за вами зайду. Вы можете подождать? Не сильно спешите?

– Ну, если вы не переехали в другой город, то можем.

Аом прибежала через пять минут. Оказалось, что они переехали на соседнюю улицу. Попрощавшись с тёткой, мы пошли посмотреть на новый дом Черри. Ого! Да это не дом, а дворец... За высоким бетонным забором скрывался шикарный трёхэтажный коттедж, перед которым, на возвышении, стояли сразу два сияющих позолотой изящных домика для духов.

– Я уже позвонила маме, она сейчас приедет с работы. Мы так рады, что вы вернулись!

– Спасибо, Аом, мы хотели просто навестить вас и поехать дальше. Мы домой возвращаемся.

– Как? Вы хотите уже сегодня уехать? – сиявшее радостью личико Аом стало печальным и немного обиженным.

– Не знаем, мы ещё не решили окончательно...

– Оставайтесь! В новом доме даже есть комната для гостей! Бабушка вам грибов нажарит! Оставайтесь, оставайтесь! – ветерок надежды смахнул печаль, и Аом вновь начала сиять ярче позолоты на домиках для духов.

– Только если все нам будут так же рады, как и ты, Аом, – ответила с улыбкой я.

Все были нам рады. Бабушка Аом, увидев меня, сразу воскликнула что-то по-тайски, а Аом, схватившись за голову, поспешила исправить бабушкину бестактность:

– Нет-нет, Лина, ты совсем не толстая!

– О, нет, бабушка совершенно права. В последние

недели мы только и делали, что ели и спали. Я действительно здорово располнела. Но я не беспокоюсь, так как скоро нам предстоит пересечь Гималаи пешком, а там, я уверена, от моего лишнего веса не останется и следа.

Когда Аом перевела это бабушке, та снова что-то воскликнула по-тайски, и удалилась на кухню.

– Бабушка сказала, что для Гималаев ты недостаточно толстая, и она пойдёт готовить вам с Димой обед.

Вскоре приехала Черри. Мы вышли встречать её на крыльцо. В ворота въезжал новенький светло-серый седан со слаботонированными стёклами. А за рулём... Черри! Всё та же вечно молодая жизнерадостная девушка! Только в строгом деловом костюме. Жизнь – непредсказуемая штука. Всего четыре месяца назад они вдсятером (считая кота) жили в маленьком домике, а теперь у Черри свой автомобиль и дом, в котором комнат в два раза больше, чем жильцов. Казалось, мы с Димой, уже столько раз убедившиеся в переменчивости жизни, должны легко воспринимать такие изменения, но... Я смотрела, как Черри достаёт ключи из замка зажигания и небрежным движением бросает их в маленькую чёрную сумочку, уверенной походкой направляется к нам, цокая высокими каблуками, на которых я так и не научилась ходить... И мне показалось, что я смотрю какой-то рекламный ролик... Как-то это нереально... Unbelievable... Но стоило Черри улыбнуться нам, как наваждение исчезло, сменившись искренней радостью от встречи с очередным житейским чудом. Черри мечтала о большом доме, и её мечта сбылась. Что тут удивительного? Я, неожиданно для себя, поняла, что воспринимаю коттедж Черри, как нечто закономерное и логичное. Мне даже не пришло в голову спросить: «Откуда у тебя всё это?», но Черри, не дожидаясь вопроса, сразу ответила на него:

– Через месяц после того, как вы уехали, мой муж,

отец Аом, подарил нам с ней этот дом. Я перевезла сюда своих родителей. А мой брат и племянник каждый день приходят к нам в гости, чтобы поиграть в видеоигры, сидя перед широкоформатным телевизором. Так что наша большая семья всё ещё в сборе, хотя и живём мы теперь на разных улицах. И вся наша семья всё ещё очень любит путешественников! Оставайтесь сколько хотите, а когда уедете, возвращайтесь снова. Эти двери всегда открыты для вас!

– Спасибо Черри! Мы, пожалуй, воспользуемся твоим гостеприимством на время оформления виз. Ты, случайно, не знаешь, где находится посольство Мьянмы?

– Это легко узнать. Идите отмывайтесь, переодевайтесь, а я пока поищу необходимую вам информацию.

Черри нашла адрес посольства, набросала нам схему проезда до него и даже выяснила время работы визового отдела:

– Документы на визу принимают только по будням до обеда, а сегодня пятница, так что до понедельника у вас – отпуск.

На время этого отпуска выпал день моего рождения. После заката мы с Димой, Черри и её папой сидели в одной из комнат и смотрели телевизор. Причём то, как мы его смотрели, категорически не устраивало папу Черри, которому пришлось пересест вплотную к динамикам, чтобы не слышать нашу болтовню. Черри уже больше часа в подробностях выпытывала у меня всё, что случилось с нами за последние месяцы. Как только я вошла во вкус повествования настолько, что меня уже было сложно остановить, в комнату вошла Аом и попросила Диму помочь ей на кухне. Помощь, вроде как, требуется чисто физическая, так что Дима справится без переводчика. Уходя, Аом погасила свет. «Экономит электроэнергию – молодец!» – подумала я и продолжила свой рассказ. И вдруг... лёгким ударом ноги дверь рас-

пахнулась, и в тёмную комнату вплыл мерцающий огонёк свечи. Все, включая улыбающегося в свете кинескопа папу Черри, затагнули: «Happy birthday to you!». Я захлопала в ладоши и выпалила на одном дыхании:

– Спасибоспасибоспасибо вам всем!

– Загадывай желание, Лина, и задувай свечку, – ответила Аом, придерживая поднос с тортом с одной стороны (с другой стороны стоял Дима).

– А у меня всё есть... Есть замечательный муж и прекрасные друзья. Есть мечта, и есть уверенность, что она непременно осуществится. Чего же ещё желать? Разве что, мира во всём мире? – и я задула свечку, желая добра всем людям на Земле. Пусть каждый обретёт мир в душе. Тогда и на Земле наступит мир.

Аом включила свет, и мы вместе с тортом отправились на кухню, оставив, наконец-то, улыбающегося папу Черри наедине с телевизором. Оказывается, пока я рассказывала о наших приключениях, мама Черри готовила праздничный ужин. Телевизор был призван заглушать звон кастрюль на кухне. Когда нас с Димой усадили во главе длинного стола, Аом, Черри и её мама стали выносить блюда с различными яствами. Уставив ими весь стол, они присоединились к нам. Разумеется, съесть всё, что находилось на столе, было нереально, так что мы, не спеша, принялись пробовать одно блюдо за другим. Всё было безупречно! Я встала из-за стола и поклонилась маме Черри, попросив Аом перевести, что её еда бесподобна. Меня тут же усадили обратно и наложили полную тарелку жареных грибов.

– Моей маме достался весь кулинарный талант, который должен был бы равномерно распределиться между ней, мной и Аом, – сказала Черри. – В результате, ни я, ни Аом вообще не умеем готовить, а мама готовит как три шеф-повара.

– Это логично. Если у вас дома живут три шеф-повара, вам и не нужно уметь готовить.

– И всё же, мне бы тоже хотелось научиться... Но стоит мне взяться за готовку, и еда сразу подгорает. Тогда мама говорит, что я всё ещё ребёнок, прогоняет меня с кухни и готовит сама. Мне уже пятый десяток, а она до сих пор считает, что я маленький ребёнок. Я уверена, что мама ни за что бы не позволила мне путешествовать так, как вы. Представляю, как сейчас переживает твоя мама.

– Мамы всегда считают своих дочерей маленькими детьми. И всегда беспокоятся за них. Путешествуют ли они, идут ли в детский сад, или на работу. Ведь ты тоже считаешь, что Аом – ребёнок.

– Это другое дело, Аом – действительно, ещё ребёнок.

– Черри, ей почти пятнадцать.

– И даже не спорь со мной. Ребёнок. Аом – маленький ребёнок. И я ни за что не отпущу её на край света, тем более, без денег. А если и отпущу, то только при условии, что она мне каждый день будет звонить. Вот ты, как часто своей маме звонишь?

– Не очень часто. Раз в девять месяцев. То есть, за всё путешествие – один раз.

– О, Боже! Разве так можно! Вот тебе ещё один подарок на день рождения, – Черри достала из сумочки свой мобильный. – Звони маме. И не спорь.

Я снова позвонила маме. Сказала, что мы едем домой и, возможно, до Новосибирска доберёмся месяца через три-четыре. Сказав фразу «едем домой», я почувствовала, как по моим щекам потекли слёзы. На этот раз рыдала я, а мама меня утешала. Когда я положила трубку, в голове пронеслось: «...а ведь мне, действительно, Гималаи с высокими перевалами пешком переходить придётся... Надеюсь, мама об этом не догадывается». И вдруг, где-то в

глубине души шевельнулась колючая мысль о незавершённой кругосветке. Сознанием я понимала, что путешествовать так долго – бессмысленно. У меня уже все страны в воспоминаниях смешались. После стольких месяцев странствий то, что выглядело со стороны интересным приключением, превратилось для нас в рутину. Разумнее делать ставки на качество, а не на количество воспоминаний... Но где-то, в глубине души...

Мы прогостили у Черри десять дней. Получили визы Мьянмы, и, немного поразмыслив, решили запастись и китайскими визами тоже. На всякий случай. Кто знает, что нас ждёт в новой стране? Если учесть, что в посольстве Мьянмы не было ни одного свободно говорящего по-английски человека, а в анкете имелись пункты типа: «цвет глаз», «телосложение», и «рост», то от этой страны, видимо, можно было ожидать какого-нибудь подвоха.

Все наши сбережения достались визовому отделу посольства Мьянмы, а аналогичный отдел китайского консульства ожидал от нас вдвое большей суммы, следовательно, нужно было ехать дальше. В пути деньги сами найдутся – или работой, или подарками, или находками. Ближайшее к Мьянме китайское консульство находилось в Ченг Мае – крупном туристическом городе на севере Таиланда. От Бангкока до Ченг Мая около 800 км, и если на этом пути нас ждёт работа, выехать стоит пораньше. Значит, пришла пора прощаться с семьёй Черри и Аом. Юная тётя Аом, по имени Мим, подарила мне в дорогу тонкий хлопчатобумажный шарфик – чтобы в Гималаях не замёрзнуть. Прощались мы ещё сердечнее, чем в прошлый раз. Чтобы не утопить дорогих читателей в слезах, я не стану описывать сцену прощания. Черри отвезла нас на выезд из города, и протянула мне три новенькие тайские купюры: «Знаю, что вы не возьмёте

деньги, поэтому дарю вам сувениры с портретом нашего короля: дома на стену повесите!». Вот такая она, Черри, славная.

Мы шли по трассе, наслаждаясь тяжестью рюкзаков. Как здорово после нескольких недель отдыха вернуться на дорогу. Лучше этого может быть лишь хороший отдых после нескольких недель дороги. Около живописного придорожного озера с восхитительными гигантскими лотосами мы устроили привал. Дима разулся и полез в воду – фотографировать цветы, а я села у обочины дороги, любоваться ими издали. Надо же, на берегу – мусор, прямо над озером – паутина электропроводов, а в воде – сказочные цветы. Какая природа умница. И сквозь асфальт травинкой пробьётся, и в городской помойке лотосом расцветёт. Нет, не стоит мне за будущее планеты беспокоиться. Она с нами справится. Природа и должна быть сильнее человека. Чтобы ошибки наши исправлять. От нас требуется лишь начать учиться на своих, общечеловеческих, ошибках. Лично для себя я выбор уже сделала – моего мусора эти помойки не увидят.

Мы проехали автостопом несколько городов и, шагая по тротуару очередного населённого пункта, увидели у дороги дерево кешью с вызревшими орехами. Орешки висели под высохшими яблоками кешью, и были покрыты прочной оболочкой, которую никак не удавалось разломить руками. Поленившись достать нож, мы разгрызли орешки зубами, о чём сразу же пожалели: прочная скорлупа имела внутри пористую структуру, и поры её были заполнены невероятно едкой жидкостью, оставлявшей ожоги на коже. Так что, к тому моменту, как мы сумели-таки освободить нежный ароматный орешек, почувствовать его вкус наши рецепторы уже были не в состоянии.

Я хотела набрать в дорогу побольше кешью, но Дима онемевшим ртом сказал, что если из-за каждого ореха мы

будем так мучиться, то уж лучше взять их с собой не больше дюжины. Я тщательно отобрала самые большие и красивые орешки и упаковала их в провизионный мешок.

Работа как-то не находилась. Ченг Май приближался, а денег всё не было. В один из дней нас подобрал на трассе фермер, специализирующийся на выращивании папайи. Я, конечно, сразу спросила, не нужны ли ему работники, но работники у него были, и даже больше, чем нужно: «Из Мьянмы много молодых ребят приезжает на заработки, – сказал он. – Они готовы работать за копейки, в самых сложных условиях, так что вряд ли вам удастся найти в этих краях работу. Я могу взять вас на свою ферму, но только в качестве гостей, а не работников. Переночуете у меня, а завтра я вас обратно на трассу отвезу. Согласны?»

Согласны. Вскоре мы уже стояли под широким навесом, возвышавшимся посреди фермерского поля. Низенькие мьянманцы в широкополых шляпах и кепках, обмотанных шарфами или старыми футболками, поливали и окучивали молодые деревца папайи, ровными рядами уходившие за горизонт.

– Я вас познакомлю, когда они закончат. А пока можете перекусить, – фермер вручил нам несколько пакетов фруктов и бутылку газировки, которые он купил на ближайшем придорожном рынке, после того, как мы согласились побыть его гостями. – А мне нужно уйти по делам. Найдёте, чем занять себя в ближайший час?

– Разумеется. Можно, мы сфотографируем ваше поле? – спросила я.

– Нашли о чём спрашивать! Фотографируйте, что хотите, и вообще, чувствуйте себя, как дома.

В течение этого часа мы фотографировали папайи, бананы, гигантские агавы и мьянманцев, чем здорово отвлекали их от работы. К концу дня они пришли под навес –

знакомиться с нами. Фермер попросил показать работникам несколько наших фотографий из путешествия. Комментировать фотографии пришлось жестами. Симпатичные мьянманцы так увлеклись просмотром, что даже забыли про еду, которую принёс им фермер. Ребятам понравились наши фотографии, а я была рада, что смогла скрасить их трудовые будни. После ужина одна из девушек-работниц подарила мне красивый белый саронг в цветочек и проинструктировала, как его надевать, предупредив забавной пантомимой: «Будь бдительна! Саронги имеют свойство сваливаться в самый неподходящий момент!».

Мьянманцы нам понравились. Это были открытые, добрые ребята. Хотелось оставить им что-нибудь в подарок, но, кроме простых советских монеток, у нас ничего не было. За время путешествия у меня накопилось шесть браслетов, три из которых подарила мне Черри. «Подарки не передарки», – говорили мне когда-то в детском саду. Но если очень хочешь оставить человеку на память хоть что-нибудь, а кроме подарков, у тебя ничего нет... приходится дарить подарки. Я сняла с руки голубой браслетик, доставшийся мне от Черри, и протянула его девушке. Ребятам мы раздали монетки. Как хочется, чтобы они нашли то, что ищут. То, ради чего они уехали из дома, из своей страны. Ведь, наверное, это что-то стоящее...

Утром фермер отвёз нас обратно на трассу. До Ченг Мая оставалось меньше ста километров, а денег на визы всё ещё не было. Мы бодро шагали вдоль дороги, когда промчавшаяся мимо машина неожиданно затормозила и свернула на обочину. За рулём сидела девушка лет двадцати трёх. Она вышла из машины, и, дождавшись пока мы подойдём до неё, спросила:

– Откуда вы здесь, путешественники? На этой дороге не то что иностранцев, даже местных жителей не встре-

тишь.

– Мы на ферме ночевали, в двадцати километрах отсюда. А сами мы из России. Без денег по свету путешествуем.

– Куда путь держите?

– В Ченг Май. Там консульство китайское есть. Но нам пока рано в город – у нас ещё денег на визы нет. Мы надеемся найти работу на полях. Заработаем деньги, и пойдём получать китайские визы. Мы домой возвращаемся – в Россию.

– Пешком?

– Пешком и автостопом.

– Вы с ума сошли!

– Нам все это говорят.

– Садитесь в машину, я вас подвезу немного. Я живу в ближайшем городке, но хоть на несколько часов, да сокращу ваш путь домой. Боже мой! Пешком в Россию! Через Китай! Там же холодно!

Девушка расспрашивала нас о путешествии все пятнадцать минут, что мы провели в её машине. Добравшись до своего города, она велела нам ждать в машине, а сама сбегала к банкомату.

– Я надеюсь, это поможет вам в пути, – сказала она, протягивая мне тысячу бат – самую крупную из тайских купюр.

– Что Вы! Это слишком много. Мы не можем принять такой подарок.

– Берите. Вам не найти работы на полях. Здесь везде работают эмигранты из Мьянмы. Если бы я была на вашем месте, уверена, вы поступили бы также. И я бы взяла деньги.

Вот так. Ну как этим людям не посвятить книгу? Как не рассказать о них? Они отдают свою одежду, еду, деньги тем, с кем знакомы пятнадцать минут! Они пускают нас в свои дома, тратят на нас время, порой, даже не назвав своих имён! Мы не просим их о помощи, но они всегда помогают нам. Почему? Да потому что не выживет общество, в

котором «человек человеку – волк», мы не испуганные звери, а люди. Мы до сих пор живы, потому что способны увидеть вчерашних или завтрашних себя в тех, кому сегодня нужна помощь. В каждом человеке на Земле – мы! И мы каждый день спасаем себя от нас же самих. Только человек способен устроить столько проблем на ровном месте. Нарисовать на глобусе границы, вырубить леса, отравить воду в реках и соорудить атомную бомбу. Мы – наши лучшие друзья, и мы – наши самые коварные враги. Парадокс? А я уже привыкла. Я вообще сомневаюсь, есть ли в этом мире хоть что-нибудь не парадоксальное...

Мы не знали, сколько точно стоят визы, и ориентировались на цену наших прошлогодних китайских виз. Нам не хватало ещё нескольких сотен батов. Приняв решение идти дальше пешком, мы свернули в редкий молодой лес, растущий вдоль дороги – идти по редколесью было легко и приятно. Казалось, что в два дня ходьбы чудес может вместиться больше, чем в час езды. Мечталось набрести на полянку, заросшую грибами, бамбуком или хотя бы кокосовыми пальмами... Но лес был какой-то подозрительный. Ни птиц, ни животных, ни плодовых деревьев мы в нём не нашли. Утром второго дня пути мы вышли к гигантскому раскопу: под сорокаметровым навесом покоилось древнее окаменевшее дерево. Его ствол лежал на земле, полностью откопанный и очищенный от глины. Дерево сохранилось превосходно – можно было рассмотреть узор коры и годовые кольца на сломках окаменевшей породы. Диаметр ствола составлял порядка полутора метров. Значит, когда-то здесь росли такие деревья... Что же произошло? Сейчас самые толстые стволы еле дотягивали до тридцати сантиметров... Стоит заметить, что в пустыне Сахара, в песках которой мы встретили 2010 год, мы тоже находили фрагменты таких окаменевших деревьев. И опознать в этих фрагментах дре-

весину мы смогли лишь благодаря этому самому окаменевшему гиганту, впервые увиденному нами в Таиланде... Разумеется, учёные давно доказали, что раньше на территории Сахары текли реки и росли густые леса, но когда собственноручно собираешь в центре пустыни ракушки и находишь ствол гигантского окаменевшего дерева, то прошлое обретает в твоём сознании гораздо более чёткие формы, чем когда получаешь противоречивые данные из разных учебников и энциклопедий. Но вернусь к 2008 году, когда мы, пыльные и голодные, отдохнули в тени навеса и отправились дальше на север.

Голод уже начал заметно отвлекать от размышлений о прекрасном, а потому, как только на верхушке одного из самых высоких деревьев Дима заметил гроздь ярких красных шариков, он тут же полез на это дерево, в надежде добыть нам на обед сочных спелых плодов. Забравшись на высоту около десяти метров, он рассмотрел яркую гроздь поближе и обнаружил, что это не плоды, а цветы. Они оказались совершенно несъедобны. Намереваясь спуститься, Дима ухватился за ближайшую ветку и замер, глядя прямо перед собой.

– Что с тобой? – удивлённо спросила я.

– А ты не видишь? – спросил он, неподвижно вися на ветке и глядя в одну точку.

– Не вижу... Там змея? Пчёлы?

– Обойди дерево, посмотри внимательнее.

Выискивая в жидкой кроне притаившегося на ветке медведя, я обошла дерево. Медведя не было.

– Хватит там висеть, спускайся давай. Там никого нет.

– Это дикие орхидеи. С воздушными корнями. Я давно мечтал увидеть, как они растут в природе. Посмотри, какие они красивые!

Присмотревшись, я, действительно увидела пучок

белых воздушных корней и несколько маленьких бордовых цветов, свисавших с ветки дерева рядом с Димой. Но рассмотреть, насколько они красивы, мне не удавалось. А лезть на такую высоту не хотелось. Простите меня, цветочки, но вы из Диминой мечты, а не из моей. Я вздохнула, и села на землю, покрытую толстым слоем шуршащих жёлто-коричневых листьев. Вот, сижу я под деревом желаний, Диминой кальпаврикшей. И не хочу подняться на каких-то десять метров. Не хочу прикоснуться к чуду. Почему? Я подняла с земли опавший лист. А разве это – не чудо? Разве не прекрасен этот сухой лист с тонкими прожилками? Прекрасен. Он совершенен. Чудеса – вокруг нас. Не нужно уходить из дома, чтобы увидеть мир. Весь мой мир – во мне. Но чтобы понять это, мне пришлось уйти из дома. Очередной парадокс...

Проведя вторую ночь в этом лесу, мы решили выйти к дороге. По нашим подсчётам, Ченг Май должен был быть где-то совсем рядом. Но когда мы вернулись на трассу, то не обнаружили никаких признаков большого туристического города. Всё тот же редкий лес по обе стороны дороги, да одинокая автозаправка в двухстах метрах от нас. Дима остался сидеть с рюкзаками у обочины, а я отправилась в дамскую комнату при автозаправке – умыться и пополнить запасы воды в бутылках. На заправке стояла единственная машина, и я, закручивая на ходу крышечку бутылки с прохладной водопроводной водой, подошла к сидящей за рулём женщине с вопросом:

– Не подскажете, далеко ли до Ченг Мая?

– Недалеко, около десяти километров.

– Спасибо, – я направились было к Диме, но женщина окликнула меня:

– А где ваша машина?

– У нас нет машины.

– И не было?
– Не было. Мы сюда пешком пришли.
– Откуда? Здесь вокруг лес один!
– Из России. А по лесу мы идём только третий день. Нас иногда добрые люди по дороге подвозят. Вот, довезли из Бангкока до этого леса.

– А в Бангкок вы на самолёте прилетели?
Итак, женщина меня не отпустила. Пока она задавала вопросы о нашем путешествии, Дима взял оба рюкзака и тоже подошёл к машине.

– Это мой муж и наши рюкзаки, – сказала я.
– Очень приятно. Я хочу пригласить вас всех в гости. Я держу магазин в Ченг Мае, и, пока ваши китайские визы будут оформляться, вы можете жить при магазине.

Через двадцать минут мы уже вытаскивали рюкзаки из багажника автомобиля, припаркованного возле огромного магазина изделий из натуральной кожи. Одна из продавщиц была выделена нам в помощницы.

– К сожалению, я очень занята, и даже не смогу навещать вас, – сказала хозяйка магазина. – Но эта девушка поможет вам разместиться. Обращайтесь к ней с любыми вопросами.

– Спасибо Вам большое! Мы сегодня же отправимся в консульство, чтобы поскорее получить визы, и не беспокоить вас.

– Сегодня – не получится. Сегодня – суббота.
– Как? Опять суббота? Эта неделя прошла слишком быстро...

– Что неделя? У меня вот десять лет прошли слишком быстро! – женщина рассмеялась. – Не спешите. Отдыхайте, сколько вам нужно.

Девушка отвела нас в общежитие, расположенное в трёх минутах ходьбы от магазина, и ушла, оставив Диме

ключ от выделенной для нас комнаты. Помывшись и постиравшись, мы обнаружили, что всё ещё невероятно голодны. Что ж, видимо, пришла пора чистить кешью... Я сумела расковырять посредством ножа восемь орешков, заодно сменив кожный покров загорелых пальцев на новый – нежно розовый. Выглядело это странно, но зато теперь хотя бы мои пальцы напоминали о том, что я принадлежу к европеоидной расе. Жаль только, чувствительность подушечек пальцев пропала, а поверхность стола, на котором я препарировала орехи, заметно покорёжилась.

Не секрет, что вкус продуктов, которые ты получаешь непосредственно от природы, выгодно отличается от вкуса тех же продуктов, купленных у посредника. Мы оба сделали вывод, что эти кешью чем-то напоминают по вкусу грецкие орехи, и бесспорно, гораздо нежнее и мягче продаваемых в России. Но даже ради этого удивительного вкуса, чистить кешью я впредь ни за что не буду. Уверена, что есть более безопасный способ их очистки, иначе они бы не стоили на рынках так дёшево (до этого инцидента я была уверена, что кешью – дорогие орехи).

Мы не могли больше отдыхать, хотелось поскорее разделаться с визами и отправиться дальше – форсировать Гималаи. Но, когда в понедельник мы посетили консульство, то оказалось, что визы не подешевели, и нам, действительно, нужно ещё двести батов. Вернувшись в магазин изделий из кожи, мы разыскали девушку, к которой нам велели обращаться с вопросами, и я поинтересовалась у неё, нет ли в магазине работы на двести батов – что-нибудь перенести или помыть. Девушка ответила, что работников в магазине более чем достаточно, но, возможно, мы сможем помочь лично ей. Она – специалист по работе с иностранцами, так как отлично говорит по-английски, чуть-чуть по-немецки и по-французски. В их магазин часто заходят русские тури-

сты, но они, как правило, совершенно не владеют иностранными языками, так что, русские для неё – большая проблема. Как объяснить на языке жестов, что эта сумочка сделана из кожи ската, который умер естественной смертью? Итак, проведя небольшой урок узкоспециализированного русского языка, мы с Димой получили недостающую сумму, и на следующий день сдали в визовый отдел наши документы. На оформление самых дешёвых виз требовалась неделя, а значит, у нас было время съездить на границу с Мьянмой и уточнить условия перехода. Жаль только, паспорта наши остались в китайском консульстве, а потому нам стоило избегать встреч с полицией. Мы разыскали хозяйку магазина, поблагодарили её за гостеприимство и отправились на границу.

Глава 20. ЕДИНСТВЕННО ПРАВИЛЬНЫЙ ПУТЬ

*Выйти из-под власти суровых законов
природы может только тот, кто предался
лотосным стопам Верховного Господа.*

Бхагавад-Гита (7.14)

Прибыв на границу, мы сразу обратились к офицеру, который проверял паспорта у отбывающих из Таиланда:

– Добрый день, сэр, наши паспорта сейчас в китайском консульстве, – с этими словами я протянула ему мультифору с ксерокопиями наших загранпаспортов. – Мы хотим поговорить с мьянманскими пограничниками, чтобы уточнить условия перехода.

– Между Таиландом и Мьянмой есть нейтральная полоса. Чтобы пересечь её, вы обязаны в официальном порядке покинуть Таиланд – то есть, поставить выездные штампы, – ответил офицер. – Я не имею права пропустить

вас без паспорта. Простите, мэм, но это правило.

– Конечно, сэр, мы понимаем. Но, возможно, вы знаете, не придётся ли нам платить за въезд или выезд из Мьянмы? У нас есть визы, мы получили их в Бангкоке, но в некоторых странах, помимо этого, нужно платить на границе. И, к сожалению, узнать об этом можно только на границе.

– Насколько мне известно, вам придётся заплатить 10\$ за въезд. Но если у вас есть визы, платить, возможно, не придётся. Выезд – бесплатный. И лучше запаситесь долларами заранее. Обменный курс батов на доллары у мьянманцев очень плохой. Но вы правы, точно вы всё узнаете только по ту сторону нейтральной полосы – я – тайский офицер, и знаю лишь тайские законы. Всё, что мне известно о Мьянме, это случайно полученная информация.

– Спасибо вам, сэр. Всего доброго!

– Всего доброго! До свидания.

С такими офицерами разговаривать – одно удовольствие. Люди, будьте вежливы!

У нас оставалось четыре полных дня до окончания оформления китайских виз, из них два можно было оставить на дорогу до Ченг Мая, а ещё два? Правда, а куда девать ещё два дня? Может, книгой заняться? Жалко, что у нас один компьютер. Книгу мы оба писали одновременно, и оба рвались к клавиатуре, чтобы поскорее облечь в словесную форму наши последние впечатления. Но при этом, я уже не раз подумывала о том, чтобы и этот единственный ноутбук подарить какому-нибудь хорошему человеку. Вес ноутбука составлял 25% от веса всего моего рюкзака, и я таскала его на спине уже десять месяцев. Спасало компьютер лишь то, что он отлично работал. Это был мой первый компьютер с лицензионной операционной системой, и, стоит признать, лицензия оправдывала свою стоимость. Мы допускали, что в Мьянме могут быть проблемы с электричеством, а потому

решили, пока есть возможность, провести два дня за ноутбуком. Где? Жизнь покажет.

Стоило нам озвучить своё желание найти тихое место, где можно было бы продуктивно поработать над книгой, как над нашими головами возник невзрачный указатель «Китайская Баптистская Церковь 600м». Разумеется, это было воспринято, как знак, и мы, недолго думая, свернули по указателю. Как ни странно, первое, что у нас спросили в церкви, было не наше вероисповедание, а наши паспорта. Встретивший нас паренёк, практически не говоривший по-английски, отвёз в иммиграционную службу ксерокопии наших паспортов и камбоджийского документа пешеходных путешественников. Когда иммиграционка подтвердила, что мы чисты перед законом, паренёк начал относиться к нам, как к лучшим друзьям. Напоив и накормив нас, он позвонил жене пастора. Женщина отлично говорила по-английски, и вскоре приехала в церковь, чтобы поговорить с нами. Разговор она начала с извинений:

– Вы уж простите, что мы сразу вашими документами заинтересовались. Мы живём на границе с Мьянмой, так что у нас много проблем с нелегалами – бедняки из Мьянмы, Лаоса и Камбоджи постоянно пытаются перейти границу и устроиться на работу в Таиланде. Кроме того, на границе обострилась ситуация с наркоторговлей. Так что мы должны точно знать, с кем имеем дело. Теперь, когда мы знаем, что вы находитесь в Таиланде легально, церковь с радостью предоставит вам комнату в христианском отеле.

– Но мы не христиане, – сказала я, подумав при этом, что уж на кого-кого, а на бедняков из Лаоса мы совсем не похожи.

– А вы верите в Иисуса?

– В Иисуса верим, но религий не придерживаемся.

– Лишь через Иисуса Христа людям дано познать Рай,

– на этой фразе жена пастора посмотрела на потолок, и её взгляд подёрнулся мечтательной дымкой. – Я раньше была буддисткой, старалась делать добрые дела, ходила в храмы... Но сердце моё было пустым. Когда я познала Христа, сердце моё наполнилось любовью, и открылся в сердце источник, фонтан счастья, что наполнил жизнь мою радостью. Я знаю, что рождена грешницей, но я стараюсь делать добро, и верю, что Иисус поможет мне, ведь для того, чтобы смыть наши грехи, он отдал свою жизнь. Я надеюсь попасть в Рай, но никто не может быть уверен, куда попадёт после смерти. Грешникам нет места в Раю.

Я уже не раз слышала подобные речи. Они звучат неправдоподобно заученно. Как будто старательный отличник у доски отвечает. А вы знаете, что многие старательные отличники ни слова из заученного не понимают? Как только они услышат от учительницы: «Садись, пять!», из их памяти начисто стирается то, что они только что пересказали. По крайней мере, я была именно такой отличницей.

– А мы знаем, как попасть в Рай, и детям своим там место зарезервировать, – сказала я.

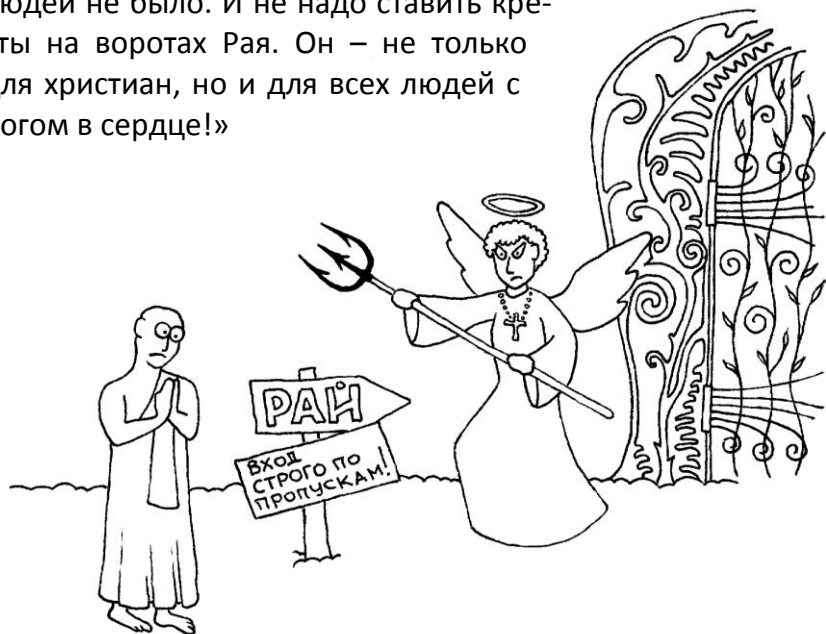
– Как? – воскликнула женщина, чуть ли не испуганно.

– Во время нашего путешествия мы бывали в разных местах, встречались с разными людьми, и поняли одну вещь – самые лучшие места на земле – это сады. Мы видели сады бедняков и сады богачей, все их объединяет одно – тот, кто посадил этот сад, получает удовольствие от любого общения с ним. Одинаково счастлив бедняк, срывающий созревшую папайю в своём саду, и богач, поливающий орхидеи в своём. Рай можно построить на Земле и жить в нём ещё до смерти. А когда мы умрём, Рай достанется нашим детям и внукам. – Сказала я.

– Но грешник не может жить в Раю, он не способен создать Рай, а мы все грешны... вот, смотрите, в Библии ска-

зано: «Нет среди вас праведников», – женщина торопливо раскрыла тайско-английскую Библию, где слева страницы шли абзацы на тайском, а справа – на английском. – Мы грешны и должны просить господа Иисуса Христа помочь нам, простить нам грехи наши, чтобы попасть в Рай. Вот стакан чистой воды, эту воду можно пить, но стоит добавить капельку из грязной лужи, и эту воду нельзя будет пить. Также человек – даже один крохотный грех закрывает ему дорогу в Рай. Только через Иисуса можно стать праведником. Только Иисус может привести нас в Рай.

Я уже говорила не с женой пастора, а со всеми радикально настроенными христианами планеты. Они все тыкали пальцами в Писание и повторяли: «Ты – грешница, ты – грешница! Рай – не для тебя!». И всем им я ответила: «Нет, я не грешница. Иисус говорил это конкретным людям, почти две тысячи лет назад, и меня среди тех людей не было. И не надо ставить кресты на воротах Рая. Он – не только для христиан, но и для всех людей с Богом в сердце!»

Мы отказались от комнаты в христианском отеле, поэтому жена пастора выделила нам учебный класс воскресной школы, пустующий шесть дней в неделю, и мягкие матрасы. Дважды в день нам приносили вегетарианскую еду и воду. Это было даже больше, чем требовалось для творчества. Когда Дима писал, я вела философские беседы с редкими посетителями церкви, большинство из которых пели в церковном хоре. Руководительница хора призналась, что выбрала из всех религий христианство только из-за музыки. На мой вопрос, что она думает о Рае, девушка ответила: «Доживём – увидим».

Если учесть, что некоторые мусульмане нас убеждали, что единственно правильный путь – жить по Корану, а некоторые христиане – что единственный путь к Раю – это помощь Иисуса, то, выходит, по их мнению, абсолютно все представители какой-то из этих религий неминуемо отправятся в геенну огненную? Только буддисты и индуисты пока остались в стороне. Может потому, что тему религии мы с ними ещё ни разу серьёзно не обсуждали?

P.S. Я знаю, что далеко не все христиане единогласно отправляют неверных в ад. Многие из них внимательно читали Библию и помнят притчу о добром самаритянине.

Глава 21. ЛОХОТРОН ПО-БИРМАНСКИ

*Мир достаточно велик, чтобы
удовлетворить нужды любого
человека, но слишком мал, чтобы
удовлетворить людскую жадность.*

Мохандас Ганди

Как и планировалось, мы пробыли в церкви два дня. На прощание, девушка, руководившая церковным хором,

протянула нам с Димой конвертик с надписью «Благослови вас Господь». В конвертике лежал... эквивалент 20\$ в батах. Мы подарили ей советскую монетку и отправились в Ченг Май за нашими паспортами. Визы были готовы. К нашему удивлению, они позволяли нам находиться в Китае аж 90 дней. Спасибо за доверие! Узнать бы, чем оно вызвано... Переночевав у буддистских монахов, на следующее утро мы вернулись на трассу, намереваясь сегодня же добраться до границы автостопом. Вскоре мы уже ехали в нужном направлении, и я, как всегда, отвечала на стандартные вопросы. Вдруг, жена водителя спросила:

– А вы были в белой пагоде?

– Нет. Даже никогда не слышали о ней.

– О! Это восхитительнейшее из человеческих творений! Ничего красивее я в жизни не видела. Мы с мужем уже третий раз едем туда. Я настоятельно рекомендую вам поехать с нами. Мьянма подождёт.

Подождёт. Это точно. Мы поехали вместе с водителем и его женой в провинцию Ченг Рай, где находилась некая уникальная пагода, сделанная по авторскому проекту одного художника-архитектора, на частные средства.

– Ваауууу... – вырвалось у меня, когда машина выехала на парковку около белого храма, сияющего в лучах солнца, как платье Мэрлин Монро в лучах прожектора... Очень странное сравнение, но нигде больше я не встречала столько отражающих поверхностей, как на платьях с блёстками и на этом белом храме. Можно, конечно, сравнить это сияние с блеском заштилевшего моря в солнечный полдень или сказочным сиянием свежеснеженного снега в лунном свете, но до столь прекрасных явлений природы, храму, всё же, было далековато.

Жена водителя сказала, что напротив пагоды находится галерея картин архитектора, создавшего это чудо, и

если мы везучие, то, возможно, встретим там самого архитектора. Он живёт в собственной галерее, и изредка выходит посмотреть на людей. Что ж, обязательно зайдём в галерею. Но сначала посетим сам храм.

Под изящным белым мостом, ведущим ко входу в пагоду, в бассейне с фонтанами плавали белые рыбы. И мост, и храм, и множество статуй вокруг поражали тонкостью и качеством исполнения мелких деталей. От каждого объекта расходились в разные стороны витые языки белого бетонного пламени. Те поверхности, которые не были украшены зеркальной мозаикой, покрывала белоснежная штукатурка. Используя тонкие волнистые детали, далеко выступающие за основной массив, архитектору удалось добиться от бетонной громады лёгкости облака. Прежде чем ступить на мост, посетитель пересекал по бетонной дорожке маленький бассейн без воды, со дна которого тянулись в небо редкие языки бело-зеркального пламени и сотни человеческих рук. Рассматривая их, я обнаружила также одну когтистую лапу. У одной из рук на ладони имелся большой выпученный глаз, а другая рука показывала всем входящим средний палец с ярко-красным ногтем. Так как этот ноготь был единственной цветной деталью в бассейне, он привлекал всеобщее внимание. Любопытно, что вокруг храма стояли изваяния различных чудищ – рогатые, зубастые, с длинными тонкими пальцами и кривыми когтями, с высунутыми раздвоенными языками. Я бы даже назвала их демонами, если бы знала, как на самом деле выглядят демоны. После бассейна с руками, посетителя встречали два нага, чьи длинные змееподобные тела лежали на перилах моста. Наги имели свирепый вид, один из них замахивался изогнутым огненным мечом, а второй – дубиной, похожей на бейсбольную битку. У их ног сидели на корточках пузатые гоблин и гоблинша с молитвенно сложенными перед грудью рука-

ми. Очень странные привратники для буддийского храма. Вглядываясь в узоры бетонных облаков, я с удивлением обнаруживала кое-где клыкастые демонские морды... Может быть архитектор напоминал нам о том, что черти предпочитают тихие омуты? И белое и пушистое, может оказаться далеко не безобидным котёнком, а блестящее – не всегда золотом. Или это никакой не буддийский храм...

Но самое любопытное оказалось внутри. Стоило переступить порог белой пагоды, как посетителю открывался вид на сказочную небесную страну, где на оранжево-розовых облаках стояли сияющие маленькие храмы, а над ними возвышался на фоне солнечного жёлто-оранжевого неба гигантский нарисованный Будда с нимбом вокруг головы. Между облаками летали райские птицы с цветами в клювах. Перед нарисованным Буддой восседал в позе лотоса на огненном троне золотой Будда. Вот это, действительно, в духе буддийских храмов. Роспись боковых стен ещё не была закончена, а потому они были закрыты ширмами, между которыми проглядывала светло-серая штукатурка. Мы с Димой оглянулись, чтобы посмотреть, расписана ли стена за нашими спинами... Расписана, и ещё как... Огромная картина во всю стену изображала мир на кроваво-красном фоне. Извергающиеся вулканы на заднем плане обрушивали потоки лавы на бесконечный город, состоящий из бетонных коробок со спутниковыми антеннами на крышах. В одном месте, на переднем плане стояли башни-близнецы Всемирного торгового центра, и одна из башен, обвитая толстым чёрным шлангом от гигантского заправочного пистолета, нарисованного рядом с этой башней, была взорвана. Шланг заканчивался над взорванной башней головами двух демонов, один из которых ловил ртом капли крови, падающие сверху, а второй обливался сияющими белыми слезами. Как много можно сказать картиной... Словами я так не смогу...

На кроваво-красном небе шёл дождь из бомб, ракет, боеголовок и торпед. В другом месте на переднем фоне возвышался гигантский клык, на который были надеты наручные механические часы. В циферблат часов из огненной пасти демона летела боевая ракета. Над клыком висела в кроваво-красном космическом пространстве планета Земля, с грибом ядерного взрыва в Атлантическом океане. Над планетой летала международная космическая станция и американский шаттл, опутанный языком очередного демона. Вообще, демоны были повсюду. Они образовывали своими мордами и когтистыми лапами окантовку двери и проявлялись в языках пламени, пылающего над городами. А из языков демонического пламени, высоко надо всем, прямо напротив гигантского Будды с нимбом, формировалась столь же гигантская злобная морда с красными глазами. Посмотрев в глаз этой морде, я увидела, что прожилки белка этого глаза имеют форму автоматов, ружей, пистолетов и винтовок... Жутковатое зрелище... Но вот, из-за скопища демонов выглядывает человек-паук, а с другой стороны, смело повернувшись к демонам спиной, стоит в чёрном плаще и тёмных очках бессмертный Нео из «Матрицы».

– Офигеть! – дала я высокоинтеллектуальную оценку, достойную дипломированного филолога.

– Да... Впечатляет... Непростой мужик этот архитектор, – ответил Дима. – Пойдём, посмотрим его картины в галерее.

– Пойдём.

По дороге в галерею мы встретили группу монахов в оранжевых одеждах, которые направлялись в храм. Проводив их взглядом, я спросила у одного из прохожих:

– Извините, вы не знаете, случайно, эти монахи пошли в храм на экскурсию или они будут проводить там службу?

– Конечно, проводить службу. Это действующий храм, в нём каждый день службы проходят. Во время служб храм закрыт для туристов.

– А то, что там чертовщина всякая нарисована, их не смущает?

– Но они же молятся Будде, а не чертовщине. В храме нарисован ад и рай. И алтарь стоит там, где нарисован рай. То, что вы назвали чертовщиной – это аллегория ада. Понятно?

– Понятно, спасибо...

Прохожий пошёл по своим делам, а я, глядя ему вслед, подумала: «А почему для аллегоричного изображения ада, художник использовал Нео? И явный намёк на безжалостное убийство времени... Может быть он рисовал не ад, а сегодняшнюю действительность? Просто мы не признаём, что сами устроили себе ад на Земле, и когда нам показывают действительность, отделённую от духовного мира, мы принимаем её за аллегория ада». Но картины – это те же книги, просто написанные на другом языке. Чтобы понять, что именно хотел сказать художник-архитектор этой росписью, нужно понимать этот язык, самому быть художником. Если не самим художником-архитектором...

В картинной галерее, кроме картин, продавались копии участков росписи стен храма и наброски художника. Картины красивые, а цены вполне приемлемые. Если бы не требовательность к условиям хранения, я бы непременно уговорила Диму купить одну картину. Пока я выбирала, какую именно картину я бы купила, по залу пронёсся шёпот: «Мастер здесь...». Я оглянулась. Передо мной стоял в домашних тапочках и длинном халате, задумчивый таец. Он смотрел сквозь стеклянную дверь на улицу. Девушка-тайка, рассматривавшая до этого ту же картину, что и я, безмолвно созерцала его столь восхищённым взглядом, что мне стало

понятно, зачем он выходит в зал.

– Здравствуйте, это Вы построили этот храм? – спросила я.

– Да, – художник перевёл взгляд на меня, и девушка, тихонько взвизгнув, спряталась за мою спину.

– Хорошая работа.

– Спасибо, – художник ещё пару секунд посмотрел на меня, после чего развернулся и скрылся в жилой части своей галереи.

Мы беспрепятственно добрались до границы с Мьянмой, и здесь узнали, что эта страна имеет два равноценных названия – старое и новое. Мне казалось, что это столь же неправильно, как называть Россию – СССР, но на кое-каких документах название страны значилось, как Бирма. Из Википедии, я узнала, что «из-за моноэтнической ориентации нового названия (не учитывающего национальные меньшинства), а также из-за того, что смена названия была инициирована военным правительством, название “Мьянма” не признаётся некоторыми международными политическими организациями и крупными СМИ, которые продолжают использовать название “Бирма”». Как видите, даже с названием этой страны не всё ясно. И уж если народ сам не определился, как называется их страна, то мне с этой задачей тем более не справиться. Так что, дабы не обидеть ни бирманцев, ни мьянманцев, буду впредь называть их по очереди – то так, то сяк.

Тайские пограничники, без вопросов, выпустили нас из страны, поставив выездные штампы и пожелав доброго пути. Мы миновали нейтральную зону и оказались в хвосте интернациональной толпы, которую двое пограничников сортировали на очередь для тайцев и бирманцев, и очередь для всех остальных. Очередь для иностранцев, въезжающих

в Бирму, была длинная, и двигалась очень медленно. Видимо, сюда недавно приехал какой-то туристический автобус. Мьянманские пограничники, усаживая каждого вновь прибывшего иностранца перед камерой, фотографировали его, заставляли заполнить какую-то форму, и... забирали его паспорт. Нас это несколько смутило, и потому, как только подошла очередь, я, сразу открыв паспорт на нужной странице, протянула его пограничнику со словами:

– Нам только въездные штампы поставить нужно. Остальное у нас уже есть.

– Откуда? – удивлённо спросил он.

– Из посольства в Бангкоке.

– Ну-ка, дайте, я посмотрю... – пограничник взгляделся в синюю наклейку в моём паспорте.

– Нет, это же просто виза. С ней нельзя пройти через границу.

– А что с ней можно сделать?

– На самолёте в столицу прилететь можно, а потом улететь оттуда.

– Бред. Виза позволяет находиться в стране четыре недели. Мы за неё деньги заплатили вашему посольству. Что ещё нужно?

– Нужно заплатить 10\$ за въезд, сдать ваш паспорт в сейф, и получить временный паспорт, дающий вам право находиться в Бирме 10 дней. После этого вы обязаны через этот же переход покинуть нашу страну.

– Но в посольстве сказали, что мы можем пройти с нашими визами через этот переход!

– Девушка, подумайте сами: вот мы сейчас здесь, на границе. А посольство где? В Бангкоке! Ну откуда они в посольстве могут знать, можно вам здесь пройти или нет? А я точно знаю – нельзя!

– Я хочу поговорить с начальством. Кто здесь глав-

ный? – этот идиотизм выводил меня из себя. Сколько же можно разводить нас на деньги? Ладно, налоги, они хоть прикрываются нуждами пенсионеров, врачей и учителей, а это? Это же грабёж средь бела дня!

Нас отвели в главный офис. Щупленький начальник посмотрел на меня усталыми глазами, и монотонным голосом повторил то же, что мы услышали от пограничника минутой назад.

– И как Вы по ночам спите, с такой-то работой. Вас же столько людей ненавидит, – прошипела я начальнику в лицо.

– Лена, успокойся, мы ничего не изменим, только дадим им повод арестовать нас, – сказал спокойным голосом Дима.

Я замолчала. В душе всё кипело и рвалось наружу нецензурными английскими ругательствами. Нам не нужно в Мьянму без паспортов. Да, у нас было двадцать долларов – мы заранее обменяли баты на доллары в Таиланде, думая, что тайские деньги нам больше никогда не пригодятся, но теперь нам предстояло вернуться назад в Таиланд, а значит, в Китай мы будем вынуждены идти через Лаос. И за это я ненавидела этот переход с его тупыми правилами ещё сильнее. Мы решили не сдаваться до последнего, и попытаться уговорить тайцев погасить наши выездные штампы. Но вежливые тайские пограничники сказали, что это невозможно. Выездные штампы невозможно погасить. Уехали из страны, значит уехали. И чтобы вернуться, нам необходимо иметь в паспорте выездной штамп Бирмы. Что ж, похоже в Малайзии нам крупно повезло, когда в Малакке нас не оставили умирать на причале от голода. Видимо, погашение штампов – не простая процедура. Мы вернулись в Мьянму. Очередь иностранцев почему-то не убывала. Я пролезла в кабинет без очереди, и спросила у пограничника, с которым мы беседовали до этого:

– Нам нужен только ваш выездной штамп. Можно поставить его бесплатно?

– Конечно можно, только сначала получите въездной, а это стоит 10\$.

– Он издевается надо мной! У, поганец! Ну, я тебе покажу! – это всё по-русски пронеслось в моём сознании вместе со сценой избиения мною ухмыляющейся бирманской физиономии.

Мы снова отправились к начальнику, но, по дороге, Дима остановил меня, и сказал:

– Мне кажется, тебе лучше не общаться с ними. Ты можешь сорваться, и обеспечить нам пару лет отрешённого самосозерцания за решёткой.

– Ты прав. Мне нужно успокоиться.

– Давай заплатим им эти 20\$, и вернёмся в Таиланд. Деньги-то есть.

– Да. Действительно. Только я больше говорить с ними не стану. Если будут что-нибудь спрашивать, отвечай, если сможешь. Если не сможешь, скажи, что не говоришь по-английски. А то я, и правда, могу не сдержаться.

Мы вернулись в очередь, отстояли её ещё раз, и сначала Дима, потом я, прошли стандартную процедуру оформления временных паспортов. Но я всё-таки состроила им в фотоаппарат самое хмурое выражение лица, на кото-

рое была способна. Пусть подавятся, рассматривая мою фотографию. Пусть хоть даже и от смеха, но подавятся. Оплатив в кассе квитанции, мы получили две тонкие

картонки с данными наших паспортов и нашими новыми фотографиями. Глядя на свою физиономию во временном паспорте, я рассмеялась. На душе стало значительно легче. Мы вышли из офиса и перешли дорогу, чтобы встать в очередь отбывающих из страны. В это время, из офиса прибытия, в сопровождении одного пограничника, вышел европеец, громко ругавшийся матом по-английски. Он требовал отвести его к начальству и обещал подать в суд за этот беспредел. Вскоре и он присоединился к нашей очереди, и, получив штамп отбытия, сразу же отправился в Таиланд, вместе с нами. В очереди в Таиланд мы стояли рядом, и я сказала ему, что и нас бирманцы тоже обманули. И если бы не мой терпеливый муж, я бы сейчас громила кабинет начальника его же стулом.

– Я бы присоединился к Вам.

– А потом Вы бы сидели в одной камере с моим мужем и учили его английскому языку ближайšie пару лет.

– А он не говорит по-английски?

– Нет, мы русские.

– Русские! Я люблю вашу страну! – воскликнул мужчина по-русски с небольшим акцентом.

Неприятности с Бирмой были забыты, и, всё время ожидания нашей очереди, мы с удовольствием вспоминали Родину, где наш собрат по несчастью учился четыре года в университете. К сожалению, я забыла, из какой он был страны.

Лишь спустя несколько лет, я узнала, из той же Википедии, что на Мьянму в ночь со 2 на 3 мая 2008 года (спустя 23 дня после описанных выше событий), обрушился тропический циклон, от которого серьёзно пострадало 1,5 миллиона человек. Из них 34 тысячи 273 человека погибли, ещё более 27 тысяч считаются пропавшими без вести. И если бы бирманцы тогда пустили нас по нашим четырёхнедельным

визам, то мы, возможно, тоже попали бы в эти 27 тысяч. Так или иначе, эту страну я ассоциирую со своим белым саронгом в цветочек и открытыми улыбками тех мьянманцев, которых мы встретили на папайевой ферме возле Ченг Мая. Спасибо вам, ребята, что смогли оставить о себе более сильное впечатление, чем тот лохотрон, который нам устроили ваши высокопоставленные соотечественники.

В третий раз оказавшись в Таиланде, мы получили от этой замечательной страны утешительный приз за посещение Бирмы: на неприметном прилавке, в километре от границы, лежали невзрачные зеленовато-коричневые мелкие мандаринки. Ценник, стоявший на них, гласил, что стоят они 3 бата за килограмм. Это примерно 2 рубля 70 копеек. То есть, почти бесплатно. Я извлекла из специального конвертика, бережно хранимого рядом с ноутбуком, новенькую бумажку с портретом короля Таиланда – сувенир, который Черри велела нам повесить дома на стену. Обменяв сувенир на три килограмма мандаринов, мы свернули в ближайший проулок, расстелили на асфальте наши хобы и, положив под спины рюкзаки, уселись на тротуаре обедать. Какие это были мандарины! Под коричневой кожурой скрывалась обычная оранжевая мякоть с белыми прожилками, но на вкус... На вкус она была просто божественна! Таких сочных и сладких мандаринов мы прежде не пробовали. Воистину, внешность бывает весьма обманчива. Из глубины проулка появился седой бородатый европеец, и когда он приблизился к нам, я воскликнула:

– Хеллоу, мистер! Мы только что открыли для себя одно чудо, и нам не терпится поделиться им с кем-нибудь. Попробуйте эти мандарины, они восхитительны! – я протянула ему две маленькие мандаринки.

– Спасибо, – мужчина остановился, и, очистив одну мандаринку, отправил её в рот. – Да, это действительно

превосходные фрукты. Я знаю их, они продаются за углом, не так ли?

– Верно. Удивительно, почему они такие дешёвые? Мандарины, которые стоят в три-четыре раза дороже, значительно менее вкусны.

– Зато у них есть товарный вид, а у этих нет, – мужчина очистил вторую мандаринку. – А почему вы здесь сидите?

– Обедаем.

– А почему не в кафе?

– Да разве можно найти в кафе что-нибудь, хоть на половину столь же вкусное, как эти мандарины!

– Ну, тогда обедайте, не стану вас отвлекать. Приятного аппетита! – мужчина продолжил свой путь.

Доев три килограмма мандаринов, мы поняли, что просто обязаны потратить на них второй Черрин «сувенир». Мы вернулись к прилавку и купили ещё семь килограммов, с трудом распахав их по рюкзакам. Рюкзаки заметно потяжелели, но это была сладкая ноша.

Через пару часов мы уже были на границе с Лаосом. Мы находились в районе «Золотого треугольника», где сходятся границы трёх государств, поэтому перемещение от страны к стране занимало минимум времени. Глядя на противоположный берег широкой мутной реки, где начиналась территория столь «полюбившейся» нам Лаосской Народно-Демократической Республики, мы настраивали себя на самый позитивный лад, на какой были способны. Для скорейшей внутренней гармонизации, мы сели на мраморную лавочку и с наслаждением принялись кушать мандарины. Улочки пограничного городка были пустынные, а потому, когда из-за поворота вышел молодой американец, он сразу попал в поле моего зрения, и тут же был угощён мандаринкой. Остановив взгляд на Диминой футболке, покрытой слом заплаток, американец протянул ему тайскую купюру со

словами:

- Деньги на еду.
- Спасибо, – ответил Дима, но американец уже отвернулся от нас и вскоре скрылся за другим поворотом. Видимо, он куда-то спешил.

Мы переночевали в ближайшей пагоде, а утром вернулись на берег и попытались узнать, сколько стоит виза в Лаос. Но продавец билетов на паром, сказал, что для каждой страны свои цены, и точно узнать стоимость наших виз мы сможем только на том берегу, куда без билета и выездных штампов не попасть. И тогда мы... поставили выездные штампы, и купили билеты на паром. Идём ва-банк! А что нам остаётся?

В очереди для въезжающих в Лаос иностранцев, мы узнали, что вскоре после того, как мы покинули эту страну в прошлом году, Лаос пополнил список государств, безвизовых для граждан РФ. Мы бесплатно получили въездные штампы, дающие нам право находиться в этой стране 15 дней. Прекрасно, до Китая около трёхсот километров, которые даже пешком можно преодолеть всего... за неделю. Нужно поторапливаться. Чем больше мы пройдем за световой день, тем лучше. Скорее, скорее в Китай! Мы быстро шагали на север, оборачиваясь на звук автомобилей, раз в час обгонявших нас. Но, как и в прошлое наше посещение, автомобили не останавливались. Увидев возле дороги хижину, рядом с которой стояла длинная лавочка, я попросила у хозяйки разрешения присесть, отдохнуть. Но женщина не разрешила, отправив нас дальше. А я-то надеялась, что впустив нас бесплатно на свою территорию, страна и жителей своих наделит радушием и гостеприимством... Оглянувшись на звук очередного приближающегося автомобиля, я, не рассчитывая особо на результат, протянула руку. К нашему удивлению, пикап, в котором даже имелись свободные места, свернул на обочину. Водитель говорил по-английски, и был готов провезти нас целых сто километров! Но самое удивительное, что когда, спустя полтора часа, мы вышли из его машины, он протянул нам немного лаосских денег и пожелал счастливого пути! Беспрецедентное собы-

тие для Лаоса! Но не стоит расслабляться. Скорее, скорее в Китай! Надеюсь на чудо, мы попытались попроситься на ночлег в ограду одного из деревенских домов, это бы гарантировало нам защиту от борцов с партизанами, которые постоянно находили нашу палатку в лесу и, размахивая автоматами, прогоняли со своей территории. Но на сегодня чудес было достаточно, и когда хозяева дома сказали, что сейчас приедет полиция и поможет нам, мы быстро скрылись в неизвестном направлении.

Мы шли, пока не стемнело. В свете луны свернули с дороги, залезли в самый жуткий бурелом, какой удалось отыскать, и легли спать. Разбудил нас треск веток. Солнце только показалось над горизонтом, а нас уже обнаружили – какой-то местный житель внимательно рассматривал наши неподвижные тела сквозь завесу лиан, веток и тропических колючек. Увидев, что мы проснулись, он убежал. Мы быстро собрали рюкзаки, но далеко уйти не успели. Двое полицейских в военной форме догнали нас на мотоцикле и на плохом английском потребовали документы. Занеся в какую-то тетрадку данные наших паспортов, они уехали. Мы ещё быстрее пошли по дороге. Скорее, скорее в Китай! Даже цвет их униформы вызывал у меня неприятные спазмы в желудке. Уехать из Лаоса сегодня же! Вселенная, умоляю тебя, не оставляй нас здесь на следующую ночь! Хочу в Китай! Вселенная откликнулась, послав нам доброго водителя, который за час домчал нас непосредственно до границы с Китаем. Итак, мы проехали 280 километров Лаоса чуть больше, чем за сутки, и ни разу не оказались под дулом автомата! Спасибо вам, лаосцы! Это лучший из подарков, который вы могли нам сделать! Прощайте!

Когда мы вышли на китайский хайвэй, возникло ощущение, что мы уже на пороге дома. Всего-то, что осталось – пройти через Тибет и пустыню Такла-Макан в безви-

зовый русскоязычный Казахстан. И никаких Гималайских перевалов! Хотя... Карты автодорог-то у нас нет. Нам необходимо было найти подробную карту Китая, и особенно – Тибета. Для этого придётся заехать в какой-нибудь город...

Доехав автостопом до ближайшего города, мы, как всегда, оказались на автовокзале, так как наш водитель не говорил по-английски. Но он смог понять, что что-то сделал не так, и отправился искать переводчика, хотя мы уже отблагодарили его на нашем скудном китайском, который, каким-то чудом, не забыли за последние месяцы. Переводчик, выяснив, что мы заехали в город только для того, чтобы найти карту, сообщил об этом водителю. Я попросила его, также, добавить, что нам очень жаль, что водитель потратил на нас столько времени, и дальше мы справимся сами.

– Но вы не знаете этого города, и не говорите по-китайски!

– Мы уже многие месяцы путешествуем по местам, в которых прежде никогда не бывали, и, часто, вокруг не то, что англоговорящих, вообще людей не бывает. Мы привыкли к этому.

– Я не могу вас просто бросить здесь! – воскликнул славный водитель.

– Поверьте, Вы очень помогли нам, когда согласились довезти до этого города бесплатно. Большого нам не нужно. Сейчас мы найдём карту, и пойдём в Тибет.

– Пойдёте в Тибет? Я не вынесу этого. Я не смогу уехать, пока не увижу, как вы сели в какой-нибудь автобус.

– Но мы не сядем в автобус. Это дорого. Да и не любим мы автобусы.

Услышав это, водитель протянул переводчику деньги, улыбнулся, попрощался с нами, и, сев за руль своего автомобиля, уехал. Я, ничего не понимая, вопросительно посмотрела на переводчика.

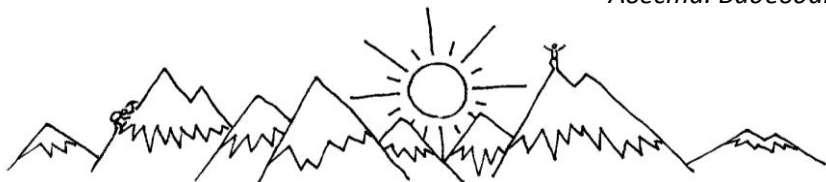
– Этот человек хочет, чтобы я купил вам билеты до какого-нибудь города, от которого вам будет проще добраться до провинции Тибет, – сказал переводчик. – А я сам хочу купить вам карту Китая. Я знаю, где они продаются. Подождите здесь.

Минут через пять он вернулся с двумя билетами и толстым атласом автодорог Китая. Достав авторучку, парень попросил меня нарисовать на общей карте, каким маршрутом мы хотим пройти, а он обведёт соответствующие страницы в оглавлении, и подпишет английскую транскрипцию названий нужных нам городов. Итак, вскоре мы сидели в автобусе, в обнимку со своими рюкзаками, и разглядывали карту провинции Тибет, покрытую редкой сетью дорог, и множеством иероглифов, указывающих названия перевалов и населённых пунктов. Высоты пиков и перевалов, указанные на карте, заставляли задуматься о рациональности нашего решения ехать через Тибет, но пока обстоятельства складывались не плохо, а значит, причин поворачивать назад не было.

Глава 22. ТИБЕТ И ЕГО МОНАХИ

*...наилучшую из стран и мест обитания я,
Ахура-Мазда, сотворил: Арианам-Вайджа с
рекой Вахви-Датией. Тогда этому в проти-
вовес состряпал Анхра-Манью многопагуб-
ный, змея рыжевато-го и зиму, дэвовское
творение.*

Авеста. Видевдат

Горы... Величественные снежные вершины, бездонная тишина, горный воздух, способный своей чистотой заживить даже душевные раны... И холод. Пронизывающий до костей холод, усугубляемый ледяным ветром. Горами можно заболеть искренне и надолго – как минимум, на одну жизнь. Они манят, зовут на свои ледяные пики, снятся по ночам бесстрашным романтикам, которые, накопив на очередной отпуск, не летят к знойным тропическим островам, а покупают моток верёвки и связку карабинов, взамен оставленных в каком-то ущелье в предыдущий отпуск, и идут покорять новые вершины. Мы не такие. Мы любим тепло. Бесспорно, предгорье Гималаев, на котором мы вскоре очутились, вызывало восхищение, но, вместе с тем, у меня оно вызвало определённые опасения по поводу предстоящей ночёвки. У нас нет ни спальников, ни тёплой одежды, ни, даже... целых носков. Водитель очередной попутки, разглядывая нас в зеркало заднего вида, задумчиво сказал по-английски:

– Что-то вы, ребята, легко оделись. Не по погоде.

– Мы из Индонезии возвращаемся. Другой одежды у нас нет.

– Но я еду в город, где по ночам бывает очень холодно. Боюсь, вы там замёрзнете.

– Мы тоже этого боимся.

– Так почему едете туда?

– Домой хотим поскорее вернуться. Самый короткий путь в Россию – через Тибет и Казахстан.

– И Вы планируете в ваших футболочках через Тибет пройти?! – удивлённо воскликнул водитель.

– Вместе с проблемой, жизнь посылает пути её решения. Что-нибудь придумаем.

Когда мы вышли из машины, стало очевидно, что судьбе стоит поторопиться с вариантами решения пробле-

мы: на улице было ощутимо прохладно.

– Извините, но, может у Вас дома есть старые одеяла... – сама удивляясь своей наглости, спросила я водителя, который помогал нам вытаскивать рюкзаки из багажника своего автомобиля.

– Одеяла? Вы хотите одеться в одеяла?

– Нет. Если быстро идти, холод не так ощутим... Но вот спать без одеял... У нас спальников нет.

– Да что вы за путешественники такие? Приехали в горы без одежды и спальников! Вот вам деньги, этого хватит на два спальника. Магазины скоро закроются, так что поспешите!

– Спасибо Вам огромное, – я поклонилась водителю.
– Вы нам жизнь спасли.

Мы долго выбирали в магазине туристического снаряжения подходящие спальники. На каждом из них висела бирочка с указанием температурного режима, на которую мы, в первую очередь, и смотрели: от +5 до +20...Нет, это точно не подходит. От -5 до +20... Возможно, но что-то не верится. Тонковаты. А это что за бирочка? Цифр нет, только длинная надпись на английском: «Мы не даём рекомендаций температурного режима, так как температура комфорта зависит от индивидуального обмена веществ и от качества сопутствующего снаряжения». Какая прелесть. Правду написали. Вот эти-то спальники мы и купим. Я обратилась к продавщице:

– Нам нужен один левый и один правый спальник.

– Левый и правый? Это как?

– Посмотрите, на этом спальнике ярлычок “L” стоит. Это значит “LEFT” (левый). У вас на складе должен быть такой же с ярлычком “R”.

– А я думала “L” значит “LARGE” (большой), как на одежде. Я посмотрю, – с этими словами девушка удалилась

на склад.

Найдя правый спальный мешок, она вынесла его нам. Для проверки молний, мы состегнули спальники прямо в магазине, чем вызвали искренний восторг продавщицы: она не знала, что из двух спальников можно сделать один большой.

Солнце угрожающе подбиралось к горизонту, а мы даже не представляли, какого размера этот город. Выйдя из магазина, мы огляделись по сторонам. Надо было срочно выбираться отсюда. Но куда идти? Это уже горы. Здесь компас не поможет – дорога может петлять, и северный выезд из города, не обязательно выведет нас на дорогу, ведущую на север. Моё внимание привлёк странный офис: у него отсутствовали две стены, и паренёк, сидевший за столом, находился, по сути, на улице. За его спиной висели географические карты и красочные туристические буклеты с видами гор.

– Здравствуйте, Вы говорите по-английски? – спросила я парня, подойдя к его столу.

– Конечно. Это моя работа – говорить по-английски с заблудившимися туристами.

– Не подскажите, как нам выйти на дорогу, ведущую в Лхасу, пешком?

– Пешком? Возьмите такси, – ответил парень. На его лице было написано крайнее недоумение.

– У нас денег нет.

– Вы что, и в Лхасу пешком пойдёте?

– Автостопом поедем.

– А ночевать где будете?

– В горах. У нас спальники есть.

– А сегодня где будете ночевать? До гор вам не дойти, здесь до выезда километров двадцать. Замёрзнете.

– Пока идём, не замёрзнем.

- Вы сумасшедшие.
- Мы знаем. Так Вы можете нам помочь?
- Подождите, я начальнику позвоню.

Парень, весьма эмоционально, говорил что-то в телефонную трубку на китайском языке, а Дима, толкнув меня локтем в бок, сказал:

– Пойдём, у кого-нибудь ещё спросим. Этот парень сейчас полицию вызовет.

– Уж скорее, он нас в психушку сдаст. Дима, мы уже не в Лаосе. Подождём.

Парень положил трубку и сказал, что начальник сможет помочь нам, но его нужно подождать пять минут. Игнорируя Димины опасения насчёт того, что через пять минут подъедут полицейские со смирительными рубашками, я поставила рюкзак на пол и села на предложенный мне стул. Начальник оказался улыбчивым полноватым китайцем, он пригласил нас бесплатно переночевать в отеле его сестры и отправил паренька за нашим ужином. Всё сложилось наилучшим образом. Спасибо, Вселенная! Спасибо, люди!

На следующий день мы вышли из этого города. К нашему удивлению, поток транспорта после него практически иссяк. Те немногие автомобили, что проезжали мимо нас, как правило, были битком забиты пассажирами. Но нас это не огорчало. Горы были восхитительно красивыми, вдоль дороги часто встречались удобные площадки, на которых можно было поставить палатку, и, что самое главное, пока светило солнце, мы не мёрзли. Как только начинало холодать, мы разбивали лагерь, разводили костёр, и, после тарелки горячего зелёного чая, закутавшись в наш новый спальник, слушали горы. День за днём, мы приближались к Лхасе. Хотя вдоль дорог ещё встречались изредка леса и кустарники, кроме крапивы, из которой мы варили суп, никакой еды в них мы не находили. Иногда нас подвозили на

небольшие расстояния, и даже пару раз приглашали в маленькие придорожные кафе. Дима на такой диете чувствовал себя комфортно, хотя и похудел немного. Я же, будучи значительно толще его, постоянно хотела есть. Когда мы вышли на высоту пяти тысяч метров над уровнем моря, стало очевидным, что без одежды мы околеем в горах. Ни днём, ни ночью я не снимала тонкий хлопчатобумажный шарфик, подаренный мне в Таиланде.

В низких долинах, защищённых со всех сторон горами, росли плодовые деревья и цвели цветы. Именно в этих тёплых долинах и располагается большинство деревень и монастырей. Мы часто встречали молодых монахов, группами сидящих у обрывов, и, вместо отрешённого созерцания гор, громко о чём-то разговаривающих. В одном месте, монахи с хохотом бросали камни с обрыва вниз.

– Детвора. Заняться нечем, – прокомментировала их странное поведение.

– Может это у них практика такая? – предположил Дима.

– Не похожи они на тех монахов, которые могут сквозь стены проходить и без еды годами обходиться.

– А почему они должны быть на них похожи?

– Потому что общеизвестно, что все тибетские монахи – великие мудрецы. Все умеют летать и в совершенстве владеют ушу.

– Даже интересно, с чего ты это взяла. Монахи – такие же люди, и у них тоже есть свой путь. Чтобы в совершенстве владеть ушу, возможно, сначала, нужно скинуть с обрыва десять тысяч камней.

Не дойдя до весёлых монахов шагов десять, мы сняли рюкзаки и развернули рулон серого утеплителя, который нашли на обочине дороги за несколько часов до этого. Выпал ли он из грузовика, или его выкинули за ненадобно-

стью, нам неизвестно, главное, что как раз сейчас нам он был жизненно необходим. На узком серпантине сложно найти место для кройки и шитья, поэтому Дима, привязав утеплитель к рюкзаку, всё это время тащил его на своей спине. Удобная каменная площадка нам встретилась впервые, так что, не обращая внимания на монахов, мы достали маникюрные ножницы, сухой кусочек мыла для разметки и катушку ниток с двумя иглками. Шить одежду в пути нам приходилось и прежде – свои штаны Дима сшил из саронга в Малайзии, футболку – в Лаосе, предыдущую футболку – в первое наше посещение Китая, посреди какого-то парка, собрав вокруг себя толпу зрителей. Та футболка, к сожалению, была вскоре пущена на бинты, когда в густых лаосских джунглях коварный бамбук перерезал сухожилие Диминого безымянного пальца. Теперь нам предстояло сшить себе тёплую одежду: кофту и варежки для Димы, и пальто с капюшоном для меня. Сняв мерки при помощи ниток, и набросав выкройки на ксерокопиях паспортов, мы принялись размечать утеплитель мылом. Монахи оставили камни в покое и молча наблюдали за нашими действиями. На то, чтобы вырезать маникюрными ножницами все детали наших будущих тёплых вещей, ушло много времени, но на то, чтобы сшить их вместе, его потребовалось ещё больше. К сожалению, на рукава моего пальто нам не хватило ниток. Тогда Дима снял футболку и начал аккуратно вытаскивать нитки, которыми к ней были пришиты заплатки. Сама футболка уже давно состояла из одних только дырок и держалась на Диминых плечах только благодаря обилию заплаток. Отпоров самые большие из них, он лишился единственной футболки, подарив рукава моему пальто. Спасибо тебе, Дима. У меня было целых две футболки, и обе они сейчас были надеты на мне. Не вынеся вида голого Диминого торса на фоне снежных вершин, я отдала ему од-

ну из своих футболок.

Одежда была готова только к вечеру. До заката оставалось чуть больше часа, и, учитывая то, что мы находились на горном серпантине, вариантов ночлега было не так уж много. Либо в монастыре, либо на краю обрыва, в метре от проезжей части. Мы свернули обновки в тугие рулоны, привязали их к рюкзакам и отправились в ближайший монастырь. Пройдя мимо ряда медных барабанов, исписанных мантрами, мы приблизились к белому двухэтажному зданию классической тибетской архитектуры. Снаружи монастырь почти не отличался от обычных домов тибетцев: те же сужающиеся кверху стены, те же прямоугольные окна, за-

ключённые в чёрные рамки в форме трапеции. Но мы точно знали, что это монастырь, так как сверху, с дороги, хорошо рассмотрели его крышу. Со стороны внутреннего двора её венчали две

золотые лани, между которыми возвышалось золотое колесо Дхармы.

Монахи сидели во внутреннем дворике. Мы поздоровались с ними, и знаками попросили место под палатку. Один из монахов отлично говорил по-английски. Он сказал, что в монастыре есть пустые кельи, и, если нас устроит их аскетическое убранство, то мы можем переночевать в одной из них. Ха! Аскетическое убранство! Да здесь же целых четыре стены, пол и потолок есть! Это даже больше, чем нам нужно. К стенам кельи, в несколько слоёв были прибиты гвоздями куски картонных коробок, а два спальных места представляли собой широкие деревянные доски, занимавшие больше половины всей кельи. Монахи пригласили

нас на ужин, но узнав, что мы вегетарианцы, отказались от своего приглашения и выдали нам кочан цветной капусты, отправив, вместе с одним из своих братьев, на кухню. Наблюдая, как мы жарим капусту на ячьем масле, приставленный к нам монах периодически доставал из складок своей бордовой накидки маленький мешочек, запускал в него мизинец с длинным ногтем, извлекал на кончике ногтя горку порошка, и, с явным удовольствием, втягивал её одной ноздрей. Вторую ноздрю он при этом зажимал.

– Как ты считаешь, это тоже древняя тибетская практика расширения сознания? – спросила я Диму, помещающего в сковородке наш ужин.

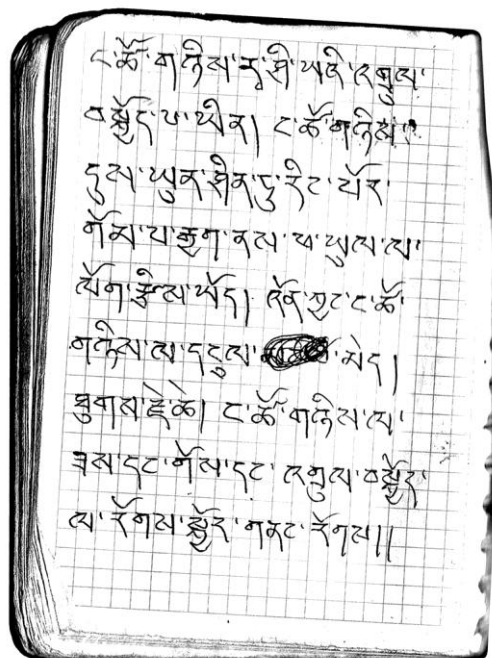
– Возможно. Хотя улыбается этот монах, довольно подозрительно.

Монах безмятежно улыбался после очередной затяжки. Я посмотрела на его ноги. Ух-ты! Новенькие белые кроссовки! Нет, определённо, что-то с этими монахами не так.

После ужина мы попытались поговорить о тибетском буддизме, глобальных проблемах и путях их решения с англоговорящим монахом, но он тоже принялся нюхать неведомый порошок, вдыхая его во время моих монологов. О тибетском буддизме мы не узнали ровным счётом ничего, зато узнали путь решения глобальных проблем: «Просто, надо быть добрее».

Монах сказал, что мы всё ещё находимся в провинции Юньнань, поэтому здесь многие тибетцы говорят по-китайски, но в провинции Тибет, от которой нас отделяют ещё несколько сотен километров, всё население говорит лишь на тибетском языке. А значит, нас там никто не поймёт. Я попросила его написать нашу классическую надпись на тибетском языке, но он, как и подобает монаху, не стал писать то, во что не верит, поэтому в его записке значилось, что у нас «ПОЧТИ нет денег». Я поблагодарила его, и убрала

блокнотик, после чего мы продолжили обсуждать проблемы современности, которые я иллюстрировала историями из нашего путешествия. К концу разговора монах попросил меня вернуть блокнотик и по собственной инициативе зачиркал авторучкой слово «почти».

Пожелав монаху спокойной ночи, мы отправились в нашу келью, снова превратили наш большой спальник в два маленьких, и улеглись на замечательные ровные доски. В тот самый момент, когда я благодарила судьбу за то, что нам не пришлось ночевать на краю обрыва, за окном раздался детский вопль. Это один из юных монахов распевался. Его голосу не хватало глубины, которой отличаются голоса взрослых монахов, еже-

дневно по несколько часов поющих тибетские мантры. Мальчик голосил всю ночь. Вот такой нелёгкий путь к совершенству. Пока что у паренька нет никаких вокальных данных, но если он будет петь каждую ночь на протяжении многих лет, то, возможно, станет прекрасным певцом. Удачи тебе, мальчик.

С рассветом мы покинули монастырь. Медленно шагая по серпантину, можно было долго любоваться одним и тем же видом. Виды того стоили. Часто над дорогой или рядом с ней были натянуты ряды верёвок с разноцветными флажками, украшенными рисунками и покрытыми рядами

молитв, написанных на тибетском языке. Аналогично этим флажкам, развевались на ветру пучки разноцветных полиэтиленовых пакетов, намотанных на ветки редких деревьев и кустов. При каждом колыхании флажка, согласно верованиям тибетцев, слова, написанные на нём, возносились к небесам. А что возносилось к небесам при каждом колыхании рваного полиэтиленового пакета? Названия супермаркетов и «Благодарим за покупку»? То-то боги подивились таким молитвам.

Со склона горы сбегал к дороге широкий ручей. Мы решили подняться по нему и постирать свою одежду. Честно говоря, она уже давно в этом нуждалась. Отойдя от дороги метров восемьсот, мы выбрали самый солнечный и каменистый берег реки, чтобы устроить стирку – на горячих камнях вещи высохнут гораздо быстрее. Закинув нашу одежду в реку, и прижав её ко дну камнями, чтобы быстрое течение не унесло, но прополоскало её, мы приступили к отмыванию себя. Самое сложное в мытье в ледяной горной реке – это помывка головы: чувствительная кожа головы не терпит холод так долго, как хотелось бы, и мыть волосы приходится в три-четыре подхода. Зато горная вода отстирывает всё без шампуня и мыла! Выловив замоченные вещи, мы прополоскали их и разложили сушиться на берегу. И сами легли сушиться там же. Примерно часа через два я отковырнула от камня свои высохшие носки. Даже постиранные, они, почему-то, по форме и консистенции напоминали сушёную воблу. Вселенная! Я не хочу дожидаться, пока ими будет можно забивать гвозди! Пошли нам, пожалуйста, новые носки!

Нам понравилась эта речка. Дима всё рвался к снежным вершинам, и сейчас предложил разбить поблизости лагерь, оставить меня отдыхать, а самому отправиться с фотоаппаратом в горы. Мы пошли искать место для стоянки.

Поднявшись по узкой тропинке на ближайший пригорок, мы обнаружили заброшенную деревню. Сложенные из камней ограды и стены полужемлянок, выглядели почти как новые. Лишь тот факт, что в домах не осталось ни одного деревянного столбика, говорил о том, что деревня была покинута десятки, если не сотни лет назад. Один из участков, видимо, приобрёл недавно новых хозяев – над старыми камнями полужемлянки, из стены которой рос какой-то куст, возвышались новенькие стропила. Оставив меня в сосновой рощице за деревней, Дима ушёл в горы. Я сложила из камней подставку под нашу тарелочку, насобирала дров, и стала рассматривать окрестные горы. Какая красота. Как, наверное, здорово жить в таком живописном месте. Каждый день любоваться заснеженными вершинами гор... и каждый вечер стучать зубами от холода... Вот скроется солнце за горизонтом, и всё, сразу мороз. В мороз тяга к прекрасному у меня заметно ослабевает. Обостряется тяга к тёплому, шерстяному, сытному... А про красоту, почему-то, почти и не думается.

Ближе к вечеру вернулся Дима. Мы попили чаю, и легли спать. В ту ночь мне приснился до безобразия меркантильный сон. Я запомнила его именно за его непростительную для сна материалистичность: приснилось мне, как нам с Димой дарят сто юаней и кормят восхитительным обедом. Дима проснулся на рассвете, и пошёл фотографировать окрестности, я же, лёжа в тёплом спальнике под развесистой молодой сосёнкой, никак не могла заставить себя вылезти в утренний холод. Вылезла только через полтора часа – когда воздух немного прогрелся. Мы собрали рюкзаки и спустились к дороге. Не прошло и минуты, как из-за поворота выехал легковой автомобиль. Все места в нём были заняты, но сидевшая за рулём женщина остановилась возле нас и спросила на неплохом английском:

– Куда вы идёте, путешественники, и как здесь оказались?

– Мы идём домой – в Россию. Сюда пришли пешком.

– Эта дорога приведёт вас в последний китайский город. Дальше – только горы. Вы и их пешком пройти хотите?

– Нет, не хотим. Мы надеемся, что кто-нибудь нас подвезёт по пути. Пешком мы весь Тибет не пройдем.

– А почему вы не едете на автобусе?

– У нас на автобус денег нет.

– Мне так жаль, что в моей машине нет места для вас. Возьмите сто юаней. Может быть, они помогут вам, – с этими словами, женщина протянула мне такую же купюру, которую я только что видела во сне.

– Спасибо. Не беспокойтесь за нас. Мы давно путешествуем без денег. У нас всё будет хорошо. Мы в этом не сомневаемся.

Когда машина уехала, я протянула Диме новенькую купюру, и сказала:

– А теперь, нас ждёт отменный обед в ресторане!

– Хорошо бы. Может, посоветуешь, какой из ресторанов выбрать. Их здесь слишком много, – сказал он, широко раскинув руки. Вокруг нас высились голые скалы, из расщелин которых кое-где торчали корявые голые кустики. Даже лес остался где-то между горами и не скрашивал унылый пейзаж насыщенной зеленью елей или сосен. Ресторан в этом месте казался столь же неуместным, как цирк-шапито.

– Мне сегодня во сне эта деньга приснилась. И после неё был обед в ресторане, – с серьёзным видом сказала я.

– А я что, спорю? Ресторан, так ресторан.

Мы снова пошли по дороге, и вскоре возле нас остановилась следующая машина. Два молодых китайца – водитель и пассажир, ни слова не понимали по-английски, но жестами пригласили нас сесть в машину. Мой скудный ки-

тайский не то что не помог нам, а только сильнее запутал водителя. Он понял, что мы едем в Лхасу, и что мы не сможем заплатить ему, но он не понял, что мы не просим его отвезти нас в Лхасу. Позвонив своей знакомой переводчице, водитель протянул мне мобильник, из которого раздался странный вопрос:

– Что вам надо?

– Ничего не надо. Мы будем рады, если нас подвезут до того места, куда едет водитель, но если он не хочет везти нас бесплатно, мы выйдем.

– Где выйдете?

– Прямо здесь.

– Вы уже хотите выйти?

– Нет, не хотим, но если водитель скажет, мы выйдем.

– Отдайте трубку водителю.

Через минуту мобильник снова вернулся ко мне:

– А причём здесь Лхаса? – спросила переводчица.

– Мы направляемся в Лхасу. Через неё пойдём на север – в Казахстан. Оттуда – в Россию, домой.

– Но в Лхасу нельзя. Туда иностранцев не пускают.

– Мы уже слишком много прошли, чтобы обратно возвращаться. Мы попытаемся.

– Отдайте трубку водителю.

Так проходило наше общение. Минут через пять, переводчица сказала, что водитель хочет помочь нам. Он купит в городе всё, что нужно для дальнейшего путешествия. Нам только осталось сказать, чего нам не хватает.

– Носков! – ответила я.

– Чего? Что это такое?

– Носки? Это то, что надевают на ноги, перед тем, как надеть обувь. У нас нет носков.

– Нет носков? Боже мой! Отдайте трубку водителю.

Ну, а в последнем китайском городе, нас ждал ресто-

ран. Ребята решили откормить нас на неделю вперёд и заказали половину меню. Пока мы кушали, водитель сходил в магазин, и купил нам пять пар отличных носков.

Из города мы вышли сытые, чистые, в постиранной одежде и в новых носках. Для меня это было лучшим доказательством правильности выбранного пути. Не важно, что нас ждёт в провинции Тибет, главное – это будет как раз то, что нам нужно. Мы шагали вверх по дороге, и лишь по прошествии трёх часов, за которые мы не увидели ни одной машины, в мои возвышенные мысли стало закрадываться некоторое беспокойство. Да, это будет как раз то, что нам нужно, но... вдруг мне нужно пройти пешком всё Тибетское нагорье?

Мы встречали по три-четыре машины в день. Большая их часть, к счастью, ехала в нужном направлении, но, к сожалению, ни в одной из них не было свободных мест. Три дня пути отделяло нас от провинции Тибет. И все эти дни мы питались одним зелёным чаем. Как только вдалеке показались первые городские строения, мы ускорили шаг – там есть рынок! Там есть еда! Но между городом и нами стоял полосатый шлагбаум. Из будочки при шлагбауме вышел полицейский. Мы протянули ему паспорта, он знаками попросил нас подождать, и ушёл вместе с паспортами в свою будочку. Минут через пятнадцать, к нам привезли переводчика:

– Как вы здесь оказались? Вам нельзя сюда. Это же Тибет!

– Мы сюда пришли. Нам нужно домой, в Россию. Через Тибет – ближе всего.

– Но почему пешком?

– Нам так нравится.

– Тибетцы – дикий народ. Они могут похитить и убить вас. Полиция Китая не может подвергать ваши жизни опас-

ности. Вам придётся идти в Россию другим путём.

– Мы уже многих тибетцев встречали. Они чудесные, добрые люди. Мы уверены, что с нами всё будет в порядке.

– А мы – не уверены. И если с вами что-то случится, это будет международный скандал. Правительству Китая не хочется из-за вас портить отношения с Россией. Вам нельзя в Тибет. Это закон. Сегодня вы переночуете в городе, но ваши паспорта останутся здесь. Утром вы придёте к шлагбауму, заберёте паспорта и тем же путём вернётесь в провинцию Юньнань.

– Но до ближайшей развилки больше ста километров! Мы их пешком прошли!

– Садитесь в машину, мы отвезём вас в гостиницу. Ночлег – за наш счёт. Утром вы уйдёте.

Разместив нас в гостинице, переводчик спросил:

– Вы, наверное, голодные... Что вам на ужин принести?

– Что угодно, спасибо. Только без мяса. Мы – вегетарианцы.

– Яичница с помидорами сойдёт?

– Конечно. Мы любим яичницу с помидорами, – сказав это, я почувствовала, что вот-вот захлебнусь слюнями. О-о-о! Как мы любим яичницу с помидорами!

Функция выделения желудочного сока активизировалась, и до самого вечера, мой голодный животик просил кушать в два раза активнее и в три раза чаще, чем до этого разговора.

Яичницу нам так и не принесли. Вообще ничего не принесли. Хоть не дразнились бы тогда... Дима совершил вылазку в город, но из вегетарианской еды смог найти только полкило сырого арахиса. Им и поужинали, и позавтракали. С рассветом, забрав паспорта, отправились в обратный путь.

Отойдя от города километра два, мы сели на обочину

дороги, прислонились спинами к скале, и... уснули. Не хочется никуда идти. Есть хочется. Будем ждать машину. Может же хоть кто-нибудь оставить для нас пару свободных мест! Через четыре часа нас разбудил шум колёс подъезжающего автомобиля с искомыми местами. Добрые китайцы довели нас до развилки. Не важно, что и по второй дороге, мы тоже должны были вскоре попасть в провинцию Тибет. Грустнее то, что на этой дороге имелся один очень высокий перевал. Но уж лучше один заснеженный перевал длиной в сорок километров, чем тысяча километров назад, чтобы обогнуть провинцию Тибет. До перевала мы шли четыре дня. Даже днём приходилось идти, закутавшись во все тряпки. Утеплительное пальто делало меня похожей на огородное пугало, зато позволяло не мёрзнуть. Последняя ночёвка перед перевалом, порадовала нас десятисантиметровым слоем снега, превратившим нашу палатку в сугроб. Под снегом спать гораздо теплее. Пригревшись в нашем сугробе, мы отлично выспались и на дорогу вышли в хорошем настроении. Меня бесконечно радовало то, что я, наконец-то, похудела. Лишившись за последние две недели килограммов, эдак, десяти веса, я обрела лёгкость движений, и стала гораздо меньше уставать от ходьбы. За пару километров до перевала нас подобрал китайский аналог КАМАЗа, в кабине которого мы за три часа проехали все суровые снега и спустились в следующую долину. И это было очередное чудо. Отогревшись в долине, мы вновь вернулись на дорогу. Как ни странно, нас стали чаще обгонять машины – раз по десять в день. Все, у кого было место, останавливались, но все были местными жителями и ехали на небольшие расстояния. Один из водителей на прощание подарил нам баллон с кислородом, к которому прилагалась кислородная маска. Позже мы узнали, что в этих краях из-за разреженности воздуха многих туристов настигает горная болезнь, поэтому

в гостиницах, наряду с огнетушителями, на стенах висят кислородные баллончики. Нас горная болезнь миновала. Ведь мы большую часть времени ходили пешком и, видимо, успели адаптироваться к недостатку кислорода. В очередной остановившейся машине сидели трое китайцев, один из которых немного говорил по-английски. Оказалось, что это съёмочная группа, едущая в Тибет, снимать видеоклип для знаменитого певца, который сидел на заднем сидении и задумчиво созерцал вид за окном. Ребята согласились довезти нас до ближайшего крупного тибетского города, откуда можно было выехать как на Лхасу, так и на восток – в провинцию Сычуань. А значит, в случае конфликта с полицией, у нас был путь к отступлению! Мы закинули рюкзаки в багажник, и, с благодарностью, потеснили знаменитого певца. По дороге молодой оператор, сидевший на переднем сидении рядом с водителем, развлекал нас демонстрацией отснятых эпизодов, где наш сосед пел на фоне высоких гор.

До города добрались на закате. Выйдя из машины, мы поняли, что забрались слишком высоко. С таким холодом даже моё пальто не справится. Но съёмочная группа не собиралась ехать дальше и никуда нас не приглашала, так что ночлег нам предстояло отыскать самостоятельно. Стуча зубами, я завернулась, поверх пальто, в оба спальника. Дима посинел, но от своего спальника отказался. Шагая по улицам города, мы обращали внимание на то, что все жители были одеты в меховые жилетки, шапки, высокие меховые сапоги. Если бы не окоченевшие пальцы, я бы непременно их сфотографировала – каждый из прохожих обладал неповторимой индивидуальностью. Их одежда была украшена затейливой вышивкой, и ни разу я не встретила двух одинаковых шапок, или жилеток. Только монахи в типовых бордовых накидках, ничем не отличались друг от друга. Монахи! Здесь есть монастырь! Дрожащей рукой, я протя-

нула одному из монахов блокнотик с тибетской надписью, и показала знаками, что мы бы хотели переночевать в монастыре. Монах посмотрел в блокнотик, на меня, снова в блокнотик, и улыбнулся, отрицательно покачав головой.

– Ды-Ды-Дима, у меня сейчас пальцы отвалятся. Вон, на углях лепёшки жарят. Я погрею руки над углями, и мы пойдём приставать к другим монахам.

– Погрей. Мои руки, честно говоря, хоть и в варежках, но тоже замёрзли. Как люди додумались здесь поселиться? Здесь даже ни одного дерева нет.

Я подошла к самодельной жаровне, на которой, на круглом металлическом листе, женщина жарила лепёшки.

– Можно руки согреть? – знаками показала я.

– Конечно! Может, лепёшек хотите? – ответила знаками же, женщина.

– Спасибо, но нам некогда, солнце садится. Нужно срочно ночлег найти, а то окоченеет совсем.

– Да вы уже окоченели! Грейтесь здесь, я позову кое-кого.

Женщина вернулась с низеньким тибетцем в чёрной шапке-ушанке. Глядя на дрожащих нас, тибетец покачал головой, и знаками пригласил следовать за ним. Он привёл нас к себе домой. Большой дом с толстыми стенами из земли и камней отапливался маленькой печкой-буржуйкой. За неимением дров, топили печку кизяком – высушенным ячьим навозом. Хозяйка дома посадила нас к печке и поставила на неё чайник, после чего вынесла несколько больших лепёшек и корзинку с шариками ячьего сыра. Когда содержимое чайника разогрелось, хозяйка налила его в фарфоровые пиалки, и протянула нам с Димой. Это было солёное ячье молоко с топлёным маслом. Очевидно, тоже ячьим. Как нам понравилось это питьё! Оно было горячим и жирным. Не уверена, что в состоянии сытости, я получила бы от

него такое же удовольствие, но в тот момент, ощущая как в мой прилипший к позвоночнику живот, вливается горячий тибетский чай, я была совершенно счастлива. Мы хотели отблагодарить этих добрых людей, без чьей помощи мы бы точно не выжили в этих краях, поэтому я извлекла из рюкзака нашу единственную распечатанную художественную фотографию – фотографию реки Меконг в Лаосе. Исток этой реки находился в Тибете, и несколько дней назад мы шагали вдоль зарождающегося Меконга. На нашем снимке он уже был широкой рекой, проглядывающей между пальмовыми листьями, в тонкой ряби которой отражалось фиолетово-лиловое закатное небо. Хозяйка сразу повесила фотографию на стену, а я подумала: «Доброе ли дело я совершила, сделав этот подарок? Вот живут они в горах. Только благодаря неприхотливым якам выживают, мёрзнут постоянно. А теперь у них на стене будет висеть картинка из вечного лета. Не искушение ли это? Ведь на фотографии не видно кровожадных пиявок, комаров, змей, нет на ней и обжигающе горячего влажного воздуха, которым в сезон дождей можно захлебнуться. Красивые фотографии обманывают людей. Они позволяют им верить в то, что где-то есть место, лучшее, чем то, в котором они сейчас живут. А это плохо». Я показала на фотографию, и прокомментировала её знаками: «У вас – лучше, чем там. Там тепло, но плохо. Тибет – хорошо, Лаос – плохо».

На ночь нам выдали стопку пуховых одеял, укутавшись в которые, мы окончательно согрелись. Спасибо вам, люди. Спасибо вам за нашу жизнь.

Утром, попрощавшись с добрыми тибетцами, мы снова вышли на дорогу, и пошли по направлению к Лхасе. Но на ближайшем полицейском посту, не дав даже выйти из города, нас остановили, и, отправили обратно. «Нельзя иностранцам в Тибет! Вы здесь нелегально находитесь! Уез-

жайте сейчас же! Тибетцы вас убьют!». Мы повернулись, и пошли обратно. Один из полицейских догнал нас:

– Я отведу вас на автовокзал. Купите билеты, и я покажу вам, где можно остановиться. Там гостиница рядом есть. Для иностранцев специально.

– Так иностранцам же нельзя в Тибет! Зачем для них гостиницу строить?

– Нельзя, точно, но вот вы, например, как-то здесь оказались. Думаете, вы одни такие?

– Не нужно нам в гостиницу. Мы пешком пойдём на восток. Дойдём до города Чэнду, и повернём на север. В Тибет мы больше не рвёмся. Холодно у вас.

– Ха-ха-ха! – рассмеялся полицейский. – Пешком в Чэнду! Ха!

Видя, что мы с суровым видом продолжаем идти вперёд, полицейский начал допускать, что я не пошутила:

– Но до Чэнду четыреста километров! Такого же холода, как и здесь! – воскликнул он. – Вы умрёте в горах! Там никто не живёт!

– Не умрём. Досюда дошли, и до Чэнду дойдём.

Мы вышли из центра города, и полицейский показал на какую-то невзрачную контору:

– Вот, автовокзал. Можете билеты купить.

– У нас денег нет. Спасибо, что потратили время на наше сопровождение. Мы пойдём пешком, – с этими словами, я обогнала полицейского, остановившегося возле кассы автовокзала.

В висках стучала какая-то отчаянная решимость. Понятно, что четыреста километров по такому холоду нам не пройти. Да что там скрывать, нам и трёх дней здесь не продержаться. Но на душе было легко, ноги сами несли меня вперёд, а значит, всё было в порядке. Прорвёмся!

Минут через двадцать, раздобыв где-то мотоцикл,

полицейский снова нас догнал:

– Ребята, я до последнего думал, что вы шутите. Посмотрите вперёд – там только снег и горы. Вы умрёте там. Возвращайтесь в город. Начальство разрешило мне за государственный счёт разместить вас в гостинице, а завтра, на первом же автобусе, отправить в Чэнду. Пожалуйста, вернитесь.

Мы вернулись. На следующий день, пятого мая, мы спустились с Тибетского нагорья на автобусе. Двадцать один день Тибета стоил мне всех жировых отложений, которые я копила с тех пор, как забросила тренировки по плаванию. Я спустилась с гор стройная, как газель, с большими тёмными кругами вокруг глаз, за которые Дима прозвал меня «грустный совёнок». Сказочный Тибет остался позади. Теперь нас ждала пустыня Гоби.

Глава 23. В ПУСТЫНЕ

*Если пошёл – надо идти, если идёшь – надо дойти,
а упадёшь на пути, так головой вперёд.*

Алтайская сказка «Ер-боко-каан и сирота Чичкан»

Мы не доехали до Чэнду километров шестьдесят. Вышли на удобной автомобильной развязке и пошли на север. Рельеф всё ещё был горный, но повсюду вдоль обочины росли гигантские кактусы, а значит, по крайней мере этой ночью, мы не замёрзнем. Купив в деревенском ларьке десяток куриных яиц, мы начали присматривать себе уютный холмик для ночёвки. Присмотрели. Как только начали подниматься наверх, были выслежены полицейскими с ближайшего поста, который мы, к сожалению, не заметили с дороги. Трое полицейских, пыхтя и задыхаясь, переводя дух каждые десять метров подъёма, настигли нас в самом

конце крутого склона. С таким здоровьем они бы нас ни за что не догнали, если бы я не уговорила Диму подождать их. Жалко ребят. Пытаясь отдышаться, полицейские весьма тактично попросили нас не ходить в горы, а вернуться в Чэнду, и, как все нормальные туристы, остановиться в отеле. Я сказала по-китайски, что мы не туристы, но они со мной не согласились: «Вы же не китайцы? Значит – туристы». Тогда Дима развернулся, быстро спустился вниз, ушёл в отрыв, и, уверенно обойдя полицейский пост со шлагбаумом, направился к следующему холму. Я отставала от него на пару метров, так как постоянно оглядывалась на полицейских, из последних сил бегущих за нами. Они пытались что-то кричать нам вслед, размахивали руками, но Дима был неумолим, и всё быстрее и быстрее шагал прочь от поста. Полицейские не сдавались.

– Давай вернёмся. Загоним же ребят. Вон как они за нас переживают, – сказала я, догнав Диму.

– Им на нас наплевать. Просто им платят за то, чтобы нам нервы трепать.

– Давай подождём их, выслушаем, что они хотят сказать, и пойдём дальше.

– Они уже сказали что хотели – наше место в отеле.

– Ты посмотри на них – из последних сил бегут. Если бы всё сказали, не стали бы так надрываться. Я поговорю с ними, а потом догоню тебя, – с этими словами я остановилась.

Дима, пройдя ещё несколько метров, тоже остановился. Нас догнал единственный полицейский. Остальные двое, схватившись за бока и тяжело дыша, стояли возле шлагбаума.

– Нельзя... в... горы... – сказал по-английски полицейский, и тоже схватился за бок.

Эх, полицейские, полицейские, и как вы преступни-

ков, интересно, ловите, если даже такая смехотворная нагрузка вас выводит из строя. Или мы, за одиннадцать месяцев странствий, действительно стали такими неуловимыми?

– Почему? Мы в Казахстан идём. Не в Тибет, – ответила я через некоторое время, дав полицейскому отдышаться.

– Тибетцы могут вас похитить.

– Но до провинции Тибет сотни километров!

– Тибетцы везде в горах живут. Не только в провинции Тибет. Мы не можем пропустить вас в горы. Это опасно. Давайте вернёмся к посту. Я вызову машину, и вас отвезут в Чэнду.

– Но нам не нужно в Чэнду. Нам нужно в Казахстан.

– Вас отвезут на автовокзал. Оттуда сможете уехать куда захотите.

Дима до последнего сопротивлялся. Он не хотел возвращаться на пост, не хотел на автовокзал, вообще не хотел общаться с полицией. Но я сказала, что раз нас так усердно останавливали на этом посту, то и на всех последующих будет та же история. Только там, возможно, по-английски никто не будет говорить, так как для центрального Китая англоговорящие люди – большая редкость. Видимо, пограничные отряды полицейских специально комплектовали китайцами-полиглотами. Здесь хоть есть надежда узнать, какие ещё дороги закрыты для иностранцев. А потом можно доехать до Чэнду, и выйти из него с северного выезда. Тогда никаких гор пересекать не придётся, а значит, для конфликтов с полицией станет на одну причину меньше. Мы вернулись на пост, расспросили насчёт закрытых территорий и узнали, что все дороги, кроме тех, которые проходят через Тибетское нагорье, открыты. А так как это был последний пост Тибетского нагорья, полицейские убеждали нас, что никто больше не будет препятствовать нашему возвраще-

нию домой. Офицер, который говорил по-английски значительно лучше других, глядя на Диму, печально взирающего сквозь окно на зелёные вершины, казалось, испытывал муки совести. «Простите нас, но это наша работа. Мы не можем пустить вас в горы», – в очередной раз сказал он мне и вернулся на улицу – сторожить шлагбаум.

Машина, вызванная для доставки нас в Чэнду, должна была приехать лишь через час, поэтому я попросила у одного из офицеров печку и кастрюльку, чтобы сварить наши яйца, но он, загадочно улыбаясь, сказал, чтобы мы немного подождали. Через полчаса, нам принесли две большие тарелки с едой. Грустно глядя на дымящуюся лапшу, безвозвратно испорченную тушёным мясом, я сказала, что мы вегетарианцы. Мне кажется, что полицейских этот факт опечалил гораздо больше, чем нас – факт наличия мяса в лапше. Они надеялись загладить свою вину за то, что были вынуждены остановить нас. Тяжело вздохнув, офицер, у которого я просила кастрюльку, выдал нам электрическую плитку и металлический тазик с водой, в котором мы сварили все десять яиц. Как только последнее яйцо было доедено, за нами приехали. В золотисто-красном свете закатного солнца, горы, поросшие густым лесом, выглядели, чуть ли не по-домашнему уютными. Было очень обидно уезжать от них в закатанный в асфальт, шумный город. На горы опускалась ночь. Не столь поспешно, как она делает это в тропиках, но достаточно быстро, чтобы на нормальный ночлег уже можно было не рассчитывать.

Спустя час машина остановилась в конусе света от уличного фонаря, на обочине кольцевой дороги, опоясывающей Чэнду. Блюстители порядка начали спорить о чём-то, возможно о том, куда именно нас нужно доставить. Судя по всему, никто из них не говорил по-английски, а значит, можно было убежать, не опасаясь серьёзных последствий –

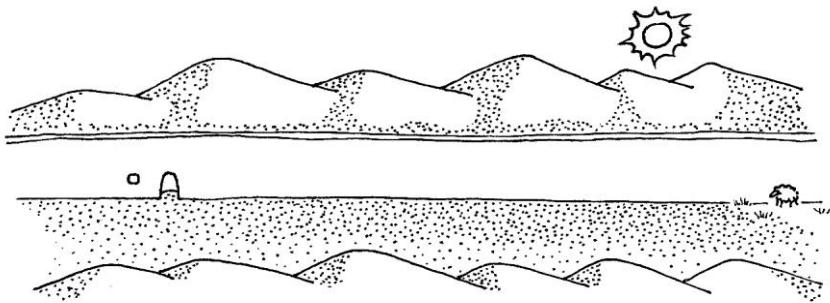
в случае, если нас догонят и призовут к ответу, мы сможем объяснить своё поведение неверно истолкованными жестами водителя. Он показал на часы: «Подождите», а мы, якобы, решили, что он говорит: «Время идёт! Убирайтесь из машины!». Как по команде, мы с Димой открыли задние дверцы автомобиля, захлопнули их, и пошли вперёд по дороге. Полицейские что-то кричали нам вслед, и я, оглянувшись, крикнула им по-китайски: «Спасибо, не надо. До свидания!». Преследовать нас никто не стал. Возможно, ребята и сами обрадовались тому, что от нас удалось так легко избавиться. Забравшись за рядок декоративных кустиков, мы расстелили наш коврик и легли спать на газоне, в трёх метрах от проезжей части. После тишины гор, шум автострады казался жутким звериным рёвом. Мы не выспались.

Весь следующий день мы обходили бесконечный Чэнду. Раскалённый асфальт под ногами, дорожная пыль на мокрых от пота лицах, городской смог в лёгких. Я думала о том, что каждый шаг приближает моё тело к вожделенному выезду за пределы мегаполиса, и это придавало мне сил. Чем тяжелее становилось дышать, тем чаще Дима повторял, что если бы я не позволила полицейским нас догнать, шли бы мы сейчас по тихой горной дороге, а не задыхались от выхлопных газов. К счастью, едва добравшись до нужного северного выезда, мы сразу были подобраны водителем, который увёз нас из провинции Сычуань. К своему стыду, я обнаружила, что радуюсь нашему возвращению на оживлённую трассу. Да, она шумная и вонючая, но по ней можно ехать, а по красивой горной дороге – только идти. А мне хотелось домой. И чем раньше, тем лучше.

Покинув провинцию Сычуань, мы оказались в пустыне Гоби, которая отсутствием транспорта и еды мало отличалась от Тибета. А я-то надеялась, что с длительными пешими переходами покончено... Дней через восемь после

того, как мы уехали из Чэнду, один из водителей, протягивая мне газету с фотографиями, сказал, что 12 мая в провинции Сычуань произошло сильнейшее землетрясение. Эпицентр находился в 75 километрах от Чэнду. Увидев в газете карту, я содрогнулась. Эпицентр был изображён в том месте, где нас в последний раз не пустили в горы. Погибших тогда ещё не успели посчитать, но позже я узнала, что это землетрясение унесло жизни более шестидесяти тысяч человек. Мы обогнали ураган в Мьянме на 23 дня, а Сычуаньское землетрясение – на неделю...

В пустыне мусора не было. Ему здесь не за что было зацепиться, и он, вырвавшись на свободу из мусорного бака в каком-нибудь придорожном оазисе, летел, подгоняемый ветром, пока не встречал цепкое ветвистое дерево, где-нибудь на границе пустыни. Мы шли вдоль асфальтированного шоссе. Воздух не был слишком сухим, температура была комфортной, а потому пить хотелось не очень сильно. Никаких естественных источников воды мы не встречали, но водители грузовиков, изредка проезжавших мимо нас, каждый день дарили нам бутилированную воду, которой нам хватало даже на то, чтобы умываться и мыть на ночь ноги. В один из вечеров мы увидели вдали протянувшуюся вдоль дороги глиняную стену. Один из её концов скрывался за ближайшими каменистыми холмами, а другой уходил вместе с дорогой за горизонт. Это была пустынная часть Великой Китайской стены. Неужели безводная пустыня была не достаточно неприступна? Дорога плавно подошла к стене, и мы смогли оценить её размеры. Высота – около четырёх метров. Чтобы слепить её, кому-то потребовалось много воды. Глина здесь везде под ногами, а вот вода... Нужна серьёзная причина, чтобы организовать такое строительство

посреди пустыни... В одном месте в стене был выдолблен проход, и мы воспользовались им, чтобы посмотреть, что там, за стеной. За стеной паслись овцы. Они смиренно жевали коротенькую травку, редкими зелёными островками покрывавшую белёсую глинистую почву. В полукилометре от пролома стоял глиняный домик с трубой. Там, видимо, жил хозяин овец. Слабый ветер, едва ощутимый днём, начал усиливаться. По ночам он становился настолько сильным, что мог сдуть оставленные без присмотра спальные, а потому нам стоило поторопиться с выбором места для ночлега. Мы пошли вдоль стены с противоположной от дороги стороны, удаляясь от домика и овец. Неожиданно Дима, шедший в пяти шагах впереди меня, повернулся, шагнул в стену, и исчез в её глиняной толще... Дверь! Низкая узкая дверь вела в маленькое помещение, находящееся прямо внутри стены. Мы скинули рюкзаки, и стали изучать комнатку-пещеру. Слева от входа, в глине была устроена глубокая ниша с небольшим окошком в стене. Ниша была достаточно широкой, и явно предназначалась для сна одного-двух человек. Справа от входа имелся ряд ступенчатых полочек, нижняя из которых сразу была определена мною, как «лавочка», и тут же использована по назначению. Потолок комнатки был закопчённым, что говорило о том, что в ней когда-то готовили еду на костре. Прикоснувшись к глиняным стенам, я с удивлением обнаружила, что они не осыпаются и даже не пачкаются. За сотни лет глина стала твёр-

дой, как камень. Пока я расстилала в нише с окошком коврик и спальные, Дима отправился по делам на улицу.

– Ну и ветрище! – сказал он, вернувшись через пару минут.

– Ветрище? Я совсем про него забыла. Здесь его даже не слышно.

– С ног сдувает. Хорошо, что мы сегодня не на улице спим. Выйди, посмотри из интереса!

Я выглянула из Великой Китайской стены наружу. Ничего страшного. Просто ветерок. Наверное, нужно подальше отойти. Я сделала три шага от двери, и меня едва не сбил с ног мощнейший порыв ветра. Я быстро вернулась обратно. Действительно, хорошо, что мы не на улице. Унесло бы нас вместе с палаткой, как Элли с Тотойшкой, в какую-нибудь страну жевунов. Ещё год бы потом оттуда автостопом выбирались.

На следующий день нам повезло – увидевший нас добрый водитель, в легковушке которого имелось два свободных места, не просто решил подвезти нас до своего города, но и обещал купить еды в ближайшей придорожной кафешке. К сожалению, кафешки нам никак не попадались. Посреди пустыни, разрезанной полосой шоссе, стоял одинокий придорожный магазинчик. Забетонированная площадка перед ним была окаймлена десятком чахлах молодых деревьев, к корням которых постоянно подавалась тоненькой струйкой вода из шлангов. Больше никакой растительности не было видно до самого горизонта. Пока мы рассматривали деревца и желали им долгих лет жизни, водитель посетил магазинчик, и, выйдя с пакетом, в котором угадывались банки содовой, сказал:

– Хозяйка магазина предлагает вам выбрать в её магазинчике всё, что вам нужно – это будет её подарок!

– Подарок? Но она нас даже не видела!

– Она смотрела на вас через окно, и я рассказал кто вы и откуда.

Мы зашли в магазинчик.

Улыбающаяся китаянка жестами пригласила нас пройти к стеллажам её минимаркета. Стеллажи были заставлены яркими пачками печенья, лапши быстрого приготовления и какими-то консервами. В углу невзрачной стопочкой лежал армейский сух. паёк – сытные лёгкие брикеты, прозванные мною «лориэнскими хлебцами», по аналогии с эльфийскими плюшками из «Властелина колец». Именно их мы и набрали в дорогу. Но, как и прежде, когда мы упорствовали в своей скромности, наш выбор был пополнен различными изысками. В том числе, полуторалитровой бутылкой клубничного йогурта с трёхмесячным сроком годности. Поблагодарив хозяйку, мы вернулись с большим пакетом провизии в машину. Купленная водителем содовая тоже досталась нам.

Так мы и передвигались день за днём, заезжая на попутках в маленькие городки-оазисы, и шагая потом вдоль дороги, пока нас не подбирала следующая попутка. Ночевали посреди пустыни – отходили от дороги на пару километров, и, расстелив коврик и спальники, долго лежали под открытым небом, любясь яркими звёздами. Мы ехали в Урумчи. От этого китайского города до Казахстана рукой подать. Там автострада должна быть более оживлённой – многие русские челноки ездят за китайскими товарами через Казахстан. Доберёмся до Урумчи, будем считать, что мы уже дома.

В один из дней, когда мы, шагая по пыльной дороге, выходили из очередного маленького городка, нас догнал грузовик. В кабине, как обычно, сидели два водителя, которые, сменяя друг друга за рулём, могли возить грузы круглосуточно. Кабина была маленькой, и мы уже привыкли, что

нас двоих, да ещё и с рюкзаками, в такие грузовики не берут. Приветливый молодой водитель, сидевший сейчас на пассажирском месте, помахал нам рукой, и высунул в окно бутылочку чая. Жестами, он пригласил нас присоединиться к нему и его напарнику.

– Мы не сможем заплатить за проезд! – сказала я по-английски, и протянула ему потёртый блокнотик с нашей прошлогодней надписью на китайском языке.

– Я – не китаец, – ответил молодой водитель. – Я – уйгур, не понимаю по-китайски. Мы едем в Урумчи. Садитесь.

Забравшись за сидения и растянувшись на узкой лежанке, он освободил нам с Димой своё место. Увидев, что мы собираемся ехать в обнимку с рюкзаками, он втянул их на лежанку и положил у себя в ногах, сократив размер лежанки на треть. Пока мы ехали, я рассказывала о нашем путешествии, а молодой водитель – о своём древнем народе. Оказалось, что на северо-западе Китая живёт много уйгуров. Они отличаются от китайцев внешне, у них другой язык, культура и религия. Уйгуры – мусульмане. На закате грузовик съехал на обочину, водители вышли на дорогу, расстелили коврики, и, встав на колени, начали молиться. Провожая взглядом солнце, я придумала себе собственную вечернюю молитву: «Спасибо, Вселенная, за ещё один прожитый день». Я улыбнулась последнему лучику исчезающего за барханом весеннего солнца. Где ты нас застанешь завтра, солнышко? Может, тебе также интересно наблюдать за нами, как нам за тобой? Летают вокруг тебя планеты, крутятся, и с каждым новым поворотом, что-то на них меняется. Замечаешь ли ты эти перемены? Для тебя, наверное, вся моя жизнь – мгновение. Ещё раз шестьдесят облетит вокруг тебя планета Земля, и всё, нет меня. А ты будешь светить. И ничего в мире не изменится. Так же будут вращаться планеты, так же будут рождаться и умирать звёзды...

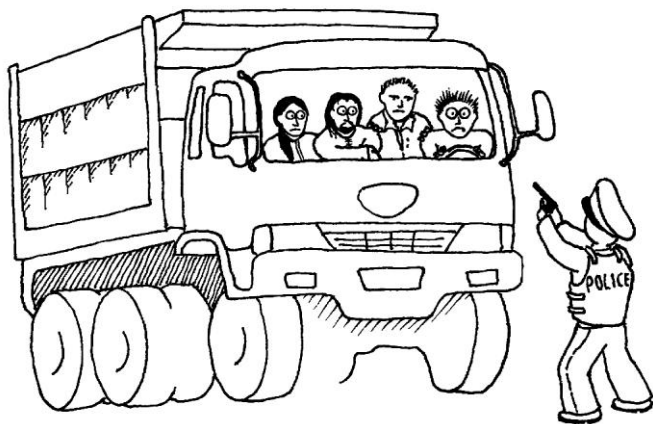
Не суждено было солнышку увидеть нас утром в Урумчи. После намаза водители поменялись местами. Молодой уйгур сел за руль, снял рубашку, и открыл окно: «Это чтобы не уснуть, – прокомментировал он свои действия. – В пустыне ехать скучно, можно задремать ненароком. А когда в окно дует холодный ветер, не уснёшь!». Для надёжности он облил голову водой из бутылки, и взъерошил волосы. Вскоре мы подъехали к шлагбауму, на котором взимается дорожная пошлина. Это был верный признак приближения к цивилизации – в глубокой пустыне пошлину не собирают. Наш полуголый лохматый водитель протянул подошедшему полицейскому положенную мзду. Тот, явно, был не доволен. Он показывал на нас, и требовал больше денег. Уйгур спорил, опять же показывая на нас, и денег не давал. Я предположила между водителем и полицейским такой диалог:

– Мало даёшь! У тебя же пассажиры! Ты – таксист! – кричал сборщик податей.

– Да какие это пассажиры – это балласт! У них денег нет, – отвечал наш уйгур.

– Ну, ты врать! Рожи-то белые! Где ты видел белых – без денег?

– Сам удивился, но говорят, что нет денег.

– Не верю. Плати давай.

– Не заплачу.

Тогда полицейский совершил непредсказуемый манёвр – он выхватил пистолет, и направил его в лоб нашему водителю. Тот на секунду опешил, и разразился какой-то матерной уйгурской бранью. Полицейский, тыча в водителя пистолетом, жестами попросил нас выйти из машины.

– Что вы знаете об этом человеке? – спросил он на плохом английском, показывая на уйгура.

– Мы знаем, что у него доброе сердце. Он предложил подвезти нас до Урумчи бесплатно. Если бы не он, мы бы предыдущие семьдесят километров пешком шли.

– Где вы его встретили? – полицейский старался придать голосу и выражению лица мужественной суровости, но у него это плоховато получалось. На вид ему было не больше двадцати трёх лет.

– Примерно в семидесяти километрах отсюда, мы с мужем шли по трассе пешком. Он остановился около нас, подарил бутылку чая, и предложил подвезти. Он хороший человек, – спокойно ответила я, артистично подавила зевок и потянулась, чтобы показать, насколько я спокойна.

Сборщик податей нахмурил лоб, и, не желая расставаться с ролью крутого полицейского, попросил наши паспорта, так и не опустив оружие. Поняв, что одной рукой он не сможет проверить документы, он всё же убрал пистолет в кобуру. Наш уйгур облегчённо вздохнул. Полицейский сообщил, что грузовик – не автобус, и он не может разрешить нам, таким расчудесным иностранцам, ехать в компании подозрительного полуголого типа в вонючем грузовике. Он хочет, чтобы мы остались ночевать здесь, а лохматый уйгур пусть едет дальше. Чтобы не задерживать доброго лохматого уйгура, мы решили согласиться на это предложение. «Ты уж прости, что из-за нас ты в такую переделку попал. Не хо-

тим, чтобы у тебя были неприятности, поэтому мы останемся. Спасибо большое за помощь», – сказала я ему через окно. Водитель вздохнул, грустно пожал плечами, и отдал наши рюкзаки со словами: «Это вы простите, что не смог довести вас до Урумчи. Удачи в пути!»

Итак, мы остались возле шлагбаума, а грузовик уехал. Грозный полицейский поселил нас на ночь в общежитие, принеся на ужин два ведёрка горячей лапши. С рассветом мы вернулись на трассу, и большую часть дня шагали вдоль неё пешком, а ближе к вечеру мы увидели торнадо. В затянутое дымкой небо тянулся тонкий пылевой смерч, извивавшийся, как выпущенный из рук садовый шланг. К слову: из пяти виденных мною торнадо, четыре были рождены в пустыне, один – над Малаккским проливом.

Чем ближе мы подбирались к Урумчи, тем крупнее были промежуточные городки, в которые нас завозили отзывчивые, замечательно славные, и бесконечно нами благодаримые, водители попуток. Глядя на наши впалые щёки, они либо сразу вели нас в ресторан, либо дарили в дорогу немного денег. Или делали и то, и другое. Так что, к тому моменту, как мы добрались до заветного города, мы уже были немного отъевшимися и достаточно состоятельными. То есть, могли позволить себе ходить по рынкам и выбирать понравившуюся еду. Разгуливая по рынку города Урумчи, мы чувствовали, что в мыслях уже прощаемся с Китаем. Ах, восхитительная белая спаржа, как мы будем скучать по тебе в России... О, расчудесные луковые лепёшки! На нашей Родине таких не найти... А какие здесь чудесные цены на фрукты! И не важно, что фрукты эти, по содержанию химикатов, возможно, не уступают йогуртам с трёхмесячным сроком годности. Главное, что на вкус они, почти как настоящие. Затарившись орехами и сухофруктами, мы вышли на трассу. Попуток было много, и, к счастью, многие из них

ехали на границу с Казахстаном. Так что, обгоняя на быстрых машинах сонных дромадеров – симпатичных одnogорбых верблюдов, которых на склонах холмов пасли уйгурские пастухи, вскоре мы оказались в маленьком пограничном городке Хоргос. С окраины города и до самой Китайской границы тянулась вереница гружёных фур. Многие номера были российские, и каждый раз, встречая взглядом «RUS» под номером региона, я радовалась, как будто встретила старого друга. Но стоило увидеть водителей этих фур – прокуренных и пропитых дальнoбойщиков, как меня охватывал холодок сомнения. Земляки... Что-то я уже не уверена, что сильно по вас соскучилась... От наших дальнoбойщиков все старались держаться подальше. От них шарахались на улицах китайцы, а если в кафе заходила группа русских мужиков, другие посетители торопились закончить трапезу и покинуть кафе, которое неминуемо наполнялось вскоре сигаретным дымом, пьяным угаром и вездесущим русским матом. В одном месте китаец-таксист, не выходя из машины, пытался выбить из пьяного дальнoбойщика деньги за проезд, но тот обматерил его, после чего попытался вытащить бедолагу из окна автомобиля. Каким-то чудом выпихнув дальнoбойщика из кабины, китаец втопил педаль газа в пол, и умчался прочь – жизнь дороже честного заработка. Довольный дальнoбойщик сжимал в руке несколько юаней – похоже, вытащил у таксиста из бардачка. Зайдя в один из супермаркетов, я столкнулась с другим могучим дальнoбойщиком в проходе, и стала быстро оглядываться в поисках пути к отступлению. Дальнoбойщик прокомментировал моё поведение: «О! Смотри-ка, потерянная!», загоготал, и прошёл мимо, скрывшись в следующем проходе. Дима ждал меня возле стеллажа с рядами жёлтых баночек с мёдом. Подойдя к нему, я сказала:

– Дим, меня дальнoбойщики пугают. Они... страшные.

– Привыкай. В России таких много. Давай мёда купим.

Оказалось, что могучий дальнобойщик стоял с другой стороны стеллажа, и, услышав русскую речь, высунулся в проход.

– О! Так Вы, девушка, оказывается, русская! Вы уж простите, что я над Вами смеялся. Думал, испанка какая-то. Не обижайтесь на земляка.

– Я не обиделась. Честно.

– Что я могу сделать, чтобы загладить свою вину? – дальнобойщик дружелюбно улыбнулся, и сразу стал похож на человека.

– Я даже не представляю, за что Вы извиняетесь. Мы пойдём. Всего доброго! – подталкивая Диму к выходу, я попятилась назад.

Дальнобойщик прихватил баночку мёда, которую мы с Димой поспешно вернули на полку, и тоже пошёл на кассу. Мы расплатились за полкило грецких орехов, а дальнобойщик – за свои покупки. На выходе из магазина он догнал нас, и вручил баночку мёда: «Ребята, примите в подарок от меня. Я вижу, что девушка обиделась, и не хочу отпускать её без подарка. Это внешне мы страшные, а в душе – белые и пушистые. Всего доброго вам!». Дальнобойщик снова улыбнулся, и уверенным шагом направился прочь от магазина. На душе стало немного легче, хотя жуткая сцена с таксистом-китайцем, всё ещё стояла у меня перед глазами. Глядя вслед земляку, я вспоминала тех славных дальнобойщиков, которые, почти год назад, подвозили нас на разбитых дорогах России. Я ни в коей мере не хочу бросать тень на всех русских дальнобойщиков, среди них действительно много благородных и мудрых людей. Просто именно в то время, именно в том китайском городке собрались именно такие дальнобойщики, которые вынуждали нас избегать общества белых людей.

На границе нам сказали, что переход откроется только завтра утром, а значит, нам предстояло провести в Хоргосе ночь. Отыскав безлюдную рощицу на окраине города, мы прислонились спинами к деревьям, и, расковыривая ножом грецкие орехи, приступили к ужину. К орехам вприкуску просился мёд, а к мёду не помешал бы зелёный чай. В сотне метров от рощицы располагался небольшой ресторанчик, в который я и отправилась с нашей тарелочкой – просить кипятку. Попивая чай с мёдом и орехами, мы дожидались сумерек, чтобы разложить спальники. Сумерки как-то не торопились наступать, поэтому я снова пошла в ресторанчик за горячей водой. Приветливая девушка, наливая кипяток в нашу закопчённую тарелочку с заваркой, поинтересовалась у меня по-английски: «Откуда Вы?». Мне очень не хотелось признаваться, что мы из России, поэтому я ответила: «Из этой рощицы. Мы с мужем там чай пьём». «Идите пить чай сюда. У нас много места». Я приняла приглашение, и вскоре мы с Димой сидели за одним из столиков ресторана. Официанты как раз, собирались ужинать, и пригласили нас за их длинный стол для персонала. С нами говорили только по-английски, и я решила прикинуться англичанкой. Впервые в жизни, нам стало стыдно, что мы русские. Нигде наши земляки не компрометировали себя так, как в Хоргосе. К сожалению, мы не раз слышали, что во многих местах планеты наши соотечественники зарекомендовали себя как пьяницы и дебоширы. Но одно дело, когда тебе говорят об этом малознакомые люди, и совсем другое – когда ты видишь этот беспредел вживую. Несколько месяцев назад, на Бали, мы пришли на переговоры к Майклу, и встретили там одного австралийца, который очень удивился, узнав, что мы – русские. «Русские – это толстые лысые мужики, которые постоянно пьют водку и орут, – сообщил нам этот австралиец. – И денег у них, всегда, значительно больше, чем можно потра-

тить за одну жизнь. Я и не представлял, что бывают русские без денег...», на что я ответила: «Россия огромная страна, и людей без денег в ней в тысячи раз больше, чем с деньгами. Логично, что на Бали подавляющее большинство россиян не бывало». А Майкл добавил: «На самом деле, мы это понимаем, но то, что вытворяют здесь русские, заставляет заподозрить всех вас в безумном богатстве и не менее безумной расточительности: один из сынков ваших олигархов как-то пришёл к королю Бали: «Мне, – говорит, – нужно отдохнуть пару дней на вашем острове, а все местные отели – говно, я буду жить в твоём дворце!». Король, конечно, возмутился от такой дерзости, а сынок отвечает: «Ты не понял, я буду отдыхать здесь. Говори цену. Любую». Король покинул свой дворец вместе со свитой на два дня. Сынок вашего олигарха заплатил ему за это два миллиона долларов».

Короче, мы так и не признались, что мы – русские. На ночлег официанты пригласили нас в один из чайных домиков этого ресторана. Домик был оформлен под маленькую монгольскую юрту и был завален мягкими подушками и одеялами. О лучшем и мечтать не стоило... Посреди ночи в соседней гостинице раздался крик на русском языке: «Что, не спится, уроды?!». «И тебе приятных снов, земляк...» – пробормотала я сквозь сон.

Утром, отстояв длинную очередь и получив штампы отбытия из Китая, мы попали на нейтральную полосу. Здесь всех въезжающих в Казахстан рассаживали по автобусам, взимая плату за количество баулов с товаром. У нас баулов не было, поэтому нас пустили в автобус бесплатно. Каждый автобус заполнялся больше часа – гигантские сумки челноков с трудом помещались в салоне. Было жарко, душно и скучно. Проехав на автобусе пару километров, мы обнаружили пропажу одного из мешочков с семенами редких растений, которые Дима собирал больше полугода. Когда мы

укладывали рюкзаки в проходе, мешочек висел на Диминой плечевой лямке, а сейчас, кем-то аккуратно отвязанный, бесследно исчез. Но мы не успели ничего предпринять по этому поводу, так как поток челноков вынес нас на казахскую таможенную. И так, 19 мая 2008 года мы ступили на землю бывшего СССР. От дома нас отделяло около полутора тысяч километров...

Глава 24. А МЫ ВСЁ ЕЩЁ В ПУТИ

Развязки здесь можно найти на всякий вкус, как в пьесах Дюсиса, кончающихся счастливо, или плачевно, сообразно чувствительности читателей.

Проспер Мериме, «Души чистилища»

Казахстан
Қазақстан

Ну, вот и всё. Дальние страны позади. Мой английский мне больше не пригодится. Я облегчённо вздохнула, выйдя из здания казахской таможенной. Повсюду русские лица... Ругается матом худенькая женщина, волоча за собой здоровенный баул. Хрипло хохочет её подруга – толстая, чрезмерно покрашенная пепельная блондинка с таким же баулом за спиной. На тротуаре дежурит толпа таксистов, готовая броситься на потенциальных клиентов, как стая голодных волков на кусок мяса. Господи, что происходит? Это не может быть моей Родиной! Я шарахаюсь от таксистов и кричу им по-английски: «Я не говорю по-русски! Не надо такси!». Таксисты переключаются на тёток с баулами, и мы, ускорив шаг, убегаем от границы.

Не успели мы пройти и километра, как нас настиг «Жигулёнок» одного из пограничных таксистов. Водитель, выглядывая из-за плеча своего пассажира, крикнул на плохом английском:

– Эй, садитесь в мою машину!

Ну вот... Довралась... Ну, не признаваться же теперь, что мы – русские. Некрасиво получилось.

– Мы заплатить не сможем, – ответила я на своём лучшем британском английском.

– Не надо платить. Видите, место у меня свободное.

– О'кей, Спасибо.

Водитель спросил откуда мы и как здесь оказались. Я ответила, что мы – англичане. Приехали из Лондона. Путешествуем по Азии автостопом. Дима молча смотрел в окно. К счастью, словарный запас водителя вскоре иссяк, и он стал по-русски обсуждать с пареньком-пассажиром европейских дармоедов, вроде нас, путешествующих автостопом. Мы с Димой при этом сидели с непроницаемыми лицами, усердно делая вид, что ни слова не понимаем. Некрасиво получилось. Совсем некрасиво.

На такси мы доехали до ближайшего маленького городка. Вышли из машины вместе с пассажиром и отправились дальше пешком, благо, с самого Хоргоса не было ни одной развилки, а потому заблудиться мы не могли. Городок кончился неожиданно быстро, хотя вдоль дороги ещё километра три встречались редкие домики. Впереди открылась панорама бескрайней казахской полупустыни. Чуть севернее она должна была превратиться в бескрайнюю казахскую степь, но то, что охватывал взгляд на тот момент, мало чем отличалось от пустыни: такая же голая, холмистая, безводная и безлюдная земля. Лишь редкие кусты вдоль дороги, да пяточки высохшей травы разнообразили унылый пейзаж. Решив перекусить, мы обнаружили, что кроме семян, в автобусе у нас стащили три луковые лепёшки, которые на границе нам подарила одна милая китайка. Вот так. Кто-то дарит, кто-то ворует. Лепёшки мастерски вытащили прямо из-под клапана Диминого рюкзака. Ну что ж... приятного аппетита кому-то.

Полупустыня не особо впечатлила нас, поэтому, поставив рюкзаки у обочины, мы сели на жёлтую прошлогоднюю травку дожидаться попутной машины. Отныне общение с водителями целиком и полностью лежало на Диминых плечах. Мне хотелось помолчать и послушать русскую речь. Нормальную, литературную речь, без междометий. Честно говоря, за последние месяцы я здорово подзабыла родной язык, и даже в разговорах с Димой, порой, заменяла русские слова, которые не удавалось быстро вспомнить, на английские. К сожалению, все дорожные диалоги, услышанные мною в течение двух дней, за которые мы добрались до Российской границы, были довольно однообразны. Вариант первый, в Казахстане наиболее распространённый:

– Здравствуйте, мы путешественники из России. Возвращаемся домой без денег. Можно с Вами немного проехать?

– Без денег? Да кто ж тебя без денег повезёт? Бензин-то дорогой. Иди пешком, раз денег нет.

Вариант второй:

– Здравствуйте, мы путешественники из России. Возвращаемся домой без денег. Можно с Вами немного проехать?

– Без денег? Ну, вы даёте! Садитесь, конечно. Но имейте в виду, в Казахстане без денег вам далеко не уехать. Тяжёлая нынче жизнь пошла. Все, у кого машины есть, вынуждены таксовать, чтобы за бензин платить.

– Но Вы же нас взяли.

– Да я один такой. Готов поспорить, что вы здесь больше часа торчите.

И, слава Богу, второй вариант диалога повторялся достаточно часто, чтобы к полудню второго дня мы оказались в Семипалатинске, носящем на казахском языке лаконичное имя «Семей». Последний водитель, узнав, что мы за

эти два дня ничего, кроме конфет, которыми он нас угостил, не ели, на прощание подарил нам несколько ярких разноцветных купюр – казахских тенге. Выйдя из его машины, мы, подгоняемые предвкушением счастья, сразу побежали в продуктовый магазин. О! С каким восторгом мы вкушали наш любимый чёрный хлеб, запивая его свежим прохладным кефиром! Как мечтали мы об этом моменте долгие месяцы странствий по дальним землям, где ни о кефире, ни о чёрном хлебе, никто даже и не слышал. Никакой королевский пир не насытит голодного путешественника так, как простая пища с его Родины. Как близко ты, человеческое счастье! А потом в руках у меня остался пустой тетрапак и полиэтиленовый пакетик из-под хлеба. Как мимолётно ты, счастье мирское... Я вздохнула, и опустила остатки пира в мусорный бак. Да-а... Чтобы научиться не мусорить, нам от многого придётся отказаться.

До Российской границы оставалось всего около ста километров. Мы хотели поскорее добраться до неё, чтобы не связываться с регистрацией, которую в течение трёх дней обязаны получить все временно пребывающие в республике. Так как это был наш третий день в Казахстане, мы поспешили на трассу, и вскоре ехали в автомобиле одного отзывчивого казаха. Казах оказался дистрибьютором продукции сетевой компании... Продавцом, сбытовым агентом, адептом сетевого маркетинга – называйте, как хотите. Он всю дорогу говорил только о своём бизнесе. Показал нам свой альбом мечты, заклеенный вырезками из гляцевых журналов, которые водитель с воодушевлением комментировал:

– Вот такой Мерседес я куплю своей дочери! А на таком буду ездить сам! А в таком доме буду жить! А потом я стану коронованным посланцем!

– Кем Вы станете? – от удивления, я напрочь забыла

про свою политику невмешательства в разговор.

– Коронованным послом! – с гордостью повторил водитель.

– Что это значит?

– О-о-о! Это значит, что я буду безумно богат! У меня есть аудиозапись, где коронованный посол рассказывает о своём пути к короне! Она была простой домохозяйкой, а потом занялась сетевым маркетингом, и теперь прилетает на встречи на собственном вертолёте! Я включу вам эту запись. Слушайте внимательно, она по-настоящему добилась в жизни успеха. К её советам стоит прислушаться! – с этими словами водитель вынул из бардачка потёртую кассету и вставил её в автомагнитолу.

Из динамиков раздались аплодисменты. Мы слушали запись с какого-то семинара. Женщина действительно называла себя коронованным послом, чем очень веселила меня. Это же надо было такой дурацкий титул придумать! Кастовая система по-детсадовски: «Мы – коронованные послы, а вы – облапошенные ослы!» Минут через пять, от моего веселья не осталось и следа... Она не шутила. Она говорила серьёзно, о серьёзных вещах, профессионально разукрашивая жадность цветочками и бабочками, маскируя её под добро, радость, счастье. Самая опасная ложь – та, в которой 95% правды. Женщина, вещавшая с магнитной ленты, говорила правду, но подмешивала в неё капельку чёрной, тягучей лжи, которую я ощущала всем своим существом. Эта ложь, растекшись по извилинам мозга миллионов людей, попавших в ловушку сетевого маркетинга, заставляла их продавать барахло по астрономическим ценам, превращала их в рабов... нет... в дойных коров тех, кто стоит выше в этой пирамиде. И каждый новый

«дистрибьютор» желал завести себе персональное стадо, продающее то же барахло ещё дороже, чтобы накормить и его, и всех его хозяев. А кто наполняет их кормушки? Кто покупает это барахло? Почему он не задумается о том, кому он платит? Человек создан свободным. Нам не нужны ни стиральные порошки для цветных тканей, ни электроподогреватели для кофейных чашек или другая подобная ерунда...

Довольный водитель выключил автомагнитогу, и сказал, что записи семинаров каждый раз вдохновляют его, оживляют его мечты, бережно хранимые в альбоме, и он надеется, что мы тоже когда-нибудь поймём, какое великое дело творит эта прекрасная корпорация, и пополним ряды его коллег, распространяющих по планете бесценные товары, и воплощающих свои мечты.

– Но это не Ваши мечты! Это картинки из журналов! Их не Вы нарисовали. Как можно вырезать из журнала свою мечту? – мой внутренний протест рвался наружу, но не мог обрести чёткую форму, чтобы дойти до сознания нашего водителя. Мне катастрофически не хватало слов.

– Это мои мечты! Ведь это я выбрал, что именно вырезать из журнала!

– Но в журналах всё плоское. Из бесконечного числа возможностей, окружающих Вас, Вы выбрали целью десяток ярких картинок!

– Вы не понимаете. Вам нужно съездить на наш семинар. Вот там – сила! Там ТАКИЕ люди! Они вам всё расскажут.

После этих слов я сдалась. Он меня не услышит. Против меня ТАКИЕ люди. А кто для него я? У меня не то что личного вертолёта нет, я даже за проезд заплатить не в состоянии... Значит, я – никто.

Когда-то давно, на уроке культурологии, я процитировала Ницше: «В стадах нет ничего хорошего, даже когда

они бегут вслед за тобой». На что учитель удивлённо спросил:

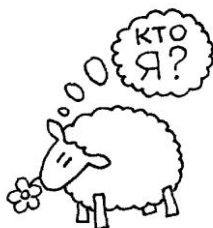
– И причём здесь стада?

– Мы говорили об обществе... Я сказала, что люди должны мыслить самостоятельно, а Вы утверждаете, что нам нужна ПАРТИЯ. С главой – пастухом, который будет мыслить за всех.

– Я не говорил про пастуха. Я сказал, что людям нужен руководитель. Пастух нужен стаду. Вы же не хотите сказать, что люди – это стадо?

– Это Ницше сказал.

– Ницше про овец говорил, не про людей! Людей нельзя отождествлять с безмозглой скотиной. Посмотрите вокруг – вот они, студенты, ваши одноклассники. Разве можно кого-нибудь из них назвать овцой? Может быть, Вы себя считаете овцой?

Все засмеялись, и культуролог продолжил читать лекцию. Я до сих пор вспоминаю тот разговор, поскольку он показал мне, что у стада есть иммунитет против свободомыслия. Если учитель культурологии готов во время лекции, перед десятками студентов, сказать, что Ницше рассуждал об особенностях пастбищного животноводства... то о какой свободе может идти речь? Сидя в машине будущего казахского коронованного посла, я снова слышала голос учителя культурологи: «Вам нужен пастух! Без него вы – никто! Самостоятельно, вы даже мечтать не способны! Овцы! Овцы! Овцы! Бегите за нами!».

У каждого свой путь. Наш водитель избрал путь толпы... Мечту – по шаблону, жизнь – по шаблону... Что ж... Это его право. Но я почему-то счастлива, что ни в одном журнале во Вселенной не найдётся картинка с моей мечтой.

Мы вышли в десяти километрах от границы, закинули

рюкзаки за спины, и отправились вперёд по дороге. Природа была уже «наша» – сибирская. Птички пели родными голосами, молодые берёзки шелестели на ветру маленькими зелёными листиками... Какие маленькие листики... Удивительно... А ведь я своими глазами видела в тропиках деревья, одним листом которых можно прикрыть оба наших рюкзака.

– Скоро будем дома, друг мой, – вырвалось у меня.

– Эх, Лена. Заканчивается, возможно, самое удивительное приключение в твоей жизни. Ты так очевидно рада этому, что я хочу задать тебе один вопрос: есть ли кругосветка в твоём альбоме мечты?

– Нет. На самом деле я никогда не мечтала о кругосветке.

– Чем дольше путешествуем, тем меньше я понимаю, почему ты выбрала этот путь. Дома тебе было хорошо. В отличие от меня, тебя всё устраивало в той жизни. Почему ты променяла её на кругосветку, о которой никогда не мечтала?

– Если коротко, то это был зов сердца, – подумав, ответила я.

– А если не коротко?

– Лет в 19 у меня возникла непоколебимая уверенность в том, что смогу достичь любой своей цели. Цель выбрала тривиальную: спасти мир. Но от кого спасать – не знала, и решила начать с его улучшения. Задалась вопросом: что делать, чтобы мир становился лучше? Похоже, человечество решает одни свои проблемы путём создания других проблем. Я понимала, что если буду жить так же, как и все, то ничего не изменится. Нужно было поставить промежуточную цель, чтобы понять, что делать. Поскольку под словом «мир» я тогда подразумевала планету Земля и всех её обитателей, логичным решением стало объехать вокруг света.

– А сейчас ты что-то другое подразумеваешь под сло-

вом «мир?»

– Другое. Но что именно – сказать сложно... Как вон то облако для меня – «облако», также и мир – «мир». И он не нуждается в спасении... Хотя, думаю, его можно сделать лучше. Говорят, совершенству предела нет.

– Теперь знаешь, как сделать его лучше?

– Один из способов точно знаю: берёшь, и приводишь в порядок всё, до чего дотягиваются твои руки.

– Руки – вот эти? Или в смысле потенциальных возможностей?

– Вот эти – обыкновенные человеческие руки. И на данный момент дотянуться ими я могу только до себя самой. Себя и буду улучшать. Глядишь, отращу себе руки подлиннее...

– И будешь, как орангутанг.

– Точно. Предпочитаю быть полезным для мира орангутангом, чем вредным человеком...

Нашу беседу прервал шум приближающегося автомобиля. Интересно, что может издавать такой звук? Треск, скрежет, лязг металла... Мы отошли поближе к обочине и остановились, чтобы встретить грохочущего монстра лицом к лицу. Из-за поворота выехал старый «Москвич». Сквозь дыры в мятом проржавевшем корпусе видны были автомобильные внутренности... Издав особо пронзительный скрип, «Москвич» остановился возле нас. Улыбающийся водитель, выглядывая из окна без лобового стекла, сказал:

– Могу до границы подбросить, если не боитесь.

– Да здесь рядом, пешком дойдём.

– Боитесь, значит...

– Нет, не боимся.

– Тогда садитесь.

С трудом открыв заднюю дверцу, мы забрались внутрь. На приборной панели была приклеена тройная ико-

на – с Николаем Чудотворцем, Иисусом и Марией. Видимо, эта троица и позволяла машине передвигаться с завидной скоростью, несмотря на тяжёлые увечья. «Москвич» стонал, как умирающий, его корпус как-то подозрительно свободно двигался относительно моста, и мне даже пару раз казалось, что из-под него, сквозь дыры, на ходу вылетают какие-то детали. С Божьей помощью, мы доехали до границы минут за десять. Водитель пожелал нам удачи в пути, и, свернув на просёлочную дорогу, поехал (попрыгал) по своим делам (по кочкам и ухабам) на своём боевом вездеходе. Думается мне, что ему удача в пути пригодится не меньше нашего.

Но вот впереди казахская таможня. Последние шаги по «загранице». Перед шлагбаумом выстроились в ряд два десятка легковушек. Очередь. Мы зашли в здание таможни, сказали, что идём пешком, и товара у нас никакого нет. Можно без очереди? Можно. Выездные штампы, переход границы, российская таможня. Вот мы и дома. Родина началась с двух весёленьких ярко-оранжевых штампов в наших паспортах: «Россия КПП Веселоярск». Веселоярск, значит... Вечернее небо затянуло тучами, холодный ветер принёс откуда-то рваный полиэтиленовый пакет, и намотал его на колючую проволоку высокого забора... Вдоль дороги скачет по обочине пустая пластиковая бутылка, обгоняя другой мусор, обретший покой в толще засохшей грязи... Здравствуй, Россия!

Наши загорелые физиономии и заграничная одежда привлекли внимание дозорного отряда, скрывающегося в придорожных кустах. Подтянутый паренёк с автоматом, одетый в ветровку и штаны цвета хаки, отделился от густых зарослей, и пошёл к нам навстречу. Мы решили его проигнорировать. Вдруг человек в туалет ходил, а теперь обратно на пост возвращается. Мы, не замедляя хода, прошли мимо

паренька, даже не взглянув на него. Пограничника этот манёвр не устроил, и он побежал за нами, крича на ходу:

– Стойте! Предъявите документы!

– Конечно. Пожалуйста, – я открыла наши паспорта на странице со штампами.

– Вы русские?

– Русские.

– Ну ладно, тогда идите дальше. Мы думали, что Вы – иностранцы.

Паренёк побрёл обратно к кустам, небрежно помахивая автоматом. Ну вот... Допутешествовались... Теперь же на каждом посту останавливать будут.

К закату мы успели доехать автостопом до пригорода Рубцовска. В этом городе живут мои родственники, и я даже уверена, что они были бы очень рады нас видеть, но я понятия не имела, как с ними связаться, а потому ночевать нам пришлось на улице. Самые ужасные ночёвки на улице – это ночёвки в черте города, где нет парка или леса. В Рубцовске есть парки, но мы до них не дошли. Пришлось искать пристанище на пустыре, который, как и положено городскому пустырю, был завален мусором. В поисках относительно чистого места под палатку, мы миновали большую кучу гнилого лука, который вонял, как... большая куча гнилого лука. Эх, знать бы розу ветров... Если ночью местный преобладающий ветер принесёт в нашу палатку этот аромат, будет печально. Но дух ветра был милостив. Мы неплохо выспались, встали с рассветом, упаковали рюкзаки, и отправились в город. На первом же посту ГАИ нас снова приняли за иностранцев, и, несмотря на Димино свободное, и моё условно-свободное владение русским языком, всё-таки отвели в отделение, где милиционер, внимательно изучив наши паспорта, пришёл к выводу, что мы действительно русские, и отпустил нас на волю. К восьми утра мы уже стояли на обо-

чине дороги, ведущей в Новосибирск. Мимо проезжало много автомобилей, а потому мы не особо волновались, что никто не останавливается. Много машин, много людей. Кто-нибудь, да подберёт. Час стоим, два... три, четыре... Да что же это такое? Мы уже отвыкли от такого пренебрежительного к нам отношения. С одной стороны, всё логично. Их право – проехать мимо. С другой стороны – обидно! В дальних странах мы никогда, при условии такого количества транспорта, больше часа с протянутой рукой не стояли. В Казахстане – было дело, но ведь то Казахстан! А здесь свои, родные, земляки. Люди! Мы же братья! Но нет... Пронесётся мимо... И у многих, прямо на лобовом стекле, здоровый такой православный крест висит... Христиане, блин. Возлюби ближнего, как самого себя... Настроение моё, после пяти часов бесплодного стояния на обочине оживлённой трассы, рухнуло вниз, скрывшись в толстом слое дорожной пыли. Чёртов автостоп. До Новосибирска около пятисот километров. Это десять дней пешего хода.

– Дим, пойдём пешком, – предложила я.

– Пойдём, – спокойно ответил Дима, помогая мне забросить на спину рюкзак.

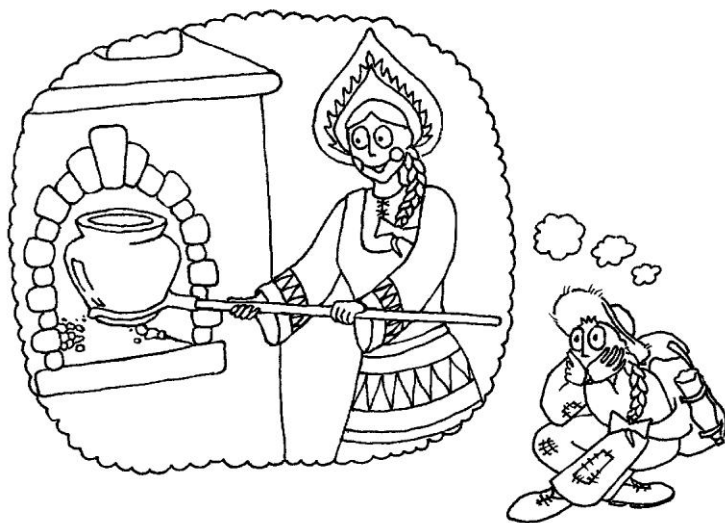
– Ну и земляки у нас с тобой. Широта русской души, широта русской души! Хоть один бы остановился!

– Не ворчи. Это не поможет. Их машины – их правила. Хотят – останавливаются, не хотят – не останавливаются.

– Как надоела мне эта пыльная обочина. Никаких больше путешествий. Вот доберусь до Новосибирска, и всё! Проведу остаток жизни на кухне.

– Почему на кухне?

– Там моё место. Место нормальной женщины – у плиты на кухне. Носки вязать, пелёнки стирать... Ну, это можно и не на кухне... Но главное, что в дорожной пыли мне жить надоело. Хочу домой!

- Все хотят домой. Да где он, этот дом?
- Эй! Ребята! Идите сюда! – раздался мужской голос с противоположной стороны дороги. Нас звал водитель джипа, только что остановившегося на противоположной обочине.
- Нам в другую сторону, спасибо! – ответила я.
- Куда путь держите? – поинтересовался водитель.
- В Новосибирск.
- Меня зовут Владимир. Садитесь в машину, я помогу вам.

Оказалось, что Владимир видел нас в этом же месте четыре часа назад. Сжалившись над пыльными неудачниками, он решил купить нам билеты на автобус до Новосибирска, дал денег на еду, и оставил свою визитку на случай, если что-нибудь пойдёт не так. Я была так растрогана его щедростью, что написала на обрывке какой-то китайской квитанции наш домашний адрес и телефон, чтобы он непременно заехал в гости, если окажется когда-нибудь в Новосибирске. Спасибо Вам, Владимир. Будьте счастливы!

Домой мы вернулись 23 мая 2008 года. Позвонили в домофон на рассвете, дойдя пешком от автовокзала до до-

ма моих родителей. Пройти девять остановок казалось нам смехотворно просто.

– Кто там? – спросила моя сестрёнка.

– Свои, – ответила я.

Пикнул домофон, открывая железную дверь... Когда мы вышли из лифта, на пороге квартиры, в прямоугольнике распахнутой настёж двери, стояли моя сестра и мама...

Я дома... Но наше с Димой путешествие не закончено. Не потому, что мы так и не объехали вокруг света, а потому, что сама жизнь стала для нас путешествием. Где бы мы ни находились – мы всё ещё в пути. Как и Вы, читающие эти строки: в пути к себе, в пути к мечте, в пути к «завтрашнему дню». У каждого – свой путь. Я нашла его в этом путешествии. Отныне я точно знаю, чего хочу. Разумеется, это не жизнь, проведённая на кухне. Это я сгоряча сказала. Я просто хочу жить. Жить по-настоящему, так, как велит моё сердце. Хочу быть собой. Всегда и везде. Мне предстоит стать мудрее, сильнее и красивее, чем я сегодняшняя. Вот этим я и займусь. Буду творить прекрасный мир, начиная с себя.

P.S. Спустя год и четыре месяца, мы с Димой снова соберём рюкзаки и отправимся пешком и автостопом в Африку... Будем неделями бродить по пустыням, драться с коварными арабами и есть дикие финики... Книгу о первом путешествии я писала восемь лет. Не уверена, что закончу когда-нибудь описание наших африканских приключений. Так что, если спросите, ждать ли вторую книгу, отвечу: «Однозначно, нет». В любом случае, скучно жить в ожидании чужих книг. Писать свои – гораздо увлекательнее...

Глава 25. ПОСЛЕДНЯЯ

Я много лет писала эти строки,
Так много, что приходится признать,
Вполне могла в примерно те же сроки
В стихах всю эту книгу написать.
Мне слов бросать на ветер не пристало,
И, современной моде вопреки,
Последнюю главу переписала,
Её все строки превратив в стихи.
В главе я этой подвожу итоги.
О том вам постараюсь рассказать,
Куда нас привели пути-дороги,
И вот с чего хотела бы начать:
Нет прозы жизни для меня отныне,
В стихах звучит не эта лишь глава,
В поэзии Пути живу поныне,
А эта книга – лишь одна строфа.
Из мелочей что в быте изменилось?
Мы начали пить кофе по утрам.
И с каждой чашкой, так уж получилось,
Мы продолжаем посещать Вьетнам.
В лишениях мы быстро научились
Ценить всё то, что окружает нас.
Подушки мягкие нам очень полюбились,
Но стал ненужной роскошью матрас.
Как пользоваться вилок я не знаю,
И чтобы навык сей не воскрешать,
Отныне в рюкзаке не забываю
С собою палочки китайские таскать.

Подобными наполнив мелочами
Реальность повседневную свою,
Я необычность их не замечаю
И вас я ими вряд ли удивлю.
Тогда поведаю, что после приключилось:
Уж год с тех дней описанных прошёл,
И путешествие немного подзабылось,
И наш тропический загар сошёл.
Мы не смогли увлечь себя работой,
Дорога непрерывно в путь звала,
А в городе жизнь слишком беззаботной
И лёгкой непростительно была.
Сквозь пальцы быстро убегало время,
Уроков новых нам не принося;
И вновь, и вновь мы возвращались к теме –
Куда отправиться на поиски себя.
Пока я изучала карту мира,
Мне очевиден стал такой момент:
Кому сейчас мала его квартира, –
Однажды станет тесным континент.
Так трудно выбрать путь, осознавая,
Что пред тобой открыты все пути.
Решенье родилось за чашкой чая:
Мы в Африку надумали идти.
О месяцах скитаний предстоящих
Повествованием чтоб вас не утомлять,
О самых ярких приключеньях наших
Предпочитаю вкратце рассказать:

Однажды ночью я в Каспийском море
Решила беззаботно понырять,
И, как итог, всё тело моё вскоре
Пришлось от нефти долго оттирать.
Ещё по древней Петре мы гуляли
С turisticus vulgaris наравне;
И в Сирии в то время побывали,
Когда никто не думал о войне.
Работали в Сахаре на раскопках,
Но археологи не дали нам копать –
Велели, выдав три мешка осколков,
Зубными щётками их отполировать.
При нас происходил раздел Судана.
Была одна, а стало две страны.
Я, помню, тогда здорово устала
Доказывать, что не шпионы мы.
В пустыне ночи нас безмерно восхищали,
Хотя не редко приходилось замерзать.
Стуча зубами, мы себе мешали
Её безмолвию глубокому внимать.
Когда аборигены узнавали,
Что мы идём в пустыню ночевать,
Они, вздохнув печально, начинали
Большими хищниками тщетно нас пугать.
Куда опасней воды Нила были,
О чём никто из нас, увы, не знал.
Купались в Ниле и из Нила пили,
Приблизив путешествия финал:

Едва не умерев от лихорадки,
Эвакуированы с помощью ООН.
Но всё прошло. Мы живы, мы – в порядке,
И вспоминаем Африку, как сон.
Россию с той поры не покидая,
Не ищем тягот в стороне иной.
Мы поселились среди гор Алтая,
А города – обходим стороной.
О мире знаю я не так уж много:
Лишь то, что он такой, какой он есть.
И я не вижу в мире ничего иного
Помимо удивительных чудес.
И я не перестану восхищаться
Многообразием той жизни, где
На фоне самых разных декораций
Всегда есть место красоте и доброте.
Приятно было мне стихосложением
Разнообразить творчество своё,
Но всё, я прекращаю изложение.
Пора заняться точками над "ё".
Понравилась ли книга вам, скажите,
Мне ваше мнение услышать невтерпёж.
Надеюсь, вы не будете в обиде
За этот стихотворный выпендрёж.

Елена Крылова, 2016 год.

ПРИЛОЖЕНИЕ: МОЙ ПУТЕВОЙ ДНЕВНИК

*Эй! Кто там строит рожицы
Концептуального понимания
Великой природе?
Самокритика мало чем отличается
От самовосхваления.
Простота уходит, когда провозглашается
Простота.
Виктор Шаравьёв, «Приглашение в дзен»*

Дневник представляет собой подробное описание того, что мы ели. Это позже я научилась не обращать внимания на голод, но вначале путешествия он сильно влиял на мой выбор событий, достойных описания. В предисловии к дневнику я хотела извиниться за свою безграмотность и рассеянность, оправдываясь тем, что дневник писался в пути – то в палатке, то на обочине дороги, но прочтя в сборнике стихов слова Виктора Шаравьёва, передумала. Бесспорно, ошибок много, например фразу «протекрот стерт, и вообще дарка на дырке», без улыбки я читать не могу – это ж надо было так смешно опечататься. Но я специально решила не менять ничего в этом опусе. Мне, почему-то, в нём даже опечатки дó роги. Скажу только, что в банке Дуннина, рубли мы, конечно, меняли не на йены, а на юани. И конфета со вкусом корнеплода на самом деле была не женьшеневая, а имбирная. Если же кому-нибудь захочется заняться арифметикой, и он обнаружит, что на визы мы тратили больше денег, чем нам дарили, поясню: Жоу Ти Жонг перед тем, как отвезти нас на границу, молча протянул нам толстую пачку стоюаневых купюр – эквивалент десяти тысяч рублей. Переводчика рядом не было, поэтому мы не стали отказываться. Я не сразу восприняла этот подарок за реальность, поэтому и писать о нём не решилась. Ещё хочу заме-

тить, что перечитав своё описание Лаоса, я обнаружила удивительный факт: согласно дневнику, не так уж там было и плохо... А на самом деле... Травма, полученная Димой в джунглях, оказалась очень серьёзной. Он вытаскивал из зарослей сухой бамбук для костра, и одна из бамбучин лопнула, перерезав до кости несколько пальцев на его руке. Один палец до сих пор (спустя восемь лет) не восстановился. Дима потерял много крови, но писать об этом в дневнике я не стала, как и о том, что в последние дни Лаоса я несколько раз теряла сознание. Во время длительных переходов падала на горячий асфальт или в дорожную пыль; принесся из леса дрова для костра, едва не упала прямо в огонь. Без еды человек может прожить гораздо дольше, чем без сна, а сон был тогда для нас бесценной роскошью. Одну ночь нам пришлось провести на ногах – местные борцы с партизанами быстро обнаруживали нашу палатку и прогоняли со своей территории. После двухсуточного пешего перехода я заболела тем, что в дневнике называю «бронхитом». На пике этой болезни я даже всерьёз подумывала о своей безвременной кончине: «И как Дима меня хоронить, интересно, будет?». Разве об этом можно писать в дневнике, который высылаешь родителям? Мне не хотелось, чтобы они знали о том, как нам тяжело. Не писала я и о своих нервных срывах, и о том, что отчаянно мечтала поскорее вернуться домой... Но главным из всего, о чём я не хотела писать, было изменение моего мировосприятия. После болезни мир стал другим для меня. В этом новом мире единственно важным было понимание себя, поскольку «я» осталось единственной постоянной величиной во Вселенной.

День первый. 05.06.07.

Доехали до Красноярска (от Новосиба 823км), погода была просто замечательная – дождь и холоднющий ветер весь день. На трассе стояли мало, сменили 6 автомобилей, из них: 3 легковушки, 2 маленьких грузовичка по 3т и одна американская фура FRAITLINER на 20т (позднее выяснили, что стоит такая штука 3,5млн рублей (2,5 тягач, 1 – кунг). Дальнобойщик взял нас вечером в 21, а высадил утром в 9 - ночь мы провели в кабине, в которой помимо всего необходимого в кабине, находилось огромное количество полочек, шкафчиков, подставочек, газовая горелка, чайник и... шикарная двухъярусная кровать (мягкие полки). Ура! Напились горячего чая и выспались как следует. Из разговоров с водителями удалось выяснить следующее:

Министерство обороны обкрадывает наших вояк. Водитель, подвозивший нас, отслужил в Чечне 8 месяцев бесплатно и 1 месяц пролежал в госпитале. За последний месяц ему заплатили, а за предыдущие 8 он до сих пор судится с министерством (третий год уже). И президенту даже 2 письма написал. Не помогло.

На некоторых автостоянках живут дикие животные в больших клетках (Дима до этого тоже встречал медведя в клетке на автостоянке по пути на Алтай), мы заехали к медведице Маше, которой наш дальнобойщик завез 2 пряника (специально свернул на стоянку ради этого). Где-то в Удмуртии есть стоянка с 3 медведями, которых держит друг дальнобойщика, этот друг скупает медведей с тех стоянок, где их плохо кормят, и кормит их хорошо. Медведица Маша ругается благим матом на иностранцев (проверено на туристах-китайцах и туристах-узбеках), зато любит русских людей (проверено на многочисленных водителях), а подвыпившему сторожу в ответ на фразу «Ну, давай спину», подошла к решетке, села так, чтобы он мог ей почесать спину, и начала от удовольствия «хрюкать, как кабанчик». После этого, правда, чуть руку ему не оттапала, но он успел руку отдернуть и пострадал в результате только морально (вот она, благодарность Машина).

Российские автомобили – говно.

День второй. 06.06.07

Пять попуток, 4 легковушки, 1 грузовичек. Пройдено около

300км. Сей час находимся в оздоровительном лагере «Огонек» около города, который называется Канск. В лагерь мы попросились водички набрать, а нам и ночлег предложили, и кухню. Точнее – ночлег на кухне. Здесь тепло, светло, мы поели горячей гречневой каши и попили чайку с травками, которые Дима насобирал в окрестном лесу. Красотища. Информация от водителей:

Существует каменное масло. Оно очень редкое, и сам водитель (Сергей) о нем ничего, кроме названия, не знает. Он 3 года проработал на метеостанции, куда ему 2 раза в год с вертолета еду сбрасывали. Из людей чаще всего встречал там золотоискателей и браконьеров. Как-то раз пришли альпинисты, говорят, есть легенда (источники – старожилы близлежащей деревни), что в такой-то пещере есть каменное масло. Пещера труднодоступна, и даже этим профессиональным (или не очень?) альпинистам она не поддалась. Альпинисты уехали, а Сергей через знакомого браконьера нашел морской бинокль с чуть ли не 200х (200-кратным увеличением), и с другой горы рассмотрел в этой таинственной пещерке с неудобным карнизиком сверху и отсутствием оногo снизу, черную лужицу непонятно чего (может и вода, но взяться ей там неоткуда).

Есть инопланетяне. Возможно... История такая: в деревне N был карьер, на дне которого ржавел стварый экскаватор. В один прекрасный деь возле него очутился серебристо-матово-глянцевый фосфорицирующий шар диаметром около 1,5-2м, зависший на высоте 20см. Подойти никто из жителей не рискнул, но из ружья стреляли. Эффект – сноп искр, как от бенгальского огня. Шар лежал несколько дней, а потом приехали люди, которых называли ФСБшники (водитель был тогда еще довольно юн и не знал, чем они отличаются от других смертных), и оцепили карьер. Через неделю они ушли, и шара на месте уже небыло.

Потом водитель видел в поле два луча, расходящихся под 120 градусов, водящих по земле, исходящих из некоего объекта, который водитель не рассмотрел. Объект вскоре поднялся в воздух и быстро скрылся из виду, лучи остались при нем.

В Красноярске шоколадный плавлнный сыр стоит 17р, а в Канске 40р точно такой же.

Российские автомобили – говно.

День третий. 07.06.07

Протопали пешком километров 8, ни одной попутки. Пообедали в пригороде Канска хлебом с плавленым сыром и кефиром. Красотища. Природа просто восхитительная, я сделала несколько хороших снимков, практически не отходя от дороги. Вышел казус со временем: мы с лагеря обещали уйти в 7, а в Канске, оказывается, разница с Новосибирском 1 час. Проспали. Ушли в 8 по местному времени. Дорога от Канска просто отвратительная, сегодня мы проехали всего около 300 км, нас подвезли 2 легковушки, а около 15:00 подобрал Александр на микроавтобусе, он нас угостил рисовой кашей, сухарями, киселем и замечательным чаем. У него в микроавтобусе и заночевали. Новое от водителей:

Про то, что российские автомобили – говно, я уже писала, больше повторять не буду, это у водителей большая тема.

В Германии скот, который везут на убой, тоже имеет права – на каждую скотинку должно приходиться не менее столько-то места, если в фургоне, перевозящем скотинку на убой, места меньше, то это нарушение прав животных – водителя штрафуют.

В Англии рыбак должен закончить 6-и месячные курсы рыбаков, после чего он получит лицензию на рыбалку и линеечку – рыбу длиннее этой линеечки он должен отпускать, и рыбу короче, чем указанная на линеечке величина, он тоже должен отпускать.

День четвертый. 08.06.07

Доехали до Иркутска. С Алексеем мы проехали более суток, он нас подкармливал и развлекал замечательной музыкой (стереосистема в микроавтобусе – что надо!). Потом мы заехали с ним на работу – он специалист по холодильному оборудованию, настраивает глючные холодильники в колхозах на молочных фермах и колбасных заводиках. Посмотрели мы на то, как колбасу делают... Раньше мы с Димой были просто вегетарианцы, а теперь – убежденные вегетарианцы. Напоследок мы с Александром (хотя уже давно Сашей) сфотографировались. После этого нас подвезли две легковушки и микроавтобус. В кафе «Маньчжурия», куда мы зашли посмотреть телефоны Иркутян на ноутбуке, нас бесплатно угостили чудесным зеленым чаем и разрешили даже от них позвонить. Возле вечногo огня нас встретил Ваня, припрово-

дил нас в пиццерию, где интеллектуалы, во главе с Ильей, играли в интеллектуальные игры, после чего я из интернет-клуба скинула сообщение на форум (это стоило 9руб), и мы отправились к Илье стираться, ужинать и спать в настоящей кровати!!

День пятый. 09.06.07

Мы вышли из Иркутска. Жарища неимоверная, умылись из шланга и потопали дальше, мечтая о мороженом. Первая попутка – «Волга», водитель – волшебник, на ближайшей заправке купил нам с Димой по мороженому, а на Култукке угостил нас двумя омульками горячего копчения. Мы решили на несколько минут забыть о том, что мы вегетарианцы, и с удовольствием слопали горячих эндемиков Байкала. Следующая попутка – микроавтобус, а третья, и последняя на сегодня – LAND CRUISER!! Водитель – владелец охотничих угодий, и, как мы поняли, какой-то большой начальник, довез нас до Теплых озер, где мы решили провести пару дней. 5км от трассы до озер мы прошли пешком, палатку поставили на берегу реки Снежной, уже на территории туристического комплекса «Теплые озера на реке Снежной».

Дни шестой, седьмой, восьмой и девятый. 10-13.06.07

Все утро первого дня лил дождь. Когда проголодались, отыскивали недавно прогоревший костерок с дровами, разожгли его и стали готовить кашу, только Дима посетовал, что у нас нет соли, как на дереве рядом с костерком материализовалась пластиковая баночка из-под какао «Несквик», в которой искомая соль и оказалось. На следующий день обошли все теплые озера (на территории комплекса мы их только 2 обнаружили), две ночевки простояли на Мертвом озере, после чего решили сходить до озера Соболиного, что в 13км от Теплых. Не дошли. Переправу через Снежную не одолели. Река поднялась, и даже если где-то и был хороший брод, то от него не осталось и следа – Дима дважды пытался пересечь ледяную горную реку, оба раза безуспешно. Последнюю ночевку устроили на песчаном пляжике на берегу Снежной. Утром отправились в обратный путь, а к пяти уже были на трассе. По дороге нашли двухлитровую бутылку, наполовину заполненную превосходным пшеном и встретили семейство отдыхающих, которые сообщили нам преинтереснейшую новость – оказывается на территории, на которой мы провели почти чет-

веро суток стоимость одной ночевки в палатке (своей палатке!) составляет 500р, стоимость одной ночевки в коттеджике (стремненьком бетонном здании) составляет 5000р, въезд одного автомобиля – 100р, плюс по 10р за каждого человека, при этом экипаж одного автомобиля имеет право поставить только одну палатку. Из инфраструктуры нами были замечены: Два гигантских мусоросборника, один невежливый охранник (он с нами не поздоровался) и один сломанный холодильник, валяющийся посреди леса. Озера, конечно, замечательные, Саяны превосходные, комаров мало, мошек и клещей – много. Мошки даже двух видов – здоровые, как мухи, но физиология явно мошковая, и крохотные – меньше миллиметра длиной, но кусаются как настоящие. Когда выбрались на трассу, было еще тепло и светило солнышко, решили зайти в ближайшее село Выдрино, купить хлеба и кефира и перекусить. Фигушки. Единственный рабочий в этот день магазин оказался размером с большой киоск, половину прилавков которого занимала мясная продукция, и купить нам там удалось только риса и сухого молока, зато один из грузчиков, стоявший у магазина, заинтересовался нашими личностями и в процессе разговора сообщил нам про горячие источники на берегу Байкала, которые ни на одной карте не обозначены, а также объяснил как до туда добраться. Решено, едем на источники! Дабы сварить себе ужин, мы напросились в местную церковь – воспользоваться плиткой, славные люди предоставили в наше распоряжение кухонку в одном из принадлежащих церкви домиков, где мы смогли сварить шикарную рисовую кашу на молоке и заварить чай с цветами шиповника, которого в горах растет немеренно. Сытые и довольные вышли на улицу, а там... Холодища и тучи вокруг. Мы поспешили на трассу – время 19:00, а нам еще до Селенгинска около 100км ехать. Почти сразу остановился уютный микроавтобус, и мы под Моцарта и приятную беседу с водителем добрались, обгоняя проливной дождь до села Брянск, что в 2км от Селенгинска. Так как на улице было уже темно, посадили палатку прямо между трассой и железной дорогой. Мирно спали под стук колес и шум проезжающих в десяти метрах от нас автомобилей.

День десятый. 14.06.07.

В 8:00 нас разбудил милиционер, потребовал документы.

Это, говорит, не туристическая зона – полчаса вам на сборы. А на улице – обложной дождь. Ну, что делать, с законом не поспоришь, собрали мокрую палатку, побрели под дождем в поисках паромной переправы. Нашли. У парома дождался своей очереди уютный автобус, куда мы попросились ненадолго посидеть – от дождя спрятаться, оказалось, что этот автобус везет на экскурсию студентов-бурятов с Улан-Удэ, и у них есть всободные места, а самое славное, что цель их экскурсии совпадает с нашей – деревня Сухая и геотермальные источники в 4-х км от нее! Нас предложили подвезти, и мы с огромным удовольствием согласились. Экскурсовод – замечательная женщина, поведала нам многое из истории Бурятии, рассказала про Байкал и нерп, а потом дала нам с Димой журналы про Байкал, из них мы узнали про аршаны – священные целебные источники у берегов Байкала, и про буддистские монастыри – дацаны. Попадись эти журналы к нам в руки в Иркутске, мы бы на Байкале не меньше месяца провели в поисках этих аршанов и дацанов. Потом мы заехали в отличный Оймурский школьный музей с залом боевой славы и добрались наконец-то до Сухой. В Сухой лил дождь. Экскурсовод героически ушла в стену дождя, чтобы найти место для привала в каком-нибудь кафе, но из-за размытой дороги все кафе были неприступны для автобуса, так что студенты напоили нас соком, подкормили овсяным печеньем, и тепло распрощавшись, отправились назад в Улан-Удэ. Мы пожелали остаться в деревне, где добрая экскурсовод нашла нам замечательную вписку: бабушка, у которой она узнавала дорогу до кафе, предложила приютить на время дождя двух путешественников, так что сей час мы с Димой сидим в натопленной избе, напившись горячего чая с халвой и вкуснейшими плюшками, которыми угостила нас чудесная бабушка. Мы предлагали ей любую помощь по хозяйству, но она отказалась. Да здравствует мир, в котором есть такие бабушки!!

Дни с одиннадцатого по семнадцатый, 15-21.06.07

Пошли с Сухой, по дороге нас подобрал мотоцикл с коляской (водителю не больше 12 лет), довез до Заречья. С Заречья отправились пешком по берегу Байкала – первые километров 6 по цивилизной дороге, а потом по камушкам. По дороге встретили множество медвежьих следов, трех обгрызанных нерп и одно не-

доеденное парнокопытное – то ли лошадь, то ли лось. Второй и пятый дни не шли, купались и стирались. Видели нерпу с расстояния не больше 10м, лисицу и невероятное количество пернатых – в основном чайки и ласточки. На первой стоянке к нам подошел катер с тремя пассажирами, которые оставили нам полтора литра свежего молока и булку хлеба, сказали, что им это все обратно возить не охота. Мы

сварили рисовую кашу на молоке. Остался весьма довольны. Второй раз мы встретили двух мужиков на катере, они подвезли нас до удобной стоянки – пешком бы мы засветло до стоянки не дошли. Третий раз мы встретили мужичка на резиновой весельной лодке, который сказал, что дальше по берегу дороги нет- широкая река без брода метров через 600, но вы, говорит, не беспокойтесь, я вас перевезу. Перевез. Самый сложный участок пути – последний километр перед Гремяченском – отвесные утесы, а под ними Байкал. Нам повезло – уровень воды был неестественно низок, нам удалось пройти этот участок по пояс в воде, обычно, говорят, эти места непроходимы. Вышли к Гремяченску грязные и уставшие, в ожидании уютного магазинчика, свежего хлебушка, кефира и халвы. Фигушки. Прямо перед поселком – река без брода и моста. На том берегу – цивилизация, на этом – песок и кусты. Местные кричат с того берега, что мост через 40км. Не пойдем. Я уже была готова перебраться вплавь, но Дима сказал подождать. Молодец Дима, минут через 10 нас увидел один из рыбаков, приплыл на лодке и доставил нас в поселок. Мы сразу отправились в магазин, купили местного гремяченского хлеба (отличный хлеб!) и свежайшей ростовской халвы по 38р/кг, такой вкусной халвы я не пробовала даже на юге. Ночевать пошли к недостроенной церкви, сначала попросились к строителям в теплушку сварить каши, а когда увидели, что у них там три свободные кровати, тонко намекнули, что нам негде ночевать и они нас пригласили остаться до утра.

День восемнадцатый 22.06.07

Утром попили чаю и пошли на трассу до Улан-Удэ отчаян-

но мечтая о бане. Простояли на трассе часа 2 и... О чудо!! Подъезжает Land Cruiser, который нас до Теплых озер подвозил, у водителя в Гремяченске оказалась огромная дача с баней, и как раз в это утро к нему ехали строители с Улан-Удэ, которых он и встречал на трассе, по счастливому стечению обстоятельств, именно там, где стояли мы. Так что, дождавшись строителей, мы на джипе доехали до дачи, помылись, попарились в бане, постирались, поели бутербродов с сыром, яблок, чаю с вареньем и вместе с главным строителем поехали в 17:00 в Улан-Удэ на уютном грузовичке. Водитель довез нас до выезда из города и вернулся назад в город. Спасибо ему.

День девятнадцатый 23.06.07

Переночевали в лесу за Улан-Удэ. За день сменили 8 машин – 5 легковых, 1 маршрутка, 1 грузовичек и один грузовик типа полупорки с водителем, поведавшим нам особенности курения местной конопли. Последний водитель довез нас до Новопавловки, где мы и переночевали в лесу. Транспорта очень мало, в основном – местного значения, передвигаемся медленно.

Из историй водителей – последний водитель легковушки – парень лет 27, воспитывает двух девочек – близняшек, которых ему бывшая жена отдала сразу по выходу из роддома, с тех пор жена не интересовалась судьбой дочек, а им уже по 4 года. Отец устроил на работе в офисе дет.сад – прямо в кабинете они у него и играют, и едят, и спят. Все коллеги в девочках души не чают и балуют кто чем может.

На одном из бурханов похоронены 400 шаманов, там памятник стоит – позолоченные олени, раньше на этот бурхан все ездили после свадьбы, фотографировались, пили, мусорили, местным шаманам это осквернение надоело и они запретили посещать бурхан. Но что современному человеку запрет шамана? Спустя некоторое время после запрета одна пара всё же забралась на бурхан с фотографом, как только сработала вспышка, жених сорвался с уступа и разбился насмерть. Но и эта история не всех образумила, спустя еще какое-то время другая пара поехала с друзьями с оленями фотографироваться. На оленей обычно никто не садился – верх кощунства, но этой невесте показалось мало постоять рядом с памятником и она взобралась на спину одного

из оленей. По дороге домой машина со всеми пятью посетившими бурхан людьми разбилась, перевернувшись невероятное количество раз. Погибли все. С тех пор на бурхан никто не ходит.

День двадцатый 24.06.07

Встали рано, вышли на трассу и стояли 3 часа 40 минут. Холодно, мокро, тоскливо. Мечтается об уютном FREIGHTLINERe с теплой кроватью. Мечты сбываются. Подходит Фред, водитель Андрей оказывается мировым человеком, проникается к нам самыми теплыми чувствами и в первой же кафешке (кафушке по-дальнобойщицки), заказывает нам по два стакана чая, по 2 пирожных, картофельного пюре с кабачковой икрой и другой вкуснятины. Мы сытые и довольные идем в машину по очереди спать на кровати. Пока я спала, Дима с Андреем обсуждали вопросы бытия, Андрей оказался на 100% нашим человеком, Дима даже предложил ему ехать с нами, но он отказался. Перед Читой Андрей снова накормил нас в кафешке, а доехав до ж/д отстойника в Чите, стал собирать нам сумку в дорогу – здоровый пакет с едой, медикаментами, чайничком, портативной газовой горелкой и двумя газовыми баллончиками к ней, сколько мы ни отказывались, пакет вышел из машины вместе с нами. Даже убедить Андрея забрать кофе и тушенку не удалось, обменяете, говорит, на что-нибудь. На последок он стал пытаться дать нам 1000р в дорогу, на это мы стогласиться не могли, и Андрей сначала засунул деньги Диме в рюкзак (Дима их тут-же вернул), а потом мне, со словами «ребята, я, может вам невероятно завидую, и очень-очень хочу, чтобы у вас все получилось». Деньги остались у меня в рюкзаке. Расставались со слезами на глазах и невероятным теплом в душе. Всего тебе самого доброго, дальнобойщик Андрей. Отправились на поиски дежурного по станции ж/д отстойника сияя. В таком настроении любое дело решается быстро, так что оказалось, что мы вышли как раз туда куда нужно, нашли нужных людей и в кабине машиниста отправились на станцию Карымская, машинист напоил нас чаем с рулетиком, а на Карымской попытался передать следующей локомотивной бригаде, которая нас не взяла. Ни думкаров, ни рефрежераторов на станции небыло, так что заночевали на территории лесозаготовительного завода под открытым небом.

День двадцать первый 25.06.07

С железной дорогой опять ничего не получилось, так что вышли на дорогу и доехали на легковушке до Урульги, откуда на мотоцикле добрались до трассы. На мотоцикле втроем неудобно. Особенно последнему, если учесть, что у впереди сидящего за спиной здоровый рюкзак. Дима ехал последним и на каждой кочке неровил куда-нибудь улететь. Не улетел. Хорошо. Выехали на трассу и поймали караван автовозов. На двух машинах (SCANIA) отправились в путь.

Дни с двадцать второго по двадцать шестой 26-30.06.07

Едем по трассе М55. Спаасибоо Владиимиир Владиимиировович заа хоороооошуй-ой!-ю ттррраасссуу. Такой стиральной доски я никогда не встречала, яма в яме, в яме кочка, и так 2000км. Кое где автомобиль едет со скоростью 5км/ч – максимум! За эти дни асфальт видели только во сне. 30 июня мы на доели нашим дальнбойщикам и они нас высадили где-то за Магдагачами. Нас сразу же подобрал УАЗик (таблетка) со строителями, которые подбросили нас до своей базы, рассказав по дороге как тяжело строить эту чертову дорогу – материалов нет, салярки нет, ножей на грейдеры нет, денег не платят (40% за 3 месяца выплатили), да еще и каждый проезжий водитель обругает. На прощание строители оставили нам 4 банки консервов и булку хлеба. Спасибо, строители! Подобрал нас грузовичек и довез по трассе до поворота на Свободный, где мы поели салата из морской капусты с луком и... свежей клубники!! В Амурской области уже полно клубники. Ура! Там же встали на стоянку – в живописном месте на берегу реки, в 50 метрах от родника с чудесной холодной водичкой. Отмылись как следует, накупались, еще раз перекусили и легли спать.

День двадцать седьмой 01.07.07

Две легковушки и очередной караван автовозов. Водитель Фреда взял меня и оба рюкзака, а Дима сел в двухместный китайский автовоз, проехали сотню километров, и у Фреда лопнуло колесо. Запаски нет, инструментов нет, сотовой связи нет. Дима с напарником моего водителя далеко впереди. Через рацию мой водитель попросил запаску и вохдушный шланг, которые его напарник передал через перегонщика, едущего на запад. Колесо меняли

около часа, за это время Дима успел поймать еще грузовик с красном и легковушку чтобы добраться до отставшего Фреда. Дальше поехали вместе до Хабаровска.

День двадцать восьмой 02.07.07.

Проехали Хабаровск, решили больше не ездить на разных машинах, сменили три легковушки, встали на ночевку в запретной зоне возле уже забытого населенного пункта.

День двадцать девятый 03.07.07.

Утро выдалось удачное – банку подаренной строителями сайры мы обменяли на 3 шоколадных эскимо. Красота! Первая машина – китайский грузовик FOTON, потом две легковушки, последний водитель угостил нас салатами с соком в кафешке и довез до Дальнереченска, встали на реке Малиновка.

День тридцатый 04.07.07.

Первая водительница – женщина! Подвезла нас с Дальнереченска до Лазо, угостила грушами, рассказала, какие травы здесь заваривают с чаем (цветы клевера (высокого) от простуды, медунца – от больных почек, донник лекарственный – слабое мочегонное), там прошли пару километров пешком до села Солнечный, в котором даже магазина нет и вода привозная (не ищите, на карте этого села нет), откуда доехали на Камазе и легковушке до Владивостока. Парнишка – водитель легковушки, провез нас немного по городу, показал кое-какие достопримечательности и высадил в центре, недалеко от набережной. Купили хлеба, кефира и халвы, поели на набережной под гомон подвыпивших и в стельку пьяных американских матросов, и отправились искать ночлег. Он нашелся довольно быстро: как-будто специально для людей с рюкзаками были поставлены удобные строительные леса на невысоком красивом здании, по этим лесам мы поднялись на крышу, которая, правда, оказалась двускатной и покрытой металлочерепицей, но и здесь нашлось удобное место для ковриков и спальных, отличный был ночлег, выпались превосходно.

День тридцать первый 05.07.07

Умылись в Японском море, а потом еще раз – в туалете отеля HUNDAI, нашли почту, написали всем письма и заполнили недописанный дневник. Цены во Владивостоке кусаются. Пока я писала дневник, Дима искал дешевые магазины. Хлеб в супермар-

кетах по 17р, он нашел по 11, купил свежего молока на розлив 30р/л, два яблока и немного кешью. Поели прямо на почте и отравились искать место, где можно было бы помыться и постираться, а то в таком виде, в каком мы гуляли по городу, нас бы в японское консульство никто не пустил. Пришли в церковь, попросились, но батюшка нас направил в другую церковь – в Покровском парке. По дороге в Покровский парк мы и встретили их. Они – сестры-близнецы Аня и Галя, чудесные девушки, которые увидели нас в пути и настолько заинтересовались нами, что сначала проводили нас до Покровского парка, а потом пригласили нас к себе в гости - помыться и постираться. Аня показала нам достопримечательности города на пути от парка до их дома, отказавшись от всех своих планов на этот вечер, а потом они с Галей нас накормили по-королевски. Девушки оказались превосходными собеседницами, очень близкими нам с Димой по духу, мы говорили с момента нашей встречи и до того момента, когда настала пора нам идти спать в палатке на крыше их дома, и ни разу этот разговор ни зашел в тупик и ни кого не утомил. Мы постирали одежду в стиральной машине, развесили её сушиться на балконе и отлично отмылись от дорожной пыли в горячем душе. Сегодня во Владивостоке у нас появились двое замечательных друзей, и это событие я считаю важнейшим за всё время нашего путешествия. Спасибо вам, Аня и Галя, спасибо вам, друзья!!

День тридцать второй 06.07.07

Проснулись в десятом часу, сложили палатку, простились с замечательной крышей, с которой открывается превосходный вид на город и океан. (Ночной Владивосток просто бесподобен, когда в низине был фейерверк, мы, с крыши девятиэтажки на сопке, видели его сверху вниз – незабываемое зрелище). Сходили в консульство, узнали все, что было нужно, и пошли решать вопрос с нерабочей солнечной батареей к ноутбуку. Решили. Отправили её обратно в Новосибирск. Пообедали конфетами «Приморского кондитера» (самый вкусный шоколад, когда-либо пробованный мной), кефиром и хлебом, зашли на морвокзал и в авиакасса. Перелет до Японии стоит 12275р для Димы и 10525р для меня (до 25 лет - скидка), билет на теплоход – 350\$+700р. Дорого. Будем искать другие пути. Вернулись к Ане и Гале домой, Аня приготовила нам

неповоримый, превосходный, феноменально вкусный ужин, сделала яблочно-морковный сок на соковыжималке (капелька лимонного сока, и морковный сок не испортится в течение 8 часов) и угостила настоящим приморским липовым медом, нежнее которого я прежде не пробовала. После ужина мама девушек предложила нам переночевать на диване в зале, так что и этот вечер мы провели за приятной беседой, а в первом часу ночи мы с Димой впервые за месяц легли спать, находясь в пяти этажах жилого пространства от открытого неба.

День тридцать третий 07.07.07

Проснулись чистыми и сытыми на мягком диване в уютном доме добрых друзей. Что может быть лучше? Мы позавтракали и Аня с мамой ушли на йогу, Галя со вчерашнего еще не вернулась из гостей, так что мы с папой девушек остались втроем. Папа – журналист, работает в кабинете, Дима читает Анины статьи в газетах, Аня с Галей – тоже журналистки, они и у нас интервью взяли, хотят написать статью. По планам, по их возвращении мы пойдем смотреть сопки и форты Владивостока, а сейчас мы займемся фотографиями для виз. Так наше экстремальное путешествие неожиданно превратилось в комфортную городскую жизнь с ежедневным трехразовым питанием, а наш круг общения обогатился удивительными людьми, которым я посвящу еще не один абзац. Все планы выполнены. Сходили на сопку «Саперная горка», и на сопку «Холодильник», Костя, друг наших друзей (а значит, и наш друг) - знаток истории Владивостока, провел замечательную экскурсию по укреплениям Владивостокской крепости, после чего рассказал о тех местах Приморского края, где нам стоит побывать – это горы Педан и Фалаза, водопады и побережье. Вечером Костя принес нам почитать полевой атлас-определитель «Животный мир уссурийской тайги» и на время наших пеших прогулок одолжил нам карту Приморья. Большое тебе спасибо, Костя! Спать легли пораньше, поскольку утром собрались съездить на Шамору и к бухте Емар, где находится ДОЛ «Океан».

День тридцать четвертый 08.07.07

Проснулись в 7 утра под шум дождя. Даже граница океан-небо за окном исчезла в туманной дымке. Обложной дождь. Но мы

поедем на море! Едем налегке – с собой фотоаппарат, купальник, документы, плед «Экспедиция» и хорошее настроение. На рейсовый автобус опоздали, доехали до поворота на Шамору на городском, а дальше – автостопом до Уссурийского залива, на котором, собственно, вышеперчисленные бухты и находятся. На повороте на Шамору мы встретились с Аниным другом Денисом, так что стопить пришлось вчетвером, уговорили подвезти нас двух ребят на легковушке, после чего позавтракали в кафе (спасибо, Аня!) и пошли по побережью от Шаморы к Емару. Дождь к этому времени уже закончился, так что по дороге сделали привал на любимом дереве Ани и Гали, где Аня нам играла на флейте (спасибо, Аня!). На Емаре встретились с Галей, устроили настоящий пикник, Денис облачился в гидрокостюм и пошел ловить мидий и морских ежей на обед, а Галя в это время играла на губной гармошке (спасибо, Галя!). Очень красивое побережье, чистое море, удивительная флора (особенно приятно было прогуляться по дубовой рожице) и атмосфера дикого уголка природы, каким-то чудом сохранившаяся в 40 минутах езды от города, радуют глаз и душу. Идиллию нарушил внезапно начавшийся ливень, на который мы упорно не обращали внимания минут 20, а потом собрались и, пока еще не окончательно промокли, отправились на автобусную остановку. За обедом вели философскую беседу с Аней, выяснили, что мы делаем доброе дело, помогая людям верить в сбычу мечт. Спасибо, Аня. Вечером Галя у нас взяла очередное интервью, мы облопались яблок и творога с подсолнечны маслом, кедровыми орешками и корицей (очень вкусно!), я скинула девушкам на флешку этот дневник и все наши фотки, а также переписала у них два диска с музыкой для медитаций. Помылись и легли спать в отличном настроении.

День тридцать пятый 09.07.07

Понедельник. Отправились в консульство красивые, чистые, сытые. В консульстве встретили совсем не то, на что рассчитывались – очередь из желающих получить визы и зеркальное стекло в том месте, куда положено подавать документы. Заполнили анкеты, вклеили фотографии и протянули зеркальному окну пачку документов. Окно ответило, что не примет документов, так как у нас нет гаранта, а без гаранта (человека/организации,

головой и свободой отвечающего за нас в Японии) никого в страну восходящего солнца не пускают. На выходе из комнаты, где этот диалог состоялся, нас догнал дядечка (как позже выяснилось – тоже новосибирец), стоявший в очереди за мной, представился Андреем и предложил помощь своей жены – генерального директора одной турфирмы, куда мы незамедлительно и отправились. Жена Елена поведала нам множество особенностей получения японской визы, помогла корректно заполнить анкеты (так, чтобы на них хотя бы обратили внимание в посольстве, а иначе – незамужней девушке до 35 лет в Японию практически невозможно попасть (если у неё нет 2000\$)), пожелала всех благ и попросила позвонить, если все получится. Мы в отличном настроении вернулись к нашим новым друзьям, Аня написала длиннющее письмо своей знакомой японке с просьбой выступить в роли гаранта нам, отличным ребятам, мы отсканировали наши документы (на всякий случай) и стали собираться на Педан. По плану – Аня дожидается ответа японки, пробует найти гаранта среди знакомых японцев (огромное спасибо, Аня!!), а мы пока можем немного побродить по Приморскому краю, для начала – посмотреть гору Педан.

День тридцать шестой 10.07.07

Позавтракали, пособирались еще немного, пообедали, добирались, наконец-то собрались и поехали. Денег взяли 20р – на то, чтобы на автобусе выехать из города. Ноутбук и лишнюю одежду оставили у девушек дома. Аня с Галей приготовили нам в дорогу очень вкусный творожный коржик и дали козинаков и яблок, кроме того у нас оставалось еще около килограмма гречки и немного риса, так что на первые два-три дня провизия у нас была, а дальше предполагалась полнейшая импровизация. Первый же водитель легковушки, остановившийся, чтобы подвезти нас (бывший командующий дивизионом подводных лодок Анатолий), проникся нашей идеей, накормил нас в кафе, купил в дорогу по 0.5л зеленого корейского чая и довез нас до Романовки, после этого нас подвезла еще одна легковушка, грузовичек и микроавтобус. Так мы добрались до начала маршрута, почти к подножию горы Педан очень сытыми, и весьма довольными жизнью. Заночевали в живописнейшем месте на берегу чистойшей горной реки, палатку да-

же тентом накрывать не стали – так было тепло и хорошо, засыпали под убаюкивающее мерцание светлячков и мерное стрекотание цикад – мечта, а не ночевка!

День тридцать седьмой 11.07.07

Встали, искупались в реке и отправились в путь, как нам казалось – на Педан. Шли шесть часов, из них часа три – по тургиной, как после оказалось, тропе. Когда начался ливень, мы были уже солидно подуставшие, довольно замерзшие и ощутимо голодные, а никаких признаков стоянок или других туристов не было и, судя по всему, не предвиделось. Вернуться засветло небыло никакой возможности, да и спускаться с горы по мокрым и скользким камням (а камни были действительно непривычно скользкие) не хотелось. Хотелось добраться до Педана, а там, определившись, по какой тропе ходят нормальные туристы, вернуться этой тропой к подножию. Не судьба. Тигриная тропа затерялась в тайге, стемнело, как и всегда в горах, быстро, у нас уже зуб на зуб не попадал от холода, и одежда насквозь промокла. Дима каким-то чудом нашел на склоне удобное место для палатки (единственный горизонтальный уступ, встреченный нами за последний час пути), где мы онемевшими пальцами и поставили нашу супермега водонепроницаемую палатку. В палатке обнаружили, что у нас немного промок спальник, и вся одежда, хранившаяся в компрессионных мешках тоже каким-то образом стала влажной. В очередной раз поблагодарили от всего сердца Андрея, подарившего нам газовую горелку, над которой мы все это и сушили. Описываю картину: Я сижу в палатке, дно которой Дима постоянно протирает полотенцем, после чего выжимает его в предбаннике палатки – это вода с одежды и рюкзаков. На моей голове, руках и ногах натянут спальник, на ухе висит майка, а подо всем этим мирно горит синее пламя газовой горелки, на которой варится кашка. Горячего хотелось неимоверно, так что после каши мы попили чаю с козинакой, на чем наш запас пресной воды истощился. До реки минут 20 ходьбы, но на улице проливной дождь и нет никаких гарантий, что тот, кто пойдет за водой, сможет в тумане отыскать стоянку. Так что всю посуду мы выставили под дождь, в надежде, что за ночь она наберется до краев и на завтрак у нас будет горячая кашка с кофе (нам Андрей подарил банку

отличного кофе, и, не смотря на то, что в обычной жизни ни я, ни Дима кофе не пьем, этот кофе у нас шел на ура по утрам). Уснули под шум дождя, снова сытые и довольные жизнью, правда, во влажном спальнике.

День тридцать восьмой 12.07.07

Проснулись под шум дождя, проверили запасы воды – полчайника. Заварили немного кофе, порассуждали на вечные темы, и я весь оставшийся световой день читала вслух книгу о вегетарианстве, которую предварительно мы взяли у Ани с Галей. Часов в 6 вечера уже было слишком темно, чтобы читать, я задремала, а Дима размышлял о вечном. Вдруг Дима услышал, как возле палатки упало что-то тяжелое, он насторожился и прислушался. Звук повторился. «Ты слышала?» - спросил сонную меня Дима. «Что?» - ответила вопросом на вопрос я. «Р-р-яув» - добавил тигр. «Тигр!» - снова моя реплика, я судорожно начинаю расчехлять фотоаппарат, Дима выскакивает из палатки, успевает увидеть, как кто-то с круглой головой и длинным телом молнией взлетает по склону (крутому склону, заваленному буреломом), здесь я вылажу наконец-то из палатки с фотоаппаратом наготове и сквозь окуляр наблюдаю ту часть тайги, откуда доносится очередной тигриный «р-р-яув». Тигр не появляется, но с завидным постоянством продолжает на нас рычать. Решив, что двадцати рыков с нас достаточно, он бесшумно удалился, а мы с Димой продолжали завороченно смотреть в теряющуюся в тумане тайгу. Если тигр решит вас скушать, вы вряд ли сможете отказать ему в этом удовольствии. Если сквозь такой бурелом он пробежал с такой скоростью, то нечего и говорить о том, чтобы успеть куда-то спрятаться или принять оборонительную позицию при нападении. Да-а-а. Ради этой встречи стоило заблудиться в Уссурийской тайге. Всю ночь прислушивались ко всяким шорохам. Обсуждали встречу, внимательно взглядывались в себя в поисках страха. Страх не было, хотя когда тигр ушел, какое-то беспокойство, что он может вернуться было, но потом мы рассудили, что если бы тигр отнесся к нам как к еде, мы бы его, скорее всего, даже бы и не услышали, он, видимо, просто заявил нам о себе. Мы действительно бесстрашные ребята. Мы – молодцы.

День тридцать девятый 13.07.07

Проснулись под шум дождя. Блин. Уже вторые сутки единственный источник пресной воды – дождь. Кушаем часто – по два раза в день, потому что холодно. Еда кончается. Часам к четырем вечера дождь кончился, мы пытались высушить недосушенную одежду на улице. Бестолку. Собрались и пошли дальше в гору, в надежде выйти-таки к вершине. Опять блин. Непроходимые джунгли, лианы, скользко, мокро, камни, бурелом. Повернули обратно и к вечеру спустились к подножию горы. Еды уже практически небыло, а к Педану мы еще даже не приблизились. Оказывается, мы были в двух хребтах от него. Проходящие мимо женщины, у которых мы спросили дорогу на Педан, удивленные нашим потрепанным видом, заинтересовались историей про тигра и, после того, как мы вскользь упомянули о том, что у нас нет еды, дали нам хлеба, лука и чеснока – как раз то, что нужно промокшим путешественникам в целях профилактики простудных заболеваний. Высушили одежду на костре, и во все еще влажном спальнике, но уже в сухой одежде легли спать.

День сороковой 14.07.07

На Педан! Наконец-то на Педан! Рюкзаки спрятали в лесу, недалеко от стоянки, взяли с собой только фотоаппарат и документы. Погода отличная, дорога очень хорошая (или после тигриной тропы любая дорога – хорошая?), часов в 12 встретили язычника Александра, который пригласил нас на чай, а когда выслушал нашу историю, еще и лапши нам сварил. Александр увлекается магией, и на досуге помогает людям донести до богов мечты и желания, а боги уже думают, исполнять их или нет. Обычно исполняют. Он рассказал нам о руническом алтаре на вершине Педана, на который нужно положить денежку и показал куда нам дальше идти. Мы пошли. На вершине светило солнышко, а внизу открывался удивительный вид на сопки и облака. Рядом с вершиной растет много жимолости, которой мы с удовольствием поели, еще трое туристов (которые шли босиком!), угостили нас печеньем, а когда услышали нашу историю, дали еще хлеба с сыром. Так мы снова сытые и вновь довольные жизнью, оказались на вершине горы Педан, куда какой-то безумец (или группа безумцев... хотя... кто-бы говорил...) притащил вертолетную лопасть, велосипед и почтовый ящик. В почтовом ящике лежала тетрадь с

записями различных посетителей вершины, куда и я тоже вписала несколько строк. Не пройдя и ста метров от вершины, мы снова были приглашены на чай, и снова после знакомства с нашей историей, добрые туристы накормили нас. Оказалось, что кто-то оставил на этой стоянке пятисотграммовую банку с сахаром, которая была не нужна этим туристам, но оказалась весьма кстати нам. Сахар мы пересыпали в пакетик, а в банку набрали жимолости, после чего перемешали часть сахара с ягодой и получили очень вкусное и полезное подобие варенья. Весь процесс приготовления проводился над облаками, и это добавляло блюду своеобразной пикантности. Обнаружив, что время уже позднее, мы начали спуск. Только через час мы поняли, что выйти стоило часа на полтора раньше. Мы катастрофически не успевали на стоянку до захода солнца. Не успели. Логично. Надо заметить, что дорога у подножия горы глинистая, наезженная автомобилями, которые возят от подножия лес и воду, а после двух суток дождей дорога представляла собой болото с огромным количеством лягушек и небольшим количеством островков и обходных троп, натоптанных многочисленными туристами. Когда солнце село, мы, пытаясь осветить себе путь зажигалками, отважно пошли дальше. Когда зажигалки сломались, мы, не менее отважно, решили лечь куда получится и поспать до рассвета на земле. Легли в бурелом, причем Дима улегся прямо на светящуюся голубоватым светом гнилушку, которых я прежде никогда не видела. Познавательный ночлег. Но мы выдержали только один час. Нас заели комары, и во втором часу ночи стало заметно холодать, а штаны, мои чудные белые штаны фирмы Columbia, уже были изодраны в клочья и потому мало прикрывали мое нежное тело от этих издержек экстремального путешествия. Пришлось идти, по интуиции обходя топкие места. Интуиция всегда была моим коньком, так что команду на этот раз повела я. Кое-где я на удивление точно шла по совершенно невидимым тропам, перепрыгивала невидимые лужи, обходила невидимые топи, но в один прекрасный момент интуиция меня подвела, разрешив прыгнуть в самую середину жутко скользкой лужи. Я растянулась посреди нее в полный рост, недоуменно вопрошая к совести своей интуиции: «Это еще что за шуточки?». Списав неприятный инцидент на

странное чувство юмора своей интуиции, я продолжила идти впереди, только уже проходя некоторые лужи вброд – кроссовки все равно уже промокли. Мы дошли до стоянки, имея на двоих один сухой кроссовок – Димин, что, по-моему, в таких обстоятельствах можно считать серьезным достижением. Рюкзаки нашли чудом, тоже по интуиции, все особые приметы, чтобы их найти, мы запоминали при свете дня, а ночью можно было только шарить по кустам в предполагаемом месте X. Поставили палатку на ощупь, я оставила грязную одежду на улице, и вновь, в который раз, довольные тем, что все хорошо закончилось, мы уснули во влажных спальниках.

День сорок первый 15.07.07

Нашли хорошее место возле реки, и постирали все, что нужно было в стирке. Мои штаны пришлось с почестями похоронить у подножия горы Педан. Покойтесь с миром, верные лохмотья. Доели все, что было можно доесть, кроме кофе, соли и сахара. Сделали вывод, что в приморском климате в отсутствие солнца в принципе ничего невозможно высушить. Легли спать во влажных спальниках, но все равно довольные. Как хорошо, когда не приходится спать в буреломе!!

День сорок второй 16. 07.07

На выходе на большую дорогу увидели турбазу «Ливадийская», в моей памяти сразу всплыли жуткие образы кастрюль с лишней едой, которые выбрасывались на камбузе в детском лагере, где я работала вожатой. Весьма удачно на турбазе как раз закончился обед, так что еды было полно, и повара как раз пообедали за столовой. Конечно, они с радостью выдали нам с Димой по огромной тарелке пшенки, кок принесла нам пряников и конфет и налила горячего чая. Спасибо Вам, добрая кок. На попутном грузовичке доехали до ж/д станции «Анисимовка». Пытаюсь позвонить по карточке, предусмотрительно подаренной нам Аней, во Владивосток с телефона-автомата, сказать девушкам, что мы живы-здоровы, только немного заблудились в уссурийской тайге, а заодно узнать как дела с гарантом. Автомат говорит, что единиц на карточке не хватает. Стучусь к начальнице станции, объясняя ситуацию, она звонит по внутреннему телефону в диспетчерскую, объясняет диспетчеру ситуацию, просит разрешить за-

прещенный личный звонок в город, после чего нас связывают с Галей во Владивостоке. Гаранта пока нет. Ничего страшного. Начальница станции, внимательно прослушав наш разговор, говорит, что займет нам 104р на билет до города, но, узнав, что мы с Новосибирска, убедительно просит принять деньги в подарок. Я отказываюсь, говоря, что если бы у них была работа, которую нужно сделать, чтобы заработать эти 104р, то я бы эту работу с радостью сделала, а так – нет, не возьмем и все. Оказалось, что у них на станции уборщица ушла в отпуск, а мыть пол им некогда (в диспетчерской была еще одна женщина), так что я вымыла пол, а в это время начальница разогрела нам с Димой макаронов с баклажанами (хотя я сказала, что нас накормили на турбазе, ей, видимо, показалось, что мы слишком худые), у второй женщины оказалась с собой груша, которой она нас угостила, и мы в результате здорово пообедали во второй раз, и вновь попили чаю на камбузе диспетчерской ж/д вокзала. Доехали на двух легковушках до выезда из города Артем, где-то по дороге вышли, обменяли у бабушек банку тушенки, подаренную Андреем, на мешочек картошки, пучек морковки и пучек лука, мы остались весьма довольны обменом, надеюсь, бабушка тоже. Наш последний водитель – Леша, сам два дня назад вернулся из Хакасии, куда ездил автостопом, так что он был очень рад нас видеть, послушал наши дорожные истории, рассказал свои, в целом – весьма схожие, суть которых такова – люди везде добрые и замечательные, если ты ждешь от них добра и сам готов всегда делать добро. И даже сформулировал путь спасения мира: сделай человеку добро, он, в свою очередь, сделает три добра, и каждый последующий будет делать три добра (подаст нищему, поможет бабушке перейти дорогу, накормит голодного котенка) и так мир будет спасен. На прощание Леша убедил нас взять от него 100р, т.к. автостопщик автостопщику брат и лучший друг. Взяли. Спасибо, Леша. Удачи тебе в пути. Вышли возле дачного кооператива и отправились искать набережную, чтобы поставить палатку, оказалось, что в этой части приморья полно вишни, она растет везде вдоль дорог, и, самое главное – она спелая и ничья! Лопали вишню всю дорогу, никак не могли наесться, такая вкуснятина. Путь на набережную преградил вонючий Кока-кольный завод, к которому не хотелось

близко подходить. Мы и не стали. Решили поставить палатку по ту сторону шоссе, а пока покушать ягод туютовника. Вот за этим-то занятием и застал нас художник Жан, который как раз вел старого друга попить чаю на даче. Друг сопротивлялся, убеждая Жана, что у него нет времени, но все же шел. «Путешественники!» - воскликнул хозяин дачи – «Вы хотите есть? Я дам вам еды! Я художник и поэт, и я дам вам еды». Еда бы нам не помешала, поэтому мы решили зайти к художнику и поэту, который к тому же продекламировал нам один из своих стихов, чем доказал, что он по крайней мере точно поэт, и, надо заметить, хороший поэт. Он успел показать нам свои картины, напоить нас апельсиновым соком и накормить хлебом, когда пришла подвыпившая компания других его друзей, которые как раз праздновали то, что один из них продал машину. Мы не любим подвыпившие компании, поэтому, дав жене Жана честное слово вернуться, если будем проходить мимо, мы быстренько ретировались. Дошли до шоссе, нашли в лесу напротив кооператива хорошее место для стоянки, и, поужинав картошкой в мундире, счастливые и сытые улеглись спать.

День сорок третий 17.07.07

Позавтракав оставшейся картошечкой, вернулись в кооператив с целью насобирать полевых цветов, составить из них красивых букетиков и продавать возле шоссе. Дима нашел где-то шикарный прилавок, мы накрыли его тентом от палатки, и, поставив в обрезанные бутылки с водой наши пять букетиков, оставили меня продавать, а Диму отпустили искать магазин, чтобы купить немного еды или искать грибов, чтобы этой еды насобирать. Дима не нашел ни магазина, ни пригодных для употребления в пищу грибов, а я не продала ни одного букетика, а время было уже послеобеденное, и наши желудки уже начинали просить хлеба и зрелищ. Вру. Зрелища их ни коим образом не интересовали. Тогда я взяла один букетик, пошла по улицам кооператива собирать вишню и подарила его первой попавшейся тетеньке, она удивилась и заинтересовалась моей особой, выслушала нашу с Димой историю и... подарила нам четыре отличных бутерброда. Так мы пообедали. Когда начало темнеть, мы поняли, что ничего не продадим, хотя я уже даже для привлечения покупателей ходила

вдоль прилавка и жонглировала крышечками от бутылок. Покупатели радостно библикали, махали нам из своих автомобилей, но останавливаться не хотели. Тогда я взяла еще один букетик и пошла по улицам кооператива в ту сторону, где мы еще не собирали вишню, надеясь только на счастливый случай, сути которого я еще не придумала. Но дороги, попетляв где-то с километр вывели меня к даче Жана, где его сосед, запомнивший, видимо, нас со вчерашнего, поздоровался и поинтересовался кто я, и где мой друг. Выслушав нашу историю, он предложил купить у меня букетик за сто рублей. Зачем мужику дачнику букетик полевых цветов? Конечно, он просто захотел нам помочь. Спасибо Вам, сосед Жана. Я дошла до дачи художника, зашла, как и обещала вчера, рассказала о нашем путешествии, объяснила почему со мной нет Димы, и в ответ получила пакет ячневой крупы, булку хлеба и немного свежих овощей. Вернулась к Диме, который, оказывается, уже ходил меня искать, и, судя по тому, что за это время никто не покусился на наши букетики, решили, что продавать их смысла нет, куда лучше их подарить. Дима пошел набрать воды у дачников и подарил хозяйке колодца букетик. Она очень обрадовалась. Время было уже позднее, так что даже подарить последние два букетика было некому, и мы с Димой радостно подарили их друг другу. Ощущение бесцельно прожитого дня преследовало нас до поздней ночи. Вечером сварили обалденную ячневую кашу с сахаром, выпили чаю из лесных травок и впервые за долгое время легли спать не очень довольные прожитым днем. На данный момент это был самый скучный день нашего путешествия. Непривычно. Наверное это потому, что нам сегодня помогли многие, а мы мало кому помогли.

День сорок червертый 18.07.07

Проснулись под шум дождя. Ну сколько можно? На единственной легковушке доехали почти до куда нужно, купили на рынке халвы, хлеба и кураги, и отправились в гости к Гале с Аней. Оказалось, что с японскими визами у нас ничего не продвинулось, так что мы оперативно поменяли маршрут, решив поехать через Китай и Вьетнам. Этот план предполагался, так что запас карт на данные страны у меня также имеется в ноутбуке. Дима поехал в китайское консульство, а я села описывать в дневнике со-

бытия последних дней. Костя вечером занес нам очень редкую книгу по растениям, за что ему снова огромное спасибо, а мама девушек приготовила специально для нас с Димой целую сковородку жареной картошки, о которой мы, честно говоря, уже давным давно мечтали. Большое Вам спасибо, добрая мама Ани и Гали. Мы помылись, постирали одежду в стиральной машине, отлично поужинали, и с сердечной признательностью всей семье наших новых друзей и благодарностью судьбе за всё на свете, улеглись спать на мягкой кровати, ценить которую, после ночевки в буре-ломе, стали еще сильнее.

День сорок пятый 19.07.07

Что опять? Опять шум дождя? Ничего страшного, у природы нет плохой погоды, так что, с утра пораньше, собрались, позавтракали и в очередной раз распрощались с друзьями. Пошли искать работу. Не нашли. Даже в отделе занятости побывали. На постоянную работу нас бы взяли, образование у нас хорошее, руки откуда надо растут, но на шесть дней работники никому не нужны. Так как дождь шел весь день, мы насквозь промокли, а так как в течение этого же всего дня мы бегали по городу в поисках работы, то мы еще и устали невероятно. Мы с Димой пришли к выводу, что вселенная восприняла наши поиски работы как акт недоверия к ней, поскольку, имея еще запас денег на китайские визы, начали «подстраховываться» - по сути, намеревались заняться накопительством денег – тем, против чего мы активно выступаем в различных философских дискуссиях. Решили, что с сегодняшнего дня мы полностью полагаемся на вселенную, которая будет предоставлять нам кров, пищу и все необходимое по мере надобности. Ночлег нашли в церкви, где добрый мирянин Игорь отдал в наше распоряжение отдельную келью, заполненную прекрасными иконами. Мы решили отпраздновать то, что нам не придется спать на холодной крыше в эту дождливую ночь халвой, а Игорь еще принес нам из китайской кухни баклажаны в кляре и угостил замечательным чаем. Спасибо тебе, Игорь! Я спала под большой иконой покровителя путешественников святого Николая, что мною было расценено как замечательный знак.

День сорок шестой 20.07.07

Дождь закончился!!! Встали пораньше и в 8:30 уже сидели в

очереди в китайское консульство, которое открывалось только в 9:30. Заполнили анкеты, у нас их приняли и сказали, что готовы визы будут 27 июля. Ура! У нас шесть дней на то, чтобы побродить по прекрасному приморью! Куда побредем? Решили двигаться в направлении бухты Ольги. На радостях решили зайти в «Ведическую кухню» - вегетарианское кафе-храм кришнаитов, единственное на всю Россию. Попробовали сладость, которую очень любил маленький Кришна, еще какую-то пироженку с чаем (очень вкусным чаем нас угостили бесплатно, когда мы стали выпрашивать кипяточку в чайничек) и купили две булки превосходного бездрожжевого хлеба. Вышли из кафе просветленные и довольные жизнью. Прекрасное кафе! Вышли на трассу и простояли на ней до сумерек. Останавливались только таксисты (зато много - штук 10). Сделали вывод, что не нужно нам в бухту Ольга. Поставили палатку в лесу у трассы, сверились с картой и решили сутра поехать на Зарубино – к заливу Гамова, о котором нам рассказывал Костя.

День сорок седьмой 21.07.07

На трассе провели часа три, поняли, что ждем кого-то особенного, поэтому водители и не останавливаются. Так и оказалось. Мы ждали Игоря Борисовича. «Вы на «Звенящие кедры» направляетесь?» - начал он разговор. «Э-э-э. Нет, мы на Зарубино собирались, но если «Звенящие кедры» - это Анастасиевцы, то мы именно туда» . Оказалось, что сегодня Игорь Борисович должен был читать лекцию по Русскому языку и ботанике на ежегодном слете Анастасиевцев, который проходил недалеко от деревни Тереховка, в направлении которой двигались и мы. На слете нас очень хорошо приняли, мы с Димой замечательно вписались в компанию – Димины борода и кусочек кедра на шее говорили сами за себя, а в этнических юбках, аналогичных моей, ходили почти все девушки. Решено, остаемся с Анастасиевцами еще как минимум на день. Здесь собрались люди из действующих семейных поселений и только планируемых, а также просто люди, которые поняли и приняли идеи Анастасии, все, разумеется, славные и добрые. Прослушали лекцию Игоря Борисовича о русском языке, откуда поняли, что «Велик и могуч Русский, знающий русский язык». Научились расшифровывать значение некоторых русских слов по их про-

изношению. Потом Дима пошел на лекцию по ботанике, которая проходила в лесу, а я осталась готовить обед. Когда просвященный Дима вернулся к костру, чудная горячая ячневая кашка была уже готова. Вот тогда мы и поняли насколько мы проголодались. Сlopали полную тарелку каши и не наелись. Решили вечером сварить еще тарелку гречневой каши, а я нескромно попросила у вселенной стабильного режима питания. Уж если раскатывать губу, так на полную катушку. Вечером у костра собралась отличная компания ребят, стоящих на этой же полянке (мы к готовому общему костру палатку поставили), мы перезнакомились и поужинали все вместе – всякой разной едой – у кого что было. Спать разбрелись только в третьем часу ночи, так интересно было общаться с единомышленниками.

День сорок восьмой 22.07.07

День песен, пляски и отличного настроения. Приезжали казаки, пели залихватские и не очень песни и радовали народ русскими танцами. Макарена отдыхает!! Пели все кто хотел (даже приблдившаяся откуда-то коняга), пели хорошо и, главное, душевно. Под вечер приехали солнечные барды из «Каравана любви», вечером они устроили сногшибательный концерт под звездным небом. Когда все разбрелись я не знаю, поскольку во втором часу мы с Димой поняли, что валимся с ног от усталости и отправились спать в наконец-то высохших спальниках в наконец-то высохшей палатке наконец-то сытыми. Чудесный денек. К стати, сегодня нам подарили много всякой военной сублимированной еды, которая бесспорно нам очень пригодится. Большое спасибо дяденьке военному, которому не хотелось возвращать на базу сублимированную сметану, картошку, и т.д.

День сорок девятый 23.07.07

Один замечательный дедушка, по имени Дега, с которым мы познакомились на слете, обмолвился вчера, что собирается сегодня сутра на раскопки городища XI века, которое находилось во-о-он за той сопкой. По трассе здесь километров 15 будет. Конечно, нас очень заинтересовали раскопки города тысячелетней давности, до которого можно дойти за три часа, так что мы с Димой напросились пойти с ним. Позавтракали и пошли. Как оказалось, не в ту сторону. То есть в ту, конечно, но не к раскопкам

ведущую. Протопали под палящим солнцем 11 километров, вышли в какую-то деревню и догадались, наконец-то спросить дорогу. Бабушка, у которой спросили дорогу, оказалась землячкой Деги и она по этому поводу разрешила нам набрать на её огороде сколько угодно какой угодно ягоды. Даже пакетик нам под это дело выделила. Ура! Облопались смородины и вишни и вышли на трассу в отличном настроении. Сразу же поймали открытый грузовичек, который подвез нас с ветерком в кузове аж почти до самого городища. Руководительница экспедиции оказалась старой знакомой Деги, поэтому нас сразу накормили и выделили на троих пустующую палатку. Мы сходили на раскоп, посмотрели на осколки керамики и черепицы XI века, после чего вернулись в лагерь археологов, которые уже приготовили для нас альбом с фотографиями находок, сделанных ими за последние несколько лет на этом городище (мы были на Красноярском раскопе – к стати, Красноярск здесь не причем, село, около которого находится городище, раньше называлось Красный Яр). Нам разрешили остаться и сходить завтра на раскоп вместе с археологами. Представляете, НАСТОЯЩИМИ археологами!! Поужинали на камбузе, облопались с непрвычки и завалились спать.

День пятидесятый (юбилей!) 24.07.07

Ура! Мы идем на раскоп! Нам с Димой по нашим настоятельным просьбам даже доверили лопаты поддержать. Когда археологи убедились, что лопаты мы держать умеем, нам разрешили ими покопать. Наши лопаты назывались «подборки», их используют, чтобы накидывать на носилки грунт, параллельно просматривая, не затесалась ли в этом грунте какая-нибудь антиквариатинка. Не затесалась. Когда пришла руководительница группы, она забрала меня помогать размечать вчерашний раскоп квадратами метр на метр для зарисовки, а Диме доверили «штык» - лопату для копания грунта и снятия дерна. Потом я помогала снимать высоты при помощи нивелира, выпросила у мальчишек разок донести носилки с переработанным грунтом от раскопа до кучи земли, а когда нашли первые камни, мне доверили скребок, чтобы эти камни аккуратно отчистить от земли, не сдвигая их с места (я потом несколько раз сфотографировала те камни, которые я откапывала, буду теперь внукам фотографии

показывать и говорить: «вот, какие клевые камни ваша бабуля откопала! Они, возможно, не имеют никакой исторической ценности, но вы только посмотрите, какие они клевые!»). На раскопе работают пять часов в день, но пролетают эти часы незаметно, так как работы много. В отличном настроении вернулись в лагерь, где нас ждал шикарный обед из первого, второго и кампота. Опять обожрались с непривычки, доползли до тенька и отрубались. Когда мы проснулись, приехали родители одной из девочек и отвезли нас всех на пляж. Мы запачкались в грязнящем озере на платном пляже (нас через секретный вход туда бесплатно провели местные ребята), и после этого отправились на бесплатную речку – отмываться. Чистые и красивые приготовили ужин, я нашла себе на базе интересную книжку, за чтением которой и провела остаток дня, а когда настала пора ужинать, мы добросовестно обожрались в третий раз за этот день (завтрак тоже был что надо) и легли спать с ощущением, что мы сегодня сделали много полезного и жизнь прожита не зря.

День пятьдесят первый 25.07.07

Сегодня я решила помочь на камбузе девочкам, которых в лагере осталось только две, а Дима пошел на раскоп. Чистила картошку, жарила баклажаны, мыла посуду, убирала со столов с блаженной улыбкой. Ах, как приятно поработать наконец-то!!! После обеда приехали родители мальчика Егора, которому сегодня исполнилось 15 лет (юбилей!) и привезли гору продуктов. Они решили устроить пир для всех археологов прямо в лагере, так что на ужин было сложное меню, завершением которого было обилие яблок, конфет и тортиков. Спасибо, Вселенная! Спасибо, родители Егора Сергей и Люба!! На вечернем костре выяснили, что Сергей и Люба поедут завтра после обеда во Владивосток и в их машине найдется место для двух худеньких путешественников с толстенькими рюкзаками. Мы решили ехать с ними, хотя на худенькую путешественницу я после такой диеты уже не походила.

День пятьдесят второй 26.07.07

Ребята с Димой и родителями Егора – на раскоп, девочки, руководительница группы и я – на камбуз. Доедаем остатки вчерашнего пиршества, готовим новые замысловатые блюда, радуемся жизни. Руководительница группы подарила нам в дорогу

большой пакет чечевицы и коробочку чая. Спасибо, Мария Владимировна! После обеда распрощались с гостепреимными археологами и поехали в город. Как только выехали, хлынул ливень, началась гроза с громом и молнией, а мы, сухие, чистые, сытые и выпавшиеся, ехали в отличной машине и кушали шоколадные конфеты «Трюфель» производства «Приморского кондитера» - отличной Владивостокской кондитерской фабрики, на которую мы несколько дней назад пытались устроиться грузчиками. Красотища. Оказалось, что родители Егора живут рядом с тем местом, куда направляемся мы, так что они довели нас прямо до подъезда нужного дома. Гроза не дошла до Владивостока, а значит мы добрались до цели все еще сухими, целью же служил дом, в котором живут Руслан и Лена, с которыми мы познакомимся на «Звенящих кедрах», и которые любезно пригласили нас в гости. Лена делает своими руками разные поделки, она подарила нам красивую авторски оформленную шишечку, которая теперь будет красоваться на моем рюкзаке, монетку СССР 1984 года выпуска (тоже куда-нибудь подвешу, мы с ней, как ни как, ровестники), и сплела специально для меня браслетик из бисера, который отныне красуется на мне. Спасибо, Лена! Руслан, экономист по образованию, делал раньше сувенирные модели кораблей, одну из моделей он показал нам. Красота. Эх, Руслан, тебя бы в нашу модельную мастерскую при институте... Ребята накормили нас, мы побеседовали о жизни, я дописала дневник и попыталась отправить его с компьютера Руслана родителям. Не удалось, лазерная мышка умерла на самом интересном месте. Руслан снабдил нас отличными картами границ Приморья с Китаем, нужными книгами в цифровом формате и картой трав, нечто подобное которой мы искали уже четвертый месяц. Спасибо тебе, Руслан!!

День пядьдесят третий 27.07.07

Сутра пораньше отправились в китайское консульство, без проблем получили наши визы, и на выходе из консульства встретили двух молодых людей – Иру и Максима, с которыми мы подавали анкеты на оформление виз неделю назад. Оказалось, что ребята уже завтра уезжают в Китай и у них есть два свободных места в автобусе почти до границы (до города Покровка), но через границу проехать бесплатно невозможно, также как и

пройти пешком. Мы, конечно, не поверили, но на приглашение зайти вечером к ним в гости ответили согласием, ребята оказались опытными автостопщиками, которые давно мечтали приютить каких-нибудь других автостопщиков. И им, и нам повезло. Мы у них помылись, постирали одежду в стиральной машине каким-то волшебным японским порошком, который отстирал то, что мы уже отчаялись отстирать, поужинали и легли спать. Перед ужином мы встретились с Аней и Галей, чтобы отдать им Костину книгу по растениям и попрощаться. Оказалось, что Галя уже дописала статью о нас, она принесла черновик с собой, чтобы мы исправили ошибки и неточности. Исправили. Статья получилась интересная и правдивая, редкое качество для СМИ. Спасибо, Галя, надеюсь, статью пропустят в печать. Сказали девушкам «до свидания», с намерением непременно увидеться еще, редко когда встретишь таких близких по духу людей, и прощаться с ними совсем не хочется. Увидимся, Аня, увидимся Галя, до скорых встреч, друзья.

День пятьдесят четвертый 28.07.07

В восемь утра мы уже были в автобусе, записывали необходимые китайские фразы из разговорника и, в глубине души, надеялись проскочить границу бесплатно. Не тут-то было. Все, как один, заявляли уверенным голосом, что пройти пешком границу НЕВОЗМОЖНО! Необходимо купить билет за н-ную сумму (от 1040 до 1250р), сесть в автобус, пройти первый пост, где проверяют билеты, и две погран заставы, при чем расположено это все на расстоянии пяти-шести километров от пограничной деревни Полтавка, до которой 30км от Покровки. Мы слушали, а в душе крепко желание пересечь границу, вопреки всему, бесплатно. В Покровке нас высадили, но у нас уже была единомыленница – Лариса Сергеевна, экскурсовод, которая отнеслась к нам чуть-ли не по-матерински (спасибо!) и сделала все возможное, чтобы найти этот таинственный, неизведанный способ бесплатного пересечения границы. Не получилось. Но ей удалось договориться, чтобы нас пропустили в автобус за 680р с человека. У нас небыло с собой даже таких денег, так что она пожелала нам доброго пути, и вместе с Ирой и Максимом уехала в Китай. А мы пошли в направлении границы. По дороге застопили таможенника, который как раз

ехал на работу – на границу, которая находится за первым постом, он еще раз подтвердил, что затея у нас бредовая, и пешком в Китай не попасть никак, говорит, даже тех, кто на таможне работает, заставляют ездить на автотранспорте, и документы проверяют на первом посту. Пассажиров брать нельзя. Он довез нас до первого поста, где мы еще раз все это выслушали от всех инстанций, включая высшую. Высшая инстанция сказала следующее: «Это частный переход, у нас есть учредители, наша задача – сделать так, чтобы ни одна мышь через границу бесплатно не проскочила». И так по всей Российско-Китайской границе, кроме Благовещенска. Там как-то по другому, но возвращаться так далеко уже не охота. Частный переход, говорите? Кто-то решил просто так собирать деньги со всех выезжающих в Китай? Умеют люди деньги делать. Да. Пешком границу пересечь действительно оказалось невозможно. Остается только одно – оперативно заработать 2500 на билет. Мы предлагали поработать на первом посту за эти билеты, но высшая инстанция, хотя и отнеслась к нам с пониманием, ответила, что работы у них нет. Жаль. Пошли по улицам Полтавки, надеясь, что работа сама нас найдет. Нашла. Пока мы пили чай с халвой возле местного магазина, подъехал китаец на крытом грузовичке, открыл дверцу грузовичка и из него вышли человек 10 уставших русских работников. Китаец предложил нам работу на капустных полях – за 250р в день, работать с 9:00 до 19:00. Приходите, говорит, завтра, в 9:00 на это место, я приеду, вас заберу. Оказывается, этот магазинчик был чем-то вроде бюро по трудоустройству местного населения, к нему или в 9:00, или в 19:00 подъезжали китайцы и нанимали себе рабочую силу. Мы попали в нужное место в нужное время! Ура! Ночевали в палатке у местной речки. Комаров – тьма, пищали и стучали лбами в нашу палатку всю ночь, но нам было все равно, ведь всё опять складывалось как нужно!

День пятьдесят пятый 29.07.07

Китаец забрал нас, как и обещал, утром, отвез на поле с 7-ю другими работягами, показал что и как делать (рубить капусту и укладывать её в мешки), и весь день наблюдал за нашей работой. С 14:00 до 15:00 – обеденный перерыв. Работяги, с которыми мы уже подружились, накормили нас классным обедом, а в

конце рабочего дня китаец выдал нам зарплату, и познакомил нас с хозяином полей, на которых мы работали – Вовой. Вова жил в фанзе возле полей, оказалось, что у него найдется для нас работы еще на 4 дня, и эти дни мы можем жить у него на фанзе. Здорово! Мы насобирали на его полях (нам разрешили!) кукурузы, кабачков, капусты и фасоли, и приготовили шикарное овощное рагу. Вова рагу тоже понравилось. Фанза – обычный дом, разделенный на 2 комнаты – кухню и спальню. В кухне 20% площади пола занимает кан – низная печь с двумя вмонтированными в нее казанами (у Вовы был только один казан, вместо второго была мусорка), печь топится дровами через маленькое отверстие у самого пола, а дым по полу идет вдоль всего дома под топчаном в спальне к торцу фанзы, где, подобно каминной, выдается из стены vasoкая труба. Благодаря подогреву дымом, топчан в спальне, занимающий 70% пола, всегда теплый, места на нем полно – можно с комфортом уложить человек 20. Спать мы там не смогли – слишком жарко, поставили палатку возле фанзы и уснули под звездным небом.

День пятьдесят шестой 30.07.07

Тудовые будни. С двумя отличиями от вчерашнего – на поле мы с Димой работали вдвоем, и контроля никакого небыло. Про еду даже писать не буду, понятно, что на овощных полях мы голодными не оставались.

День пятьдесят седьмой 31.07.07

Дождь. Обложной. Вова нас не пустил работать, наготовил нам много всякой традиционной китайской еды, научил нас печь купи – прстные лепешки, научил резать капусту здоровым ножом-тесаком со скоростью газонокосилки, а потом принес русско-китайский разговорник и стал учить нас китайскому языку. Замечательный был день, очень познавательный. Отдохнули здорово. Хэнь-хао! Хорошо!

Дни с пятьдесят восьмого по шестидесятый 1-3.08.07

Работали, учили китайский язык, осваивали новые блюда китайской кухни, знакомились с минтолитетом китайского человека. Признаюсь честно, будь я гражданкой какой-нибудь Эфиопии, и попади я в эти дни на Вовины поля, я бы однозначно решила – китайцы – отличные ребята, трудолюбивые (Вова работал ино-

гда больше нас, брал на себя самую тяжелую работу, раньше нас вставал и позже ложился), гостеприимные (такой теплый прием, какой он оказал нам, не везде в России встретишь), спокойные и сдержанные. Русские же – лентяи, алкоголики, матерщинники, да еще и с непомерными амбициями. Коллеги по полям нам иногда попадались... Даже писать про них не буду. Стыдно за нацию. Да и за человечество вообще. Но были и славные русские работяги, как те, что были в первый день нашей работы. Жаль, что это исключение, а не правило.

День шестьдесят первый 04.08.07

Позавтракали замечательной вареной стручковой фасолью с китайскими булочками приготовленными на пару, «мань-ти» называются, салатом из свежей капусты с чесноком, сахаром и красным перцем («тхай»), собрали рюкзаки и поехали. Вова довез нас до дороги, на прощание мы подарили ему олимпийский рубль. Спасибо за все, Вова! Едем в Покровку стираться (одежда грязну-щая после полей, да и сами мы не то чтобы очень чистые), а также узнать расписание автобусов и купить наконец-то билеты в Китай. Водитель первой же остановившейся машины оказался милиционером, у которого на первом посту были знакомые, выслушав нашу историю, он повернул машину, доехал до первого поста и пошел искать пути попадания нас в Китай. Бесплатно было бы можно попасть так – он, как милиционер (видимо, далеко не рядовой), выписывает нам документы, что мы тоже милиционеры, и сажает нас в приказном порядке на один из стоящих на стоянке у поста грузовиков, но проблема состояла в том, что на милиционеров мы совсем не похожи. Даже при очень живом воображении. Так что этот вариант отпадает. Кроме этого – вариант, аналогичный уже найденному Ларисой Сергеевной а Покровке – мы платим по 700р за человека, и садимся-таки в туристический автобус, но при этом делаем вид, что у нас есть билеты. Нас это вполне устроило. Милиционер уехал, пожелав нам счастливого пути, мы сказали ему «Большое спасибо!» и остались ждать нашего автобуса. Друг милиционера Дима долго восхищался нашей смелостью, а потом пошел рассказывать всем проезжающим туристам нашу историю. Мы скромно сидели под навесом и пили чай, а проходящие туристы рассматривали нас ТАКИ-

МИ взглядами, что нам оставалось только отводить глаза и пялиться в пол. Сидящая рядом с нами группа туристок скинулась по 10р и подарила нам 70р, на все наши отнекивания они отвечали следующее: «А вдруг вы прославитесь? Мы тогда сможем потом сказать, что помогли вам!», другая группа туристок подарила нам еды (в том числе четыре сосиски, незамедлительно обмененных мной у одной бабушки на 2 пирожка с картошкой), а один водитель-китаец, тоже проникшись к нам, подарил нам целое состояние – 100 юаней (это около 350р). Автобус с пустыми местами подъехал только в седьмом часу вечера, до этого времени мы повторяли китайский и читали литературу по Китаю, которой нас снабдили Ира и Максим. Оказалось, что если бы мы не сели на автобус сегодня, завтра с этого пункта было не уехать (воскресенье – выходной), а бронь на билеты оформляют за неделю, так что нам пришлось бы дней восемь провести в России, просто ожидая автобуса в Китай, за который бы мы еще и заплатили 1250р. Итак. Мы в автобусе. Первая остановка минут через 5-10 – российские пограничники проверяют загранпаспорта. Стоим на погранзаставе минут 20. Поехали. Вторая остановка минут через 10-15. Российская таможня. Рюкзаки – на рентген, паспорта – на проставление синеньких штампов с реквезитами таможни и датой въезда. Дальше поехали. Еще 10 минут и мы на китайской таможне. Рюкзаки – на рентген, паспорта – на проставление красненьких штампов. Зачем? Не знаю. На таможне нас с Димой попросили заполнить маленькие анкеты, так как со всего автобуса мы одни ехали по визам (остальные – по загранпаспортам – на выходные, отдохнуть, закупить дешевых китайских товаров и обратно). Пока заполняли анкеты, наш автобус уехал. Ну и ладно. Пойдем пешком, оказывается, мы уже в Китае!! Пошли искать пункт обмена валют, русские туристы порекомендовали менять в отеле. Предлагают 290 юаней за 1000р. Туристы говорят, можно найти 295 за 1000. Будем искать. Мы эти деньги неделю на плантациях зарабатывали!! За нами из отеля выбегает девушка, пытается уговорить нас остаться на ночь «всего» за 30 юаней. Нашла дураков, у нас палатка есть! Идем в направлении дороги на Суньфэньхе, туда, куда, теоретически, уехал наш автобус. Вдруг рядом с нами останавливается микроавтобус, водитель выбега-

ет, и сует нам в руки по бутылочке чая, мы, наученные опытными Ирой и Максимом, отвечаем в один голос: «Во мэнъ мэй ёу чень» (У нас нет денег), а водитель нам отвечает, что денег ему не надо, что он работал на Сахалине долгое время и просто от всего сердца помочь нам хочет. Даже паспорт показал, в котором штук 12 синеньких печатей российской таможни. Я, говорит, могу вас до Дуннина довезти, бесплатно, поехали! Смотрим, мужичок солидный, внешне – нормальный парень, Юрой представился, в кабине у него ребенок сидит, посовещались и решили, что в нашем деле не принимать подарки глупо, а судьбе доверять мы за эти 2 месяца уже научились. Едем! Юра подарил нам пакетик сушеных кальмаров и пол-пакетика шоколадных конфет, заметив, что лопаем мы со скоростью пылесоса, он рассудил, что мы долго голодали и завез нас в кафе. Попытался угостить мясом и пивом, но мы заранее выучили фразы: «Я не ем мясо» и «Я люблю овощи», так что мы легко отказались от такого угощения, вместо этого нам принесли три тарелки овощей, какой-то бульон с зеленью и по миске пшенно-рисовой каши. Кафе представляло собой одну из комнат жилого одноэтажного дома, пять столиков с табуретками, 2 энергосберегающие лампочки под потолком и меню на китайском языке, плюс стеклянный прилавок с какими-то полуфабрикатами. Во дворе – туалет, такой же, как в наших деревнях, только пол бетонный, и находится он посреди города. Во дворе же сушится бельё, растут баклажаны и перцы, бегают собаки. Так что оклеветали китайцев, говоря, что они всех животных слопали (мы специально с Димой по началу собак считали из окна машины, думали, это здесь редкость). Другое дело, что все это соседствует с типичными городскими кварталами, вдоль которых тоже кое-где натянуты веревки с бельем. Дороги в Дуннине – просто чудо, гладенькие, ровненькие, чистенькие, для велосипедистов отдельная дорожка, оснащенная специальными светофорами с огоньками в форме велосипеда, везде зеленые аллеи, засеянные газонной травой и ровненькие ряды одинаковых деревьев, очень похожих на наши березы. После кафе Юра завез нас на рынок. Рынок представляет собой толпу китайцев, расположившихся посреди улицы, люди или сидят за самодельными прилавками с овощами, или ездят на велосипедах со здоровыми тележками с

продуктами (тележка впереди велосипеда), или прогуливаются вдоль этого всего безобразия, задумчиво жуя всякую всячину на палочках (мы видели сосиски и кукурузу на палочках), или, как мы с Димой, выглядывают из окон автомобилей, подзывая, как наш водитель, нужных продавцов к машине. Машина сквозь людской океан едет очень медленно, так что водитель успевает поговорить с продавцом, поторговаться с ним, и отобрать подходящий товар. Юра купил нам странных фруктов, никогда прежде нами не встречаемых, похожих на короткие толстые желтые огурцы, которые на деле оказались очень маленькими и сладкими дыньками. Вкуснятина. Выслушав наше намерение выехать из города, чтобы ночевать в палатке, Юра отвез нас в маленькую гостиницу, где оплатил нам номер на ночь. Номер – 2.5x2 метра, за то с телевизором и окном, которое, правда, выходит прямо в коридор. Телевизор мы выдернули из розетки, а вместо него подключили ноутбук, сей час в Приморье 3 часа ночи, а здесь, в часе езды от Полтавки, где мы проснулись сегодня утром, только 00:00. Парадокс. Часы на границе переводят аж на 3 часа назад. Что еще о Китае на сегодня? Туалет в гостинице забавный – все отделано под евроремонт, а в пол заподлицо с плиткой вмонтирована чаша типа «Генуя» на китайский манер (типа, как в Российских школах в туалетах, только белое всё), а душа вообще нет... и зеркало к стене скотчем приклеено. Ноги пришлось мыть в раковине, в чистую постель с такими грязнущими ногами интеллигентные люди не ложатся :) Лампочки здесь тоже везде энергосберегающие. А шоколад в Китае не так хорош, как российский (постеснялась написать «стремный» - шоколад все-таки), похож на самую дешевую шоколадную пасту, отличается только консистенцией.

День шестдесят второй 05.08.07

Юра приехал в 9:00 с каким-то китайцем, помахал руками, что-то нам сказал по-китайски и...уехал. Китаец, привезенный Юрой, отвел нас на автовокзал, мы его отблагодарили чистосердечным «се-се» и отправились гулять по городу Дуннин. Деревья, показавшиеся мне вчера похожими на березки, сегодня показались мне похожими на осинки, а потом на ивы. Не важно. Красивые деревья. В банке мы обменяли рубли на йены по курсу 294 йены за 1000 рублей, на радостях купили мне новые штаны за 58 йен (ка-

чество не уступает моим старым штанам Columbia, приобретенным в России на распродаже за 1200р), карту Китая за 3 йены и русско-китайский словарь за 7.8 йен, а также полкило кешью за 25 йен и полкило чего-то, похожего на сушеные финики за 5 йен. Весь день гуляли, смотрели город и кушали дешевые плюшки-булочки-мороженки по 1-2 йене за штуку. Результат исследования китайского рынка плюшек-булочек-мороженок следующий: плюшки-булочки превосходны, мороженки – аналогичны шоколаду. На вкус и по консистенции китайское мороженое напоминает жевательную резинку. Вывод – на мороженое и шоколад деньги больше не тратим. Пошли искать интернет-клуб, встретили русскоговорящую китайянку, она договорилась, чтобы нам бесплатно дали выйти в интернет в какой-то фирме. Выходим на улицу и... встречаем водителя автобуса, который нам 100 йен подарил в Полтавке! Поговорили о жизни, он нам наш маршрут по-китайски в блокнотике написал и фразу под ним: «денег нет, подвезите пожалуйста». Подошли к двум китайянкам, отдыхающим в тенишке возле палисадничка с помидорами и цветами, чтобы попросить воды, пришлось объяснить им кто мы такие, в результате, нам кроме воды подарили 10 юаней и 2 куска мыла (один даже запечатанный!). К вечеру добрались до выхода из города и зашли под мост, чтобы постираться и помыться. Под мостом мы встретили жизнерадостного китайца, который подсказал нам легкий способ стирки – на более-менее плоском камне, как на стиральной доске, одежда отстиралась быстро и относительно качественно. Решили попить чайку, зашли на близлежащую фанзу, в которой и жил уже знакомый нам жизнерадостный китаец, попросили кипяточку. Чайников у китайцев нет. Воду они кипятят или в кане, или в термосе – кипятильником. Пока готовился наш кипяток, Дима помогал китайцу грузить мешки с кукурузой, а я ходила по саду с фотоаппаратом и все фотографировала. Настоящая фанза с превосходным садом-огородом, в котором выращиваются грибы, помидоры, фасоль, сливы, груши, цветы и еще много всякого, причем никаких газонов и промежутков – между ровными рядами сливовых деревьев находятся аккуратненькие грядочки с луком и другой низкой растительностью, здесь же на лавочках в горшочках стоят яркие цветы, красотища! Жена китайца насо-

бирала в саду-огороде овощей и начала готовить ужин, на который мы были незамедлительно приглашены. Примечательно, что яйца китайцы варят в очень соленой воде, а потом разрезают вдоль напополам прямо в скорлупе, после чего едят их из скорлупы, как из тарелки, палочками. После ужина нам предложили остаться ночевать на топчане вместе с хозяевами. Устройство фанзы было почти такое же, как у Вовы, только от кухни была отделена маленькая столовая, да еще присутствовала одна хозяйственная пристройка на улице. На заметку: чтобы занавеска от комаров не развевалась на ветру, китайцы привязывают вдоль её нижнего края ряд гаек. Чай китайцы почему-то не пьют. Пьют или воду, или пиво, или что покрепче. Еду вообще не запивают.

День шестьдесят третий 06.08.07

Проснулись на теплом топчане в чистой постели, помытые и счастливые. Нас накормили шикарным завтраком (основные блюда - рис с подливом из баклажанов и салат из огурцов, лука и кинзы) и подарили в дорогу 2 огурца. К стати, такого вкусного риса я никогда прежде не пробовала. Судя по всему, он был приготовлен в кане на пару. Просто чудо. На прощание подарили хозяевам раритетную монетку и отправились на трассу. ВОТ ЭТО ТРАССА! Между городами дорога бетонная, ровная, по обочинам насажены цветы, за цветами – прекрасные сады-огороды, за ними – сопки, заросшие хвойным и смешанным лесом. Первая остановившаяся нам машина оказалась фурой FREIGHTLINER с русским водителем, едущим в Сунь-Фэнь-Хэ. Послушали еще раз русского шансона и вышли на свертке к Мудандзяну. Застопили легковой фольксваген, показали блокнотик с нашей коронной фразой и поехали в Мудандзян. Видимо, автостоп в Китае не популярен – водитель фольксвагена на поднятую руку отреагировал так: встал посреди дороги и, не обращая внимания на бибикание объезжающих его машин, открыл багажник для погрузки наших рюкзаков. Отвез он нас на автовокзал в Мудандзяне, не смогли мы объяснить, что нам надо на свертке к Харбину. Ну, думаем, ничего, хоть город посмотрим, и отправились обратно в поисках выезда из города. Спросили у одного велосипедиста где выезд, а он нас не понимает. В это время мимо проходила пятнадцатилетняя девочка Лина, которую мама всю жизнь готовила к поступлению в

Кембридж, и которая, разумеется, свободно говорит по-английски. Дальше без подробностей: этот велосипедист приглашает нас в ресторан, Лина идет с нами как переводчик, мы пробуем три новых вегетарианских китайских блюда, велосипедист дарит нам 2 бутылочки чая (точно такого же, как когда-то подарил нам командующий флотилией подводных лодок), жвачку и 10 юаней, мы дарим им по монетке, Лина ведет нас в Мудандзянский центральный парк, он же – зоопарк, он же – парк аттракционов, он же – спортивная площадка, Лина сказала, что по причине нехватки строительных площадей решили все совместить. Здорово получилось! Вход, к стати, бесплатный. Лина написала нам в блокнотике несколько полезных фраз, в том числе: «Можно здесь поставить палатку?», «Как выйти на трассу №301?» и науероглифила подробное описание того, кто мы такие. Попрощались, пожевали того, что мы называем сушеными финиками и попробовали китайский кефир. Кефир на вкус – растаявшее китайское мороженое. Явный результат пары химических реакций, при чем среди реактивов молока небыло. Пошли дальше, солнце низко, края города не предвидится. И тут мы выходим на площадь перед стадионом, где под живую музыку танцуют человек тридцать китайцев (и пара китайцев). Музыка замечательная, танцуют очень красиво – с большими яркими веерами, но одеты все по разному – видно, что это не праздник, а просто так – просто танцуют, и всё. Смотрели, слушали, наслаждались, упивались традиционной китайской музыкой и танцами – это просто чудо. По окончании танца все разошлись, а мы, счастливые и довольные, отправились дальше, в поисках трассы №301. По дороге услышали снова звуки музыки, и, не смотря на то, что город уже погрузился в сумерки, свернули послушать. Удачно свернули, на площади, откуда лилась музыка, нас обступили любопытные китайцы и одна девушка на ломанном русском пригласила нас к себе в гости. Мы были весьма рады согласиться. Так мы увидели как живут китайцы в городах – Лилия жила с другом на верхнем этаже высотного здания, с балкона её квартиры был виден весь ночной Мудандзян. Квартира – вся, с туалетом и балконом вместе, размером чуть больше гостинной стандартной однокомнатной квартиры в Новосибирске. Туалет, раковина и душ расположены на двух квад-

ратных метрах (расположение сантехники, почти как в российских поездах, только на меньшей площади), столько же – балкон, столько же – кухонка. Оставшееся место разбито на две крохотные комнатки. У Лилии еще и собачка дома живет – Тото, карманной какой-то породы. Холодильника нет, чайника нет, печки нет, только электрический мини-кан, напоминающий нашу скороварку. Чай кипятили, как и на фанзе – в таком-же точно термосе кипятильником, вмонтированным в пробку от термоса. Друг Лилии оказался музыкантом – барабанщик в какой-то группе, но сам отлично играет на гитаре и очень хорошо поет, исполнил нам песню собственного сочинения на китайском – превосходно!! Я переписала у Лилии немного китайской попсы, а она у меня – фильм на русском языке – для разговорной практики. Интересен факт, что русский язык Лилия начала учить просто так – уже четыре года изучает его просто потому, что он ей нравится. Сложный, говорит, у вас русских, язык... Хе-хе, у вас, китайцев, как будто простой... Ночевали в одной из комнаток (ради нас из нее вынесли всю мебель – столик и две табуретки), улеглись прямо на полу, расстелив спальники, заняли почти всю комнату.

День шестьдесят четвертый 07.08.07

Утром друг Лилии сходил на рынок и закупил всякой вкуснятины, ради блинной лапши отстоял длиннющую очередь. Блинная лапша – это как блины, но тесто было вылито на раскаленный металлический стол тоненькими струйками, так что получилась лапша. Технология предположительная, вывод сделан по внешнему виду блюда. Еще он принес то, что Лилия назвала «пирожок», по-моему это был драник с консистенцией оладушка, в середине которого лежало несколько бобов сладкой сои, штука, надо заметить, безумно вкусная. После завтрака друг Лилии честно пытался сыграть и спеть нам «Подмосковные вечера», но в конце концов все-таки перешел на свой обычный репертуар. Давно мы такой хорошей музыки не слышали, спасибо тебе, друг Лилии. Ребята нас проводили до дороги, ведущей на трассу, мы подарили им раритетную монетку и отправились дальше – на Харбин. До Харбина доехали на грузовичке, только встали стопить дальше – подъезжает патрульная машина. Нам рассказывали, что каких-то горе-автостопщиков, пытавшихся стопить в Китае, оресто-

вали, так что мы сразу стали убеждать милиционеров, что идем пешком, а в этом месте стоим, потому что хотим на обочине (1м шириной) палатку на ночевку поставить. Милиционеры сказали нам много китайских слов, ни одного из которых мы не поняли, проверили загранпаспорта, подарили по бутылочке воды и отвезли нас на патрульной машине по трассе на то место, где, по их мнению, было бы лучше поставить палатку. Ночевали мы у озера, среди кукурузных полей. Спасибо, добрые милиционеры. К стати, на самом деле, найти хорошее место для палатки в Китае довольно сложно – вдоль трассы или подстриженные кусты, или цветы, а за ними – забор-сетка и колючая проволока, отделяющая дорогу от частных владений с садами.

День шестьдесят пятый 08.08.07

Не доезжая Чанчуня мы еще раз столкнулись с китайской милицией – нас высадили около поста, который было решено пройти пешком. Идем, жизни радуемся, вдруг подбегает милиционер, опять говорит нам много непонятных слов, смеется, зовет еще несколько своих коллег и говорит на хорошем английском «следуйте за мной». Следуем. Нас завели в управление милиции, провели через шикарный холл, отделанный мрамором, и провели по коридорам, оформление которых наводило на мысли о пятизвездочных отелях – резные деревянные двери и цветы в коридорах. «Надеюсь, нас не орестовали» - задумчиво сказал Дима. Не похоже. Милиционер постоянно что-то говорит и улыбается. Пришли. Ресторан? Милицейская столовая? Милицейский ресторан. Отделка и меню соответствующее. Нам предложили каких-то вареников с мясом, от которых мы с достоинством отказались словами «во мэнъ бу чши жоу» (мы не едим мясо), тогда нам в пакетики положили по две порции вареного арахиса (или арахиса на пару?) и лепешки-блины из слоеного теста. После чего милиционер отвел нас обратно, и, все еще улыбаясь, долго махал нам вслед. Огромное спасибо!! Оба блюда были превосходны, мы их слопали в ближайшей тополевой рожице (нам часто встречаются недавно высаженные топовые рожицы, ими часто отделяют кукурузные поля от персиковых или грушевых садов). За день нас подвезли 3 грузовика, легковушка и грузовичек, водитель которого попросил денег, когда мы с милыми улыбками вылезли из машины.

Пришлось еще раз показать ему написанную Линой записку, где, по нашему мнению, было четко написано, что денег у нас нет. Он расстроился. Мы тоже. Впервые мы попрощались с водителем, подвозившим нас, не видя на его лице светлой улыбки. Жаль. Палатку поставили под рекламным щитом у въезда в город Шеньян.

День шестьдесят шестой 09.08.07

Вышли на трассу пораньше – часов в семь. Остановился джип, водитель достал нам из багажника две бутылочки с пепси-колой и соком Minute Maide. Мелочь, а приятно. Водитель джипа минут сорок стопил нам транспорт, хотя по-русски знал только «здравствуйте» и «спасибо-пожалуйста», как мы поняли, он когда-то был в Ленинграде, и ему там очень понравилось. Ему было непопути с нами, но он отвез нас на развилку, откуда шло много машин на Пекин и уговорил водителя фольксвагена нас подвезти. У последнего я переписала диск с замечательной музыкой и подзарядила от прикуривателя ноутбук, показали ему фотографии с России, пока стояли в пробке, общались через англо-китайскую переводчицу по его сотовому. Переводчица подсказала город, до которого нужно ехать, если мы хотим отдохнуть у побережья. После вчерашнего неприятного инцидента я дважды повторила, что денег у нас нет. На всякий случай. Зря – водителем оказался свой человек, купил нам по бутылке китайской Кока-Колы (на этикетке даже Coca-Cola иероглифами написано), на прощание через переводчицу спросил, не может ли он нам чам-либо еще помочь, мы ему через переводчицу-же сказали много раз спасибо, и от дальнейшей помощи отказались. Тогда он подошел к другому водителю, и, видимо, рассказав ему нашу историю, попросил его помочь нам добраться до города Хулудао – на побережье. У этого водителя оказались знакомые на автобусной станции, куда он нас незамедлительно и доставил. Оказалось, что через полчаса в этом направлении отправляется туристический автобус дальнего следования (вместо сидений – три ряда двухъярусных кроватей), куда при желании, можно поместить еще двоих пассажиров. Так что до Хулудао мы доехали быстро и с комфортом, при чем, как безбилетники, сидели возле водителя, так что обзор у нас был даже лучше, чем у платных пассажиров. С развилки, ведущей с трассы в город, нас подобрала легковушка и доставила до главного про-

спекта города Хулудао. Растительность уже имеет ярко выраженный тропический характер, вдоль проспекта тянутся широкие аллеи с кипарисами, цветами и многими другими растениями, некоторые из которых нами прежде были видимы только на картинках. Вышли к побережью Ляодунского залива Желтого моря, купались, качались на теплых соленых волнах, бегали по горячему песочку, разглядывали ракушки и крабов. Красотища! К стати, городской пляж загажен значительно меньше, чем во Владивостоке, по нему ходят бабушки с мешками, которые весь мусор собирают. Пляжный контингент – такой же, как и в России – шумные компании с пивом, дети бегают, под зонтиками сидят загорелые люди, чего-то пьют, о чем-то говорят, перекрикивая английскую попсу, раздающуюся из динамиков от стоящей на побережье кафешки. Мы от этого безобразия скрылись на огороженную территорию военной базы, где людей практически не было. Палатку, к сожалению, на территории базы нам поставить не позволили. Спать пришлось лечь около городского пляжа – до 22:00 «спали» под грохот фейерверка и громкую музыку, теряющуюся в шуме тысяч голосов отдыхающих. В 22:05 на пляже уже было пусто и тихо. Не привычно. Странно. Засыпали под шум волн Желтого моря.

День шестьдесят седьмой 10.08.07

Не хочется нам здесь оставаться. Жарко, душно, море слишком теплое, людей слишком много. Пошли назад на трассу, по дороге нашли мне отличную соломенную шляпу – сдуло с кого-то. Шляпа новая, лежит в траве, как на прилавке, но чтобы ее достать, надо спуститься с моста и пройти через рынок и парк. То что надо!! Накупили дешевых фруктов и лепешек и пошли их кушать в парке. На выходе из города попросили у одной женщины воды набрать в бутылки, она принесла нам воды, два огурца и... приглашение зайти в гости. Зашли, посмотрели на устройство фанзы в черте города, в целом не отличающееся от других видимых нами фанз, на прощание нам насобирали два полных пакета персиков, слив, яблок, груш и огурцов из сада. При том, что фанза явно была не из богатых, женщина позвонила своему знакомому и попыталась заплатить ему за то, чтобы он нас вывез из города, мы, разумеется, отказались, сказав, что пойдем пешком. Дальше

поехали на Циньхуандао, в надежде увидеть великую китайскую стену по дороге, и выйти из машины. Водитель нашей единственной на сегодня легковушки на мой рисунок в блокнотике, изображающий стену, отреагировал одним словом – «Шаньхайгуань», знаками объяснил, что с трассы стену не видно, надо захватить в город Шаньхайгуань, как, к стати, по-китайски и называется великая китайская стена (как я поняла). Подъехали к свертку на город уже в сумерках, палатку ставить негде – заборы везде. Осаеется верить в старое доброе правило – в любом заборе есть дырка. Точно! Дима каким-то чудом отыскал аккуратно вырезанное в решетке отверстие, сквозь которое мы проникли в персиковый сад, где полакомились двумя лежащими под деревьями спелыми персиками. С деревьев персики брать постеснялись – чужой сад, все-таки. Палатку поставили в тополевой рощице рядом с садом, сложили в нее вещи, а сами легли спать под открытым небом – уж очень теплая ночь выдалась.

День шестьдесят восьмой 11.08.07

В 6:00 уже шли по направлению к городу, нас подобрал грузовичек, где нам подарили по бутылочке воды. Вышли мы в 20 метрах от стены, которая в этом месте представляла собой простой земляной вал, мы его добросовестно сфотографировали, и отправились искать нормальную стену, такую, какой ее в книжках рисуют. Прошли метров 800, увидели отлично сохранившуюся древнюю кладку арки, сквозь которую проложена современная дорога, за аркой – опять земляной вал. Прошли под аркой... Вот это зрелище... Время – около семи утра, а здесь стройка идет полным ходом – классические гнутые китайские крыши, как на пагодах, фонарики красные везде, яркие картины маслом на фасадах зданий и на перекрытиях ферм зданий, поверх всего этого великолепия – строительные леса, где-то окна ставят, где-то еще стены штукатурят, одновременно декорируя уже отделанные стены. Мы поняли, что присутствуем при зарождении туристического рая. Среди рабочих снуют продавцы с тележками, оборудованными печками, на которых один и тот же набор полуфабрикатов – тесто, яйца и длинные булочки, мы решили попробовать, чем питаются китайские строители, и попросили у одного продавца завтрак. За три юаня он нам сделал горячий блин,

на который тут-же разбил яйцо, перевернул блин, завернул в получившийся блин-яичницу три длинные булочки, и добавил какой-то соус. Вкусно, надо признать, китайские строители недурно питаются! На записку подаётся за 1 юань стакан сладкого соевого молока. Вышли из строящегося рая для туристов на еще одну стену, кое-где сохранилась древняя кладка, но процентов 80 – отреставрировано. Прошли сквозь еще одну арку и попали в центр шумного города, прямо перед нами репетировали традиционный танец с веерами китаянки в ярких одинаковых костюмах. Метрах в 10 от них играли за столиками в карты китайцы, а за ними сидели у импровизированных прилавков продавцы антиквариата, как на наших развалах. На этом развале мы увидели карманные механические швейцарские часы 1882 года выпуска, невероятного дизайна, которые стоили всего 100 юаней (около 315руб), при том, что они шли! Дима меня еле оттащил от этих часов, я ведь серьезно думала их купить. Дима взывал к моему разуму – не нужно нам барахлом обрастать, таскаться с этими часами три года глупо, да и вообще, не должно у нас с собой быть лишних вещей или вещей, потеря которых может нас расстроить. Но главным доводом было то, что через границу антиквариат провозить запрещено, а у нас впереди 35 границ, на какой-нибудь да обнаружат контрабанду, а нам это ни к чему. Так что я довольствовалась тем, что выменяла на монетку в 5 русских рублей старую китайскую монетку с квадратной дырочкой посередине. Она, к стати, имела для меня чисто практическое значение – мне была нужна фурнитура на шнурок от моей новой шляпки (шнурок я сделала из растяжки от палатки), а покупать что-либо этакое – не наш стиль. Так что я вдела шнурок в монетку так, чтобы можно было регулировать его длину. Стильная очень получилась шляпка. Купили в кондитерской за 3 юаня полный пакет обрезков от тортов, попросили там-же кипяточку из кулера, попили чаю и отправились гулять по городу вдоль стены, в поисках места, где можно будет на нее взобраться и выйти за город по великой китайской стене. Нет такого места. То есть, взобраться-то на нее запросто, но вот пройти по ней невозможно – в неотреставрированных местах стена часто прерывается, через нее проложены автодороги, или просто развалилась от времени, а по верху, где,

согласно учебникам истории, две колесницы могли разехаться, растет непролазый бурьян. Мы нашли живописное место на отреставрированной части стены, где решили, как стемнеет, поставить палатку, и весь день гуляли по городу. Обнаружили бесплатный тренажерный зал под открытым небом, где тренировались китайцы всех возрастов, мы присоединились к ним, и пока все тренажеры не опробовали, не успокоились. Отлично размяли уставшие спины и конечности, и направились к месту предполагаемой ночевки. Проходя через парк увидели нечто странное – под бодрую музыку синхронно двигалось человек триста китайцев обоих полов всех возрастов, построенные ровными рядами (треугольниками – по 60град), они один в один повторяли несколько движений, а сидящие по периметру площади, где это происходило, 15-20 человек наблюдали за действием, попивая прохладительные напитки. Музыка закончилась, и все ряды смешались – танцоры разбрелись по площади, а когда зазвучала новая мелодия, в разных концах площади человек 5 начали танцевать по-разному, но повторяя движения раз за разом, тут же возле одного, особенно ритмично двигавшегося мужчины, начали собираться танцоры, выстраиваясь ровными рядами и повторяя его движения, сначала не очень точно, а потом все точнее и точнее. Не прошло и минуты, как все 300 танцоров выстроились на площади и стали повторять те же движения. Это была дискотека!! Я тоже присоединилась к этой невероятной компании, но я постоянно или сбивалась с ритма, или поворачивалась не в ту сторону, или шагала чуть дальше, чем все, в результате нарушая строгость построения рядов, кроме того, я была на голову выше всех, так что одного танца мне вполне хватило, чтобы понять – такая дискотека не по мне. Постепенно танцоры менялись местами со зрителями, один из танцев разбил площадь на две группы – одним понравилось одно движение, другим – другое. Удивительное зрелище. Дима задумчиво сказал – «танцевать что-ли им нижний брейк, пусть повторяют». Но мы пожалели 80-летних бабушек, которым мог понравиться нижний брейк и отправились на стену. Возле всех оборудованных подъемов стоят будочки с охранниками, так что поднимались мы на разрушенном участке, откуда сквозь бурьян продрались к неохраняемой отреставрированной стене,

там обнаружили, что реставрация проводилась лет 100 назад, так как и здесь сквозь кладку пробивались корни и срубленные стволы уже довольно крупных деревьев. Ночь нам снова показалась теплой, так что мы просто расстелили на древней кладке коврики, и легли спать под открытым небом. Не тут-то было! В 2 часа ночи начался ливень, так что пришлось оперативно ставить палатку. Как хорошо, что у нас палатка может стоять без колышков и растяжек, колышки в древний бетон не вобьешь, а растяжки здесь просто некуда привязать.

День шестьдесят девятый 12.08.07

Сложили палатку и пошли искать трассу на Пекин. На выходе из строящегося туристического города увидели, что стена уходит земляным валом к горе, откуда начинается опять нормальная каменная стена, при чем на этот раз именно такая, какая изображена на купюре в один юань 1996г выпуска – протяженная, извивающаяся, ведущая в горы. Не долго думая, мы отправились смотреть ее вблизи. И здесь из великой китайской стены сделали очередной аттракцион для туристов – 30 юаней за вход пешком, 130 – подъем на вершину горы на фуникулере, продают сувениры с изображением стены, пепельницы, сумочки и т.д. Мы презрительно поморщились и пошли в гору пешком, подальше от этого безобразия. К стати, за все время пребывания в Китае, с момента выезда в Дуннин, мы еще ни одного туриста некутайца не встретили. И вообще единственный белый человек, встреченный нами в Китае, был водитель нашего первого Фрейтлайнера. По дороге в гору увидели пасеку, где за 10 юаней приобрели 500-граммовую баночку шикарного питьевого меда, собранного с виноградников. К вечеру добрались до вершины горы, где мы развели костерок и попили горячего чая с медом и предварительно купленными в кондитерской сладкими шанежками по юаню за штуку, вкуснее которых мы, пожалуй, нигде прежде и не пробовали. Полюбовались на ночной город с высоты птичьего полета (с высоты полета худенькой маленькой птички) и улеглись спать в долгожданной тишине.

День семидесятый 13.08.07

Уже в семь утра на вершине горы материализовались китайцы, кто-то начал кричать, возможно, чтобы послушать эхо,

а может быть дыхательную гимнастику делал, но за одним начали кричать все, так что мы решили поскорее спуститься к трассе и ехать дальше. По дороге купили еще меда, и пошли в поисках конца города в направлении Пекина. Один город кончиться не успел, тут же начался второй. Ладно, завтра дойдем. Заночевали в тополево леске у грушевого сада.

День семьдесят первый 14.08.07

Кончился второй, третий и четвертый города, все плавно перетекают друг в друга, стопить негде. При чем из четвертого города выходить пришлось дважды – пробовали стопить в черте города, бестолку – пока возле нас легковушка не заглохла, никто не останавливался. Водитель легковушки, на радостях, что машина завелась, «удружил» нам – увез на автовокзал – обратно в город, а возвращать, откуда подобрал, отказался. По дороге назад на трассу, один из проезжающих мимо китайцев пожалел нас, и предложил бесплатно провезти до конца города наши рюкзаки в кузове своего велосипеда. Пока брели до трассы, кое-как рассказали ему кто мы такие, а он сразу стал уговаривать нас покушать за его счет в ближайшей чифаленке, но выглядел он уж очень бедно, так что согласиться на это мы не могли. Он долго пытался затянуть Диму за рукав в это заведение, но Дима так упорно сопротивлялся, что все его попытки были тщетны. Спасибо, добрый человек, мы видим, что финансовое положение у нас примерно одинаковое, не можем мы принимать такую помощь. Лучше сам потом на эти деньги покушает. В одном из городков нашли сверхдешевый рынок, где мы купили 1кг бананов на 2 юаня, 8 мантшей еще на 2 юаня, кусок соевого сыра (или чего-то похожего на него) за 1.2 юаня и полюбившегося нам вареного арахиса на 3 юаня.

День семьдесят второй 15.08.07

Пятый и шестой города. Мы поняли, то города не кончатся, а значит, надо стопить до победного конца, а то придется до Пекина пешком топать. На трех микроавтобусах и одном то-ли мотоцикле, то-ли тракторе, доехали до кукурузных полей, за которыми увидели скоростную трассу, с которой мы так неосторожно свернули при въезде в Шаньхайгуань. По тропинкам добрались через поля до трассы, чуть не расцеловали ее и начали стопить. Остановился шикарный кабриолет-купе Chrysler, направляю-

щийся в Тяньцзинь, через который мы как раз и планировали объехать Пекин. Компания в кабриолете накормила нас пирожками из Макдональдса и чипсами, потом на заправке в супермаркете они купили нам 10 булочек и куриную сосиску-паштет. Дима решил не портить желудок всякими химикатами, и отказался от своей половины сосиски, а мой здравый смысл был побежден любопытством, так что теперь я знаю какие на вкус китайские курозаменители. На трассе была длинная пробка, так что водитель поехал по объездной дороге, и, соответственно, завез нас в город совсем не с той стороны, где проходит скоростная трасса. На прощание ребята оставили свои номера телефонов и подарили нам 100 юаней. Они предлагали нам отвезти нас в город покупать, но мы отказались. Искупавшись и постиравшись в каком-то искусственном озерце, палатку поставили в недостроенном парке.

День семьдесят третий 16.08.07

Ищем выход из города, никого не стоим, вдруг рядом останавливается черная хонда, водитель, не говорящий ни по-русски, ни по-английски, читает Линину записку в нашем блокнотике и дарит нам 200 юаней, после чего о чем-то договаривается с водителем такси, платит ему, и таксист увозит нас на автовокзал. Вот это да... А в России к китайцам совсем не такое отношение... Спасибо вам, добрый человек. Недалеко от автовокзала нашлась самая большая барахолка, которую мне приходилось видеть в Китае, на ней мы нашли ткань для новой Диминой футболки, а то старая уже износилась до дыр. В городском парке Дима и раскроил и сшил себе новую футболку, при чем зрителей собралось двадцать шесть человек, они обступили Диму полукругом и внимательно смотрели что он делает. Когда я достала фотоаппарат, они бросились в рассыпную, но кое-кто в кадр все-таки попал. К закату, кстати, число зрителей выросло до 40. В 20:00 по периметру Тяньцзиньского городского парка образовалась ночная барахолка (ночная, потому что солнце в этих краях в это время года садится в 19:30). Палатку поставили прямо на газоне в парке, на ужин сварили гречнево-чечевичную кашу, кипяток для которой я ходила просить в самый шикарный ресторан из близлежащих трех, в нем посетителей было меньше всего.

День семьдесят четвертый 17.08.07

Как выйти к трассе знают все, все охотно отправляют нас в разных направлениях, в том числе на автовокзал, один англоговорящий мальчик сказал, что отсюда до трассы 4 дня пути. Плюнули на всё, пошли на юг. Нашли карту города, спросили, где мы находимся, у местного жителя, на всякий случай проверили его слова по номерам автобусов, проходящих мимо (на карте были маршруты), и пошли к ближайшему выходу из города, где зашли в кафешку с целью подзарядить фотоаппарат и, заодно, позавтракать. Отлично покушали - на 6.6 юаней нам дали 2 тарелки супа и 6 лепешек-оладушков. Вышли из города, опять чуть не расцеловали трассу, хотя еще не знали, куда она ведет. Оказалось – на Пекин. Водитель одной легковушки подвез нас до нужного выезда на Шицзячжуан, налил нам в наши пластиковые полтарашки, которые мы еще с России везем, чистой воды и поларил пачку бумажных салфеток. Спасибо. Выйти из китайского города по хайвею нельзя – только выехать. На скоростную трассу пешеходов не пускают. И нас не пустили, но мы обошли пост, перелезли через забор (по дороге нашли 10 юаней!) и наконец-то снова стали стоить. Остановилась семейная пара на легковушке, оба учились три года во Франции, свободно говорят по-английски. Наконец-то! Мы поговорили о жизни, наслушались комплиментов в свой адрес (мы оба очень красивые и вообще герои), узнали, что Джон (наш водитель) тоже мечтает объехать вокруг света, но не таким экстремальным образом, оказалось, что они с женой тоже вегетарианцы и любят пеший туризм (но не дольше 7 дней), а кроме того, они сей час пытаются заработать много денег, чтобы создать фонд помощи бедным. Ребята оказались замечательные, предлагали нам ехать с ними, но нам было совсем не по пути, предлагали нам денег, но мы отказались, на прощание Джон написал нам в блокнотике новую фразу «Подвезите, денег нет», его жена подарила нам по бутылочке воды, и мы отправились в городок Дэчжоу, чтобы спросить, где находится Хайвэй на Шицзячжуан. Нас не поняли, но мы не расстроились. Привыкли уже. Купили на рынке дыню за 5 юаней и здоровую лепешку за 2 юаня (по весу лепешка тянула килограмма на 2), после чего уселись под каким-то деревом, с целью все это скушать. Только приступили к тра-

пезе, подходит мужчина и знаками говорит, что кушать под деревом не стоит, здесь рядом есть место, где можно цивилизованно посидеть, отводит нас в кафушку, дарит нам 20 юаней (еще не зная кто мы и откуда), (отказывались долго, не удалось), дает распоряжение поварихе сбегать на рынок, купить нам поесть, она приносит полный пакет мантшей и две бутылочки воды. Сидим в пустой кафушке, жуем дыню с мантшами, одна из женщин с рынка приносит нам с Димой по вкуснейшему персику, в это время повариха делает нам супчик. Когда мы окончательно облопалились (по пол-дыни и тарелке супа на человека, как здесь не облопаться?), мужчина отвел нас в гостиницу, где нам дали на ночь трехместный номер за 5 юаней. Отказаться было неудобно, подумает, что мы жмоты – только что нам 20 юаней подарили, а мы деньги жалеем. Не все понимают, что в палатке бывает куда комфортнее, чем в гостинице. Теперь вот сижу, подзаряжаю электронику, сортирую фотографии. Гостиница, честно говоря, даже на пол-звездочки не потянет, но за 5 юаней сойдет. Розетка есть и ладно.

День семьдесят пятый 18.08.07

Проснулись в кошмарном состоянии. Оба чихаем и кашляем, глаза слезятся, сил нет. Судя по всему, сантиметровой слой пыли, покрывавший все поверхности в гостинице, не пошел нам на пользу. Из номера выползли убитые. Поползли прочь из города. Дырку в заборе на этот раз искать не пришлось – из этого города на трассу можно выйти вдоль жилого сектора, нас, конечно, опять пытались остановить, но мы, как всегда, претворились глухими и пошли дальше. Идетя очень тяжело – туман, душно, жарко, к тому же самочувствие отвратительное. Нас подобрала молодая семейная пара на легковушке, оказалось, что ребята поженились полмесяца назад, а в Китае есть традиция – в течение месяца возить с собой мешок конфет со свадьбы и раздаривать друзьям сладости. Нам достался весь этот мешок. Конфеты типа «Берти Боттс» из Гарри Поттера – всех вкусов, включая какой-то корнеплод, возможно Жень-Шень. Мы подарили им на свадьбу советскую монетку. Ребята довезли нас до въезда в Шицзячжуан, мы вышли на дорогу, ведущую в Тайюань, и провели на ней несколько часов. Все водители, которые останавливались, убеждали

нас, что мы не там стоим, чего-то объясняли по-китайски и уезжали. Мы ничего не понимали, уходили на другое место и все повторялось сначала. Один микроавтобус завез нас зачем-то в город, провезя километров 10, после чего водитель нам сказал, что дальше нам не по пути и подарил авторучку. Очень вовремя, моя уже почти кончилась. Поели с горя в какой-то кафешке, решив, что нам уже все равно, во сколько нам это обойдется, главное, выбраться из этого города, с этих надоевших до чертиков развязок, по которым мы сегодня уже набегали километров 15. Покушали, как ни странно, хорошо, нам сварили подкопченный соевый сыр с грибами, которые выращивали в саду наши знакомые в Дуннине. С чаем, мантьями и нарезанными помидорами с сахаром, нам это обошлось в 10 юаней. Очень даже не плохо. Мы вышли снова на трассу, и снова повторилась ситуация, где нам чего-то говорят, куда-то посылают, а мы ничего не понимаем. Последними остановились ребята на микроавтобусе, они тоже много чего сказали, и тоже по-китайски, увидев, что мы ничего не понимаем, они написали нам на картонке крупными иероглифами название города Сиань, а рядом мелким шрифтом уже заезжанную фразу «У нас нет денег», после чего подарили нам 200 юаней и оставили нам всю свою провизию. Спасибо, вам, добрые люди. Расстроганные, мы отправились ставить палатку в лесок возле обочины, для этого, правда, опять пришлось искать дырку в заборе, но мы уже много раз это проделывали, так что вскоре мы сидели в палатке, спасаясь от комаров, и жевали замечательные яблоки, запивая их сливовым соком.

День семьдесят шестой 19.08.07

Сутра пораньше – на трассу. Первый же остановившийся водитель Хонды также, как и вчерашние водители долго пытался нам что-то объяснить, на этот раз на смеси китайского и английского, предложил нам денег, но мы отказались, тогда он предложил оплатить нам проезд на автобусе до Сианя. Мы уже слишком устали от этого участка дороги, так что решили согласиться. Водитель подарил нам 500 юаней (половина средней месячной зарплаты в Китае), отвез нас до таксопарка, где оплатил нам такси до автовокзала, сфотографировал на память, наговорил много добрых слов и уехал. А вы отдали бы половину зарплаты

незнакомому китайцу, благополучные российские граждане? Мы были немного смущены и шокированы. С такой щедростью мы раньше не сталкивались. Нам подарили около 1660р, и это в стране, где стоимость этих денег раза в три выше, чем в России, то есть как 5000р у нас на Родине. Мы не знали как благодарить этого человека, слов не было. Мы с ним обменялись e-mailами, он обещал чего-нибудь написать, я обещала ответить. На автовокзале мы купили билеты на автобус Тайюань –Сиань по 150 юаней за штуку. (Нам повезло, он отходил через 40 минут, следующий был только через шесть часов). Автобус шел 7,5 часов, так что мы набрали в дорогу традиционной китайской еды, лепешек и фруктов, и, наконец-то расслабив уставшие от рюкзаков спины, уселись в мягкие кресла автобуса. Обдуваемые прохладным ветерком кондиционера, мы с сочувствием смотрели на улицу, изнемогающую от жары. Духотища стояла невероятная, когда автобус останавливался на заправках, покидать его совсем не хотелось. В салоне показывали по телевизору фильм про какую-то из Китайско-Японских войн, откуда мы поняли, что китайцы презирают японцев и ненавидят их. Такими нелепыми и жестокими были покааны японцы и такими красивыми и храбрыми – китайцы. За окном мелькали живописнейшие виды – высокие холмы, склоны которых были сплошь изрезаны террасами, засаженными сельхозкультурами всех оттенков зеленого. Мы проезжали интересные города, дома в которых устроены прямо внутри выступов террас, то есть в доме живут люди, а крыша дома – вровень с террасой, засажена чем-нибудь съедобным. Видели посреди полей маленькие храмики, крохотные пагодки и странные серые сооружения, похожие не то на надгробья, не то на домики. Из автобуса вышли в хорошем настроении, но в не очень хорошем месте. Было не очень понятно, куда идти, много развязок, длинные переходы, много указателей, на которых почему-то не встречаются нужные нам города. Ходили по развязкам до самых сумерек, встали в тополевом лесу на ночевку. Такого грязного места мы еще не встречали нигде на планете. Грязища везде – на листьях, на траве, в лужах. Впервые мы обругали китайцев за то, что они так загадили свою землю, лес, как и мы, мечтал о чистоте и свежем воздухе, которых в округе, похоже, небыло. Спать легли устав-

шие, грязные, в отвратительном настроении.

День семьдесят седьмой 20.08.07

Только вышли на трассу, подъехал недружелюбный милиционер и прогнал нас за забор – в город. Побродили в поисках рынка – бестолку. Опять полно еды на палочках, преимущественно мясной, в магазинах продаются только концентраты. Здоровой еды нет, а кушать хочется. Ходили около часа. В конце-концов решили купить печенья, увидели, что продавщица ест персик и попытались выяснить у нее где она его купила. Нас не поняли, но персиками угостили. Поели персиков с печеньем и снова пошли на трассу. За весь день никуда не уехали. Ситуация – хуже некуда. Настроение на нуле. Забегая вперед, скажу, что я не могу вести дневник ежедневно, из-за нехватки времени и привязанности к электророзетке, так что эти строки я пишу по прошествии некоторого времени, воскрешая в памяти события этого дня, так вот, сей час я сижу в шикарном номере отеля в кожаном кресле напротив большого окна, мы недавно поужинали в дорогом ресторане, я только что приняла горячий душ, Дима уже видит пятый сон на одной из двух здоровенных кроватей в номере, так что воспоминания того дня немного размыты в сознании. Помню, что все казалось безнадежным. Болела спина, дышать было нечем, пот разъедал кожу. За то ночевка была лучше предыдущей – возде плантаций киви. Хотя кушать хотелось, киви мы брать не стали. По чужим садам лазить – не наш метод.

День семьдесят восьмой 21.08.07

Утром еще раз грустно взглянули на киви, сфотографировали крупные сочные плоды, и отправились на опостылевшую трассу. Вселенная решила сжалиться над нами и подарила нам растущую у обочины бесхозную лагинарию с крупным спелым плодом, который мы с радостью слопали на завтрак. Плод был похож на что-то среднее между огурцом и тыквой. Хорошо. Настроение немного улучшилось, и мы вышли голосовать. Никто не остановился, кроме... очередной милицейской машины. А, достало все, везите, куда хотите. Отвезли в участок, в центр города Сианя. Эти стражи порядка были явно настроены лучше вчерашнего, они угостили нас чаем и предложили закурить (к стати, интересный факт – нам все предлагают закурить и угощают бутилированной

водой, при чем когда мы отказываемся от сигарет, все одобрительно кивают: «хао!», («хорошо!» - то есть)). Нам объяснили, что на хайвее в Китае пешеходам находиться категорически запрещено, что это жутко опасно, так как там ездят машины, а также сказали, что Россия – это хорошо, а Китайская полиция всем помогает, так что, граждане россияне, вас надо накормить и показать вам дорогу в Чэнду, проходящую по национальной трассе, то есть через города. Нас отвезли в ресторан, накормили лапшой с подливом из тушеных помидоров с яйцом, напоили зеленым чаем и указали путь для дальнейшего продвижения. Мы им на память рубль с Лениным подарили. Шли в указанном направлении часа три, надоело, свернули с дороги в сторону лесополосы, в надежде, что за ней окажется хайвей. Точно! Вот он! Палатку поставили прямо в лесополосе, хотя она была, мягко говоря, немного загаженной.

День семьдесят девятый 22.08.07

Сутра умылись водой из полторашек, и попытались принять душ ей же – пришлось где-то по литру воды на каждого, отмыться, конечно, не удалось, но, хотя-бы, намокли. Тоже приятно. Первая машина – джип, водитель чуть-чуть говорит по-английски, объяснил нам, что скоростное шоссе не достроено, так что единственная дорога на Чэнду идет по национальной дороге (той самой, с которой мы когда-то трое суток пешком выжирались), он отвез нас километров на сто от хайвея и высадил в городке, названия которого мы так никогда и не узнали. До действующего хайвея еще 400км, спины болят, грязь въелась в наши тела так, что уже не понятно, отмоется ли она когда-нибудь, хочется есть, и вообще все плохо-при-плохо. Во время наших размышлений – стоит кушать перед тем, как повеситься, или нет, нас окликнул милиционер. Он предложил нам чаю, оказалось, что он немного говорит по-английски, и, пока мы пили отличный зеленый чай, он выяснил кто мы и откуда. Об этом тут же узнали все местные милиционеры, они купили нам Кока-колы и внимательно наблюдали за нами на протяжении всей беседы. Милиционеры снова дружно решили, что мы - герои и решили помочь нам поить машину до Чэнду, это решение они тут же претворили в жизнь, застопив нам грузовик. Спасибо вам, милиционеры, что бы

мы без вас делали? Водители грузовика пытались угостить нас мясом в кафушке, но мы отказались. Есть хотелось, но не настолько. После один из водителей накормил-таки нас китайской быстрозавариваемой лапшой. Спасибо ему. Самое интересное началось вечером – мы выехали на серпантин. Такого нам не приходилось видеть прежде даже в кино – отвесная скала слева, бездна справа, где-то далеко внизу теряются в туманной дымке горные озера и реки, повсюду зеленые склоны, вершины гор порой совсем не видны из кабины, и вьется дорога, извивается крутыми поворотами, уводит все дальше в горы, дальше от цивилизации. Наконец-то. Мы выбрали для ночевки песчаную отмель на берегу реки, недалеко от дороги. То есть как выбрали? Грузовик сломался (в третий раз за последние 2 часа) и мы решили его покинуть. Место оказалось отличное – горная река очень теплая и чистая, людей нигде поблизости нет, дров полно, мягкий теплый песочек и отсутствие комаров. Разве не чудо? Помылись, постирались, развели костер, выяснили, что сухой бамбук очень хорошо горит – дает много света и тепла. Уже ночью кушали кашу и пили чай с конфетами – вот красота-то, ЧИСТЫЕ!!! К костру постоянно подползали неведомые насекомые, похожие на 12-исантиметровые палочки диаметром около 3мм, с шестью длинными тонкими ногами (по 8-9см длиной и диаметром около 1мм каждая), мы их долго убеждали не лезть в огонь, но так как насекомые были китайские, русской речи они не понимали, и все равно лезли.

День восьмидесятый 23.08.07

Проснулись в тишине, окруженные живописнейшими горами, чистые и счастливые. Сварили на костре последнюю чечевицу, позавтракали, и валялись на берегу до обеда. Я нашла сухую бамбучину и вырезала из нее себе китайские палочки. Видели гигантского богомола (около 12см длиной). В третьем часу дня вышли на трассу, и десяти минут не простояли, как подъехал попутный микроавтобус, на котором мы проехали все оставшееся расстояние до скоростного шоссе. Виды, как и вчера, сногшибательные – даже водопад видели, по моим меркам – высоченный – метров 150-200 высотой. Красотища! После этого нас подобрал другой микроавтобус, шикарный Бьюик с отличной стереосистемой,

кондиционером и кожаным салоном. Водитель Бьюика довез нас до гостиницы «Катюша» в городе Чэнду, где, по словам его русскоговорящего друга, с которым он связался по сотовому, полно русских, так что нам могут помочь найти переход в Лаос и узнать ситуацию с визами. К сожалению, довез он нас туда в 1:00 ночи, и все русские, обитающие в гостинице, крепко спали. Так что мы оказались посреди незнакомого города, ночью, в стране, языка которой мы не знаем, без денег и без знакомых, которые могли бы нам чем-нибудь помочь. Кроме того, на улице шел проливной дождь, который, правда, мы переждали под навесом у входа в гостиницу. Мы поели лапшиного супа с луком и какой-то еще травой, продававшегося с лотка возле гостиницы, не наелись и еще раз поели в какой-то кафешке дорожкой недожаренной картошки (5 юаней за нее заплатили!!), все равно не наелись, и, грустные, сели под навесом у какого-то закрытого магазина. Снова начался ливень, так что мы не придумали ничего лучшего, чем вскипятить воды на горелке и попить чаю с конфетами. Чувство голода было приглушено и мы улеглись спать под этим же навесом на наших ковриках, подложив под головы рюкзаки и спрятав лучшие документы.

День восемьдесят первый 24.08.07

Разбудил нас в 6:20 замечательный щенок Чихуа-Хуа, который просто улегся мне на живот, предварительно вывалявшись в какой-то очень грязной луже. Мы, не выспавшиеся, поскольку всю ночь нас нещадно грызли комары, отправились бродить по улицам просыпающегося города. Китайцы выходят из домов в 7:00, тогда же открываются кафешки и появляются на улицах лотки с «готовыми завтраками». Хотелось в туалет, а подходящего места никак не обнаруживалось, с трудом отыскали милую кафешку, в которой как раз готовили завтраки, она была еще закрыта, но мы убедительно попросились в туалет и нас пустили, в благодарность мы решили здесь и позавтракать, и... о чудо! Завтрак оказался невероятно дешевым и вкусным. Завтракают катайцы довольно однотипно – в меню только соевое молоко и жареные в масле палочки из теста, но мы были первыми посетителями, поэтому нам достались палочки, обжаренные в свежем масле, возможно поэтому они показались нам такими вкусными? Стоит ка-

ждая палочка пол-юаня (размером она примерно 20х30х250мм), столько же, сколько и пиалка сладкого соевого молока. У нас так поднялось настроение, что мы подарили поварихе российский рубль и отправились в центр города, в надежде получить где-нибудь знак – что делать дальше. Нашли железнодорожный вокзал и сразу поняли, что делать дальше – билет в Куньмин стоит всего 73 юаня, правда, места есть только на завтрашний дневной поезд. Сойдет. Взяли два билета и пошли гулять по городу. Обнаружили целый квартал, где продаются ткани всех цветов и фактур по низким ценам. Нашли Диме ткань на новую футболку – в этой было слишком жарко, и попытались найти нитки. Не нашли. Попросили в швейном салоне немного отмотать на нашу катушку. Гуляя по улицам китайского города, кажется, что здесь можно купить все, а стоит начать искать что-то определенное – не найдешь. В этом городе фрукты не такие дешевые, как прежде, так что пришлось обойти несколько рынков, чтобы найти бананы за 1,8 юаня и яблоки за 1,2 юаня за полкило. Также везде продается еда на палочках, причем нанизывают китайцы на палочки все – даже яйца, дыни, арбузы и куриные головы (мы ни разу не видели, чтобы их кто-то покупал). Для ночевки выбрали заросли бамбука в одном из маленьких парков в центре города.

День восемьдесят второй 25.08.07

Опять не выспались. Всю ночь китайцы ходили жечь свечи и ароматические палочки возле наших зарослей бамбука, а кроме того, было жарко, душно, и шел дождь. Почему китайцы даже в дождь жгут свечи на улице, не понятно. Позавтракали, пошли бродить по городу в ожидании прибытия нашего поезда. Встретили четверых немцев и двух канадцев. Как приятно пообщаться на хорошем английском, не пребегая к языку жестов! Красота! Сколько ехать мы не знали, но по нашим расчетам выходило часов 6-7, так что провизии набрали немного. Зря. Ехать было больше суток. Поезда в Китае очень похожи на российские электрички, только с потолка свисают здоровые зеленые вентиляторы. В поезде мы повстречались с иным контингентом китайцев. Не таким, какой встречается на трассе. Во-первых – они питаются китайской быстрозавариваемой лапшой, во-вторых – они выкидывают в окна весь мусор (одна, самая кальтурная, женщина,

предварительно сложила мусор в пакетик, а потом отправила пакетик в окно), в третьих, если они не могут доплынуть до окна, они плюют прямо на пол, и пассажиры в проходе, которым далеко кидать мусор в окно, кидают его в проход. Нас это шокировало, хотелось закрыть глаза, чтобы не видеть всего этого безобразия, но, кроме того, было любопытно, поэтому глаза мы все-таки не закрывали. По вагонам ходят продавцы всякой снеди – от мороженого и носков, до жареной курицы и китайской быстрозавариваемой лапши прямо с кипятком. Ходят и инвалиды, просящие подаяния, бегают громкоголосые прводницы с венниками, пытаясь успеть убрать быстрорастущие горы мусора в вагоне. Кушают китайцы громко, усиленно чавкая и широко открывая рот, лапшу втягивают в себя с характерным прихлюпыванием, так что аппетит нам испортили как раз на столько, чтобы нам в горло не полезло больше, чем у нас было, и мы, в результате, совсем не проголодались.

День восемьдесят третий 26.08.07

За ночь отлежали и отсидели себе все, что только можно, повезло еще, что многие пассажиры вышли поздно вечером, и нам с Димой досталось по целой пустой скамейке – роскошь в сидячем вагоне. Поезд прибывал только в 15:00, так что все утро мы делали вид, что спим, а потом просто смотрели в окно, на проплывающие мимо невероятные горы, туман и облака, над которыми иногда поднимался наш поезд. Виды были просто потрясающие, поэтому пассажиры прилипли к окнам и пытались сфотографировать все это на свои мобильники. У меня уже появилась профессиональная гордость фотографа, так что я решила, что через окно фотографировать ничего не стану, надо будет, заберусь сюда пешком, найду лучший ракурс и сделаю действительно хорошую фотографию, а пока – просто понаслаждаюсь чудными видами. Минут за 20 до прибытия в Куньмин мы выяснили, что ехали не по прямой из Чэнду в Куньмин, а через Лупаньшуй, видимо, поэтому и добирались так долго. К нам подсел молодой китаец в военной форме, он немного говорил по-английски, и, выяснив кто мы, предложил помочь нам найти работу на пять дней в Куньмине. Он же рассказал, что Куньмин называют городом вечной весны, так как в любое время года там одинаковая погода –

приятная прохлада. Какой это был для нас подарок после предыдущих жарких и душных городов. Весь день бродили по кафе, ресторанах и барах, но никому не нужны были работники на 5 дней. Оказывается, единственная возможность для нас найти работу в Китае – это сыграть на том, что мы иностранцы – то есть или в заведениях для иностранцев, или в языковых школах, так как всю работу, которую могут делать китайцы, они и делают. В одном баре нам предложили петь под гитару русские песни для привлечения клиентов, но мы побоялись, что скорее распугаем клиентов своим пением, чем привлечем их. Короче, работу мы не нашли, обменялись с солдатиком e-мэйлами, он нас посадил на автобус до трассы, подарил карту города и провинции, а также полный пакет еды и 5 юаней. Один из пассажиров автобуса услышал, как мы прощались с солдатиком, и подарил нам 40 юаней, а также дал нам номер своего сотового и попросил позвонить, если у нас возникнут какие-либо проблемы, он попытается помочь, чем сможет. Спасибо вам, славные бескорыстные люди! Да здравствуете вы!! Доехали до трассы, нашли место для палатки на каком-то пустыре и, вполне удовлетворенные жизнью, легли спать.

День восемьдесят четвертый 27.08.07

Проснулись, собрались и отправились по направлению к трассе, по дороге не могли нарадоваться отличному климату (хотя ночью нас все-таки подмочил дождик), прекрасным тропическим растениям и большим и ярким цветам, которые в сочетании с пальмами и бамбуком смотрятся превосходно. Позавтракали двумя печеными картофелинами по пол-юаня за штуку, вышли на трассу, написали иероглифами название близлежащего городка Юаньцзян (хотя-бы из городских бесконечных развязок выбрать) на найденной на обочине картонке, не успели дойти с этой картонкой до нужного места, подъезжает легковушка, водитель которой более-менее знает английский, и мы с комфортом доезжаем до автозаправки, находящейся в 10 км от Юаньцзяна. Здесь наблюдается небольшой рыночек с местными фруктами (бананы, манго, груши и нечто зеленое, сладкое, похожее на кедровую шишку, но мягкое и сочное, с крупными черными косточками внутри). Мы решили здесь пообедать, заварили оставшуюся со вчера китайскую лапшу, в очередной раз возмущились обилию

перца в ней, закусили местными бананами и сварили на горелке кукурузной каши, на улице был дождь, так что стоять на трассе совсем не хотелось, потому ели не спеша, параллельно занимаясь китайской каллиграфией: иероглифами писали на очередной картонке: Мынла (последний город перед границей с Лаосом). Две добрые женщины, продававшие на заправке вареные яйца, угостили нас с Димой, а добрый дядечка, непонятно откуда взявшийся на заправке, подарил нам два зонта. Спасибо им всем! Пока мы радовались нашим новым зонтам, проезжающий мимо микроавтобус заметил картонку, и предложил довезти нас до города Мынла. Так что за сегодня мы на трассе даже не голосовали ни разу. Ах, какие красивые места мы сегодня проезжали! Как радовались наши сибирские души, как трепетали наши закаленные морозами сердца, при виде пальм, зеленых гроздьев бананов, зарослей бамбука, похожих на гигантские (больше 10м высотой) зеленые петушиные хвосты. Дороги в горах очень напоминают нашу федеральную трассу М55, так как обвалы здесь не редкость, и отчищать асфальт от грунта не везде успевают, так что автомобили или прваливаются в ямы, или цепляют дном камни. В микроавтобусе ехала молодая семья с 6-7-и летним малышом, они скормили нам весь запас провизии из багажника (булочки, печенье, груши, незнакомого нам сорта, внешне очень похожие на желто-оранжевые яблоки и вода), после чего заехали в небольшой городок недалеко от трассы, где нашли отличный ресторан, заказали 11 наименований блюд и проследили за тем, чтобы мы их все попробовали, собственноручно подкладывая в наши пиалочки то одного, то другого блюда (разумеется, вегетарианского). Мы облопались до невозможности, но меня уговорили-таки попробовать некое блюдо, внешне напоминающее бело-зеленое овощное рагу, а на вкус очень похожее на вымоченную в уксусе мочалку. Дима сумел отказаться от этого деликатеса. Молодец. После этого нас отвезли в шикарную гостиницу в городе Пука и вручили ключи от номера, который находился на самом верхнем (пятом) этаже, номер оказался до невероятного комфортабельным, с отдельным душем и туалетом, телевизором и всем, что положено в хороших отелях. Первую минуту мы стояли с отвисшими челюстями и не верили в происходящее, а потом, после того, как я немного попры-

гала от радости, принялись мыться и стираться. Красотища!!! Сегодня у каждого из нас есть отдельная двуспальная кровать с подушкой и одеялом. О чудо! Спали оба по диагонали, раскинув в разные стороны руки и ноги.

День восемьдесят пятый 28.08.07

Проснулись, еще раз помылись, заварили чаю и с наслаждением попили его с конфетами, лежа на мягких чистых кроватях, глядя на экран телевизора, по которому передвигались китайские актеры, говорящие на китайском языке. Ничего не понятно, но как хорошо! В начале десятого приехал микроавтобус, и отвез нас на автовокзал, где водитель приобрел нам два билета до Жиангчена (оттуда до границы с Лаосом всего 2км). В этом городе жил друг жены водителя, который, видимо, часто бывал в Лаосе. Нам дали номер телефона и имя этого друга, а также продублировали эту информацию для водителя автобуса, на котором нам предстояло покинуть город Пука. Мы подарили нашим новым друзьям красивый олимпийский рубль, а они нам купили еды в дорогу. В 10:30 автобус выехал, и до 15:00 мы наслаждались видами южного Китая. Здесь несравненно лучше, чем на севере – много незаселенных и не пущенных под плантации холмов, густые тропические леса, бамбук до 20см в диаметре, прозрачные водопады и красно-коричневые реки (в грунте много красной глины). Агава в человеческий рост, еще больше бананов и толстенных пальм (у нас на даче сосны не такие толстые, как эти пальмы). Много чайных плантаций, на которых работают сборщики чая в широких конических шляпах, в которых на севере никто не ходит. Конец августа – время сбора риса, так что мы наблюдали как китайцы собирают рисовые колоски в тугие пучки и бьют их о край большой корзины, куда сыплются рисинки. Также, как и на севере, бегают по улицам собаки, а значит и на юге китайцы – обычные люди, не кушающие все, что движется (врут слухи). По дороге мы купили шикарных местных бананов по юаню за полкило и манго, по два юаня за полкило. По дороге мы пару раз наблюдали как начинаются и кончаются в тропиках дожди: 13:00 – синее небо, белые облака, солнышко светит, птички поют незнакомыми голосами, 13:01 – серое небо, проливной дождь, слышен лишь шум дождя. 13:20 – тоже самое, 13:21 – опять солнышко. Чудеса, да и только. Едем под

тропическим ливнем по горной размытой дороге, над дорогой нависают пальмовые листья и бамбук, то там, то здесь мелькают бамбуковые хижины (кирпичных тоже много, но к ним мы уже привыкли, а бамбуковые пока еще бросаются в глаза), то справа, то слева появляются плантации бананов и сахарного тростника, мы все по уши заляпаны соком манго (манго были переспелые, а потому очень сочные и сладкие, так что в трясущемся автобусе мы все перепачкались ярко-желтым соком, и теперь ехали чумазые, липкие, но очень довольные). Приехали в Жиангчен. Водитель автобуса позвонил по данному ему телефону, и, спустя 10 минут подъехал Жоу Ти Жонг – тот самый друг – просто одетый, ничем особенно не выделяющийся внешне человек. Он снял нам в ближайшей гостинице не менее шикарный номер, чем в Пукавской гостинице (даже с ванной!), нашел нам переводчика, и через него объяснил, что сегодня мы отдыхаем, а завтра сутра он договорится о том, чтобы нас бесплатно отправить в Лаос на автобусе. Итак, мы опять в шикарном номере, у нас есть свой кулер, на дверцах большого шкафа мы развесили постиранную в ванной палатку и подмоченный в пути спальник. Вечером Жоу Ти Жонг привел переводчика и отвез нас в замечательный ресторан. Мы пытались объяснить через переводчика, что это для нас слишком шикарно, мы не можем позволить тратить на нас столько денег, но переводчик сказал, что Жоу Ти Жонг очень богат, и он может позволить себе заказать для нас абсолютно любое блюдо. Мы заказали жареную картошку с грибами. Ностальгия. После ужина мы отправились в гости к Жоу Ти Жонгу и его семье – у него трое детей (для Китая – большая редкость), да еще племянник дома живет. Но так как живут они в трехэтажном коттедже, места хватает для всех. Пока мы пили чай с фруктами, хозяйка нажарила нам в дорогу арахиса, а хозяин подарил 6 упаковок шикарного (по его словам, лучшего в Китае) зеленого чая. Спасибо вам, семья. В отель нас отвезли на джипе, по дороге еще подарив специальной армейской еды – сверхпитательных прессованных хлебцов-печенюшек.

День восемьдесят шестой 29.08.07

Жоу Ти Жонг решил сам отвезти нас на границу, по проселочной дороге, в некоторых местах переходящей в непроходимую

грязь, мы выехали на находящийся в 12км от города погранпост. Там, как оказалось, визы не ставят – переход Лаосско-Китайский, международный находится в ближайшей самой северной точке Китая (прямо на север от Куньмина по карте), и до туда 7 часов езды на автобусе. Тогда нас отвезли в деревеньку, где живут родители и сестра Жоу Ти Жонга, где мы пробыли до 15:00 в ожидании автобуса. Оказалось, что Жоу Ти Жонг оплатил нам на автовокзале лучшие места в автобусе, также он передал нам через водителя 2 заламинированные фотографии, сделанные вчера вечером у него дома. Разумеется, мы подарили ему олимпийский рубль, а его сестре – просто российский рубль – на память. Весь вечер любовались видами через лобовое стекло автобуса, а когда поздно ночью добрались-таки до места, отправились за город в поисках места для ночлега. Ночевали в 10 метрах от обочины дороги в кустах – дальше было не отойти – город расположен между двумя горными грядами.

День восемьдесят седьмой 30.08.07

Направление потеряно. Застопили легковушку, показав табличку «ЛАОС» (по-китайски), которая везла нас часа два по дорогам без указателей, и высадила в деревне без названия. Оттуда ехали еще с пол-часа на лаосском пикапе, который вывез нас на международную погранзаставу, где нам оформили выезд из Китая (штампик в загранпаспорте поставили), но где находится эта погранзастава мы понятия не имеем. Дальше, еще на одном пикапе – до Лаосского погранпоста, где нам за 30\$ оформляют в течение 5 минут визы на месяц, поменяли 100 юаней на 125000 кип прямо в продуктовом киоске, говорят – курс единый, а дальше – вперед по дороге, уводящей в горы, склоны которых совсем не похожи на китайские – никаких терасс, садов, лесопосадок – только настоящий тропический лес, в котором светло-зелеными пятнами выделяются банановые чащи. Красотища. Сразу полезли в лес искать бананы – попали на заброшенное рисовое поле, промочили ноги, бананов не нашли. Поставили палатку на склоне – под углом 15град к горизонту – больше нигде было.

День восемьдесят восьмой 31.08.07

Идем пешком по Лаосу. Стопить некого, да и не охота особенно – интересно посмотреть на новую страну живьем – не из

окна автомобиля. Вот и первая деревенька –загоревые низенькие лаосцы, отличающиеся крепким телосложением, удивительно красивые дети, искренние улыбки, бамбуковые хижины с соломенными крышами. Экзотика полная. Все с нами здороваются: «Собадии!», и мы тоже здороваемся «Собадии!», пора отвыкать от «Нихао!». Проехали-таки 10км на одном пикапе до крупной деревни с рынком. Ассортимент на рынке впечатляет – три сорта яблок, десяток корзин с жареным мясом и вареные кузнечики, размером с среднюю мышь. Купили яблок за 8000кип – баснословно дорого, но есть охота. Выянили как будет по-лаосски «Спасибо»(Хоптай) и «До свидания», и отправились дальше, искать стоянку. Здесь это не проблема – везде чистые горные ручьи, природа, чистота, людей очень мало. Нашли гроздь зеленых бананов, свисающих с банановой «травы», на ощупь – деревянные, внутри – черные, не вызывающие никакого аппетита. Есть, разумеется, не стали. Вообще, на нерасчищенных от растений участках бананы почму-то не плодоносят. В лесу много неизвестных нам плодов и ягод, все нюхаем и пробуем. Пока ничего съедобного не нашли.

Дни с восемьдесят девятого по девяносто пятый 01-07.09.07

Пытались забраться в джунгли. Забрались, на свою голову. В полдень там сумерки, непроходимость выше, чем в Уссурийской тайге, все дрова – пропитаны насквозь водой, место для палатки найти очень тяжело. Пока пытались развести костер, Дима бамбуком сильно поранил два пальца на левой руке. В одной из деревенок нас угостили чаем, дынькой и рисом – чай здесь пьют холодный, не зеленый и не черный, а какой-то красновато-оранжевый. На вкус – похож на смесь зеленого с ченым с преобладанием черного. Дыньки – похожи на крупные огурцы, зеленоватые, но сладкие. Рис – липкий комочек, который берут в руку и едят, как кусок хлеба. Варят этот рис на пару в специальных плетеных корзинах. Невероятно вкусно! Безо всяких приправ – шедевр. На рынке в Муанг-Сэй, подсмотрели, как варят молодые побеги бамбука, набрали бамбука в лесу, купили вигны и сварили на уличной кухне одной из деревенских гостиниц шикарный бамбуково-вигново-рисовый супчик. Очередной шедевр. Хозяин гостиницы подарил нам рис, бананы и дыньку, помог найти аптеку, замечательный человек. Мы

с ним в одном такси ехали – такси нам само застопилось и согласилось бесплатно подвезти. Такси в Лаосе – что-то среднее между мотоциклом и маленьким грузовичком, в нем около 18 сидячих мест (на лавках вдоль бортов кузова), места для пассажиров сверху накрыты темно-синим тентом, и называют они это почему-то «тук-тук такси». За эти дни нас подвезли три грузовичка и один пикап, водитель которого нас угостил очень вкусными гранатами (зеленоватая шкурка, розовенькие ядрышки, но на вкус – просто чудо). Ночевки приходилось устраивать трижды – под соломенным навесом автобусной остановки, один раз в недостроенной бамбуковой хижине в деревне, остальное время – на природе. Мы умудрились крепко заблудиться и уехать за деревню Вьенть-Кхан, повернули назад, нас добрые люди пытались бесплатно посадить на автобус до Люанг-Пхабанга, но водитель был несговорчив, так что к вечеру 07.09.07 мы были все еще возле Вьенть-Кхана.

День девяносто шестой 08.09.07

Утром отправились пешком в направлении Люанг-Пхабанга, стопить будем по дороге – в северной части Лаоса транспорт ходит с частотой один-два автомобиля в час, причем почти все они груженые под завязку. Нас обогнал пикап, в кузове которого сидели человек восемь вооруженных автоматами Калашникова человек в военной форме, у одного из них наблюдался гранатомет. Как позднее выяснилось – это были местные милиционеры. Табельный гранатомет в такой глуши? От слонов, что ли отстреливаться? Сопровождающий милиционеров джип взялся нас отвезти назад в Вьенть-Кхан, обещая устроить нам бесплатный проезд в Люанг-Пхабанг на автобусе. Водитель завез нас в милицейское отделение, где у нас проверили документы и занесли наши паспортные данные в какую-то тетрабочку. Начальник милицейского отделения неплохо говорил по-английски, он сказал, что в 18:40 подъедит автобус, на который он нас посадит, как добрых друзей лаосской милиции. Сработало. Жаль, что автобус, куда нас посадили, ехал на какой-то Урумкхай (до сих пор не знаю где это). За то повезло, что водитель этого автобуса говорил по-английски и понял, что нам нужно доехать только до свертка на Люанг-Пхабанг, где он нас и сдал добросовестно на попечение

местной милиции. Перекусив зелеными апельсинами, которые здесь продаются на каждом шагу (другой вегетарианской пищи по приемлимой цене не нашлось, в Лаосе вообще с разнообразием меню проблемы), мы сели в другой, предоставленный уже местной милицией автобус, который и довез нас посреди ночи до Люанг-Пхабанга, города, находящегося под эгидой ЮНЕСКО. Из автобуса нас, правда, долго не выпускали – пытались деньги за проезд взять. А что с нас взять – в кармане 19000kip, билет стоит 20000kip за человека. Нету у нас денег, «НЕНЬ МОМИ» (эту фразу мы еще в Китае выучли, один переводчик помог). Снова мы расстроили людей. Жаль. Сами в грусти и печали пошли искать ночлег, по дороге куда-то исчез мой туристический коврик, пристегнутый к рюкзаку (в автобусе был!), ночевали в строящемся неохраняемом коттедже.

День девяносто седьмой 09.09.07

Пошли искать коврик. Не нашли. Пошли искать банк, чтобы обменять юани на кипы. Не нашли – воскресенье. Работают только очень не выгодные для нас обменные пункты (110000 kip за 100 юаней). Решили остаться в городе до завтра, найти-таки рабочий банк и поменять деньги. В случае, если в банке будет также не выгодно, поедем опять на границу. Весь день ходили по городу, дивились астрономическим ценам (по сравнению с Китаем) и обилию иностранцев. Цены в городе Российские. Нам здесь жить не по карману. Исторические памятники все платные. Да и не до них сей час. Кушать охота. Купили ананас (5000), кокос (4000), и некондиционных уцененных яблок (3000 за кг). Напросились к розетке сначала в один, дорогущий ресторан (писали часа полтора, потом нас вежливо попросили уйти) а потом в другой, совсем не дорогой уютный ресторанчик, где и дописали оставшиеся письма и сообщения на форум. Надеемся, завтра их удастся отправить. Пытались найти ночлег в буддистском монастыре, но нас не пустили, сказали, что с нами, иностранцами, одни проблемы. Одна продавщица, ставшая свидетельницей нашей неудачной попытки, так к нам прониклась, что подарила нам 2.5л отличной воды. Она бы и еще больше подарила, так помочь хотела, но я ей объяснила, что все это нам предстоит на себе нести, так что огромное спасибо, 2.5л – это более, чем достаточно. Но-

чевали в городском парке.

День девяносто восьмой 10.09.07

Блин! Все банки закрыты на 2 дня. Блин! Мы вчера все оставшиеся кипы проужинали! Удалось узнать у прохожей англичанки, что торговцы ювелирными украшениями предлагают выгодный курс. Ура! Это правда! Обменяли 216 юаней по курсу 125000кип за 100юаней, после чего немного поразмышляли, и обменяли всю оставшуюся наличность на доллары. Проще будет за визы на границах расплачиваться. Отправили сообщения через интернет и сели думать, что делать дальше. А поехали во Вьетнам! Поехали! Жаль, консульство искать придется, там на границе визы не ставят. Оказалось, что в Люанг-Пхабанге есть Вьетнамское консульство, виза стоит всего 30\$ и оформляется 3 дня. Пошли, заполнили анкеты, заплатили 60\$ и отдали загранпаспорта на оформление виз. Свободны до 14 сентября. На радостях пошли на рынок, в надежде покушать, не дошли – начался тропический ливень, волей случая, спрятались мы от него в том самом недорогом ресторанчике, где прежде писали сообщения. Покушали досыта на 23000кип, а нам после этого еще и по новенькой оранжевой фирменной футболке подарили (очень вовремя, я как раз сегодня себе новую маечку на рынке присматривала, старая совсем износилась). Оказалось, что владелец – амереканец. Я поинтересовалась у него, нет ли поблизости места, где мы могли бы простоять с палаткой 3 дня, он сказал, что есть – в 2 минутах ходьбы от ресторана (он называется Lao-Lao Garden). Американец проводил нас до этого места, и сказал, что мы можем свободно пользоваться туалетом (он же – душ) и розетками в его ресторане в течение этих дней. Здорово!

День девяносто девятый 11.09.07

Странная особенность городских участков Люанг-Пхабангцев – на каждом дворе по 1-2 петуха или индюка, и орут они все хриплыми голосами одновременно – начиная с 6:00, заканчивая в 8:00 (или позже), некоторые могут орать до потери голоса часа полтора без остановки, их тут же сменяют другие. Наша палатка стоит на пустыре, недалеко от жилого сектора, так что утром мы слушали петушино-индюшачий хор, который навел нас на мысль о том, зачем на рынках этого города продаются ро-

гатки. Я думаю, что это нехитрое приспособление служит аналогом кнопки выключения сигнала будильника. Сложили палатку, оставили в ресторане рюкзаки и целый день гуляли по городу. Как здорово ходить без рюкзаков! Вечером сели описывать пропущенные дни на ноутбуке.

День сотый 12.09.07

В 3:40 нас разбудили сумасшедшие петухи. Около 9:00 мы снова отнесли рюкзаки в Lao-Lao Garden, а сами отправились гулять по городу в поисках дешевой еды и нового туристического коврика. Нашли и то, и другое – кокос (4000кип), с которого на этот раз удалось добыть аж два стакана кокосового молока, которое, почему-то на вкус напоминало кокосовый квас, и 5кг бананов, которые обошлись нам в 5000кип (12руб). Коврик нашли замечательный – по площади – на все дно нашей палатки, по объему – чуть больше моего старого, утерянного. По цене – 11000кип. Нормально, но кушать теперь придется пореже. Обнаружили в центре города еще два невиденных нами буддистских храма. Красиво, но таинственность святыни они, также, как и все остальные, утратили в тот момент, когда возле входа была вывешана табличка «Купите, пожалуйста, билет за 20000кип, спасибо». Наше внимание на территории храма привлекли только очень старые деревья, покрытые эпифитами. Монахи в оранжевых одеждах, позолота, зеркальная мозаика – все производит впечатление бутафории, неискренности. Жаль.

День сто первый 13.09.07

Как приятно начать день с прохладного душа! Третий день мы принимаем душ по утрам, и счастливы от этого невероятно. Опять день экскурсий налегке и описания предшествующих событий на ноутбуке. В 18:00 открывается «вечерний рынок» по всему городу, мы решили отложить дела на завтра, и погулять по этому рынку. Не зря. В основном везде продается этническая одежда, ковры, сумки, покрывала, расшитые вручную, самотканная ткань, кое-где можно встретить предметы старины – статуэтки Будды из бронзы и камня, старинные монеты, бусы, браслеты. Мы на все это с интересом посмотрели, поулыбались продавцам, и отправились искать чего-нибудь поесть. Нашли мы вегетарианскую передвижную кафешку, которая специально приезжает только на

вечерний рынок. Представляет собой большой стол, на котором стоит дюжина металлических контейнеров с различной пищей, стопка тарелок, стаканчик с вилками, ложками и китайскими палочками, а также вывеска: «ВЕГЕТАРИАНСКАЯ ЕДА, НЕТ МЯСА! 5000 кип за тарелку». Мы навалили себе по максимальному количеству еды на три тарелки, заплатили за это богатство 15000 кип, и впервые в Лаосе облопались. В ресторан за рюкзаками пошли вразвалочку, поглядывая на товары, которых мы непременно накупили бы, если отправлялись после Лаоса в Россию. Одежду из натуральных тканей у нас по таким ценам не купишь. На этом рынке можно отлично одеться с ног до головы на 1000 российских рублей. Правда, выглядеть ты при этом будешь сверхэкзотично (вся одежда расшита традиционными лаосскими узорами, изображениями животных, людей, растений и рек.

День сто второй 14.09.07

Петухи достали. Сегодня была первая, проведенная на этом месте ночь, когда нас не заливал тропический ливень. Очень приятно сутра вылазить из палатки в сухие кусты и не проваливаться в грязь по щиколотку. Отличное утро. Дима заштопал свои, уже изрядно износившиеся, штаны, я дописала дневник, и мы отправились в интернет-клуб, где по цене 100 кип/мин отправили домой письма и фотографии. Вьетнамские визы получили без проблем, жаль только, что открываются они именно 25 сентября, а значит у нас еще одиннадцать дней на то, чтобы добраться до границы, до которой здесь пешком за неделю дойти можно (ок. 300 км). Во вьетнамском консульстве нас все были очень рады видеть, рассказали, что во Вьетнаме русских любят, так как помнят, как сильно, в свое время, СССР помогало их стране, нам подарили две брошюры о Вьетнаме и отличную карту на английском языке. Дима перерисовал дорогу до границы, с английскими названиями населенных пунктов, с висящей на стене консульства карты Лаоса, а то наша китайская карта нас уже один раз завела куда попало (хотя... не пиняй на зеркало...). Покинули консульство довольные, быстро нашли выход из города и отправились искать ночлег. В 18:30 увидели указатель, уводящий направо в горы: «Waterfalls 2,8 km». Как было бы здорово переночевать у водопада! Жаль, до заката всего час, а спины уже требуют отдыха. Ничего,

потерпим, водопад, наверняка, стоит этого. В 19:00 мы уже были уже возле билетной кассы, которая (спасибо, господи!) уже была закрыта, и все сторожа ушли домой, так что мы ее благополучно миновали и отправились на поиски обещанного водопада, который маняще шумел где-то за горным утесом. Ух ты! Настоящий! Внизу был настоящий высокий водопад, а над ним по ущелью протянулся целый ряд шикарных каскадных водопадиков, теряющихся в тропической зелени. В эту зелень и уводила мощеная дорожка от билетной кассы, тада же вел указатель, с надписью «Waterfall №1 370m», на нижний водопад указывала табличка «Waterfall №2». До первого водопада не дошли, палатку поставили под удобным соломенно-бамбуковым навесом, в метре от каскадного водопада. Вода вымыла в скальнике очень удобные ванночки, и теперь водопад образовал террасы различных форм и размеров, с которых во всех направлениях с шумом стекала чистейшая прохладная (не холодная) вода. Мы с Димой выбрали себе по ванночке, и отправились мыться (Дима полез повыше, там ванночки были глубиной в человеческий рост, а я спустилась пониже, там, наоборот, можно было найти неглубокую ванночку, в которой можно с комфортом лежать). Так как кроме нас, в округе никого не было, я решила помыться голышом, моя ванночка была по форме похожа на современную «Джакузи», в нее полукругом сбегал поток, вода бурлила по всему объему от дна до поверхности, мало того, когда я уселась спиной к потоку, подставив голову под водопад, оказалось, что в камне вымыто идеальное кресло для гидромассажа. Нужно ли говорить о том, как не хотелось мне покидать это место? Душ Шарко, совмещенный с «Джакузи», шум водопада, прекрасные горные виды и, наконец-то, никаких туристов и местных жителей. Полный покой. Теперь каждый раз, принимая ванну, я буду вспоминать это прекрасное место. Сильный и быстрый поток воды смыл с меня всю грязь, безо всякого мыла, даже голова, как ни странно, отмылась. В палатку вернулась счастливая и сияющая чистотой уже в темноте. Дима, оказывается, нашел такую же «Джакузи», только глубиной ему по шею, где вода тоже бурлила по всему объему. Мы закинули в эту природную стиральную машину наши грязные и вонючие спальники, в надежде что они, так же как и мы, отстираются без мыла. Развесили на бам-

буковой ферме навеса мокрые спальники и улеглись спать. Спасибо тебе, планета Земля, на которой есть такие водопады!

День сто третий 15.09.07

Все утро бродили по водопадам, смотрели, фотографировали, наслаждались. Вышли часов в 10, мило поздоровались с охранником на билетной кассе и, как ни в чем не бывало, отправились на дорогу. По дороге познакомились с девочкой Асимонг, и мальчиком Яий, которые пригласили нас в гости, но плохо объяснили, где они живут, так что мы к ним так и не попали. Застопили пикап, уехали до последнего крупного города перед вьетнамской границей. Купили бананов на рынке и пошли искать ночевку. За городом обнаружился отличный холм с плоской вершиной, на котором мы и встали.

День сто четвертый 16.09.07

Весь день провели на холме, варили на костре рис, купались в близлежащем озере, отдыхали. В 16:00 пошли дальше по дороге. Встретили Као – парня, который пригласил нас в гости на пару дней. Мы согласились у него переночевать. Познакомились с бытом городских жителей Лаоса. Дом пустой, мебели почти нет, пол покрыт плиткой (по словам Као, это чтобы легче было гусениц выметать), на кухне пол земляной, в углу – простой костер с металлической подставкой-треногой, на которой греется чайник. Нас накормили ужином, Као живет только со своей мамой, остальные члены семьи живут каждый в своем доме. Као пока студент, но мечтает тоже купить свой участок и построить дом. Интересен прилегающий к дому участок – папайя, несколько бананов, чай, фасоль и множество неизвестных нам растений. По словам Као бананы зреют не сезонно, а круглый год, так что, имея достаточно большую плантацию бананов, можно есть их каждый день. Плодоносить банан начинает через год-два после высадки в грунт. Сажаят здесь все очень просто – втыкают веточку в землю и ждут, пока она укоренится. Узнали от Као о политической ситуации в стране. Оказывается, лаосцы платят за землю, на которой живут, за воду, которая есть на их участках, за рыбу, которую они вылавливают в реках, а охотиться можно только раз в 7 месяцев, и убивать не более двух птиц. Охота на другое зверье запрещена. Поэтому все такое дорогое. В храмы

входы платные также по приказу правительства, все деньги у монахов потом забирают, они идут на ремонт дорог, т.к. только за счет хороших дорог есть товарооборот с деревнями. А на деревнях держатся все города. Промышленность в Лаосе развита слабо. Нас угостили шикарными бананами со своего огорода, и постелили циновки в зале на полу. Пара подушек и москитные сетки, похожие на гигантские синие сетчатые аквариумы-параллеллепипиды, подвешанные к потолку, вот и вся кровать.

День сто пятый 17.09.07

Утром попрощались с Као, пожелали ему сбычи мечт и отправились назад на дорогу. Шли весь день.

День сто шестой 18.09.07

Долго шли, застопили пикап, ехали в кузове, так что не смогли вовремя показать, что нам пора выйти. Нас увезли с трассы в уединенный ресторан, накормили рисом и бамбуком с красным перцем и отвезли обратно на трассу. Не плохо, но на это ушло около трех часов. Закат близок. Ночевать легли на кукурузном поле, недалеко от деревни. Устали. В 20:00 пришла толпа дружинников во главе с англоговорящим парнем, они заставили нас свернуться и пойти спать в деревню. В деревянном домике на трехметровых сваях жила семья брата англоговорящего дружинника. Нас накормили ужином и отвели нам целую комнату. Из мебели – два матраса на полу, подушки, москитные сетки над ними. У входа – фильтр для воды на тумбочке. Все. У меня еще и одеяло оказалось под подушкой. У Димы – нет. Англоговорящий парень сказал, как по-вьетнамски будет «нет денег», до 22:00 мы прослужили аттракционом для жителей деревни, которых в комнату набилось человек сорок. Потом нас наконец-то оставили в покое.

День сто седьмой 19.09.07

Сутра пораньше раскланялись с радушными хозяевами и пошли в направлении границы, в 7:00 откуда-то приехали на мотоцикле два милиционера, потребовали паспорта. Пока они заносили нас в какую-то тетрадочку, мы разложились на обочине дороги. Надоело все. Надоели все. За весь день мы проехали только три километра на маленьком грузовичке, остальное время шли пешком. Оказывается, Дима ночью сильно замерз, а у меня от запаха пыли от одеяла, под которым я спала, начались первые при-

знаки бронхита. Дима шел невыспавшийся, а я больная. Решили поставиться засветло – в 18:00 (закат в 19:20). Поставились в непросматриваемом с дороги местечке, недалеко от горного ручья, Дима вскипятил чаю, а я лежала в палатке. Голова раскаляется, спина болит, ноги не держат, да еще этот жуткий грудной кашель. В 20:00 опять пришла толпа дружинников, чего-то нам кричали, но нам было на них плевать. Спать хотелось безумно. Тогда они достали где-то мерзкие свистки и начали так жутко свистеть, что у меня чуть голова не лопнула. Я обложила их примитивным русским матом. Дима долго пытался объяснить, что мы ничерта на их языке не понимаем, что мы устали и **ОЧЕНЬ** хотим спать. Нифига не помогло. Приехал англоговорящий милиционер, наши рюкзаки обыскали, документы проверили, заставили свернуть палатку и отвезли в гостиницу на границе с Вьетнамом. Бесплатно, разумеется. Пошло оно, ваше гостеприимство, куда подальше. В номере была одна полупораспальная кровать, и одна свечка. Все. Уроды. Вас бы так. Достали.

День сто восьмой 20.09.07

На завтрак милиционеры принесли нам кофе и апельсины. Спасибо, очень признательны, но мы вам еще не простили вчерашнее. На обед они пытались загладить вину рисом с мясом и зеленью (все в отдельных тарелочках), что им, в принципе, удалось. Мясо мы оставили мухам, им оно явно пришлось больше по вкусу. Через два часа после обеда вчерашний англоговорящий милиционер сказал, что договорился с пограничниками, и нас впустят во Вьетнам на пять дней раньше. Ура! Прощай опостылевший, сидящий в печенках и снящийся в кошмарах Лаос!! Мы быстро собрались, поставили в грязной конторе, где за пыльным стеклом сидел, так и не рассмотренный нами как следует лаосский пограничник, необходимые выездные штампики, и пошли в чистенькое здание, белеещее в 300м, которое являлось вьетнамской погранзаставой. К нам на встречу вышел улыбающийся вьетнамский пограничник и пригласил внутрь. Там он оформил нам бумажку, в которой говорится примерно следующее: «Я, славный вьетнамский пограничник, пропустил двух этих замечательных ребят через границу на 5 дней раньше положенного срока по причине того, что в этой ненормальной стране Лаос не нашлось двух квадрат-

ных метров, где они могли бы провести эти дни». Только, разумеется, на официальном бланке, с паспортными данными, подписями и печатями. Потом он помог обменять нам наши кипы на донги по курсу 1000кип=1200донг (но т.к. у нас было лишь 7000кип, то стало 8000донг, т.к. мельче 1000 у них на границе донги не водятся). Он же усадил нас в отъезжающий попутный джип, водитель которого отлично говорил по-английски, а 2 пассажира относились к тому поколению, практически все вьетнамские представители которого немного говорят по-русски. Мы быстро нашли общий язык и эта компания пригласила нас на ужин в ресторан в ближайшем городке (25км от границы), где, сразу по приезду, еще и сняла нам шикарный двухместный номер в гостинице. Ребята подарили нам здоровую упаковку кешьевого печенья (!) и помогли составить русско-вьетнамский разговорник. Спасибо, ребята, спасибо, братья вьетнамцы.

День сто девятый 21.09.07

До 12:00 наслаждались покоем в гостинице, потом побродили по местному рынку. Цены такие же астрономические, как и в Лаосе, но продавцы гораздо дружелюбнее. Купили булочки и дыньку (на дыньку денег не хватало, пришлось добавить четыре русские железячки, продавщица долго сопротивлялась, но потом сжалась, и взяла-таки сувениры), местные ребята угостили нас тамариндовым напитком и пивом, напиток выпили (вкус необычный, слишком сладкий, приятный, но тратить на это деньги мы не будем), а пиво обменяли в одном магазинчике-киоске на большую пачку печенья (450г). Только вышли за город и встали стопить, как подъехал вчерашний джип. Оказывается, ребятам пришлось срочно вернуться утром в Лаос и теперь они снова едут в Ханой. Нас взялись подвезти до побережья. На обед и ужин они снова приглашали нас в рестораны, из интересных блюд – лепешка, похожая на гигантскую сушеную чипсину с кунжутом. На вкус похожа на злаковые хлебцы, распространенные в России. На нее денег тоже тратить не будем – она почти невесомая, наестся ей невозможно. На прощание ребята нам оставили еще одну пачку печенья. Спасибо. Мы им подарили рубль с Лениным. Добрели до побережья Южно-Китайского моря. Уже ощущается близость океана. Искупались и легли спать прямо на песке на берегу.

Дни сто десятый – сто стодвенадцатый 22-24.09.07

Весь сто десятый день на берегу, вечером нас пригласили спать под навесом на территории отеля бесплатно, днем, правда, попросили покинуть заведение, так что остальные дни мы провели так же на берегу. Надеемся отоспаться. Я надеюсь на выздоровление. Если бронхит, вернусь в Новосибирск. Тяжело. Обменяли в банке 10\$ на 150000 донг. Дима каждый день ходит на рынок, покупает фрукты. Налеем на витаминосодержащие гранаты, а то у обоих явный авитаминоз. Дима купил плавки. Более низкого качества мы раньше нигде не видели, но лучше здесь не продают. Швы не оверложены, закрепок в конце шва нигде нет, строчки кривые. Кошмар. Придется все швы заново прошивать и оверложить. Обошлось нам это полуфабрикатное барахло в 29донг (73 руб). В ночь на 24 у нас сперли обе пары крассовок. Дима понял, что мою пару любой вор выкинет сразу, как рассмотрит как следует – протекрот стерт, и вообще дарка на дырке, так что сутра пораньше пошел искать их на ближайшей помойке. Нашел. Воры поленились их далеко нести и раскидали прямо по пляжу. Димина пара пропала бесследно. В этот же день мальчишки украли у нас маникюрные ножницы. Вечером начался дождь и очень сильный ветер. Видимо, это тайфун. От тайфуна прятались под близлежащим отелем – владелец провел нам туда свет и помог найти защищенное от дождя и ветра место.

День сто тринадцатый 25.09.07

Пошли назад на трассу. Дима – босиком, я – с убитым видом. По дороге нам несколько раз прохожие предлагали подарить шлепанцы, но в них у Димы быстро натираются мозоли, так что мы отказываемся. Проезжающие мимо интересуются кто мы и откуда. Рассказываем. Силы покидают. В конце концов садимся отдыхать на мосту. Собирается толпа соболезнующих, ребята собрали нам 70000донг в подарок и застопили два мотоцикла до ближайшего города Вин. Прокатились с ветерком и пошли выбирать из города. Тяжело. Не дойдем. Попросились переночевать в палатке во дворе одного из домов. Не пустили. В другой пустили. Владельцы – 79-и летняя семейная пара. Дедушка – бывший командор, воевал с США, уважает Путина. Хозяева накормили нас, но у меня пропал аппетит, так что есть я не смогла. По телеви-

зору как-раз заседал наш президиум и Путин вещал что-то с трибуны голосом вьетнамской переводчицы. Лица какие-то уже незнакомые. Блондинка в президиуме заседает, с умным лицом, сосредоточенным взглядом. Дожили. Что за фигня у вас в России творится? В наше время про них только анекдоты рассказывали. Нас уложили спать на хозяйской кровати – вместо матраса – простая циновка, сверху подушечка и москитная сетка. Тоненькое одеяльце дали одно на двоих, я его приватизировала, сославшись на болезнь. Дима был не против, спасибо ему.

День сто четырнадцатый 26.09.07

Сутра нам приготовили завтрак, и я, чтобы не обижать хозяев, даже чуть-чуть поела. Завтрак состоял из супа из быстрозавариваемой вьетнамской лапши (гораздо лучше китайской, перца меньше) и белых длинненьких булочек, которые здесь вместо хлеба. Вьетнамцы макают хлеб в суп, а потом откусывают мокрую булочку, заедая ее лапшой. Вкусно, надо заметить. В дороге нам дали булочек, вьетнамских чоко-паев и 50000донг. От денег мы долго отказывались, но старички через внука передали нам, что смертельно на нас обидятся, если мы не возьмем их подарок. Пришлось взять. Подарили им старый рубль. Вышли из города Вин, через 10 метров начался какой-то еще город. Сил идти больше нет, стопить негде. Я легла у обочины дороги на коврик. Хозяйка близлежащего домика накрыла мне циновкой лавку в своем дворике и вынесла плетеную подушечку. Диме она вынесла табуреточку. Предлагала какие-то таблетки, но я отказалась. Тогда она решила нас как-следует накормить – нам принесли корзину фруктов, целый арбуз, несколько кукурузных трубочек в шоколаде, бутилированной воды, соседский дяденька купил нам две булки нарезного хлеба и баночку маргарина. Я с трудом запихала в себя несколько кусочков арбуза, пол-апельсина и банан. Один из соседей немного говорил по-русски, так что нам удалось выяснить, что рядом есть буддистский монастырь, где нам могут помочь. Нас туда отвезли соседи женщины, котрая нас кормила (она же всю оставшуюся еду упаковала нам с собой), сдали на руки поварихе (монахи все были на молитве), после чего девушка-соседка приехала еще раз, привезла упаковку из 6-и тетрапаков с шоколадным молоком и кеды для Димы. Кеды были маловаты, так

что пришлось отказаться. Спасибо вам, добрые люди. Повариха уложила меня на кровать, покрытую циновкой, дала одеяло и подушку, и я отрубилась. Помню, что мне постоянно мерили пульс и щупали лоб на наличие температуры. Не знаю, что нащупали. Вечером пришла женщина-лекарь с какой-то жидкостью, по запаху напоминающей вьетнамскую звездочку (может она и была?), и намазала мне ею лоб, виски, горло, позвоночник по всей длине и икры ног – как раз то, что у меня больше всего болело. Дальше я опять отрубилась. Слышала сквозь сон, что Диму накормили, и даже слышала, что он остался очень доволен едой. На ночь нам освободили одну монашескую келью, в которой стояли две кровати, шкаф с зеркалом и разобранный, но рабочий компьютер. Часов до 22:00 нас раз пять посетили хозяева кельи, чтобы забрать какие-то вещи и пожелать спокойной ночи.

День сто пятнадцатый 27.09.07

До 16:00 я спала, а Диму монахи весь день откармливали вкусной и здоровой пищей. В 16:00 местная милиция узнала, что в монастыре появились иностранцы и нас вежливо попросили покинуть заведение. При чем монахам было так совестно за то, что им не удалось окончательно меня вылечить, что они, не переставая извиняться, надарили нам в дорогу полный пакет фруктов, большую пачку печенья, бутилированную воду и четыре свечки. Чудесные монахи. Мы поползли по дороге дальше. Ноги еле поднимаются от асфальта, так что далеко уползти не удалось, ночевку пошли просить на территории автошколы в 400м от монастыря – там виднелось неплохое место у реки. Хозяева автошколы жестами объяснили нам, что река может разлиться, и нашу палатку унесет, так что лучше ночевать в подсобном помещении. Спорить сил небыло, так что мы поставили палатку на лавках в подсобном помещении, предоставленном в наше распоряжение любезными хозяевами, которые, к тому же, подарили нам на ужин пакет чокопаев и два тетрапака молока (с годовым сроком годности). Вечером хозяйка принесла мне бутылочку средства, пахнущего вьетнамской «звездочкой», намазала им мой лоб и виски, и показала, что я должна делать то же самое каждый раз, когда голова будет болеть. Спасибо ей. Поужинали фруктами с чоккопаями и легли спать. Всю ночь снились кошмары.

День сто шестнадцатый 28.09.07

На Land Cruisere проехали около 200км, водитель оказался братом владельца ресторана, находящегося на берегу океана. По близости – только крохотный поселочек и штук шесть пустующих отелей. Тишина, красота. В отеле при ресторане по случайной случайности как раз остановилась девушка, шесть лет прожившая на психолога в России. Когда мы сели за столик, наш водитель что-то сказал девушке, и она переспросила нас: «русский?». Это слово знают многие вьетнамцы, так что мы не удивились, и согласно закивали головами. Удивились мы, когда девушка ответила без малейшего акцента: «не похож». Оказывается, она говорила с Димой. Она приняла его за испанца. Да, загар у нас сейчас совсем не российский. Нас угостили свежесвыловленными и свежесваренными кальмарами и шикарней жареной океанской рыбой неизвестной породы. Мы были так голодны, что временно забыли о своем вегетарианстве, а когда рыба закончилась, снова о нем вспомнили. Нам положили с собой в пакетик риса и каких-то вареных растений, а также свежей зелени. Девушка показала нам тихое место, по ее мнению не посещаемое местными жителями, в котором мы поставили палатку. Весь вечер купались в чистом теплом океане, везде песочек, красота. Неужели наконец-то отдохнем? Нет. Ночью пришел заботливый владелец ресторана, и через девушку пригласил нас бесплатно поужинать и переставить палатку к ресторану – в лучи прожектора, мол, местные бесчинствуют, опасно здесь спать. Нет уж, сами спите в лучах прожектора, и так уже четыре месяца, как на выставке живем, хватит, надоело быть обезьянкой в зоопарке, тишины хотим. Сказали спасибо, уснуть смогли не сразу – долго мерещились бесчинствующие местные жители.

День сто семнадцатый 29.09.07

Местные пришли утром, один прямо у нашей палатки стал ощипывать мертвую красивую белую птицу, другой знаками показал – «проваливайте отсюда». Сели в 10м от палатки и стали ждать, пока мы уйдем. Белые перья липли к промокшей под дождем палатке. Очень неприятно. Пошли в ресторан, я попросилась на кухню – сварить нашу лапшу и рис, мне поварята помогли это сделать, так что теперь я знаю, как без пароварки сделать

липкий рис. Нас опять угостили овощами, пытались угостить рыбой, но мы уже небыли очень голодными, так что отказались. Пошли по трассе, вышли за туристическую зону, встали. Часа через три остановился «Шевроле», недоехали до Дананга каких-то 14км. Ехали весь оставшийся световой день, так что снова оказались в незнакомом городе без знания местного языка, без денег и без понятия, где ночевать. Шел дождь, так что мы прошли около пяти километров, купили на ужин розовых неведомых фруктов с белой сладкой мякотью (мы их называем «розовые штуки»), спрятались под навес закрытого дома. К нам постоянно подходили англоговорящие вьетнамцы, все – студенты, живут в общежитии, рады бы помочь, да нечем. Двое ребят подарили нам 10000донг, а один парнишка – пачку печенья, спасибо им большое. Поужинали еще раз печеньем и легли спать в спальниках прямо под этим навесом, в метре от трассы. В три часа ночи пришла хозяйка дома, жестами попросила нас уйти, но дожидаться, пока мы соберемся не стала, сама схватила наш туристический коврик, скинула с него спальники прямо в грязь и отнесла коврик под другой навес. Состояние – хуже некуда. Дима всю оставшуюся ночь сидел на поребрике, я еще немного поспала. Комары нас кусали с ног до головы, мне безумно хотелось вернуться домой в Новосибирск.

День сто восемнадцатый 30.09.07

Оба выглядим, как зомби. Весь день шли. Дошли до Дананга, купили новые маникюрные ножницы. На рынке купили кокос, выпили полтора стакана кокосового молока, одна прохожая девочка помогла нам кокос почистить – технология такая – бьешь его до тех пор, пока он сам не развалится, и потом еще слегка постукиваешь обломками об асфальт, после чего останется только немного поддеть мякоть кокоса ножом, и она сама легко отделится от кожуры. Пока мы ели кокос, добрые вьетнамцы подарили нам множество всяких пирожных (в сумме – 38 штук), и две полторашки отличной воды. Наше настроение немного поднялось, и мы отправились на выход из города. Нашли какой-то парк, поели в нем пирожных с чаем (кипяток попросили в ближайшей кафешке), дождалась темноты и поставили палатку в самых дебрях парка, пока дошли до этих дебрей, изрезали колючками все ноги и чуть не провалились в живописное парковое болото.

День сто девятнадцатый 01.10.07

Проснулись под стук топора – кто-то что-то рубил в парке. Собрали палатку и пошли дальше. Как приятно, когда никто посреди ночи тебя не будит. Часа два шли по трассе, по пути пытались стопить – без толку. Купили картошки и репчатого лука на рынке, добрая продавщица подарила нам еще одну большую картошину и пучек зеленого лука. Попросились в ближайший дом пожарить все это. Нас путили. Вьетнамцы в домах готовят все на газе, вообще обычное вьетнамское жилище очень похоже на обычный европейский домик, только участки, на которых стоят дома узкие и длинные, поэтому и сами дома узкие, длинные, и, иногда, высокие (до пяти этажей, но обычно – 2-3 этажа). Покушали жареной картошки с луком, смотреть, как мы ее готовим, собрались все соседи и жители дома. Мы их угостили, поэтому сами не наелись. Попили чаю, поблагодарили хозяев, и пошли дальше. Одна англо говорящая женщина угостила нас бананами и пригласила в гости. Оказалось, что у нее 11 детей – 7 мальчиков и 4 девочки, причем выглядит она отлично, лет на 45 (на самом деле ей 57), она разрешила нам выспаться в ее доме днем, но на ночь остаться просто не где – 11 детей – это не шутка. Выспались, вернулись на трассу. Встали. Один грузовичек провез нас километра три, зашли на рынок, цены несусветные. Пошли дальше. Начался ливень. Спрятались под навес возле одного из закрытых домов. Просидели там до вечера – ливень только усилился. Вечером приехала хозяйка дома, под навесом которого мы сидели, открыла дом и пригласила нас на ужин. Кушать хотелось, так что на этот раз я даже не побрезговала жареным мясом с луком и помидорами. Дима гордо кушал уже в печенках сидящий рис, так что специально для него молодая хозяйка пожарила яичницу по-вьетнамски – яйца разбивают, немного перемешивают и выливают на сковородку, дважды переворачивают широкой лопаточкой и разрезают на части – вроде еще не омлет, но и уже не глазунья. Вкуснятина! На ночь нас пригласил в гости сосед девушки, объяснил жестами, что в такой ливень спать в палатке будет не очень комфортно. Он прав. Нам предоставили детскую на втором этаже его дома, наконец-то тихое и уютное помещение, где я смогла понастоящему хорошо выспаться.

День сто двадцатый 02.10.07

Чувствую себя значительно лучше, нас накормили завтраком, угостили очень вкусной красной хурмой и отвели в интернет-клуб, чтобы скинуть сообщение на форум. Слава богу, интернет во Вьетнаме дешевый – меньше пяти рублей за час. Дождь все не прекращался, лило, как из ведра, так что хозяева предложили нам остаться еще на одну ночь. Весьма удачно. После обильного обеда, основу которого, как, видимо, и по всему индокитаю, составил рис, я отправилась спать, а Дима сел работать на компьютере. Лежа в уютной детской на покрытой простой циновкой деревянной кровати и глядя сквозь окно, которое искажало действительность из-за потоков хлещущей с неба воды на папайю, листья которой постоянно выворачивало и крутило порывами сильного ветра, я думала о том, как хорошо, что мы сей час не на трассе. Как хорошо, что на свете столько добрых людей, которые могут приютить путников. Как замечателен мир, в котором мы живем, и как мало, порой, мы ценим его. Как часто забываем, какие чудесные люди нас окружают. Если бы все помнили о том, что люди такие хорошие, никто не стал бы ругаться на рынках и в транспорте, так как знал бы, что он ругает замечательного человека, что ради пяти рублей за килограмм яблок не стоит торговаться с бабушкой, у которой, возможно, десять внуков, которых она очень любит. Мир был бы гороздо добрее, если бы знал, на сколько он добр. Вечером нас угостили безумно вкусным грейпфрутом – он совсем не похож на те горькие грейпфруты, которые продают в России. Вообще, хозяева дома, где мы остановились, оказались продавцами фруктов, так что нас угощали сегодня отборными яблоками, грушами и папайей. Папайя – та же дынька, только розовая и аромат другой. Тоже сладкая. Вечером хозяйка, мать четверых детей, из которых три – девочки, подобрала мне из семейного гардероба четыре летних костюма, в которых ходят почти все вьетнамки, многие лаоски, и китайянки. Костюмы очень легкие и удобные, поэтому я их с благодарностью приняла. Отлично понимаю, почему она решила мне их подарить – штаны мои грязные и заштопанные на коленках, а юбка – сильно выцветшая, тоже вся перештопанная и дырявая (некоторые дырки не поддаются штопке). Долго примеряла обновки и дифилировала по дому,

очень приятно одеть новую одежду, когда несколько месяцев ходишь в одном и том же. Все-таки девченки, мы и есть девченки, даже в таких дальних и тяжелых путешествиях.

День сто двадцать первый - сто сорок седьмой 03.10.07-29.10.07

3 октября - Димин день рождения. Я встала пораньше, вскипятила чаю и подарила ему стакан зеленого чая и веревочку от моего пиратского медальончика – Димина веревочка от кедра порвалась пару дней назад, так что подарок оказался чень к стати. Хозяин дома подарил Диме на день рождения поход в кафе. Ну я, ни Дима никогда прежде не пили такого вкусного кофе, как во Вьетнаме. В течение нашего последующего путешествия по этой чудесной стране, нас ни раз угощали шикарным кофе (свежесмолотым и свежесваренным, со сгущенкой и без, со льдом или горячим, но так или иначе – невероятно вкусным). Вьетнам запомнился нам славными людьми, теплым морем и вкуснейшим кофе. В Сайгоне купили Диме новые кроссовки за 40\$ и 12 октября въехали в Камбоджу. С ночевками – никаких проблем, стоит сесть возле какого-нибудь дома, набезит толпа любопытствующих и кто-нибудь да пригласит в гости. Англоговорящих много (по сравнению с предыдущими странами), часто встречаются хорошо англоговорящие, т.к. английские языковые школы в Камбодже стоят всего 3\$ в месяц – это почти всем по карману. Из гастрономических особенностей – вареные семена (орехи) лотоса (как наша фасоль по вкусу), варенье из бананов (слишком сладкое), шашлык из бананов (очччень вкусно!), бананы в кляре, яичница по-камбоджийски, быстрозавариваемая лапша по-камбоджийски и китайские луковые лепешки с капустной начинкой. Шашлык жарится просто – нанизываешь зеленоватые бананы на шампур и жаришь на углях до коричневой корочки. Можно жарить спелые бананы, но их тяжелее на шампуры надевать – ломаются, да и сладкие слишком могут получиться. Бананы в кляре – плющишь досточкой банан до толщины в 5мм, окунаешь в жидкое тесто с кунжутом и бросаешь в кипящее масло. Готовится один банан в сумме меньше минуты. Яичница готовится в маленькой сковородке, несколько секунд разбитое яйцо жарят с одной стороны, как глазунью, потом дважды переворачивают широкой лопаточ-

кой. Тоже меньше минуты на яйцо уходит. Лапшу камбоджийцы как только не готовят. При чем производства эта лапша, как правило, вьетнамского. Мы пробовали камбоджийскую, вьетнамскую, китайскую и русскую быстрозавариваемую лапшу, и думаем, что вьетнамская – самая вкусная. Камбоджийцы, как и вьетнамцы, иногда вместо кипятка заваривают лапшу отваром из овощей, но если у вьетнамцев овощи – это капуста и зелень, то у камбоджийцев – капуста, лук, репка какая-то, батат или картошка, морковка, зелень и что-то еще нами не распознанное. Еще камбоджийцы добавляют в нее сахар, выжимают лимон и иногда уже в заваренную лапшу разбивают сырое яйцо. А еще они ее после заваривания в кипятке могут обжаривать с молодыми соевыми ростками (белые такие). Лапшу здесь едят все и в огромных количествах – как и рис. Китайские лепешки мы встретили только единожды на рынке, их готовили китайки на таких-же мобильных печках-сковородах, как и в Китае. Технология изготовления: Раскатывают лепешку из теста диаметром коло 100, толщиной около 4мм, в центр выкладывают мелконарезанные свежую капусту с зеленым луком так, чтобы горка начинки была размером почти с лепешку, после чего края лепешки стягивают к вершине горки, получая шарик. Теперь скалкой шарик раскатывается в лепешку толщиной около 8-10мм и обжаривают с двух сторон в масле. Очень-очень вкусная штука. Сегодня, 29 октября, день рождения короля Камбоджи, это официальный праздник, его празднуют три дня, так что сегодня даже Таиландское посольство не работает. Мы с Димой сняли номер в гостинице за 6\$, чтобы отдохнуть, выспаться и постираться, завтра сутра чистые и красивые отправимся получать Таиландские визы. Трое с половиной суток мы безбилетно прожили в Ангкор Вате (20\$ в день с человека, это куда годится?), осмотрели и сфотографировали все самые знаменитые храмы, комплексы и развалины (кое-куда приходилось лазить через древние заборы, чтобы не проходить мимо охранников, проверяющих билеты), питались по уже отработанной схеме – покупаем продукты на дешевом рынке и идем в кафе, ресторан, отель или частный дом готовить. Лучше всего – в ресторанах и кафе, там обычно еще какой-нибудь вкусной еды дарят, а уж чай со льдом – это обязательно.

На этом месте дневник обрывается. Я перестала вести его во Вьетнаме, сразу после выздоровления. Тогда я поняла, что уже не вижу смысла в том, чтобы описывать каждый прожитый день. Опыт, полученный мною во время болезни, нельзя было передать словами. И забыть его не представлялось возможным. Зачем писать, если самое важное описать невозможно? Слова далеки от сути явлений. Я решила, что чтение моего дневника принесёт удовлетворение только моим родителям, для которых, как мне прежде казалось, было важно, где мы спим и что едим. Теперь я понимала – для них важнее было знать, что мы живы и здоровы. Как видите, последняя запись охватывает 27 дней, и уже в эти дни я начала писать ту часть книги, которую позже озаглавила «НАЧНЁМ НЕ СНАЧАЛА». Осознавая, что Жизнь не поместится на бумаге, я продолжила писать, чтобы выразить свою благодарность миру. Дневник был моим «спасибо» родителям, а книга стала моим «спасибо» всем добрым людям планеты. Ни одну из глав, написанных в пути, никто, кроме меня и Димы, не читал до нашего возвращения в Новосибирск. Родителям я продолжала раз в месяц отправлять сообщения типа: «живы, здоровы, сейчас в Малайзии». Вот такая история. Всего вам доброго, люди... Будьте счастливы!